Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Л.Р. Габдрафикова

Уездный город Мензелинск

(конец XVIII – начало XX века)

Монография

Казань – 2023

УДК 94(470.41+470.5)"17/19"
ББК 63.3(2Рос-14)
Г 12

Серия «История населенных пунктов Республики Татарстан»

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Научный редактор
действительный член АН РТ,
доктор исторических наук *Р.Р. Салихов*

Рецензенты:
доктор исторических наук *И.В. Маслова*
кандидат исторических наук *Е.В. Миронова*

Габдрафикова Л.Р.

Г 12 **Уездный город Мензелинск (конец XVIII – начало XX века):** монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. – 440 с.; 8 с. ил.

ISBN 978-5-94981-394-2

Мензелинск находится на территории Республики Татарстан. Монография посвящена уездному периоду его истории – с конца XVIII-го до начала XX в. – как бывший форпост превращался в экономический и культурный центр Волго-Уральского региона. В книге анализируется развитие городского социума, трансформация сословных групп, конфессиональное многообразие города, взаимоотношения между обществом и властью, городская повседневность, роль Мензелинской ярмарки в жизнедеятельности горожан и местных органов власти и т.д. Особое внимание уделено социокультурной составляющей уездного города Российской империи: становлению и развитию сферы просвещения и здравоохранения, роли личностного фактора в этих процессах. Книга представляет собой первое комплексное исследование, посвященное истории Мензелинска.

Для специалистов гуманитарного профиля, краеведов, музейных работников и экскурсоводов, и всех интересующихся отечественной историей и культурой.

На обложке: макет уездного города Мензелинска из экспозиции МКМ.

ISBN 978-5-94981-394-2 УДК 94(470.41+470.5)"17/19"
ББК 63.3(2Рос-14)

© Габдрафикова Л.Р., 2023
© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 8
Обзор научной и краеведческой литературы. Источники. Мензелинский острог. Пригород.

Глава 1. Рождение города: Мензелинск в дореформенное время 36

1.1. Становление системы управления 36
Городничие. Земские исправники. Организация Мензелинской городской ратуши. Злоупотребления Мензелинского уездного суда. Почтовая служба.

1.2. Мензелинские привилегии: шляхтичи и дворяне 51
Правовое положение шляхтичей и казаков в XVIII–XIX вв. Численность и занятия шляхтичей Оренбургской губерний в первой половине XIX в. Помещичьи имения мензелинских шляхтичей накануне отмены крепостного права.

1.3. Социально-просветительская сфера уездного города 70
Мензелинские храмы. Первые учебные заведения дореформенной эпохи. Первые учителя Мензелинска. Создание системы здравоохранения в Мензелинском уезде.

1.4. Торговля и городские сословия 87
Мензелинская ярмарка. Мензелинское купечество. Мензелинские мещане.

1.5. Мензелинск и «свобода слова» в эпоху Николая I 98
«Дело Атуева». Дворянско-чиновничьи «игры» Оренбургской губернии.

Глава 2. Город и люди в XIX столетии 107

2.1. Население Мензелинска во второй половине XIX в. 107
Сословия и занятость населения. Конфессии. Общественное призрение.

2.2. Мензелинские домовладения 120
Дома мензелинцев и городская планировка. Основной доход горожан. Школьные помещения дореволюционного Мензелинска.

2.3. Городские пожары и меры борьбы с ними 137
Пожар 13 июля 1825 года и помощь от императора. Пожар 1 мая 1878 года в Мензелинске. Меры органов государственной и местной власти после пожара. Услуги страхования: мошеннические схемы и настоящая помощь.

Глава 3. Мензелинск в пореформенное время: власть и общество 148

3.1. Мензелинская ярмарка и жизнь города 148
Ярмарочная торговля в условиях перемен второй половины XIX века. Предприниматели Мензелинска. Мотор городской жизнедеятельности. «Кормилица» городской управы. Экологические последствия ярмарки.

3.2. Городское самоуправление в 1870–1890-х гг. или «эпоха Попкова» 166
Городская реформа в Мензелинске и деятельность А.Г.Попкова. Мензелинский голова глазами анонимных корреспондентов. Дело о диффамации. Мещанская управа.

3.3. Уездные муллы на городской службе во второй половине XIX в. 182
Приглашенные муллы и проблемы мусульманской общины. Первый мензелинский имам Г. Мухамметвалиев. Строительство мечети.

3.4. Банковское дело в уездном городе 188
Организация Мензелинского городского общественного банка. Ревизии банка и неплатежеспособные клиенты.

3.5. Мензелинская полиция и правонарушения в пореформенное время 195
Полиция в ярмарочном центре. Революционное начало XX в. и мензелинская полиция.

Глава 4. Охрана здоровья в условиях уездного города 207

4.1. Болезни, народные способы лечения и система здравоохранения в Мензелинском уезде 207
Болезни и народные способы лечения. Рост научных знаний о санитарных нормах. Развитие земской медицины.

4.2. Врачи и другие медицинские работники во второй половине XIX – начале XX в. 221
Земские, городские и вольнопрактикующие врачи в Мензелинске и уезде. Кадровая текучесть и некоторые биографические штрихи. Мензелинские аптекари.

Глава 5. Вехи истории мензелинского просвещения 235
5.1. Развитие женского образования во второй половине XIX в. 235
Время реформ – время женщин.
Женское лицо народного просвещения.
5.2. «Городское детище» или Мензелинская мужская прогимназия (1873–1887) 248
Биографические штрихи о некоторых учителях.
Финансовые проблемы учебного заведения.
5.3. Отношение населения к учебе и развитие профессионального образования 260
Ситуация в первой половине XIX века. Перемены пореформенного времени. Профессиональное образование в Мензелинском уезде.
5.4. Социально-экономическое положение учительства пореформенного времени 273
Учительское жалованье. Социокультурные особенности мензелинских учителей.
5.5. Культура чтения в Мензелинске 284
Первая мензелинская библиотека. Библиотекарь Д.Г. Пушков и его проекты. Издательское дело в Мензелинске.

Глава 6. Мензелинск в начале XX века 300
6.1. Городское самоуправление в годы первой русской революции: «захаровцы» и «якимовцы» 300
«Вольнодумцы» и консерваторы местной власти.
Городские выборы и агитация. Судебное разбирательство.
6.2. Татарская община города в начале XX в. 309
Организация официального мусульманского прихода. Конфликт в махалле. Татарская общественная жизнь в Мензелинском уезде.
6.3. Наступление эпохи модернизации 319
Развитие коммуникаций: от почты до телефона.
Технические новинки в повседневной жизни мензелинцев.
6.4. Мензелинский уезд в годы Первой мировой войны 329
Мобилизация. Ситуация в тылу. Солдаты и офицеры из Мензелинского уезда.
6.5. Нереализованные проекты мензелинцев 339
Промышленные инициативы семьи Дубининых.
Планы по строительству железной дороги в Мензелинске.

Глава 7. Вместо эпилога 351
7.1. Трансформации 1917–1919 гг.: рождение советских школ 351
7.2. Мензелинские шляхтичи в первые десятилетия советской власти 356
7.3. Социокультурный потенциал уездного города: выдающиеся ученые из Мензелинска 360
Источники и литература 366
Приложения 382
1. Смоленская шляхта пригородка Мензелинска 382
2. Населенные пункты шляхтичей в Закамье в XVIII веке 382
3. Список жителей города Мензелинска, лишившихся во время пожара домов и имущества. 1825 г. 387
4. Записка Оренбургского дворянского депутатского собрания о жительствующих в Мензелинском уезде шляхтичах. 1835 г. 392
5. Количество шляхтичей в Оренбургской губернии. 1835 г. 394
6. Переписка с епископом Оренбургским и Уфимским об иконе, найденной у ключа, вытекающего из горы около деревни Бережных Челнов Мензелинского уезда. 1852 г. 395
7. Частная жизнь татарской женщины дореформенной эпохи (на примере Мензелинского уезда) 396
8. Народные начальные (земские), миссионерские и церковно-приходские училища Мензелинского уезда. 1880 г. 410
9. Анонимное сообщение из газеты «Волжский листок» о противостоянии гласных Мензелинской городской думы и городского головы А.И. Захарова. 1905 г. 418
10. Анонимное сообщение из газеты «Волжский листок» об особенностях работы Мензелинского городского общественного банка. 1905 г. 419
11. Доверенные из волостей Мензелинского уезда, выбранные для обсуждения магометанской религии и нужд башкирского населения. 1905 г. 420
12. Список выборщиков Мензелинского уезда, избранных для участия в Уфимском губернском избирательном собрании (выборы в Государственную думу). 1906 г. 421

13. Рапорт Мензелинского уездного исправника об устранении от должности имама Поисевской соборной мечети Мензелинского уезда Сахабутдина Гумерова. 1907 г. 422
14. Анонимная газетная публикация о деятельности мензелинского городского головы А.И. Захарова. 1908 г. 424
15. Прошение прихожан Мензелинской соборной мечети в Оренбургское магометанское духовное собрание. 1909 г. 425
16. Ярмарки в Мензелинском уезде. 1910 г. 428
17. Уроженцы Актанышского края на фронтах Первой мировой войны 429
18. Список учащихся Мусульманской школы г. Мензелинска на выдачу продовольственных карточек. 1918 г. 432
19. Воспоминания А.С. Сливко о дореволюционном Мензелинске. 1961 г. 435
20. Воспоминания Ф.Айдашева о газете «Минзәлә иле» (на татарском языке). 1962 г. 437
Список сокращений 439

ВВЕДЕНИЕ

Обзор научной и краеведческой литературы.
Источники. Мензелинский острог. Пригород.

Изучение истории населенных пунктов ставит новые задачи для исследователей: прежде всего, это отход от краеведческого подхода и рассмотрение локальных историй в неразрывной связи с событиями общероссийского характера. Однако это не значит, что историю населенных пунктов следует расценивать лишь как периферийные фрагменты «большой» истории, наоборот данный призыв ставит во главу угла детальное рассмотрение локальной истории и выявление важных моментов прошлого, имеющих значимость не только для краеведческих изысканий.

Многие малые города России до сих пор относятся к наименее изученной области исторической науки. К счастью, в последние годы растет интерес к микроисторическим исследованиям. Например, некоторые населенные пункты Татарстана, в том числе бывшие уездные города, постоянно находятся в научном фокусе современых историков. Имеются отдельные монографии по истории городов Елабуга, Тетюши, Лаишев[1]. Есть научный интерес и к истории других городов Волго-Уральского региона (Чистополь, Бугульма и т.д.). В целом, каждый уездный город имеет свое уникальное историко-культурное наследие, необходимо лишь детальное изучение и бережное отношение местных жителей к прошлому своего края.

По своим экономическим показателям и насыщенности общественно-культурных событий уездные центры уступали губернским городам. Эта особенность уклада жителей малых городов отразилась и на исторических источниках: о них не так часто упоминается как в делопроизводственных документах, так и в периодической

[1] Маслова И.В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в. М., 2010; Миронова Е.В. Уездный город Тетюши во второй половине XIX – начале XX века. Казань, 2015; Её же. Лаишевский уезд в середине XIX – начале XX века. Казань, 2022.

печати. То же самое можно сказать о фото- и эго-материалах. В маленьких городках проживало не так много пишущей публики, способной и имеющей время для того, чтобы фиксировать собственные наблюдения и впечатления. Мензелинск был одним из таких уездных городов Российской империи.

В 1781 г., в результате городской реформы Екатерины II, Мензелинск получил статус уездного города Уфимского наместничества. 8 июня 1782 г. императрица утвердила герб Мензелинска. На верхней части щита был изображен герб Уфы (куница), а в нижней – летящий золотой кречет, «в знак изобилия такого рода птица в этих краях»[2]. Особую известность городу принесла Мензелинская ярмарка, которая на протяжении всего XIX в. играла важную роль в торговой жизни страны. Вся жизнедеятельность города была связана с этим ежегодным событием.

В пореформенное время Мензелинск по численности был типичным провинциальным городом. В разные годы в нем проживало около 4–7 тысяч жителей. Впрочем, географ В.П. Семенов-Тян-Шанский на рубеже XIX–XX вв. приписал Мензелинск к «истинным городам»[3], в качестве основных критериев он брал людность (не менее 1 000 человек) и торгово-промышленный оборот (не менее 100 тыс. руб.). Конечно же, каждый «истинный город» заслуживает отдельного исследования.

Обзор научной и краеведческой литературы. История Мензелинска привлекала внимание исследователей еще в дореволюционное время. Первым такого рода исследованием является статья учителя Мензелинского уездного училища И.Шляпникова, опубликованная в 1816 г. в газете «Казанские известия»[4]. В ней автор дает характеристику населению города: численности и роду занятий, а также останавливается на внешнем облике уездного центра. Следующим трудом, отличающимся богатым содержанием и глубоким анализом

[2] Городские поселения Российской империи. Т.3. СПб., 1863. С.452.
[3] Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С.516.
[4] Шляпников И. Статистическое и топографическое описание Мензелинска // Казанские известия. 1816. 9 сентября. №73.

материала, является статья мензелинского врача Н.С.Иванова[5], изданная уже в 1850-м г. Эта статья отличается от предыдущей публикации тем, что Иванов проанализировал еще доходы и расходы горожан, отмечал увеличение малоимущего населения в городе. Между тем, набиравшая обороты Мензелинская ярмарка, по его словам, оказывала влияние на все городское устройство. В статье В.Д. Курбатова основное внимание уделяется как раз описанию ярмарочного времени. Автор отметил как положительные стороны, так и негативные последствия ярмарки[6]. В этот период отдельные моменты из истории Мензелинска нашли отражение в публикациях уфимского краеведа Р.Г. Игнатьева[7]. В 1867 г., по поручению Уфимского губернского статистического комитета, Руф Гаврилович приезжал даже в Мензелинск для исследования местного архива, он искал материалы по истории ярмарки. В результате, в 1868 г. он опубликовал статью, но ему так и не удалось установить точную дату возникновения Мензелинской ярмарки. Самый ранний документ, обнаруженный исследователем в мензелинском архиве, датировался 1710 годом[8]. Публикация другого уфимского исследователя В.М. Лоссиевского-Уфимского от 1884 г. привлекает цельностью и богатым содержанием. Как и многие предшественники, автор уделил внимание истории возникновения города. Но значительный интерес представляют описанные им события недавнего времени, например, пожар 1878 г.[9]

К концу XIX в. сложился определенный «словесный портрет» города Мензелинска (в особенности, история строительства крепости) и этот набор фактов стал кочевать из одной публикации в другую. Сведения об основании Мензелинска в конце XVI в. в качестве

[5] Иванов Н.С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // Журнал МВД. 1850. Январь. Ч. 29. С. 22–38.

[6] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.56–67

[7] Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Том I. Оренбург, 2011.

[8] Роднов М.И. История Татарстана в трудах Руфа Игнатьева // Научный Татарстан. 2012. №.2. С.103.

[9] Лоссиевский-Уфимский В.М. Основание г. Мензелинска // Уфимские губернские ведомости. 1884. 28 апреля. №17

военного острога можно найти и в памятных книгах Уфимской губернии[10], энциклопедиях того времени. Упоминает об этой дате в своем знаменитом труде, написанном в 1880-е гг., татарский историк и богослов Шигабутдин Марджани[11].

Сюжеты из истории Мензелинска в дореволюционное время фигурировали и в других научных трудах, в том числе в работах общероссийского характера. Например, ценную информацию о населении города, о сословном составе и роде деятельности горожан дают обобщающие работы, написанные на основе ревизий или переписей, а также иных статистических материалов[12].

Дореволюционных историков Мензелинск интересовал в связи с колонизацией Оренбургского края и сопутствующими этому процессу вооруженными антиправительственными выступлениями XVII–XVIII вв., событиями Пугачевского восстания и т.д. Упоминания о городе в этих трудах очень краткие, в основном Мензелинск в них фигурируют лишь как место пребывания того или иного военного начальника[13].

Большой интерес представляет ряд специальных трудов, составленных на основе архивных документов, где авторы весьма бережно обращались с первоисточниками. Например, одной из таких книг, составленной Д.Поляновым, является сборник наказов в Уложенные комиссии Екатерины II. Представленные здесь наказы некоторых мензелинских депутатов дают определенные сведения о

[10] Краткие исторические сведения о городах Уфимской губернии / Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896.

[11] Мәржани Ш. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан, 1989. Б.97

[12] Арсеньев К.Е. Статистические очерки России. СПб., 1848; Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т.2, часть 2. М., 1902; Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1. СПб., 1911.

[13] Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии нынешнем ее состоянии. М., 1837; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887; Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1. Казань, 1897; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Очерк из истории колонизации края. Одесса, 1882; Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859; Юдин Л. К истории пугачевщины // Русский архив. Т.5. М., 1896.

социально-экономической жизни горожан в первой половине XVIII в.[14] По такому же принципу составлены книги по истории Казанского университета начала XIX столетия. Инспектора императорского учебного заведения контролировали процесс обучения во всех народных училищах Волго-Уральского региона, в том числе и в Мензелинске. Поэтому история функционирования самого первого учебного заведения в Мензелинске – уездного училища нашла свое отражение и в университетской летописи[15].

Отличительной особенностью Мензелинска от многих других уездных городов было то, что в нем проживало большое количество дворян. Многие из них были связаны со шляхтичами. Изучению дворянских родов в дореволюционное время придавалось большое значение, упоминания о некоторых мензелинских благородных фамилиях можно найти в работах по исторической генеалогии. Самым значительным трудом по истории уфимского дворянства является книга В.Новикова, изданная еще в 1879 г.[16] Ценность её связана еще и с тем, что в уфимском архиве не сохранился фонд местного дворянского собрания и поэтому восстанавление истории благородного сословия Уфимской губернии требует дополнительных источников. Отдельные сведения могут быть почерпнуты из других архивных фондов или же опубликованных материалов. Так, некоторую информацию о мензелинских дворянах Будриных мы обнаружили в «Родословных записках» Л.М. Савелова[17].

Помимо истории благородных фамилий, строительства крепости, ряда событий противоречивого XVIII столетия, немало страстей вызывала и действительность века XIX-го, в особенности – время буржуазных преобразований: в публикациях тех лет активно обсуждались все плюсы и минусы российских реформ, практика

[14] Полянов Д. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Т.1. СПб., 1869.

[15] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т.3. Казань, 1903; Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. 1805–1819. Т.1. СПб., 1904.

[16] Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879.

[17] Савелов Л.М. Родословные записки. Т.1. М., 1906.

органов управления сравнивалась с опытом зарубежных стран и т.д. В одной из таких работ о муниципальном управлении фигурируют «отцы города» Мензелинска. К сожалению, С.А. Приклонский обратил внимание не на позитивный опыт маленького уездного центра, а к некоторым негативным последствиям пореформенных лет[18].

Таким образом, дореволюционный этап историографии Мензелинска имеет довольно разнообразный характер и представлен литературой, как по истории самого города, так и по истории отдельных периодов его развития и общественных сфер.

Советский период изучения истории Мензелинска был менее насыщенным. На данном этапе приоритетными считались темы, касающиеся революционной борьбы народных масс с классом эксплуататоров. Специальных научных работ на материалах города Мензелинска в советские годы не выходило. В брошюре краеведческого характера «Мензелинская быль», вышедшей в 1970 г., основное внимание, в соответствии с установками этого времени, было уделено революционным событиям начала XX в.[19] Были отражением той же генеральной линии (освещение «борьбы трудящихся масс с эксплуататорами») книги о различных восстаниях царского времени. В этой связи любопытна монография С.Х. Алишева о Пугачевском восстании, где речь идет и об осаде Мензелинской крепости в 1773–1774 гг.[20] Впрочем, даже в этот период встречались труды на другую тематику. Например, в монографии У.Х. Рахматуллина о населении Закамья и Приуралья прослеживается динамика развития различных социальных групп на протяжении нескольких веков, в том числе мензелинских шляхтичей и казаков[21]. В монографии А.Г.Каримуллина о дореволюционной татарской книге приводятся сведения о типографиях уездного Мензелинска, а также впервые упомянуто о татарском книгоиздательском обществе «Сагадат»[22].

---

[18] Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886.

[19] Белокопытов В., Остроумов Я., Сафин М. Мензелинская быль. Казань, 1970.

[20] Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973. С.98–100.

[21] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988.

[22] Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974.

Большое внимание региональной истории стало уделяться в годы перестройки и уже в постсоветское время. Так, в Татарстане в начале 1990-х гг. была проведена огромная работа по изучению историко-культурных памятников. Благодаря архивным поискам коллектива авторов была изучена история строительства церквей и единственной мечети в Мензелинске, а также история отдельных историко-культурных объектов (общественных зданий, частных домов и т.д.)[23].

В этот период основными направлениями исторических исследований стали проблемы местного управления и самоуправления, предпринимательства и других сословий. Активно изучались и собственно городское население, и инфраструктура города. История Мензелинска рассматривалась, в основном, в рамках исследований по Уфимской губернии[24]. Кроме того, некоторые эпизоды мензелинской истории проанализированы и в историко-этнографических работах А.Н. Зорина, посвященных городам Среднего Поволжья[25].

На основе широкого круга архивных и опубликованных источников разрабатывал свои труды по истории Восточного Закамья, в

[23] Салихов Р., Хайрутдинов Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань, 1994; Липаков Е.В. и др. Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). Казань, 1998.

[24] Самородов Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии: вторая половина XIX- начало XX вв. Стерлитамак, 1999; Уразова А.И. Города Южного Урала во второй половине XIX в. Автореф. дисс. … к.и.н. Уфа, 2002; Емалетдинова Г. Городское самоуправление на Южном Урале: вторая половина XIX – начало XX века. Уфа, 2003; Дегтярев А. Кустарное производство и товарно-денежное обращение в Уфимской губернии. М., 2006; Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006; Никитина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – нач. XX вв. Дисс. … к.и.н. Уфа, 2009; Габдрафикова Л.Р. Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местного самоуправления. Казань, 2013; Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.). Дисс. … д.и.н. Екатеринбург, 2018.

[25] Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции вт. пол. XVI – нач.XX вв. Казань, 2001.

том числе и Мензелинского уезда, ученый из Набережных Челнов В.В. Ермаков[26]. На сегодняшний день его монографии являются единственными в своем роде серьезными трудами, посвященными истории Мензелинского края.

Также в постсоветское время вновь появляется интерес к ранней истории городов-крепостей Волго-Уральского региона, в том числе и Мензелинского острога. В этом направлении многие годы ведет свои разработки уфимский историк Р.Г. Буканова[27], имеются интересные публикации и у казанских авторов[28].

Проблеме помещичьих землевладений Мензелинского уезда, ярмарочной торговли и транспортной коммуникации Мензелинска посвящены некоторые труды уфимского историка М.И. Роднова. Они раскрывают малоизвестные страницы истории мензелинского дворянства и купечества[29].

В последние годы в отечественной науке растет интерес к микроистории, которая дает возможность высветить в деталях историю

---

[26] Ермаков В.В. Крестьянство Восточного Закамья (с древнейших времен до 1917 года). Набережные Челны, 2000; Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Казань, 2008.

[27] Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010.

[28] Саначин С.П. Городские укрепления на территории Татарстана в описании XVIII века подполковника А.И.Свечина и гипотезы их местоположения // Первые Кремлевские чтения. Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России. Материалы конференции 20–21 ноября 2008 г. Казань, 2010. С.152–153; Его же. Экспедиция Сенатской комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань, 2018.

[29] Роднов М.И. Материалы по истории Мензелинского уезда Уфимской губернии на страницах «Уфимских губернских ведомостей» во второй половине XIX века // Эхо веков. 2009. №1. С. 170–172; Его же. История Татарстана в трудах Руфа Игнатьева // Научный Татарстан. 2012. №.2. С.101–116; Его же. Новые материалы о помещичьем хозяйстве в Мензелинском уезде накануне отмены крепостного права // Вестник СамГУ. 2012. №2/2. С.72- 82; Его же. Роль Мензелинска в хлебной торговле и транспортных коммуникациях на рубеже XIX–XX веков // Роднов М.И. Различные статьи последних лет [Электронный ресурс]. https://geum.ru/next/art-217583.leaf-17.php (дата обращения 26.11.2023).

небольших территорий. В связи с этим нужно отметить и другие наши публикации 2011–2022 гг., посвященные различным аспектам истории Мензелинска XIX – начала XX вв. Изучение истории населенных пунктов Татарстана было поддержано научными программами Института истории им. Ш.Марджани АН РТ[30]. Основные положения этих тезисов и статей вошли и в данную монографию.

[30] Габдрафикова Л.Р. Социально-экономическое положение Мензелинска в пореформенное время // История и культура народов Поволжья: региональные аспекты исследования: сборник статей. Казань, 2011.С.140–148; Её же. Мензелинская ярмарка (вторая половина XIX – начало XX века) // Малые и средние города России: прошлое, настоящее, будущее: материалы конф. Елабуга, 2013. С.63–66; Её же. Роль личности в городском самоуправлении: на примере Мензелинского головы А.Г.Попкова (1874–1894) // Власть в российской провинции в XIX в. (на материалах Южного Урала): историко-антропологический подход: сб. науч. трудов / научн. ред. Н.Л.Семенова. Стерлитамак, 2015. С. 27–39; Её же. Лица и настроения уездного города (на примере Мензелинска XIX – нач. XX в.) // Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем: Сб. научных статей. Елабуга, 2015. С.66–69; Её же. «Жизнь текла тихо и медленно, и время измерялось не датами календаря...» (Новые штрихи к истории уездного города Мензелинска) // Эхо веков. 2016. №1/2. С.178–184; Её же. Народное образование в Мензелинске (XVIII – начало XX вв.) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: сб. науч. ст. / сост. И.В. Маслова и др. Елабуга, 2017. С.44–47; Её же. Уездный город Мензелинск в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Историческая этнология. 2018. №1. С.126–136; Её же. Промышленные инициативы мензелинской семьи Дубининых на рубеже XIX–XX вв. // Российская провинция как отражение исторических, социокультурных изменений в обществе. X Ушковские чтения. сб. научн. статей. Менделеевск, 2018. С.13–17; Её же. Культура чтения в Мензелинске во второй половине XIX – начале XX вв. // Научный Татарстан. 2018. №1. С.54–62; Её же. Мензелинский уезд в годы Первой мировой войны // Гуманитарные науки в XXI веке. 2019. №12. С.36–42; Её же. О «свободе слова» в эпоху Николая I (на примере Мензелинского уезда) // Историческая этнология. 2020. Т.5, №3. С.450–459; Её же. Мусульманская община уездного города Мензелинска (вторая половина XIX – начало XX в.) // Эхо веков. 2020. №1. С.66–77; Её же. «Преподавание всех предметов должно вестись на материнском языке» (трансформация школьного образования в Мензелинске в эпоху революции (1917–1919) // Эхо веков. 2021. №2. С.70–80; Её же. Мензелинские шляхтичи в конце XVIII – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного

Кроме того, необходимо обратить внимание на труды, подготовленные учеными Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за последние годы, также посвященные истории Закамья и Приуралья[31].

Важная работа в этом направлении велась и ведется краеведами. Большую роль в сохранении исторической памяти сыграли учителя мензелинских школ, которые еще в советские времена собирали воспоминания старожилов о дореволюционном времени. Так, одна из таких работ хранится сегодня в фондах Мензелинского краеведческого музея. Мензелинские разработки постсоветских лет, судя по всему, собраны в краеведческом издании 2006 г. «Мензелинск: история и современность»[32]. Последний труд представляет собой своеобразный калейдоскоп, где предпринята попытка охватить все. Но отсутствие единой концепции и ссылок на источники несколько умаляют значение этого труда. Тем не менее, любительские работы являются подспорьем для дальнейших разработок.

Подытоживая обзор литературы о Мензелинске можно сказать, что его история в разной степени затрагивалась в самых различных трудах. Но, за исключением краеведческих изданий, история этого маленького города никогда не становилась предметом отдельных исследований. Между тем, дореволюционная «биография» Мензелинска, прошедшего любопытные стадии развития: от крепости к уездному городу, и получившего известность в качестве центра знаменитой Мензелинской ярмарки, заслуживает более пристального внимания.

педагогического университета. 2022. №3 (43). С.86–97; Её же. Купцы Стахеевы в истории уездного города Мензелинска // Научный Татарстан. 2022. №2. С.11–16.

[31] Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань, 2021; Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.). Казань, 2021; Татарские селения Юго-Восточного Закамья: очаги просвещения и культуры / отв. ред. А.И.Ногманов. Казань, 2019; Родники жизни = Тормыш чишмәләре = Springs of life / научно-популярное изд. Казань, 2019.

[32] Мензелинский край: история и современность / Сост. Ю.Ю.Юсупов, М.Н.Сафиуллин. Мензелинск, 2006.

Для восполнения этого пробела и реконструкции более полной картины жизни города мы воспользовались не только вышеприведенной литературой, но и источниками различного происхождения.

Источники. В первую очередь, это законодательные и нормативно-правовые акты, представленные в различных собраниях и сборниках. В них, в частности нашли отражение законы о сословном статусе мензелинских шляхтичей и другие вопросы[33].

Архивные материалы представлены, в основном, делопроизводственными документами. Например, в Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ) сохранился фонд Мензелинской городовой ратуши (ф.1248). Журналы ратуши открывают малоизвестные страницы истории конца XVIII – начала XIX века. Кроме того, документы дореформенного времени (например, о купечестве Мензелинска) содержатся и в фонде Оренбургской казенной палаты (ф.138) Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ), Мензелинского нижнего земского суда (ф.1243) в ГА РТ.

Поскольку Уфимская губерния до 1865 года входила в Оренбургскую губернию, некоторые делопроизводственные документы, в основном первой половины XIX века, отложились в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) в фонде канцелярии Оренбургского военного губернатора (ф.6). Среди них – документы об открытии Мензелинской ратуши, Мензелинской городской думы, различные переписки о мензелинских чиновниках и пр.

Своеобразным продолжением дела ратуши являются материалы Мензелинской городской думы последней трети XIX – начала XX века. Журналы Мензелинской думы хранятся в фонде канцелярия Уфимского гражданского губернатора (ф.И-11) в НА РБ. В журналах имеются ценные сведения о жизни города: вопросы благоустройства,

[33] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т.4. Пб., 1856; Законы о состояниях (Св. зак. Т. IX, изд. 1899, по прод.1906, 1908 и 1909 гг.) / Сост. Я.А.Кантрович. СПб.: Право, 1911; Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т.23. СПб., 1905; Полное собрание законов Российской империи. Т.9. СПб., 1830; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.115. СПб., 1903. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.32. СПб., 1881.

землепользования и недвижимости, устройства ярмарки, содержания полиции и пожарной команды, общественного банка, учебных заведений и т.д. Кроме того, отдельные документы Мензелинского общественного управления этого периода отложились в небольшом фонде Мензелинской городской управы (ф.571) в ГА РТ.

Материалы такого же характера содержатся и в опубликованных материалах земских органов самоуправления. Журналы очередных и чрезвычайных заседаний, постановления Мензелинского уездного земства печатались в виде отдельных изданий с 1880-х годов[34]. История деятельности Уфимского губернского земства была выпущена в виде специальной брошюры к юбилею земских органов самоуправления[35]. Отдельная информация о Мензелинске имеется и в журналах центральных органов управления[36].

---

[34] Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань, 1885; Журналы XI очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 22 по 28 октября 1885 г. Казань, 1886; Журналы XIV очередного Мензелинского уездного земского собрания с 11 по 18 октября 1888 г. и доклады управы с приложениями к ним. Казань, 1889; Журналы чрезвычайного Мензелинского уездного земского собрания созыва 27 апреля 1885 года с докладами управы и приложениями. Казань, 1885; Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXV очередной сессии с 18 октября по 2 ноября 1899 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1900; Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXII очередной сессии с 5 по 16 октября 1896 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1897; Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной сессии с 30 сентября по 13 октября 1904 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1905; Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909.

[35] Очерк деятельности Уфимского губернского земства (к 50-летию введения земских учреждений). Уфа, 1914.

[36] Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по департаменту земледелия и лесному департаменту. СПб., 1908; Журнал МНП. 1860. №10. Т.108. СПб., 1861.

История уездного города сохранилась и на страницах различных канцелярских дел и переписок, охвативших ежедневные заботы мензелинцев различных поколений[37].

Мензелинск отличался от многих уездных городов своими учебными заведениями. Первое училище в городе открылось еще в середине XVIII века, к концу XIX столетия в уездном центре их уже было несколько.

Любопытные документы о Мензелинске отложились в фонде Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения (ф.733) в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Например, документы об учителях Мензелинского уездного училища первой половины XIX в. (различные прошения, формулярные сп иски и т.д.) раскрывают социально-экономическое положение преподавателей, их происхождение и профессиональную подготовку, служебные заслуги.

В ГА РТ по истории народного просвещения сохранились весьма небольшие по объему фонды: Мензелинского городского 4-х классного училища (ф.1253), Мензелинского реального училища (ф.1255), Родительского комитета при Мензелинском реальном училище (ф.483). В них, в основном, содержатся списки учителей и ведомости по выдаче жалованья. Лишь в фонде родительского комитета имеется ряд переписок, в которых отразились тяготы горожан времен Первой мировой войны. Развернутые сведения имеются и в опубликованном отчете Мензелинской прогимназии за 1885/1886 г.[38] Данное классическое учебное заведение в 1880-е гг. было предметом гордости местной интеллигенции, однако в силу ряда обстоятельств его вскоре преобразовали в городское училище.

Сведения статистического характера имеются в фонде Уфимского губернского статистического комитета (ф.И-148) в НА РБ, а также в ежегодных обзорах Уфимской губернии (готовились губернской канцелярией)[39] и других опубликованных материалах как

[37] НА РБ. Ф.И-2. Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. Оп.1. Д.15241, Д.15242; ГА РТ. Ф.1244 – Мензелинское уездное полицейское управление. Оп.1. Д.2.

[38] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887.

[39] Обзор Уфимской губернии за 1881 год. Уфа, 1883.

по Уфимской губернии, так и по всей России[40]. К этой же группе источников можно отнести различные справочные материалы: энциклопедии, словари, списки, историко-географические путеводители, памятные книги и адрес-календари губерний[41].

Уникальную группу источников составляют материалы региональной[42] и столичной периодической печати[43]. В публикациях различных корреспондентов – жителей Мензелинска содержатся самые разнообразные сведения из жизни пореформенного периода: как официальные сообщения, так и частные мнения о наиболее заметных городских фигурах. Эти заметки служат дополнением к имеющейся информации и дают возможность немного «очеловечить» историю Мензелинска с помощью эмоциональных оценок современников событий.

---

[40] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т.1. Города. Казань, 1887; Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1884.

[41] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб., 1915; Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001; Городские поселения Российской империи. Т.3. СПб., 1863; Россия: Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П.Семенова. Т.5. Урал и Приуралье. СПб., 1914; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. Т.2. СПб., 1863; Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства в XVII столетии. СПб., 1902; Музыкальный словарь Римана. СПб., 1901; Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865; Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. Уфа, 2002; Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, 1877; Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883; Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896. Адрес-календарь и справочная книга Уфимской губернии за 1897 год. Уфа, 1896; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917.

[42] Волжский вестник. 1885, 1886, 1887, 1894, 1895, 1896; Казанские известия. 1816, 1818; Казанский биржевой листок. 1869, 1879, 1887, 1890, 1891; Камско-Волжская речь.1908; Уфимские губернские ведомости. 1876, 1884, 1892, 1900; Уфимский край. 1908.

[43] Русская школа. Общепедагогический журнал для семьи и школы. 1893, 1894, 1896, 1897, 1898; Русская старина. Т.28. 1880. №5; Трудовая помощь. 1901.

Источники личного происхождения отложились как в государственных архивных фондах, так и в личных собраниях. Любопытные материалы личного характера отложились в фонде Партийного архива Татарского обкома КПСС (ф.П30) в ГА РТ. Среди множества формально составленных автобиографий и воспоминаний иногда встречаются оригинальные мемуары. Например, заслуживает отдельного внимания записки уроженца Мензелинска А.С.Сливко (кандидата философских наук, доцента Омского государственного педагогического института), составленные им в 1960-е г. Несмотря на то, что от описываемых событий автора разделяли почти полвека, в его рассказе есть дух ушедшей эпохи, узнаваемые исторические лица и события. Отдельные фрагменты этих мемуаров были нами опубликованы в журнале «Гасырлар авазы–Эхо веков»[44].

Безусловно, почти все воспоминания советского времени были втиснуты в определенные идеологические рамки. Не лишены этого и записки сыновей Д.Н.Тяжельникова, и бывшей гимназистки А.К.Подногиной[45]. но, тем не менее, отдельные эпизоды (факты, эмоциональные оценки частого характера) мемуаров служат дополнением к известным сюжетам.

В личном архиве кандидата исторических наук, заведующей отделом истории родного края Национального музея Республики Башкортостан В.Н.Макаровой хранятся воспоминания Евгении Николаевны Сокуровой – внучки мензелинского купца Перминова (в его доме ранее размещался Мензелинский краеведческий музей). Эти воспоминания были любезно предоставлены нам Верой Николаевной. Часть воспоминаний Е.Н.Сокуровой опубликована в журнале «Чудеса и приключения»[46].

В архиве Челябинского истпарта отложились воспоминания врача Ф.Т. Розенгауза, написанные им в 1929 г. Федор Тимофеевч служил городским врачом в Мензелинске на рубеже XIX–XX вв.

[44] Габдрафикова Л.Р. «Жизнь текла тихо и медленно, и время измерялось не датами календаря...» (Новые штрихи к истории уездного города Мензелинска) // Эхо веков. 2016. №1/2. С.178–184.

[45] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. ДД. 2753, 2250.

[46] Сокурова Е. Паломничество в Мензелинск // Чудеса и приключения. 1997. №12. С.50–51.

Этот период жизни, связанный с революционным 1905 г., тоже получил некоторое освещение в его мемуарах. Документ был введен в научный оборот в 2000 г.[47]

Приведенный выше обзор литературы и источников по истории Мензелинска и Мензелинского края свидетельствует о том, что исследователям еще предстоит раскрыть весь историко-культурный потенциал этого древнего населенного пункта. Мы надеемся, что представленная научная работа станет одним из шагов в этом направлении.

Сразу оговоримся, что наша исследовательская работа была сконцентрирована, главным образом, на истории пореформенного времени, второй половины XIX – начала XX вв. Но вместе с тем мы не могли обойти и отдельные сюжеты по истории дореформенного и более раннего времени, когда это было достаточно подкреплено документальной базой. Однако подробная история Мензелинска XVII–XVIII вв. еще ждет своего исследователя. Поэтому во вводной главе обозначим лишь некоторые штрихи к этому периоду, чтобы оозначить предысторию описываемых событий основных глав.

Мензелинский острог. Мензелинск возник как военное укрепление в ходе колонизации Закамья и Приуралья, поэтому первыми его жителями были служилые люди из числа стрельцов и казаков. Мензелинский острожек, стоявший на трех реках Мензеле, Кучкане и Скородумке, построен в конце XVI столетия как сторожевой пункт[48]. Большинство авторов временем возникновения военной крепости указывают 1583–1586 гг. Она служила укрытием от набегов тюркских и других народов[49]. В это время Мензелинск входил в состав Казанского уезда.

Мензелинская крепость имела важное стратегическое значение в колонизации Волго-Уральского региона. Через будущий город

---

[47] Калинкина Е.А. Ф.Т. Розенгауз – врач и общественный деятель // Magistra vitae: электронный журнал по истории и археологии. 2000. №1 (11). С.125–126.

[48] Лоссиевский-Уфимский В.М. Основание г. Мензелинска // Уфимские губернские ведомости. 1884. 28 апреля. №17.

[49] Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. Уфимская губерния, 1877. Уфа, 2002. С.72; Лоссиевский-Уфимский В.М. Указ. соч.; Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан, 1989. Б.97.

позднее была проведена линия специальных укреплений – Закамская засечная черта. Строительство этого укрепленного рубежа была завершена лишь к концу 1657 г. Линия протянулась на 250 км от Белого Яра на Волге до Мензелинска, куда вошли еще такие населенные пункты как Ерыклинск, Тиинск, Шешминск, Новошешминск, Кичув, Заинск[50]. В XVIII в. засечную черту называли Старой Закамской линией, т.к. границы империи стремительно продвигались на восток.

При этом московские завоеватели часто выбирали в качестве форпостов уже существующие населенные пункты, ведь у них было удобное местоположение, чаще всего – на берегах рек. Например, по плану Мензелинска видно, что город формировался не по радиально-лучевой планировке, характерной для крепостей, а имел, в своей основе, четкие параллельные улицы. Этим свойством отличались города, бывшие раньше селами. Конечно, следует учитывать, что после пожара 1878 г. план Мензелинска был подвергнут некоторым изменениям, но вряд ли они носили определяющий характер. Уфимский краевед Р.Г. Игнатьев в «Кратком историческом известии о городах Уфимской губернии» в 1870-х гг. о Мензелинске писал следующее:

«местность, вероятно, была населена издревле: близ города на берегу реки Ика есть гора, называемая Крестовою, с остатками на ней земляных укреплений, теперь осыпавшихся и заросших вековыми деревьями»[51].

Тем не менее, официальной датой основания города все же считается время постройки крепости – конец XVI столетия, а её основателем – первый воевода, боярин Одоевский.

Первыми поселенцами города-крепости Мензелинска в конце XVI в. стали 100 стрельцов[52]. Закамское стрелецкое войско попол-

[50] Галлямов Р.Р. Причины и последствия строительства Закамской засечной линии в 1652–1656 годах // Из истории Альметьевского региона. Альметьевск, 1999. С.67.

[51] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, 1877. С.143.

[52] Для обустройства на новой местности им было выдано денег в размере 8 руб. (на строительства дома и дворовых построек), выделено 20 четв.

нялось как за счет подросших детей самих стрельцов, так и военных из внутренних городов страны; а также в их ряды вступали бывшие землепашцы. Например, были переведены в служилое сословие дворцовые пашенные крестьяне. Стрельцы, как штатные военнослужащие, должны были получать жалованье, но в Закамье они жили за счет своего хозяйства, т.е. обеспечивали себе пропитание сами[53]. Из стерльцов состояла первая регулярная армия, командовали их отрядами бояре и их дети.

Первоначальный Мензелинский острог представлял собой пять башен, одна из которых была с проезжими воротами и вышкой. Но этот острог, очевидно, не всегда защищал от постоянных нападений воинственных тюркских народов. Вскоре был возведен новый острог, чуть выше старого, тоже на реке Мензеле. Он считался самой большой крепостью на всей Закамской линии. В нем уже имелись две проезжие башни с вышками, несколько глухих башен и еще несколько выходов с башнями. Для защиты нового острога стрельцы применяли два медных пищаля, из которых они стреляли с помощью пороха и ядер. Река Мензеля и обрывистые берега ручьев Кучанки и Скородумки выступали как еще одна защитная линия острога[54]. Внутри деревянного острога располагались воеводская канцелярия, дом воеводы (приказная изба), жилые дома стрельцов.

Ко второй половине XVII в. гарнизонах Закамских крепостей появляются казаки, они тоже набирались из свободных людей и вошли в нерегулярную армию. Тем не менее казаки по своему социально-экономическому положению были очень близки к стрельцам.

пашенной земли и сенных покосов, а также семенного хлеба: по 3 чети ржи и 5 чети овсы каждому стрельцу. Эта была обычная норма материального довольства служилых людей городов-крепостей Уфимского уезда того времени (Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С.167). В переводе на современные меры исчисления – каждый стрелец получал примерно 10,9 га земли, и 9,21 кг ржи, 15,35 кг овса на посев. Если учесть, что при отмене крепостного права средний крестьянский надел составлял 3,5 га земли, то земельное довольствие стрельцов было чуть выше среднего.

[53] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С.50.

[54] Россия: Полное географическое описание нашего отечества… С.530.

Неудивительно, что в случае Мензелинска, эти две категории быстро слились в одну социальную группу. По мере развития Закамской черты казаков для крепостей этой оборонительной линии набирали из ближайших крепостей (Лаишев, Тетюши, Старошешминск) и из других областей страны[55]. К 1653 г. число всех стрельцов и казаков на всей Закамской линии составляло 1271 чел.[56]. Если учесть, что все они имели семьи, то общее число стрелецкого и казачьего населения было значительно выше.

Время от времени в крепость отправлялись новые отряды казаков и стрельцов. Например, в 1676 г., во время так называемого Сеитовского бунта, в помощь держащему осаду Мензелинскому острогу были направлены отряды яицких казаков. В 1682 г. в Мензелинскую крепость царским указом, «для предохранения столицы от могущего возникнуть мятежа», были переселены московские стрельцы (913 чел.). Однако вскоре мензелинский полк этих стрельцов перевели в Казань[57].

Как отмечал В.В. Ермаков, «в 60-е гг. XVII в. изменилась структура управления Закамской чертой. Оно было в значительной степени децентрализовано. Мензелинск приобрел самостоятельное значение. Белый Яр и Ерыклинск были переданы под управление симбирских воевод. Остальные крепости оставались в подчинении властей Казани»[58]. Как и Уфа, Мензелинск стал центром для служилых людей, отправлявшихся на поселение из Центральной России. Потомки этих служилых людей, впоследствии, составили основу местного дворянства[59].

---

[55] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Ч.1. Казань, 2008. С.102.

[56] Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С.50.

[57] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т.4. СПб., 1856. С.409, 416.

[58] Ермаков В.В. Строительство и заселение Закамской оборонительной черты // Восточное Закамье в XVII веке: Сборник документов и материалов / сост. В.В.Ермаков, Ю.Н.Иванов. Казань, 2006. С.42.

[59] Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С.32–33.

Первым лицом крепости был воевода. Например, в 1651 г. мензелинским воеводой служил казанец Козицын Семен Иванович. Воеводы назначались лишь на короткий срок, менялись довольно часто. Так воевода Волконский Федор Федорович прослужил в Мензелинской крепости меньше месяца, с октября по ноябрь 1663 г. До этого он служил в Уфе, Киеве, Путивле, Калуге и других городах[60]. Исследователи родословной Волконских пишут, что он находился в Мензелинске даже в начале 1665 г. и скончался в феврале того же года в Казани.

«Царь, за многие службы его, послал вдове его из Приказа Казанского дворца 200 р. на погребение и «шубу бархатну золотную на соболях, ценою в 200 рублей, чтобы тою шубою покрыть гроб мужа», – вспоминали потомки воеводы[61].

По закону 1672 г. было запрещено назначать воеводами лиц, которые имели в том же городе / местности вотчину или поместье[62]. Поэтому данную должность занимали приезжие дворяне. На примере Мензелинска можно увидеть, что и до закона 1672 г. воеводами являлись не местные служилые люди. Воеводы отвечали за сбор ясака, были своеобразными посредниками между местным населением и центральной властью. Конечно, они их обязывали следить за крепостью и другими военными укреплениями, отвечали они и за правопорядок. Функционал воеводы был довольно широким. В воеводском доме или приказной избе, а также воеводской канцелярии Мензелинского острог, кроме самого воеводы, трудились дьяк (его подпись должна была стоять почти на каждом документе), подьячие и приставы. Кроме того, для сбора налогов привлекались выборные люди из народа.

Важной вехой в истории Мензелинска является командирование на службу в остроге иноземцев – бывших военнопленных-шляхтичей. Это событие имеет свою предысторию. Иноземцы

[60] Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства в XVII столетии /сост. А.Барсуков. СПб., 1902. С.134, 457.
[61] Там же. С.135.
[62] Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С.43.

(смоленские и полоцкие шляхтичи – представители военной аристократии Речи Посполитой) были переведены в Закамье в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. Шляхтичи сначала были взяты в плен, позднее они перешли в разряд российских служилых людей. Часть из них осталась на Смоленщине или Центральной России (например, самым известным потомком смоленских шляхтичей был композитор Михаил Глинка), т.е. поближе к своей исторической Родине, а часть была отправлена на службу в Закамье. «Царь Михаил Федорович поступал с большим благоразумием; он старался привязать их к России, и желал в них видеть не столько чужеземных наемников, сколько Русских; а потому лучшим из них давал поместные оклады», – отмечал исследователь XIX в. И.Д.Беляев[63].

В этот период продолжалось российское освоение Волго-Уральского края. Так представители шляхты оказались в Мензелинске, Тиинске, Заинске и Новошешминске, их было почти 1000 человек[64].

В Смоленской крепости несли службу 4 отряда шляхтичей. Каждый отряд имел свое знамя и отличался по цвету знамени (белый, черный, красный и желтый). В Мензелинскую крепость были направлены смоленские шляхтичи черного знамени. В литературе имеются разные сведения о количестве иноземных переселенцев в Мензелинске, наиболее часто приводится цифра 124[65]. Судя по всему, переселение иноземцев в Мензелинский край проходило в несколько этапов.

---

[63] Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Феодоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С.2.

[64] Вместе с ними перебрались в Закамье и семьи служилых людей. Иноземцам были назначены единовременные пособия для организации хозяйства на новом месте и постоянное денежное содержание (жалованье), а также выделены земельные наделы в окрестностях крепостей. Полоцкая шляхта была обеспечена и крепостными крестьянами, смоленская шляхта такого права не имела (Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Ч.1. Казань, 2008. С.104).

[65] Иванов Н.С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // Журнал МВД. 1850. №1. С. 22; Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т.2, часть 2. М., 1902. С.38.

В. Новиков зафиксировал в своей книге основные фамилии шляхтичей, занесенных в дворянскую книгу Оренбургского края:

«От многих из них произошли потомки, внесенные по личным заслугам, в дворянскую родословную книгу губернии. Так, например, Харькевичи, Пироговские, Пьянковичи, Суворовы, Филиповичи, Брудинские, Богдановы, Борозны, Быковы, Тиханы, Тетеревниковы, Тихановские, Сипайловы, Дудари…»[66].

Полный список этих фамилий приводится в конце книги (см. *Приложение №1*).

Иногда военные иностранного происхождения лишь временно проживали в данной крепости[67]. В 1668 г. царь Алексей Михайлович направил пять полков смоленских шляхтичей для «исправления» Мензелинской крепости. Полки возглавлял полковник Гаврила Гаславский. По наказу казанских воевод ему «под поселения и в надел» были отданы земли бывших городищ, валов и крепостей с условием их обновления. Внутри возведенной ими дубовой крепости располагались канцелярия, воеводский дом, пороховой погреб, острог. С западной стороны к нему примыкал высокий земляной вал и глубокий ров[68].

---

[66] Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С.32–33.

[67] В 1663 г. в Мензелинский острог в полк М.О. Кровкова были направлены сбежавшие со службы желдаки (солдаты-поляки). Туда входили и желдаки, вернувшиеся в Москву из других походов. Полк Кровкова входил в войска под управлением князя Ф.Ф. Волконского и находился в Мензелинске в течение всего 1664 г., привлекался, в том числе, для подавления восстания. В начале 1665 г. это войско из Мензелинска перебралось в Казань, где их военачальник скоропостижно скончался, так и не доехав до Москвы. Проведя в Мензелинске около двух лет, полк М.О. Кровкова в том же 1665 г. передислоцировался в Дорогобуж (Малов А.В. Царские желдаки и другие выходцы из Речи Посполитой в составе Московских выборных солдатских полков (1657–1671 годы) // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сб. матер. конф. М., 2006. С.46–47).

[68] Саначин С.П. Городские укрепления на территории Татарстана в описании XVIII века подполковника А.И.Свечина и гипотезы их местоположения // Первые Кремлевские чтения. Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России. Материалы конференции 20–21 ноября 2008 г. Казань, 2010. С.152–153.

Такое укрепление крепости было обусловлено неспокойной обстановкой в крае. В конце XVII в. не утихали различные бунты и восстания, Мензелинск периодически подвергалась нападениям башкир, калмыков, казахов и др. групп. В народной памяти мензелинцев особенно ярко сохранились события 1676 г., так называемого Сеитовского бунта. Селения и крепости Закамской линии в этот год опустошали объединенные кочевые войска, подступили они и к Мензелинску. На помощь к мензелинцам были направлены отряды яицких казаков. Не выдержав пушечной пальбы, кочевники, согласно русским преданиям, оставили Мензелинскую крепость, бросив все имущество. С тех пор место битвы русское население называло Киргизские горы, а лес, где скрывались казаки, Казачьи Луки. Интересно, что даже название Мензелинска в русской литературе связывали с этим событием и пытались преподнести как сочетание тюркских слов «мин зилим» («я плачу»), т.е. плач отступивших повстанцев[69].

По данным Г.И.Перетятковича, нападения особенно усилились в начале 1680-х гг. Лидером этого движения был хан Аюка, который объединил калмыков, башкир, татар и т.д. На пути их следования был и Мензелинский край. Так в соседнем селе Челны этими отрядами было разорено 35 дворов. Не выдержали их нападений некоторые другие остроги, жители которых в панике оставляли свои дома[70].

Результатом этих событий стало расширение земельных прав мензелинских шляхтичей в 1683 г. Они были награждены царской грамотой от 9 сентября того года, согласно которой им разрешалось не только пользоваться отведенными им землями во время самой службы, но и закладывать, продавать, отдавать в приданое. Это было серьезным повышением их правового статуса[71].

Пригород. В 1708 г. Казанский уезд был преобразван в Казанскую губернию. Мензелинск, в качестве «пригородка» Казани, оставался в составе нового административного образования. В 1719 г., при разделении на провинции, город оказался в Уфимской провин-

[69] Россия: Полное географическое описание нашего отечества… С.530.
[70] Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Очерк из истории колонизации края. Одесса, 1882. С.288–289.
[71] Россия: Полное географическое описание нашего отечества… С.530.

ции Казанской губернии. В это время в нем проживало лишь военно-служилое население[72]. В первой половине XVIII в. мензелинскими воеводами служили капитан Арбузов А.М., князь Гундорев, титулярный советник Дмитрий Реутов и др.[73] При них так же служили помощники – дьяки, подьячие и т.д. Например, в 1704 г. мензелинским площадным подьячим трудился некий Ерофей Данилов[74]. Это был своеобразный нотариус, который заверял частные акты.

Сохранившиеся в Российском государственной архиве древних актов (РГАДА) документы Мензелинской приказной избы относятся лишь к 1702–1705 гг., а аналогичные документы Мензелинской воеводской канцелярии датируются 1727–1781 гг. В фонде первого учреждения отложились дела, связанные о побегах крестьян, спорных рыбных ловлях, потраве посевов, сборе оброков и пошлин, списки постоялых дворов в Мензелинске, судебные дела между служилым и местным населением[75]. Материалы Мензелинской воеводской канцелярии в целом не сильно отличались от вопросов, рассматриваемых в приказной избе. Это записи о различных сборах, дела о беглых крестьянах, порубке лесов, о потраве посевов, сенных покосов, земельные вопросы (имения, рыбные ловли), а также уголовные дела об убийствах и ограблениях[76].

В начале XVIII в. основной обязанностью населения пригорода оставалась охрана крепостей и военная служба. Они принимали участие в Крымских и Азовских походах Петра Первого, охраняли торговые караваны, участвовали в подавлении восстаний тюркского населения края. Например, особенно тяжелыми были бунты 1708, 1735 гг. А в 1714 году, по сообщению казанского губернатора П.С.Салтыкова, «воровские воинские люди, башкирцы, каракалпаки

[72] Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции вт. пол. XVI – нач. XX вв. Казань, 2001. С.29.
[73] Мензелинский край: история и современность... С.25.
[74] РГАДА. Ф.1139. Оп.1. Д.39.
[75] РГАДА. Ф.1139. Оп.1. ДД.1–103.
[76] РГАДА. Ф.529. Оп.1. ДД. 6–2828.

и киргиз-кайсаки (всего 500 чел. – *прим.*) напали на солдат пригорода Мензелинска и били боем», взяли в плен 35 человек[77].

В 1730-е гг., после утраты значения оборонительного рубежа и переноса внешних границ на юго-восток, началась реорганизация воинских гарнизонов Закамской засечной черты. В 1736 г. из бывших стрельцов, пушкарей и других служилых людей была образована Закамская ландмилиция, для охраны пограничных районов. Службу в ландмилицких драгунских полках начинали с 15 лет, а для постоянного пополнения полков новыми служилыми людьми, детей с 7 лет отправляли в солдатские школы. Например, одна из таких школ была открыта в Мензелинской крепости в 1743 г.[78], но действовала недолго и вскоре закрылась.

Таким образом, служилые люди дворянского происхождения вошли в состав новых драгунских рот, а из стрельцов, казаков, а также служилых людей из «иноземского и иноверческого списка» сформировали новые казачьи полки. Эти военные формирования направлялись на юго-восток, для службы в крепостях Оренбургской укрепленной линии[79]. Однако в дальнейшем в составе драгунских рот служили и служилые люди без дворянских привилегий: как потомки иноземцев, так и казаков. В этот период часть военно-служилого населения переключилась на другие занятия, появились новые населенные пункты шляхтичей (см. *Приложение №2*).

Несколько поколений шляхтичей сохранили статус «иноземцев». Даже спустя 30–40 лет после переселения, шляхтичей в документах Мензелинской приказной избы фиксировали как «иноземцев». Если основное население Мензелинска проходило под статусом казаков или же отставных солдат, то третьей часто упоминаемой группой были «иноземцы». Например, в них упоминались такие фамилии как Маковские, Лазовские, Филипповичи, Быковы, Тетеревниковы и другие[80]. Судя по этим документам казаки, от-

[77] Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1. СПб., 1911. С.209.
[78] Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т.2, ч. 2. М., 1902. С.186.
[79] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С.57.
[80] РГАДА. Ф.1139. Оп.1. ДД.14, .49, 52, 53, 54, 62.

ставные солдаты и «иноземцы» не очень ладили между собой. Так, среди этих документов много дел «о нанесении оскорблений», о краже домашнего скота, сена и другого имущества.

Иноземцы старались жить обособленно, еще в середине XVIII столетия в Мензелинске существовала Панская слобода[81], к началу следующего XIX в. в городе сохранилась только Большая Панская улица. Возможно, построенная в XVIII в. церковь Смоленской Божьей матери также была связана с исторической памятью смоленских шляхтичей[82]. Польская слобода была и рядом с Заинской крепостью[83].

С 1740-х гг. в военном отношении Мензелинск относился к Оренбургу, а по гражданским делам, по-прежнему – Казани. Поэтому складывалась любопытная ситуация: часть населения (военнослужащие) были в ведении военного начальства в Оренбурге, а поставленный от Казанской губернии мензелинский воевода заправлял уже остальными жителями. Таким образом, состоявшие на службе в Мензелинске солдаты подчинялись исключительно офицерам Оренбургской экспедиции[84].

Воеводы очень часто менялись, что являлось обычной практикой для того времени. Они перемещались из города в город. Эту традицию впоследствии продолжали городничие, а также губернаторы.

В целом, разделение и ограничение власти мензелинского воеводы в какой-то степени должно было остановить всякого рода самовольства с его стороны. Воеводы могли брать взятки, заставляли служилых и посадских людей работать на своих владениях и т.д.[85] Эта была распространенная проблема: обвинения в “лихоимстве” (коррупции) встречались и в отношении Мензелинской воеводской

[81] Юдин Л. К истории пугачевщины // Русский архив. Т.5. М., 1896. С.39.
[82] Мензелинский край: история и современность… С.24.
[83] Ермаков В. Строительство и заселение Закамской оборонительной черты // Восточное Закамье в XVII веке: Сб. док. и матер. / сост. В.В.Ермаков, Ю.Н.Иванов. Казань, 2006.
[84] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.378.
[85] Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции вт. пол. XVI – нач. XX вв. Казань, 2001. С.29.

канцелярии. Например, в 1731 г. татарин деревни Верхний Мелькен Екабердин обвинил служащего канцелярии прапорщика Гаславского о «взятии в лихоимство денег»[86].

В XVIII в. край постоянно сотрясали восстания. В 1735–1741 гг. в Мензелинске функционировала главная квартира башкирской комиссии, основной задачей которой стало усмирение мятежей и разбор их причин.

По сведениям подполковника А.И. Свечина, возглавлявшего в 1760-х гг. сенатскую комиссию, в Мензелинске в этот период проживало 439 человек. В крепости насчитывалось 205 строений-домов. В основном, они принадлежали отставным военным, коих было почти 200 домохозяев, драгунским и солдатским детям[87]. При этом социальный состав населения пригорода Мензелинск постепенно усложнялся. Например, из среды военно-служилых людей выделились «малолетки», были и «недоросли», росло также число податных людей (крестьян, мещан и т.д.). Они пополнялись как за счет приезжего населения, так и детей бывших военных.

Географическая отдаленность Мензелинска от губернских центров отражалась на материальном состоянии местных жителей, да и в целом преодоление огромных расстояний до Уфы или же Казани пешком или на лошадях, для решения самых разных задач, было делом трудным. Например, отставные военные были вынуждены ездить в Уфу, когда дело касалось судебных вопросов. Так, в наказе 1768 г. отставные солдаты Мензелинска жаловались на то, что им приходится по судебным делам ездить в Уфу и преодолевать более двух сотен верст пути. «Через таковые дальние волокиты случаются не малые нам убытки…», – писали они и очень хотели, чтобы их дела рассматривались в Мензелинске[88]. К слову,

[86] РГАДА. Ф.529. Оп.1. Д.45. Л.1.

[87] Саначин С.П. Экспедиция Сенатской комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань, 2018. С.110.

[88] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.115. СПб., 1903. С.217.

расстояние от Мензелинска до Уфы в это время преодолевалось за пять дней верховой ездой[89].

Мензелинск пережил четырехмесячную осаду пугачевских войск, которая продолжалась с декабря 1773 по март 1774 г. Повстанцы неоднократно предпринимали штурм города. Конечно, с обеих сторон было много раненых и убитых[90]. Восставшие дислоцировались в деревнях Тойгузино, Пьяный Бор, Бережные Челны.

XVIII столетие было временем постоянных экспериментов и поиска оптимальной формы управления империей, коснулись они главным образом местного управления. Пригороды являлись остатками удельно-вечевого периода русской истории и лишь реформы Екатерины Великой упразднили архаизмы административного деления страны.

[89] Материалы по истории Башкирской АССР. Часть 1. М.; Л., 1936. С.138.
[90] Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973. С.98–100.

ГЛАВА 1.
РОЖДЕНИЕ ГОРОДА: МЕНЗЕЛИНСК В ДОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

1.1. Становление системы управления

Городничие. Земские исправники. Организация Мензелинской городской ратуши. Злоупотребления Мензелинского уездного суда. Почтовая служба.

В 1781 г., в результате губернской реформы Екатерины II, пригород Мензелинск получил статус уездного города Уфимского наместничества. 8 июня 1782 г. императрица утвердила герб Мензелинска с летящим золотым кречетом, «в знак изобилия такого рода птиц в этих краях»[1]. В первые годы в статусе уездного города Мензелинск пребывал в плачевном состоянии. Внутренние ресурсы были истощены и требовались новые внешние импульсы для развития. Городской статус, конечно, был во благо местным жителям. В административном центре уезда учреждались различные представительства органов власти, уже не надо было ездить по тому или иному мелкому вопросу в губернские центры и т.д.

В результате губернской реформы Екатерины II была упразднена и должность воевод как управляющих городов. Система управления усложнялась: если функционал воевод был обширным (от административных функций до судебно-полицейских), то в дальнейшем чиновничий аппарат разрастался и каждое направление имело свою специализацию.

Городничие. В жизни уездного города конца XVIII – XIX вв. особенно примечательное место занимает фигура городничего. Он должен был следить за правопорядком, в спектр его обязанностей входил и полицейский надзор, и административные вопросы. Не-

[1] Городские поселения Российской империи. Т.3. СПб, 1863. С.452.

случайно в знаменитой пьесе Н.Гоголя «Ревизоре» городничий является основным персонажем: он олицетворял власть маленького города, жившего в своем замкнутом мире, отдаленном от губернского центра.

Пост городничего в Мензелинске занимали самые разные лица, отличавшиеся и нравом, и характером своей деятельности. Объединяло их то, что многие из них являлись бывшими военными. Первым мензелинским городничим стал Иван Иванович Микунов[2]. Он происходил из служилых людей, был дворянином. В отличие от приезжих воевод, владел поместьем и крепостными крестьянами в Мензелинском уезде[3]. Известно также, что именно по его инициативе в этот период в Мензелинске была построена кладбищенская церковь во имя святого Пророка Илии. Впрочем, содействие строительству православных храмов было одной из обязанностей еще предшественников городничих – воевод. Городничие продолжали эту традицию. Также их обязывали заботиться и о народном просвещении.

Например, в 1817 г. мензелинским городничим служил штабс-капитан Алексей Пыпин. Он принимал активное участие в организации торжества по случаю преобразования местного народного училища в уездное училище. Помогала ему в этом и семья. Например, супруга его Авдотья Пыпина участвовала в сборе благотворительных пожертвований в пользу нового училища, организации торжественного обеда и иллюминации учебного заведения[4]. Между первым лицом города и горожанами, особенно в так называемом местном обществе, в этот период наблюдалось полное согласие.

Совсем иначе обстояли дела почти через двадцать лет. Ответственный за правопорядок – городничий сам доставлял населению немало проблем. В 1830-е гг. мензелинским городничим был штабс-капитан Николай Обращиков, который отличался буйным нравом, дерзким поведением, злоупотреблял к тому же еще и горячитель-

[2] Елдашев А. Мензелинский Пророко-Ильинский женский монастырь // Эхо веков. 2011. №1/2. С.226.

[3] ГА РТ. Ф.1243. Оп.1. Д.5. Л.1.

[4] Описание торжественного преобразования Оренбургской губернии Мензелинского малого народного училища в уездное // Казанские известия. 1818. 20 ноября. №93.

ными напитками. Природная агрессивность городничего вкупе с предоставленной ему властью, подкрепленная алкоголем, обернулась для горожан настоящим бедствием. Жители города постоянно сталкивались с его бесцеремонностью и необоснованными действиями. В результате, была накоплена серия жалоб на него как от подчиненных Обращикова по службе, так и от независимых лиц (например, от помещиков). Суд над городничим состоялся в 1835 г., ему предъявили целый ряд обвинений.

Больше всего от него натерпелись так называемые дружинники. В этот период в городе существовала следующая практика: в помощь к городничему назначали особых лиц из числа горожан. Обращиков с ними порой обходился довольно жестоко. Например, он наказал розгами унтер-офицерского сына Халдеева, а потом держал его в камере. Не церемонился он и с местными дворянами. Неугодных ему представителей благородного сословия городничий мог запросто выдворить из местных заведений общепита. Например, на такой случай жаловался титулярный советник Бедин. Дворянку Глафиру Филиповичеву[5] он посадил под арест из-за того, что отказалась сдать свой дом для временного поселения в нем приезжего чиновника. Конфликтовал Обращиков и с местным предводителем дворянства Пальчиковым. Вероятно, по его инициативе еще одним пунктом обвинения городничего стало взяточничество, а также незаконные поборы с горожан.

При этом прямые свои обязанности Обращиков выполнял весьма неохотно. Горожане, например, жаловались на нераскрытые дела по воровству во время ярмарки[6]. По итогам проверки деятельности и судебных разбирательств штабс-капитана Николая Обращикова в 1836 г. из Мензелинска отправили в другой уездный город Троицк. Вероятно, губернские власти не стали принимать всерьез конфликт мензелинцев и городничего, т.к. Обращикова назначили в Троицке на ту же должность. Штабс-капитан, кстати, был недоволен своим переводом, он писал даже жалобы. Но все они оставлены без рассмотрения. Любопытно, что свой прежний стиль работы Николай Обращи-

[5] К слову эта почтенная дама когда-то дружила с семьей бывшего городничего Пыпиных.

[6] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.11068. Л.24–28, 30–31.

ков демонстрировал и на новом месте. Совсем скоро на жестокое поведение городничего посыпались жалобы от татарских купцов и мещан города Троицка. На место же городничего в Мензелинске после Обращикова определили титулярного советника Леонтьева[7].

Как и воеводы, городничие сменялись часто. Например, уже через два года после назначения Леонтьева, в 1838 г. обязанности мензелинского городничего выполнял бывший военный по фамилии Лукин[8], а в 1841 г. его сменил городничий Федорович[9]. В 1843 г. в помощь мензелинскому городничему учредили должность особого чиновника с жалованьем 114 руб. 28 коп. в год. В отличие от предшественника Федорович служил в Мензелинске довольно долго: надворный советник находился на должности мензелинского городничего и в конце 1849 г.[10]

В период буржуазных реформ Александра II, уже в 1860-е годы, городничих заменили уездные исправники. Их функционал был немного ограничен и заключал в себе, главным образом, полицейские обязанности.

Земские исправники. Полицейская система или система охраны гражданского правопорядка в Оренбургской губерии в конце XVIII – в начале XIX вв. была еще на стадии становления. Если в самом городе Мензелинске делами правоохранительного характера с конца XVIII в. занимался градоначальник, то в уезде эту сферу курировал исправник. Земские исправники выбирались из числа мензелинских дворян и проживали в уездном центре. Так, с 1 декабря 1805 г. эту должность в Мензелинском уезде исполнял титулярный советник Илья Петрович Филипович, происходивший из старинного рода мензелинских шляхтичей.

Он родился в 1772 г. в дворянской семье, являлся владельцем небольшого имения в Мензелинском уезде, в Тогаево. В 1820-е гг. в его владении состояли 30 душ крепостных крестьян и 4 дворовых. Как и полагается выходцам из семей служилых людей, трудовая биография будущего исправника Филиповича была связана с воен-

[7] Там же. Л.32.
[8] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.11068. Л.11.
[9] ГАОО. Ф.6. Оп.7.Д.601. Л.8.
[10] ГАОО. Ф.6. Оп.10. Д. 6215. Л.1.

ной службой. С 1781 г. служил в Капорском пехотном полку в качестве солдата, сержанта и адъютанта. За эти годы успел принять участие в военных операциях против Крымского ханства. В 1785 г. адъютант Филипович был переведен в Оренбургский Драгунский пол. Уволился он с военной службы в 1797 г. в звании поручика. Несколько лет мензелинский помещик участвовал в работе Бузулуцкого земского суда, был дворянским заседателем, затем бывший военный Филипович был назначен местным дворянством на должность земского исправника Бузулуцкого уезда. Но в 1802 г. он уволился из-за состояния здоровья[11].

Казалось бы на этом можно завершить чиновничью карьеру, но через несколько лет дворянин Филипович вновь возвращается к службе, уже в родном Мензелинском уезде. Его снова назначали земским исправником. Этой службе он посвятил более двадцати лет. Как сообщали в канцелярии Оренбургского военного губернатора в 1826 г. за это время мензелинский земский исправник

«довел уезд до такого порядка и благоустройства во всех частях, что при нем ему подобного в Оренбургской губернии; воровства и грабежи, которые до вступления его в должность случались, истреблены и ныне существуют между обывателями тишина и спокойствие»[12].

Кроме того, отмечалось, что благодаря ревностной и верной службе исправника Филиповича в уезде не бывает никаких недоимок, а все повинности выполняются вовремя, устроены также в лучшем виде почтовые дороги, а во избежание пожаров почти при каждом селении заведены «огнегасительные инструменты». В общем, за такую безупречную службу губернские власти просили произвести Илью Петровича Филиповича в 8-класс чиновного звания, иными словами из титулярного советника перевести в чин коллежского асессора[13].

Однако должность земского исправника не предполагала чина выше 9-го класса, поэтому исправнику Филиповичу сначала отказа-

[11] РГИА. Ф. 1286. Оп.4. Д.81. Л.4.
[12] РГИА. Ф. 1286. Оп.4. Д.81. Л.1.
[13] Там же. Л.1 об.

ли в чине коллежского асессора. Тем более, у него уже имелась награда – 54-летний чиновник являлся кавалером ордена Святой Анны 3-й степени[14]. Но позднее в качестве исключения специальным указом Правительствующего Сената мензелинскому чиновнику, с безупречной трудовой биографией, все же был пожалован в 8-й класс, с оговоркой «не в пример другим»[15].

Земский исправник Илья Петрович Филипович вместе со своей супругой Глафирой, конечно же, входил в «высшее общество» Мензелинска. Они дружили с мензелинским городничим Алексеем Пыпиным и его женой Авдотьей. В частности, чета Пыпиных и Глафира Филипович принимали активное участие в торжествах, связанных с преобразованием Мензелинского уездного училища в 1817 г.[16]

После пожалования нового чина в 1826 г., И.П. Филипович выполнял обязанности мензелинского земского исправника еще три года. Он уволился со службы в 1829 г. из-за состояния здоровья, а именно из-за «глазной» и «грудной» болезней[17]. Интересно, что при оформлении документов на отставку («с награждением за долговременную беспорочную службу чином и пенсионом») выяснилось, что за время службы у исправника Филиповича все же случались некоторые неприятности. По двум таким делам он даже находился под следствием. Один раз его осудили за «неприличные выражения», которые исправник допустил при осмотре в церкви имущества церковного старосты, последнего тогда подозревали в хранении фальшивых ассигнаций. Второй раз исправником Филиповичем были недовольны казаки 1-го тептярского полка из-за того, что жители уезда не обеспечили их продовольствием в нужном объеме. В итоге, эти дела рассматривались в Оренбургской духовной консистории и военном ведомстве, но они никак не повлияли на служебные заслуги Филиповича. Поэтому чиновнику разрешили увольнение с пенсионом[18].

На место И.П. Филиповича в 1829 г. был назначен подполковник Синягин. Он служил в Тифлисском пехотном полку и оставил воен-

[14] Там же. Л.3 об.
[15] Там же. Л.9.
[16] Казанские известия. 1818. 20 ноября. №93.
[17] РГИА. Ф. 1286. Оп.4. Д.527. Л.3 об.
[18] Там же. Л.3.

ное поприще с пошатнувшимся здоровьем, в частности имел поверхностное пулевое ранение в груди. Его сначала назначили земским исправником в Белебеевский уезд, затем – в Мензелинский. Но Синягин не горел желанием трудиться ни белебеевским, ни мензелинским земским исправником. Тем более, он уже находился в отставке и жил в городе Воронеже. 56-летний подполковник пытался отказаться от предлагаемой должности, где требуется «скорое исполнение», ссылался на неважное состояние здоровья. Однако начальство было убеждено в том, что Синягин годен к службе[19].

Его предшественник, бывший исправник Филипович, судя по всему, прожил после увольнения недолгую жизнь. В 1830-е гг. в Мензелинске проживала вдова Глафира Филипович, детей у четы Филипович не было. В этот период у дворянки Филипович случился конфликт с новым мензелинским городничим Николаем Обращиковым. Последний арестовал почтенную даму из-за того, что она отказалась сдать свой дом для временного поселения в нем приезжего чиновника. Впрочем, Обращиков уже в 1836 г. был уволен со своей должности.

Содержание разраставшегося чиновничьего аппарата требовало дополнительных средств, городские доходы не всегда могли покрыть новые расходы на кадровое обеспечение. В 1836 г. было принято постановление о выделении из казны на содержание Мензелинской полиции 200 рублей в год[20]. Росло и количество бюрократической переписки, связанной с правопорядком в городе и уезде. Так в 1843 г. в канцелярии Мензелинской полиции назначили еще одного писца с жалованьем в размере 14 рублей 28 копеек в год.

Интересно, что на должности мензелинского земского исправника трудились и другие представители фамилии Филипович. Так, в 1832 г., после увольнения подполковника Коренева, следить за порядком в Мензелинском уезде направили 26-летнего отставного подпоручика Николая Васильевича Филиповича. К слову, его предшественник подполковник Коренев был назначен комендантом города Верхнеуральск Оренбургской губернии. Несмотря на моло-

[19] РГИА. Ф. 1286. Оп.4. Л. 527. Л.37–40.
[20] Городские поселения Российской империи. Т.3. СПб., 1863. С.452–453.

дой возраст, Н.В. Филипович успел к тому времени побывать дворянским заседателем в Бугурусланском уездном суде, выполнение этих обязанностей было своеобразным этапом подготовки к должности земского исправника. Как отмечалось в его представлении,

«г. Филипович, находясь в сем звании, успел взыскать из числа накопившейся на вверенном ему уезде недоимки до 28 тысяч рублей, схватил двух скрывавшихся преступников, обличаемых в грабежах и вообще оказал способности к обязанности земского исправника, почему просит об определении его в должности мензелинского земского исправника»[21].

Дворянин Николай Васильевич Филипович имел родовое имение в Бугурусланском уезде, сельцо Кармарка. Кроме того, в его владении находилось более 100 крепостных крестьян. Вместе с супругой он воспитывал дочь. До гражданской службы служил юнкером в отдельном корпусе конно-артиллерийской роты Оренбургского казачьего войска, в чине прапорщика в 1826 г. оставил военное дело[22]. Интересно, что в это время Н.В. Филиповичу едва исполнилось 20 лет, его военная служба заняла около четырех лет и, судя по всему, носила формальный характер.

Молодой Филипович, в отличие от своего родственника Ильи Петровича Филиповича, служил в Мензелинском уезде земским исправником лишь несколько лет. Уже в начале 1834 г. Николай Васильевич уволился «по домашним обстоятельствам». На его место спешно подыскали замену, и им стал служащий канцелярии Мензелинского земского исправника – коллежский секретарь Николай Семенович Лукин. Ему тогда было 30 лет, он происходил из обер-офицерских детей. С Мензелинским уездом его связывала лишь служба, родовое имени Лукина находилось в далекой Омской области и представляло с собой деревянный дом в Преснегорковской крепости с 5 дворовыми крестьянами. У супруги Лукина имелось родовое имение в Бугурусланском уезде с 30 крепостными крестьянами[23].

[21] РГИА. Ф.1286. Оп.5. Д.295. Л.1.
[22] Там же. Л.4.
[23] РГИА. Ф.1286. Оп.5. Д.295. Л.7, 12, 19.

Возможно, через несколько лет Н.С. Лукин сменил должность земского (уездного) исправника на обязанности мензелинского городничего. Например, в 1838 г., когда мензелинским городничим служил некий Лукин, в городе было совершено громкое убийство дворянина, служившего стряпчим Мухамет-Гали Алкина[24]. Преступники так и не были установлены.

В 1850 г. мензелинским земским исправником был человек по фамилии Скарятинов. Именно ему пришлось проводить расследование по поводу анонимного корреспондента, посмевшего дать двусмысленное объявление в газете «Московские ведомости». Впрочем, поиски исправником Скарятиновым анонима в Мензелинском уезде так и не увенчались успехом (об этом сюжете подробнее – в параграфе «Мензелинск и “свобода слова” в эпоху Николая I»)[25]. А в 1854 г. мензелинский исправник Скарятинов сам предстал перед судом вместе с заседателем Уржумцевым[26].

После отмены крепостного права отдельные представители этого чиновничьего класса, будучи еще и помещиками, терпели определенные материальные трудности, некоторые доходили до полного банкротства. Например, из-за долгов на 1 августа 1869 г. Мензелинский уездный суд назначил публичную продажу недвижимого имущества, принадлежащего бывшему Мензелинскому земскому исправнику, надворному советнику Гавриилу Петровскому. Имущество бывшего исправника состояло из деревянного дома с надворным строением на улице Большой Никольской в Мензелинске (оценивалось в 367 руб. 10 коп.), 25 десятин земли при деревне Старое Кузембетово Мензелинского уезда (150 руб.), а также однокомнатный флигель, построенный рядом с этим земельным участком (10 руб.)[27].

Организация Мензелинской городской ратуши. В 1833 г. купеческое и мещанское общество города Мензелинска ходатайствовало о необходимости учреждения Мензелинской городской ратуши.

[24] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.11328. Л.1.
[25] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.359. Л.10.
[26] РГИА. Ф.1286. Оп.15 Д.631.
[27] Казанские губернские ведомости. 1869. 30 апреля. №34.

Руководствовались они вполне рациональными соображениями. Дело в том, что представители мензелинского купеческого и мещанского сословия были прикреплены к Уфимскому городовому магистрату. На содержание этого учреждения с каждого человека взимались налоги в размере 2 руб. 40 коп. Однако из-за отдаленности Мензелинска от губернского города проезд мензелинцев за нужными документами в магистрат был отягчен дополнительными денежными и временными затратами. Мы терпим «излишние, значительные издержки, потерю времени, отвлечение от торговых и домашних занятий», – жаловались купцы и мещане. Поэтому с учетом роста купеческо-мещанского общества, наличия городских капиталов и доходов, мензелинцы во главе с городским старостой Каменевым просили открыть в городе свою ратушу.

К этому времени, по данным 8-й ревизии, в Мензелинске объявили свои купеческие капиталы 79 человек, мещан насчитывалось 595 человек. Этого было достаточно для открытия собственной ратуши. Губернатор ответил согласием на предложение горожан. Тем более Уфимский магистрат, помимо своей отдаленности от уездного города, был загружен бумажной волокитой, т.к. в его ведомстве, кроме Мензелинска, было еще шесть городов.

По первоначальному проекту планировалось к Мензелинской городской ратуше присоединить и купеческо-мещанское общество Бугульмы, однако бугульминцев устраивала работа Уфимского магистрата и поэтому они наотрез отказались переходить в ратушу соседнего уездного города. В итоге, указ Правительственного Сената об открытии Мензелинской городской ратуши был подписан 12 августа 1835 г., в ее ведомство входило мензелинское купечество и мещанство. Им предстояло избрать двух бургомистров и четырех ратманов – членов ратуши[28].

По данным 1836 г., бургомистрами были избраны Андрей Шапошников и Иван Баутин, а ратманами состояли Никита Рукавиш-

[28] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.10983. Л.1, 10, 16, 18.

ников, Герасим Докукин, Тихон Люшин[29]. Сохранившиеся документы Мензелинской городовой ратуши датируются 1836–1859 гг.

Ратуша выполняла функции судебного органа власти для городского населения. Например, в 1850 г. опекунские дела жителей г. Мензелинска из Уфимского сиротского суда передали в ведение Мензелинской городовой ратуши[30]. Очевидно, поэтому в том же году в штате ратуши появился канцелярский служащий с жалованьем в 80 руб. в год.

Кроме опекунских дел, среди рассматриваемых вопросов большую долю составляли различные межличностные конфликты. Например, в 1851 г. разбиралось судебное дело между шляхтенками (они же государственные крестьянки) Татьяной и Авдотьей Тихановскими и мещанкой Анной Реутовой. Шляхтенки обвиняли мещанку в «блуде» с мещанином Николаем Епифановым. Ссора женщин дошла до рукоприкладства[31]. Кроме того, разбирались дела о кражах, побоях, оскорблениях, о захвате городских земель и пр.

Городская ратуша и Городовое депутатское собрание действовали в Мензелинске в дореформенное время. После буржуазных реформ Александра II в области судопроизводства, муниципального управления и других сфер многие городские учреждения начали работать в новом формате.

Злоупотребления Мензелинского уездного суда. Одним из результатов губернской реформы Екатерины II стало учреждение новой судебной системы, включавшей помимо магистрата и ратуши (для купцов и мещан) и уездный суд. В этом учреждении власти рассматривались дела всех сословий, кроме дворян, купцов и мещан. Работа Мензелинского уездного суда не была лишена традиционой бюрократизированности и корумпированности. Судебные дела рассматривались годами. Иногда это объяснялось обыкновенной нехваткой кадров. Проблема стала особенно очевидной после проведения сенатской ревизии судебных мест Оренбургской губер-

[29] ГА РТ. Ф.1248. Оп.1. Д.1. Л.2 об., 14 об.
[30] РГИА. Ф.1287. Оп.37. Д.858. Л.1.
[31] ГА РТ. Ф.1248. Оп.1. Д.32. Л.1.

нии в 1844 г. Как отмечает исследователь этого вопроса Н.Л. Семенова, «при проверке Мензелинского уездного суда выяснилось, что его архив помещается в темных сараях и в двух разных домах, что весьма «неудобно». Производство дел отличалось медленностью: к 1 мая 1844 г. в уездном суде оставалось 154 нерешенных дела, из которых 104 были «по совершенной бездеятельности» самого уездного суда. Ко многим делам не были составлены выписки». Ревизор, тайный советник А. Ф. Веймарн обнаружил, что судебные дела хранились в беспорядке, абсолютно не были систематизированы, не всегда сдавались в архив. Кроме того, служащие по своему усмотрению ликвидировали некоторые документы. Проверяющие из Сенатского департамента пришли к выводу, что в Мензелинском уездном суде не хватает квалифицированных канцелярских служащих. В итоге, в 1844 г. дело ограничилось тем, что ряду служащих суда (штабс-капитану Аристову, заседателю Будрину, служащему Тараборскому и секретарю Волкову) были сделаны выговоры с записью в личное дело за «упущения, беспорядки и медленность, допущенные по делопроизводству в уездном суде». Необходимо было немедлено исправить все недочеты, закончить все затянувшиеся дела, особенно те, которые длились больше трех лет[32].

Тем не менее, в этот период жалобы на работу Мензелинского уездного суда не прекращались. Например, в 1847 г. крестьянин Комиссаров пожаловался на «подлоги в делах архивов»[33]. В том же году был устранен от должности архивариуса Мензелинского уездного суда, титулярный советник Ермолай Каташ, его осудили за выдачу крестьянам помещика Пальчикова неверной копии с духовного завещания. В результате крестьяне получили «повод отыскивать свободу»[34]. Были жалобы и другого характера. Например, в

[32] Семенова Н.Л. Ревизия судебных учреждений Оренбургской губернии в 1844 г. // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Оренбург, 2020. С.12–13.
[33] РГИА. Ф. 37 Оп. 2 Д. 466.
[34] РГИА. Ф. 1151 Оп. 3. Д. 27.

1849 г. мещанин Белоусов пожаловался на неправильное задержание Мензелинским земским судом его с лесными изделиями»[35].

Вообще боязнь власти в лице чиновничества оставалась основной чертой традиционного мышления провинциального горожанина. Это очевидное чувство приниженности обывателя перед представителем официальной власти давало последнему негласное право на различные злоупотребления своим положением. Из-за коллективного страха такого рода должностные преступления могли практиковаться в городе долгие годы. Не был исключением и уездный Мензелинск. Но иногда кто-то один все же не выдерживал и благодаря его отчаянию, смелости сведения о нравах местного чиновничества доходили до высших инстанций власти.

В 1859 г. почетный гражданин Иван Соловьев написал такую жалобу по поводу деятельности мензелинского уездного судьи Щиголева и его секретаря Пироговского:

«Мензелинский суд остается до сего времени как бы в забытии. Не говоря, что члены его в отношении знания службы есть совершенные недоросли, отчего накоплено в суде до 700 дел; они сколько слышно творят чудеса..., – сообщал он. – ... В Мензелинске говорят гласно, что уездный суд торгует совестью и правдой, что не правосудие составляет кумир уездного суда и что без мзды ничего в суде не делается»[36].

Возмущенный автор документа приводил также факты об умышленном заключении людей в тюремном остроге, с целью вытребовать с них денег. Кроме того, Соловьев писал о выпуске из тюрьмы настоящих преступников, за вознаграждение служащих судебного органа. После проверки данного доноса члены Оренбургского губернского правления признали, что приводимые в письме факты «заключают в себе множество обстоятельств дел весьма сходное с действительным положением их». После долгих разбирательств, в мае 1860 г. было принято решение об удалении с должно-

[35] РГИА. Ф. 1286 Оп. 11. Д. 1903.
[36] ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.13706. Л.15.

сти членов Мензелинского уездного суда[37]. Подобные инциденты внушали надежду, что местные проблемы все же можно решить, обратившись в высшие инстанции власти.

Почтовая служба. В XIX столетии связь с другими населенными пунктами поддерживалась, в первую очередь, благодаря почтовой службе. Но становление почтовой службы в Мензелинске началось еще в XVIII в. 25 августа 1735 г. был подписан Сенатский указ об учреждении почты до пригородка Мензелинска через Москву и Казань.

«... Для нынешних известных обращений от Москвы до Казани, до Уфы и до пригородка Мензелинска безопасными местами ямской канцелярии учредить почту немедленно, а именно: поставить на каждом стану от двадцати пяти до тридцати верст по пяти почтовых лошадей с ямов, а где ямов нет, с уездов и за те почтовые подводы давать прогоны по указам, а уездным платить поверстные деньги по плакату, – говорилось в этом указе. – И для того учреждения из сенатской конторы в ямскую канцелярию отослать нарочного человека доброго из офицеров или дворян и посланные указы и доношения велеть отправлять без всякого удержания; а через которые места почта будет учреждена, то ямской канцелярии подать в Сенат ведомость, а посланному для учреждения той почты из сенатской конторы дать указ с прочетом»[38].

В ямской (почтовой) службе были заняты различные группы населения края. Среди них были, например, служилые татары, получившие в официальной документации рубежа XVIII–XIX вв. название «чемоданные татары». На них была возложена повинность по перевозке почты, а свое оригинальное название они получили от кустарных кожаных сумок, в которых возили почту. Как обособленная сословная группа чемоданные татары фиксировались до

[37] Там же. Л.38.

[38] Из истории почтовой связи (к 125-летию образования Казанского почтово-телеграфного округа): сборник документов и материалов / под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. Казань, 2010. С.9.

1829 г., т.е. до перевода в статус государственных крестьян[39]. Обслуживанием почтовых трактов занимались и потомки шляхтичей, обосновавшиеся в XVIII в. восточнее от крепостей Закамской линии, в новых слободках. Например, занимались этим жители Панской слободы (Солдатская Письмянка). Строительство и содержание почтовых трактов было так же в числе повинностей представителей мещанского сословия.

В начале XIX в. мензелинским почтальоном служил Гаврила Дударь, в 1825 г. он уже был в отставке[40]. Судя по тому, что почтальон представлял известную шляхетскую фамилию Дударей (в этот период и шляхетское общество Мензелинска возглавлял Дударь[41]), данную работу доверяли служилым людям или как было указано в документе выше «из офицеров или дворян».

Почтовый тракт, проходивший через Мензелинск, в XIX в. был важным преимуществом города. Например, вкупе с географическим расположением (водным и сухопутным сообщением), почтовая служба делала уездный центр еще более привлекательным для торговцев.

Мензелинск был соединен почтовым трактом с Казанью и Уфой.

«Здесь единственный почтовый и коммерческий тракт на Ирбит, на ирбитскую ярмарку», – писал в 1861 г. о Мензелинске уфимский краевед Р.Игнатьев в газете «Московские ведомости»[42].

В 1830-е годы почтовые службы по всей стране были реформированы: появились губернские, уездные почтовые конторы во главе с почтмейстерами. В 1860-е годы их сменили управляющие почтовой конторой. Но в народе их все равно продолжали называть почтмейстерами.

---

[39] Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.). Казань, 2020. С.9.

[40] РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.111. Л.12.

[41] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.13.

[42] Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т.I. Оренбург, 2011. С.63.

1.2. Мензелинские привилегии: шляхтичи и дворяне

Правовое положение шляхтичей и казаков в XVIII–XIX в. Численность и занятия шляхтичей Оренбургской губерний в первой половине XIX в. Помещичьи имения мензелинских шляхтичей накануне отмены крепостного права.

Правовое положение шляхтичей и казаков в XVIII–XIX вв. Правовой статус мензелинских шляхтичей, стрельцов и казаков претерепел ряд изменений в течение XVIII–XIX вв. В ходе изменений имперской политики на национальных окраинах, а также законодательных норм Российского государства постепенно нивелировались различия между отдельными группами (особенно военными), они объединялись под одним сословным званием и т.д.

Например, отдельные стрелецкие отряды существовали в закамских крепостях (Мензелинске, Старошешминске, Новошешминске, Заинске, Билярске, Тиинске) вплоть до 1730-х гг. Белопашенных стрельцов к тому времени насчитывалось 3554 чел.[43] Судя по всему, стрельцы постепенно слились в одну группу с казаками.

К середине XVIII века и белопашетные/белопахотные казаки, и потомки смоленских шляхтичей оставались военно-служилым населением. Из них комплектовались Уфимский и Оренбургский драгунские полки. Эти военные подразделения формировались как из числа бывших иноземцев, так и из так называемых «охочих людей» (т.е. из русских добровольцев), а также из новокрещеных татар.

В отличие от бывших иноземцев или шляхтичей, белопахотные казаки оставались менее привилегированной социальной группой. Хотя в земельном плане последние были обеспеченнее шляхтичей. Первые поселенцы имели собственные земельные участки, рыбные ловли и прочие угодья. Шляхтичи тем временем оставались несколько обделенными в земельном отношении. При этом в 1673 г.

[43] Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С.51.

им была выдана так называемая отказная книга на владение землей в Мензелинске[44], но, судя по всему, земли было недостаточно.

Еще в XVII веке между казаками и шляхтичами не раз возникали именно земельные споры и судебные разбирательства. Как тогда называли, «приказные ссоры». В 1674 г. в Мензелинск специально был направлен даже подъячий Казанской приказной палаты Анисим Чередиев для разбора, пересмотра уже имеющихся указаний по земельным вопросам, а также для разграничивания, отмежевания земель «смоленских и белопашенных казаков», «чтоб меж ними впредь спору и челобитныя ни от кого не было»[45].

Кстати, в Мензелинском районе сохранился только один населенный пункт с характерным названием, которое указывает на принадлежность поселения когда-то белопахотным казакам. Это поселок Белопахотное. Считается, что основано оно только в XVIII веке. В 1795 г. население Белопахотного было учтено вместе с жителями соседнего поселения Разуваево-Семеновки. Даже в XIX – начале XX в. обеспеченность жителей Белопахотного землей была вполне сносной[46]. Позднее образовался еще Белопахотный Выселок при речке Ашпалке в 10 верстах от Мензелинска. К середине XIX в. там имелось всего 13 дворов и 96 жителей[47]. Известен также поселок Фионовка, основателем которого считают белопахотного казака Феона Калинина. Населенный пункт находится приблизительно в 12 верстах от Мензелинска[48].

Земельные споры отражались и на военной службе шляхтичей и казаков, влияли на служебное продвижение представителей этих социальных групп. Так, в середине XVIII в. белопахотные казаки считали, что власти недостаточно высоко оценивают их служебные заслуги, ущемляют их права, в том числе во время военной службы. По их мнению, сыновья шляхтичей быстрее продвигались по службе, и уволиться они могли по собственному желанию. Эта жалоба нашла отражение в наказе казаков в екатерининскую Уложенную

[44] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.4 об.
[45] Ищериков П.Ф. Очерки из истории колонизации Башкирии. Уфа, 1933. С.33.
[46] Мензелинский край: история и современность … С.59.
[47] Населенные пункты Башкортостана. Часть I. Уфа, 2002. С.327.
[48] Мензелинский край: история и современность … С.118.

комиссию, составленную от отставных унтер-офицеров и нижних военных чинов города Мензелинска в 1760-е гг. Представителем отставных военных тогда был депутат, писарь Иван Кузнецов. В его прошении говорилось о том, что смоленские шляхтичи и белопахотные казаки всегда вместе несли военную и «градскую» службу.

Кроме военной службы имелись еще дополнительные гражданские обязанности, вроде городских караулов. На это обычно нанимали подростков из семей казаков и шляхтичей. Родителей данная практика не совсем устраивала, многие считали, что привлечение мальчиков с тринадцатилетнего возраста к городской службе отвлекает их от учебы. Тем более для несения караула при воеводской канцелярии имелась еще и штатная команда. Но таковыми были сложившиеся в городе порядки.

К этому времени в России уже действовал Табель о рангах 1722 года, существовал он как для гражданских, так и воинских чинов. Помимо личных заслуг человека всегда учитывалось и его происхождение. Так, в отличие от шляхтичей, до обер-офицерских чинов (младший офицерский состав) не мог дослужиться ни один представитель белопахотных казаков. Сами казаки объясняли это своим происхождением. Поэтому они требовали равного себе отношения, обязались обучаться грамоте и исправно нести службу, и считали себя достойным начальнических должностей.

Конфликтность во взаимоотношениях двух социальных групп усугублялась по разным причинам. Например, из-за давних судебных разбирательств по земельным вопросам при назначении на должности представители шляхтичей старались не допускать к вакантным местам и продвигать по службе представителей тех фамилий, которые когда-то судились с ними[49]. Кроме того, имело место и сословная ориентированность российского общества. Безусловно, дворяне, тем более в XVIII в., занимали более выгодные места в служебной иерархии.

С 1766 г. по всей России начали организовывать дворянские депутатские собрания. Все это было связано с работой Уложенной ко-

[49] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.115. СПб., 1903. С.215–217.

миссии Екатерины II. От каждой сословной группы необходимо было выбрать своего представителя-депутата. К 1767 г. эти указания дошли и до Оренбургской губернии. Однако в циркуляре оренбургского военного губернатора А.А. Путятина от 25 января того года ничего не было сказано о шляхтичах. В итоге, гражданские власти в Уфе решили, что мензелинских (смоленских) шляхтичей нужно включить в состав уфимского дворянства. Однако сами новоявленные уфимско-мензелинские дворяне не захотели ехать в Уфу и решили выбрать представителем-выборщиком секунд-майора С.Н. Пироговского. Однако и законный представитель мензелинского шляхетства не доехал до Уфы из-за того, что сильно заболел («за одержимою болезнию лихораткою»). Тем временем, уфимские дворяне провели выборы без мензелинцев. Узнав об этом, в мае 1767 г. мензелинские шляхтичи решили, что им нужен не выборщик свой, а особый депутат. Об этом они написали уфимскому воеводу, но предложение шляхтичей местные власти посчитали не целесообразным, о чем и оповестили мензелинского командира Е.К.Тихановского.

В отличие от уфимского воеводы-губернатора Спиридова, его оренбургский начальник считал иначе. И уже в июне того же 1767 г. мензелинские шляхтичи получили пояснение из Оренбурга о том, что нет препятствий к избранию особого депутата. В этом положительном решении имелись и скрытые мотивы. Оренбургский военный губернатор А.А. Путятин считал, что не может быть равенства между уфимскими дворянами и мензелинскими (смоленскими шляхтичами), так как они не обладают одинаковыми правами, поэтому не могло быть и речи о совместной работе в одной избирательной группы. Поэтому отдельные выборы были организованы в самом Мензелинске, уфимскому воеводу пришлось отложить все свои дела и ехать ради этого в самый дальний уездный город губернии. 12 июня 1767 г. Спиридов приехал в Мензелинск, а 15 июня на собрании 97 шляхтичей депутатом избрали отставного секунд-майора Е.К. Тихановского[50]. Как уже было отмечено выше, он же выполнял обязанности мензелинского командира, т.е. был

[50] Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Часть 1. Уфа, 2000. С.55.

главным военным чиновником города. Избранный сначала выборщиком, предводитель мензелинских шляхтичей – отставной секунд-майор С.Н. Пироговский[51], очевидно, не рассматривался в качестве депутата в Уложенную комиссию.

В.В. Ермаков отмечал, что в 1767 г. первым мензелинским предводителем дворянства был избран секунд-майор Спиридон Никифорович Пироговский[52]. Судя по всему, изменилось лишь название шляхетского общества на дворянское, а сами мензелинские дворяне вскоре были лишены этого сословного статуса.

Вопрос о привилегиях шляхетства так волновал казаков, что они написали об этом в своем наказе. Отставные солдаты пытались донести до властей, что шляхтичи никоим образом не могут быть приравнены к российскому дворянству, так как они такие же казаки, как и остальные поселенцы Мензелинска. При этом указывали на то, что у них нет никаких документов подтверждающих благородное происхождение.

«В грамотах, данных при отводе им земли, а равно и в прочих указах, о шляхетстве их ничего не сказано, а упоминаются они как иноземцы и смоленские казаки, – утверждали авторы наказа от лица депутата Ивана Кузнецова, – начальствующие над Оренбургским корпусом, как ныне, так и прежде, требовали от них дипломов на шляхетство, но они не представили их ни на одну фамилию, а показали только один диплом на польском языке с переводом на русский, но не всех речей, на какие именно фамилии того не видно»[53].

Возможно, это прошение имело под собой некоторые основания. Например, филолог и этнограф В.И. Даль представителей мензелинской шляхты относили из-за их особого говора к белорусам. Он отмечал, что характерной чертой выговора является дзяконье, например, вместо предлога *с* они произносили *з*, а звуки *я* и *ю* заменяли на *а* и *у*. Вместо «волк» они говорили «ваулк», «дзядя» вместо

[51] Там же. С.58.

[52] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Ч.1. Казань, 2008. С.105.

[53] Полянов Д. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Т.1. СПб., 1869. С.217.

«дядя», «трабуха» вместо «требуха» и т.д.[54] Конечно, может быть, со временем под обозначением «мензелинская шляхта» начали объединять и польских дворян, и служивших в приграничных крепостях других военных, которые могли иметь и белорусское, и литовское, и даже татарское происхождение. Польско-литовские татары (потомки золотоордынских татар) в Речи Посполитой были заняты, в том числе, на военной службе.

А мензелинцев-солдат в середине XVIII в. волновали сугубо практические вопросы. И даже вопрос о происхождении шляхтичей был поднят лишь для того, чтобы улучшить социально-экономическое положение. Как уже было отмечено, детей казаков забирали на службу, причем отправлялись в армию все сыновья. Иногда получалось так, что отец еще не был уволен, а всех подросших сыновей уже забрали в армию, в таких случаях семья оставалась совсем без мужских рук. При этом дети шляхтичей могли оставить службу по собственному желанию, по достижению определенного чина (по службе они продвигались быстрее), а вот сыновья белопахотных казаков таких привилегий не имели. Даже вышедших в отставку солдат, порой оставляли при полках, для обучения детей военных грамоте и наукам. Или же отставные солдаты состояли в так называемых инвалидных ротах.

В ходе практически пожизненной военной службы недвижимое имущество и усадьбы мензелинских солдат приходили в полное запустение. Некому было смотреть за престарелыми родителями военнослужащих.

«...Отцы и матери их, по пришедшей старости, как не имея при себе из детей помощника, приходят во всекрайнюю скудость, иные принуждены бывают уже питаться мирским подаянием, а город за убылью народа опустевает», – писали в своем наказе отставные унтерофицеры и драгуны.

Они просили императрицу Екатерину II не забирать на военную службу всех детей, а оставить хотя бы одного сына при роди-

[54] Мельников-Печерский П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В.И.Даль и Общество любителей российской словесности. СПб., 2002. С.61.

телях, чтобы было кому смотреть за ними и поддерживать хозяйство[55].

У дворян тоже имелись свои требования. Например, в ходе работы той же Уложенной комиссии некоторыми депутатами был поднят вопрос о дополнительных привилегиях для дворянства. В частности, некоторых избранников-дворян возмущала, что в войсках не всегда соблюдается сословная иерархия. Они призывали не принимать военнослужащих недворянского происхождения в штаб и в обер-офицеры, так как считали недопустимым, когда дворянином командует так называемый простолюдин. Да и факты покупки некоторыми отставными военнослужащими земельных угодий и крепостных рассматривалось депутатами-дворянами как оскорбление дворянской чести, так как, по их мнению, права на владение «землей и людьми» было только у представителей благородного сословия. Поэтому дворянские депутаты предлагали отставным солдатам тратить накопленные деньги не на покупку недвижимости, а отдать ростовщикам и жить на «рост», т.е. на проценты.

Тут надо отметить, что по законам того времени ростовщичество было незаконным промыслом. Поэтому данный наказ возмутил часть мензелинского общества и в своем прошении они отметили, что в российской армии несут службу не только дворяне, которые ограничиваются кратковременной службой, но, прежде всего, «драгунские и солдатские дети», достойные повышения. Авторы наказа обратили внимание и на то, что в отличие от них, некоторые уфимские дворяне и шляхтичи

«никоим иностранным наукам не обучаются, а только одной российской грамоте обучены и арифметике», есть и такие, которые «не знают и русской грамоты, надеясь на то, что они, по званию дворянства, могут получить после недолговременной службы увольнение, а при том и награждение чином, драгунские же дети продолжают военную службу без определенного срока до престарелых лет»[56].

[55] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.115. СПб., 1903. С.215–217.

[56] Полянов Д. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Т.1. СПб., 1869. С.217.

Работа екатерининской Уложенной комиссии 1767–1768 гг. раскрыла многие проблемы российских провинций. Искренне надеясь на справедливость государыни люди с разных концов страны, представители разных сословий, конфессий и этносов писали о насущном и наболевшем. В Уложенной комиссии интересы рядовых военных Мензелинска представляли Иван Кузнецов, а также Данила Докшин и Николай Леонтьев. Сменивший Докшина, Николай Леонтьев являлся помощником графа Андрея Толстого в ходе его работы в составе комиссии «об образе сборов и образе расходов», т.е. при составлении бюджета[57]. Но благие намерения либеральной императрицы вскоре были приостановлены Пугачевским восстанием и основной государственной задачей того времени уже стало усмирение и наказание бунтовщиков.

В конце XVIII в. благородство происхождения многих шляхетских семей Закамья оставалось не доказанным. Поэтому они обратились со своими документами в Оренбургское дворянское депутатское собрание, оттуда ходатайства были направлены в столичную Герольдию[58]. Некоторые таким образом пытались не только доказать благородное происхождение, хотели даже вернуть земельные угодья, оставленные на Смоленщине.

В 1794 г. в Герольдию были направлены документы мензелинских шляхтичей с доказательствами их дворянского происхождения. Это была выписка из крестоприводной книги, выданная московским архивом иностранной коллегии. В документе были перечислены фамилии предков смоленских шляхтичей.

Оренбургское дворянское депутатское собрание, после рассмотрения дел шляхтичей, 12 июля 1799 г. постановило о внесении в дворянскую родословную книгу 42 фамилий шляхтичей. В тот список вошли Бакуны, Богдановы, Борозны, Брудински, Быковы, Булатники, Витковски, Ваможенины, Вышински, Голенищевы, Головы, Дудари, Еньковы, Ждановы, Каменски, Каташи, Космачи, Ляховы, Ляховичи, Медвецки, Микуновы, Моисеенки, Одинцы, Островски, Петровы, Пилецки, Пироговски, Пушки, Пьянковичи,

[57] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.32. СПб., 1881. С.135, 202, 214.
[58] ГАОО. Ф.6. Оп.4. Д.9155. Л.1–1 об.

Превлоцки, Сенкъевы, Сипайловы, Стасевы, Суворовы, Тетеревники, Тимоховы, Тихановски, Тиханы, Усовичи, Филлиповичи, Харкевичи, Янчевски. Всего в списке было 359 чел. мужского пола[59].

После этого подтянулись и заинские шляхтичи. В Оренбургское депутатское собрание прошение о зачислении в дворянство они подали в 1800 г., заявили о равных правах с мензелинскими шляхтичами, предоставили документы о своем происхождении и т.д. Постановлением собрания от 20 июня 1801 г. заинские шляхтичи тоже были внесены в дворянскую родословную книгу Оренбургской губернии[60]. На основании полученных постановлений и мензелинские, и заинские шляхтичи наделялись дворянскими правами, участвовали в выборах дворянского собрания[61].

В этот же период возник вопрос с юридическим доказательством происхождения белопахотных казаков г. Мензелинска. В начале XIX в. в городе существовала отдельная община белопахотных солдат, их старшиной был поручик Танаевцев. Из-за того, что община постоянно увеличивалась (тогда насчитывала 600 мужских душ), росло малоземелье. При этом к мензелинской общине приписывались иногда и отставные белопахотные солдаты из других местностей. Поэтому старшина Танаевцев попытался восстановить список первопоселенцев Мензелинска из числа белопахотных казаков, чтобы иметь под рукой фамилии тех, кто был наделен землей еще в XVI веке. Однако документы, хранящиеся в Казани, были утеряны из-за многочисленных пожаров. Запрос в Московский архив старых дел тоже не дал никаких положительных результатов[62].

---

[59] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.4 об.

[60] Из Заинска в дворянство записались представители 28 фамилий. Это были Абрашевы, Алевски, Ботьинкины Букары, Буткевичи, Белановски, Головачи, Дыньковы, Ермаковски, Есимантовы, Зубовы, Ильины, Зубовы, Ильковы, Кармановы, Колотински, Кустовски, Лопатины, Савинычи, Савины, Саривровы, Скирмантовы, Сукорки, Тиханы, Шевели, Шемановски, Шестаковски, Ярчевски. Всего 294 человека мужского пола.

[61] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.5.

[62] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., М., 1888. Т.27. Кн. 5. С.495–496.

Изменение прав белопахотных казаков к началу XIX в. породила перемены в социальной структуре, появились новые группы. При этом основной проблемой оставалось малоземелье. Белопахотные казаки служили теперь 15 лет, и одного сына казачья семья могла оставить при себе, он полностью освобождался от несения службы. Из этих не служивших казачьих сыновей постепенно образовалась целая сословная группа – так называемых «малолеток», которых насчитывалось около 15 тыс. чел. по всей Оренбургской губернии. На основании указа 1841 г. часть «малолеток» поступила в казаки, и уехала из города, а оставшаяся часть этой группы была приписана к государственным крестьянам.

Интересно, что еще в начале XIX в. некоторые из смоленских шляхтичей (видимо, те из них, кто не был причислен к оренбургскому дворянству) записывались в казаки. Среди них были шляхтичи как из Кувацкой слободы, так и Письмянской, а также из Мензелинска, Заинска и других пригородов. Все они переселялись в крепости Оренбургской укрепленной линии. Так, в 1815 г. в Нагайбакскую станицу была включена 21 семья смоленских шляхтичей из Письмянской и Кувацкой слобод[63]. Неслучайно, Старо-Кувакскую церковь в 1830-е годы в Оренбургской епархии ошибочно учли как казачью церковь. Очевидно, статисты руководствовались тем, что среди жителей слободы, действительно, были казаки.

Другая часть шляхтичей в начале XIX в. сохраняла статус «праздных людей»: они владели имениями как дворяне, но при этом не несли службу. Однако в 1822 г. был издан закон, согласно которому у смоленских шляхтичей отбирали права поместного дворянства. Исключения были сделаны лишь для тех, кто получил дворянство благодаря службе. Остальных обязали продать своих крепостных.

Мензелинские и заинские шляхтичи, как бывшие представители смоленской шляхты, тоже недолго пребывали в статусе дворянства. Уже через четверть века после их причисления к родословной книге Оренбургского дворянства вновь возник вопрос о правомочности благородного происхождения мензелинских и заинских дворян[64].

[63] Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань, 2017. С.70.
[64] ГАОО. Ф.6. Оп.4. Д.9155. Л.1–1 об.

Через несколько лет Герольдией или Герольдмейстерской конторой, ведавшей дворянскими делами, был поднят вопрос о законности дворянского звания для мензелинских шляхтичей. 20 января 1828 г. был издан указ о том, что недостаточно имевшихся доказательств благородного происхождения мензелинских шляхтичей и им было рекомендовано дополнить эти сведения. После этого как мензелинских, так и заинских шляхтичей исключили из дворянской родословной книги Оренбургской губернии.

Но на этом история не завершилась. Мензелинские шляхтичи не захотели просто так лишаться дворянских привилегий. Они вновь составили прошение в Оренбургское дворянское собрание. Снова предъявили прежние доказательства своего благородного происхождения. Среди них были копии документов из Оренбургской гражданской палаты: копия высочайшей грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей от 9 сентября 1682 г., согласно которой шляхтичи наделялись обширными правами землепользования; а также копия именного списка уфимского дворянства и детей боярских, в котором значились и шляхтичи пригорода Мензелинска[65].

Основная проблема мензелинских шляхтичей была в том, что среди их старых документов о земельных владениях и привилегиях, данных еще польским королем, не везде были указаны фамилии. Они имели общий характер, поэтому сложно было доказать кто входил в эту группу, а кто нет. Хотя у многих из них имелись родословные[66].

В начале 1830-х гг. по всей Оренбургской губернии вновь собирали сведения о шляхтичах, об их численности и занятиях. Их вопрос снова рассматривался в Оренбургском депутатском дворянском собрании и было вынесено постановление о том, что шляхта сия «подлежит к внесению в дворянскую родословную книгу». Это решение датировалось 20 сентября 1830 г. Рапорт об этом 26 февраля 1831 г. было направлено в Герольдию.

При этом выяснилось, что у мензелинских шляхтичей доказательств благородного происхождения больше, нежели у заинских. К

[65] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.5 об.
[66] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.4 об.

1833 г. и заинские шляхтичи предоставили в собрание новые документы. Но их все равно обязали дополнить предоставленные сведения[67]. В итоге, немногим шляхтичам удалось сохранить дворянский статус.

Так в середине XIX в. в Мензелинске лишь 47 чел. из потомков смоленской шляхты не облагались налогами[68]. Остальные шляхтичи, не желавшие нести военную службу и предпочётшие работать на отведенных им общинных землях, были включены в сословие государственных крестьян[69]. Так завершилось стародавнее соперничество шляхтичей и казаков. Теперь все они жили за счет хлебопашества и являлись податным сословием. Однако память об историческом прошлом осталась в их сознании.

Численность и занятия шляхтичей Оренбургской губерний в первой половине XIX в. С 1820-х гг. большинство шляхтичей, они же отставные солдаты, были отнесены к разряду государственных крестьян. Как и все население в округе, они занимались земледелием и разведением скота[70]. Смена сословного звания, а вместе с ним и основного занятия, привнесла многим из них новые заботы. Сельскохозяйственный труд не давал бывшим служилым людям (привыкшим к военной службе) приличного дохода. Особенно обременительными были подати, которые они стали платить в качестве государственных крестьян с 1820-х гг.

По данным 1835 г. в Оренбургской губернии оставлось еще 986 чел., относившихся к шляхтичам. В связи, с очередным пересмотром их сословных прав, сведения о численности шляхтичей были собраны со всей губернии. Выяснилось, что в сельских населенных пунктах (уездах) проживало 717 чел., а в городах насчитывалось 269 шляхтичей.

Больше всего шляхтичей было в уездном городе Мензелинске – 186 чел. В Мензелинске функционировало свое шляхетское обще-

[67] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.6.
[68] Ден В.Э. Население России по пятой ревизии… С.38.
[69] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.56–57.
[70] Татарская энциклопедия. Т.5. Казань, 2010. С.416.

ство. В конце 1835 г. его начальником состоял шляхтич по фамилии Дударь[71]. У членов общества были свои права и обязанности.

Шляхтичей Мензелинска пользовались землей по царским грамотам и отводным книгам, а также несли особые повинности. Шляхетское общество должно было содержать при городничем правлении для пожарных нужд две пары лошадей. Кроме того, шляхтичи выполняли так называемые полицейские служительные обязанности. Они следили за порядком не только в самом городе, но и контролировали ближайший большой Уфимский тракт, проселочные дороги и мосты[72].

Большинство мензелинских шляхтичей не имели никакого служебного чина (147 чел.), только 39 чел. из них были связаны с государственной службой и таким образом продолжали служилые традиции своих предков. В целом, в Оренбургской губернии имели служебные чины лишь 94 шляхтича из 986, т.е. около 9,5%.

Что касается сельской местности, то в 1835 г. больше всего шляхтичей проживало в слободах и селах Бугульминского уезда – 578 чел. После Бугульминского следующим «шляхетским» уездом Оренбургской губернии был Мензелинский уезд, где в сельских населенных пунктах было зафиксировано 93 шляхтича. Совсем немного представителей шляхетского звания проживало в Бугурусланском уезде, где (вместе с проживавшими в самом Бугуруслане) насчитывалось 33 шляхтича. Также 21 шляхтич обосновался в губернском центре Оренбурге, еще 21 шляхтич выбрал местом жительства уездный город Белебей. В самих уездах этих городов не было зафиксировано ни одного жителя с сословным званием шляхтич (см. *Приложение №5*).

Таким образом, в 1835 г. в Оренбургской губернии наиболее компактно шляхтичи проживали в Мензелинске и в окрестностях этого уездного города, а также в сельских населенных пунктах Бугульминского уезда. Часть шляхтичей проживала и в сельских поселениях Чистопольского уезда Казанской губернии. Но они, по понятным причинам, не попали в эти списки.

[71] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.13.
[72] Там же. Л.14.

Совместное проживание, нивелирование этносословных границ и другие социально-экономические процессы способствовали ассимиляции шляхтичей. В частности, сообщалось, что к середине XIX в. большинство потомков шляхтичей

«обрусели по языку и вероисповеданию, только в обычае брить бороду и в некоторых особенностях одежды обнаруживают свое западное происхождение»[73].

Это замечание относится не только к шляхтичам Бугульминского уезда Самарской губернии, оно отражает также положение и шляхтичей Мензелинского уезда Уфимской губернии, и жителей слобод Чистопольского уезда Казанской губернии (Архангельской, Черемуховой, Волчьей слобод). Например, о новошешминских поселенцах писали, что им очень нравилось льготное положение, и «они гордясь названием «гвардионов» сохранили некоторую наружность воинских людей, например, брили бороды, носили фуражки и вообще отличались от крестьян некоторой особой выправкой»[74]. В Мензелинске в начале XIX столетия не было Панской слободы, сохранилась только Большая Панская улица[75].

В середине XIX в. о шляхетском происхождении некоторых мензелинцев говорили их фамилии: Каташи, Дудари, Космачи, Борозны и другие. Сословные границы в городе были размытыми. Один и тот же род шляхтичей в течение столетия или даже десятилетий мог поменять несколько сословных званий. Например, в числе первых жителей Мензелинска были Будрины. Российская ветка этого «иноземного рода» начинается с Якова Будрина. Он принял православие при царе Алексее Михайловиче и был направлен на службу в Мензелинскую крепость. Впоследствии его дети (сын Герасим, внук Яков, правнук Поликарп (1694 г. р.), праправнуки Дмитрий, Илья и Федор), а также другие являлись служилыми

[73] Самарская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864. С. XXXII.

[74] Список населенных мест Казанской губернии по сведениям 1859 г. СПб., 1866. С.XLVIII.

[75] Мензелинский край: история и современность… Мензелинск, 2006. С.24.

людьми[76]. Будрины имели в уездном городе домовладения. Однако в XIX в. особым имущественным статусом не отличались и относились уже к мещанам[77]. В основной массе шляхтичи уже в XIX в. ничем не отличались от других крестьян, мещан и разночинцев. Но мензелинские шляхтичи в XIX в. иногда записывались «мещанин из шляхты г. Мензелинск» или «крестьянин из шляхт г. Мензелинска»[78]. Судя по всему, с такими обозначениями они все же пытались подчеркнуть свое особое происхождение и хоть как-то выделиться среди основной массы горожан.

Помещичьи имения мензелинских шляхтичей накануне отмены крепостного права. Некоторые шляхтичи, сохранившие за собой дворянское звание, сумели существенно увеличить размер земельных наделов, доставшихся по наследству. Земли шляхтичей, их хутора и деревни, очень часто располагались вблизи города Мензелинска. Это объяснялось тем, что военным Мензелинского острога земельные наделы выдавали поблизости от крепости.

Накануне отмены крепостного права среди владельцев помещичьих имений в Мензелинском уезде были следующие шляхетские фамилии: Ляхович, Борозня, Филипович, Дударь, Харкевич, Буткевич, Пьянкович, Петровский (Петров), Брудинский, Тихановский. Таким образом, шляхтичей-собственников помещичьих имений ко второй половине XIX в. осталось уже совсем немного.

Поместья шляхтичей были разными и по земельным размерам, и по количеству крепостных душ. Например, небольшие в 76–93 дес. (как у Дударей, Буткевичей) или могли включать в себя земельные угодия размером от 1,3 до 1,5 тыс. дес. (Филиповичи, Харкевичи). Крепостных тоже могло быть 13 чел. как у Дударя, так и почти 400 как у Филиповича в деревне Ильинское.

Помещичьи имения с крепостными до 100 чел. считались небольшими. Поэтому они даже не вошли в общеимперский свод о помещичьих имениях, подготовленный накануне отмены крепостного права. Согласно данным из этого справочника в Мензелинском уезде было 29 крупных имений (от 100 крепостных крестьян и выше). Из

[76] Савелов Л.М. Родословные записки. Т.1. М., 1906. С.288.
[77] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.3. Л.53-об–54.
[78] Волжский вестник. 1898. 17 июня. №148.

них потомкам шляхтичей принадлежало только два. Одно имение находилось в селе Архангельском, и собственником являлся Василий Ильич Харкевич. В Архангельском проживало 108 крепостных душ, село состояло из 36 дворов[79]. Другим названием Архангельского было Федотово. В селе имелся свой православный приход и церковь. Помещичье имение представляло собой 1533,5 дес. земли. Кроме В.И. Харкевича, по другим данным, еще одним владельцем в этот период указывался некий Шкапский. Помещики тоже проживали в Архангельском и сами управляли своим имением. Судя по всему, в общеимперский свод были включены немного устаревшие данные, с меньшим количеством дворов и крепостных крестьян. По сведениям, опубликованным в газете «Оренбургские губернские ведомости» в 1861 г. в Архангельском проживало 266 крепостных крестьян, а число дворов выросло до 51. При этом Харкевичу принадлежало 202 крестьянина, а Шкапскому – 27 чел. Также у каждого владельца были дворовые люди, 15 и 22 соответственно[80].

К 1870 г. в Архангельском (кроме Федотово, еще одним названием села было Алексеевское – *прим*.) насчитывалось 56 дворов, а численность населения выросла до 316 чел. В селе к тому времени были две церкви, видимо, это тоже объяснялось тем, что в населенном пункте было два хозяина – Харкевич и Шкапский. Обычно, именно помещики становились инициаторами строительства церквей, они и выделяли основные средства на возведение сельских храмов. Также в Архангельском, на речке Зыче имелась водяная мельница[81]. Многие крестьяне продолжали работать в помещичьем имении.

Кроме Архангельского, семье Харкевичей принадлежала еще небольшая помещичья деревня Степановское с 13 дворами. Насе-

[79] Приложения к трудам редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости: Сведения о помещичьих имениях. Т.2. СПб., 1860. С.10.

[80] Роднов М.И. Новые материалы о помещичьем хозяйстве в Мензелинском уезде накануне отмены крепостного права // Вестник СамГУ. 2012. №2/2. С.76, 82.

[81] Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. Уфа, 2002. С.322.

ленный пункт относился к приходу села Троицкое. Степановское находилось в шести верстах от Мензелинска[82].

Вторым крупным имением, указанным в общеимперском своде помещичьих имений 1860 г., в Мензелинском уезде владели наследники помещика Ильи Петровича Филиповича. Село под названием Тагаево (Тогаево) ныне находится в Тукаевском районе РТ. В 1860 г. поселение было примерно таким же как Архангельское – состояло из 40 дворов. А крепостных крестьян в Тагаево проживало гораздо больше – 201 чел.[83] По другому Тагаево называли Ильинское. По данным 1861 г., данное помещичье имение было достаточно обширным и включало в себя более 1381 дес. земли, и 362 крепостных. При этом дворов к тому времени было уже меньше – 35. При барском доме применялся невольный труд еще 21 человека. Жители Ильинского относились к православному приходу церкви в селе Орловка, в семи верстах от деревни. Скорее всего, из-за несовершеннолетия наследников Ильи Петровича Филиповича имением накануне отмены крепостного права управлял опекун, некий Крутиков[84]. Кроме того, представителям Филиповичей принадлежало имение в селе Богородицкое (Богородское), земельный участок постоянно дробился[85].

---

[82] Интересно, что в этом помещичьм имении, по данным 1861 г., проживало 105 креп. крестьян, еще 16 чел. трудились при доме хозяев. Крепостные обрабатывали 587 дес. земли [Роднов М.И. Указ. соч. С.73, 78]. Но по каким-то причинам Степановское не попала в свод помещичьих имений Оренбургской губернии. Видимо, чуть ранее количество крепостных крестьян в Степановском было меньше 100 чел. В первой половине XIX в. представитель рода Харкевичей – Петр Михайлович – владел некоторое время помещичьей деревней Большая Алеевка [Мензелинский край: история и современность … С.127].

[83] Приложения к трудам редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости: Сведения о помещичьих имениях. Т.2. СПб., 1860. С.10.

[84] Роднов М.И. Новые материалы о помещичьем хозяйстве в Мензелинском уезде… С.76.

[85] По своду 1860 г. владельцем этого имения значился дворянин Степан Степанович Мусин-Пушкин. В селе проживали 132 креп. и насчитывалось 33 двора [Приложения к трудам редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах… Т.2. С.8]. В 1861 г. имением Богородицкое (еще одно название Поручиково) в размере 991 дес. земли владели Филипович, Пыхачев,

Остальные имения Мензелинского уезда, принадлежавшие потомкам шляхтичей, были небольшими[86]. Среди хозяев встречались и женщины. Например, мензелинская помещица Пьянкович владела деревней Ивановка (всего 7 дворов). В поместье работали 30 крепостных душ, и еще 4 чел. трудились при доме хозяйки, т.е. были дворовыми людьми. Владелица и сама проживала в Ивановке. Деревня была приписана к приходу ближайшего села Троицкое, в четырех верстах от Ивановки[87]. Еще одна помещица шляхетского происхождения – Брудянская владела деревней Аннинское (Верхний Сурончак), тоже с 7 дворами и 47 крепостными. Деревня была приписана к приходу села Новое Мазино и находилась в шести верстах от него[88]. Анна Николаевна Брудинская[89] владела деревней Тимирган в

Юферова, Ивановская и Буткевич. Род Буткевичей происходили из заинских шляхтичей. В помещичьем селе Богородицком к тому времени насчитывалось 38 дворов, а число креп. душ увеличилось от 132 до 347 чел. (261 креп. крестьян и 86 дворовых). В селе имелась своя церковь. Но не все владельцы имения проживали в имении. Филипович жил в Бугурусланском уезде, а о местонахождении Пыхачева сведений не было. В Богородицком жили только Буткевич и, судя по всему, еще Ивановская и Юферова [Роднов М.И. Указ. соч. С.74, 79].

[86] Например, во владения фамилии Буткевичей входило еще помещичье имение Пустынка. На 93 дес. земли трудились 33 креп. крестьянина, а в барском дворе работали еще 14 чел. В Пустынке было всего 6 дворов. Управляли имением сами владелицы – девицы Буткевич. Жители деревни относились к приходу Александровской слободы. Церковь находилась в 6 верстах от Пустынки. У Буткевичей в совместном владении с Пьянковичами находилось также имение Колесникова (Константиновка). Общая площадь земли составляла более 560 дес. В имении трудился 91 креп. крестьянин, еще 31 чел. были прикреплены к барскому двору [Роднов М.И. Указ. соч. С.75–76].

[87] Роднов М.И. Указ. соч. С.72, 76.

[88] Там же. С.73, 77.

[89] А.Н. Брудинская была урожденной Товарищевой [НМ РТ. КППи-100320], состояла в родстве с Веничанскими, Максимовыми. У А.Н. Брудинской было недвижимое имущество, в том числе креп. крестьяне, в совместной собственности с К.Максимовой, Н.Товарищевой [НМ РТ. КППи-100350; НМ РТ. КППи-100343], а также с надворной советницей Марией Павловной Катанской [ГА РТ. Ф. 324. Оп.729. Д.1103.]. В 1870-е годы титулярной советнице Анне Николаевне Брудинской принадлежал еще участок земли в д. Анновка Мензелинского уезда [ГА РТ. Ф.324. Оп.729. Д.567]. Рядом с Мензелинском в

двух верстах от Мензелинска. У неё имелось, судя по всему, солидное барское домовладение, которое обслуживали 23 дворовых чел. Всего в этом населенном пункте насчитывалось 6 дворов, где проживало только 15 крепостных крестьян[90].

Многие поместья за время своего существования неоднократно меняли хозяев[91]. Сразу у нескольких Дударей были небольшие имения в совместном владении с представителями других дворянских фамилий, очевидно, связанных с ними родственными узами. Такая же ситуация была и у Тихановских[92].

тот же период владел еще одним земельным участком титулярный советник Брудинский Константин Иванович [ГА РТ. Ф.324. Оп.729. Д.694], а также коллежский секретарь Брудинский Алексей Николаевич [ГА РТ. Ф.324. Оп.729. Д.697]. В 1870–1873 гг. было проведено размежевание, так появились мелкие земельные участки, принадлежавшие разным представителям семьи Брудинских.

[90] Роднов М. И. Указ. соч. С.73, 78.

[91] Например, примерно в 12 верст. от Мензелинска существовал населенный пункт Большая Алеевка. По данным 1795 г. деревня принадлежала шляхтичу Василию Сергеевичу Ляховичу. Тогда там было всего 4 крестьянских хозяйства. По данным 1811 г., хозяевами были представители других шляхетских фамилий – коллежский секретарь Борозня Сергей Егорович и сын помещика соседней деревни Гришино – Дениса Федоровича Петрова – Григорий. Крепостных у Борозня было 5 чел., у Петрова – 13. Смену владельцев можно объяснить передачей по наследству. Но встречались и случаи продажи имений. Так хозяином Большой Алеевки в 1816 г. стал Харкевич Петр Михайлович. У него было 23 креп., купленных у корнета Александра Шишкова. Спустя 34 года, владельцами поместья являлись тоже потомки шляхтичей – Петровы из Гришино. Глафире и Владимиру Васильевичу Петровым принадлежали всего 7 креп. крестьян. [Мензелинский край: история и современность… С.127].

[92] Например, хутор Аннинский (13 креп., 76 дес. земли) был совместной собственностью Дударя и Можаровой. Владельцы проживали в хуторе. Расстояние до Мензелинска составляло 5 вёрст. Помещичьей деревней Георгиевское (12 дворов) владели Дударь, Вернеева, Исаев и Тихановский. Последний тоже происходил из шляхетского рода. В имении жил Исаев и, судя по всему, Вернеева. Другие владельцы поместья – Дударь и Тихановский проживали в Мензелинске. В Георгиевском трудились 65 креп. и 49 дворовых крестьян. Общая площадь земельной собственности составляла 469 дес. Хозяйственная деятельность велась раздельно, Исаев сам управлял своей долей, а земли

Таким образом, большинство потомков шляхетских фамилий Мензелинского уезда владели небольшими поместьями, в которых количество крепостных крестьян было меньше 100 чел. Очень многие владельцы сами управляли имением и проживали там же.

1.3. Социально-просветительская сфера уездного города

Мензелинские храмы. Первые учебные заведения дореформенной эпохи. Первые учителя Мензелинска. Создание системы здравоохранения в Мензелинском уезде.

Мензелинские храмы. Архитектурной доминантой и духовной основой любого дореволюционного российского города являлись храмы. Первые храмы в Мензелинске, судя по всему, появились еще в XVII столетии. Согласно источникам XVIII в., в Мензелинске имелась церковь Смоленской Божьей матери. Очевидно, другим названием этого храма был Николаевский. Так, среди документов Мензелинской приказной избы, датируемых 1703 г., упоминается псаломщик Николаевской церкви[93]. Во второй половине XVIII в. в Мензелинске было до 700 дворов и две церкви: Смоленской Божьей матери и во имя святых апостолов Петра и Павла[94].

Благодаря стараниям отставного военного, унтер-офицера Матвея Дмитриевича Ситникова в городе появился Никольский собор – самый большой храм. Деньги на его строительство офицер собирал

Тихановского и Дударя были под контролем их креп. крестьян. Деревня Кутюково (6 дворов и 822,5 дес. Земли) тоже принадлежала Тихановскому. Вторым собственником была Васильева. Владельцы жили в деревне и сами управляли поместьем. Креп. крестьян было немного – 9 чел. А вот дворовых людей больше – 46 чел. Кутюково была маленькой деревней, без своего храма, жители относились к приходу церкви села Новоспасское [Роднов М.И. Новые материалы о помещичьем хозяйстве в Мензелинском уезде накануне отмены крепостного права // Вестник СамГУ. 2012. №2/2. С.74, 76, 78, 82].

[93] РГАДА. Ф.1139. Оп.1. Д.16.

[94] Россия: Полное географическое описание нашего отечества… С.531.

несколько лет. Никольский собор был построен в 1813 г. Вероятно, он был возведен на основе старого храма города, т.к. назывался Собор во имя Св.Чудотворца Николая с пределами Смоленской Божьей матери и Феодосия Тотемского[95]. Никольский собор (или как его часто называли в документах XIX века – Николаевский) был выстроен по архитектурной «моде» первой половины XIX в. – в стиле классицизма и поражал своим великолепием.

Троицкая церковь тоже имела давнюю историю. Вначале она была деревянной, она известна еще с XVIII в. (церковь во имя Святых апостолов Петра и Павла). Но в 1784 г. сгорела (ударила молния) и на ее месте горожане решили построить новую каменную церковь во имя Святой Троицы с пределами Святого Флора и Лавра[96]. Одна из улиц Мензелинска в честь этого храма называлась Церковная[97].

Кладбищенская церковь во имя Святого Пророка Илии тоже отсчитывала свою историю еще с XVIII столетия. Она была построена в 1799 г. по инициативе мензелинского городничего Ивана Ивановича Микунова[98].

Этот храм был примечателен тем, что в 1836–1837 гг. рядом с ним поселились несколько стариц. Из этой общины через несколько десятилетий вырос Пророко-Ильинский женский монастырь[99]. Женская община при Кладбищенской церкви была учреждена в 1854 г.[100] Инициатором его создания стал протоиерей Никольского собора Александр Шильнов. Во главе общины стояла мензелинская мещанка Евфросинья Собина, позднее ей помогала Домника Реутова, тоже мещанка из Мензелинска. Проживало в обители до 120 сестер. В монастыре имелась иконописная мастерская, а также многие монахини занимались рукоделием: на заказ вышивали различ-

[95] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.59.
[96] Там же.
[97] Уфимские губернские ведомости. 1900. 23 декабря. №277.
[98] Елдашев А. Мензелинский Пророко-Ильинский женский монастырь // Эхо веков. 2011. №1/2. С.226.
[99] Россия: Полное географическое описание нашего отечества… С.531.
[100] ГАОО. Ф.6.Оп.6. Д.13340. Л.9.

ные предметы женского туалета и для домашнего интерьера, делали искусственные цветы. Будучи монастырем третьего класса, Пророко-Ильинский женский монастырь не получал никаких пособий от казны и содержался полностью на свои средства[101]. Уже с 1868 г. при монастыре открылась женская церковно-приходская школа[102].

Пророко-Ильинскому женскому монастырю иногда оказывали благотворительную помощь разные лица. Например, елабужский купец Иван Иванович Стахеев пожертвовал монашеской общине солидную сумму – 4 тыс. руб.[103]. Очевидно, именно на эти средства во второй половине XIX в. на монастырской земле и была возведена Преображенская церковь. На сегодняшний день и данный храм, расположенный недалеко от Мензелинска, является объектом культурного наследия[104].

Храмы, помимо своей духовно-религиозной роли, были наделены еще дополнительными функциями. Их служители выступали в качестве регистраторов основных жизненных событий человека: от рождения до смерти. В рамках прихода регулировалось поведение горожан, авторитет священнослужителя и самоконтроль общины служили определенным гарантом социальной стабильности.

Первые учебные заведения дореформенной эпохи. Сведения об образе жизни мензелинцев XVII в. очень обрывочны, нет данных об обучении детей местных жителей. Судя по всему, лишь XVIII столетие стало настоящим веком просвещения. Первое учебное заведение для детей служилых людей открылось в поселении в 1743 г. Это была типичная гарнизонная школа, подобные учебные заведения для детей военных начали открываться по стране после Указа Петра I-го от 1721 г. Планировалось, что выпускники Мензелинской школы пополнят военные ряды оренбургского и уфимского полков[105]. Однако данное просветительское начало не сумело пустить корни в малень-

[101] Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). Казань, 1998. С.206; Елдашев А. Указ. соч. С.226–227.
[102] Елдашев А. Указ. соч. С. 228.
[103] Республика Татарстан: Православные памятники… С.206.
[104] Объекты культурного наследия Республики Татарстан. Т.1. Казань, 2016. С.556.
[105] Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т.2, часть 2. М., 1902. С.186.

ком населенном пункте. Мирному развитию помешала, очевидно, и нестабильность эпохи. Поэтому школа в Мензелинске проработала недолго. Новое учебное заведение в городе появилось спустя много десятилетий, по истечению почти полвека, только в 1789 г.

Этому событию предшествовала городская реформа Екатерины II и получение «городского» статуса в 1781 г. Мензелинск стал уездным центром Уфимского наместничества. А в 1786 г. императрицей был утвержден «Устав о народных училищах», согласно которому в уездных городах необходимо было открыть малые народные училища. Так началось формирование особой городской социокультурной среды, где просвещение занимало одно из центральных мест. Начальное училище, открывшееся в Мензелинске в 1789 г., долгое время – снова в течение полувека – оставалось единственным официальным учебным заведением во всем Мензелинском крае. В малом народном училище обучали чтению и письму, русской словесности и арифметике. Конечно, было предусмотрено и религиозное воспитание: имелся предмет закон Божий.

Одной из самых замечательных особенностей Устава 1789 г. было то, что в народных училищах могли обучаться дети всех сословий, в том числе из семей крепостных. Это был очень прогрессивный шаг для XVIII столетия. Не менее прогрессивными были и учебные пособия, рекомендованные для чтения ученикам народных училищ. Так, в 1783 г. был издан учебник под названием «О должностях человека и гражданина». Эта книга была составлена австрийским педагогом Иоганном Фельбигером, перевод на русский язык и издание в России было осуществлено по указанию Екатерины II. Что же хотела привить ученикам народных училищ просвещенная императрица? В учебнике давались понятия о душе, памяти, разуме, воле, о добродетелях и пороках человека. Кроме того, в книге приводились первичные знания по гигиене и медицине, основам этикета и домоводства. Интересна третья часть пособия об общественном устройстве, о правах и обязанностях представителей различных сословий, о гражданском союзе и т.д. Эта была своеобразная энциклопедия идеалов эпохи Просвещения; с установками, направленными, прежде всего, на формирование идеального гражданина Екатерининской России.

Кроме Мензелинского малого народного училища, в 1789 г. в Оренбургской губернии аналогичные двухклассные (двухгодичные) училища открылись еще в Оренбурге и Челябинске, в Уфе было учреждено четырехклассное главное народное училище, где учебная программа занимала пять лет. Выпускники малых училищ могли продолжить обучение в главном училище[106].

В 1803 г. в Мензелинском малом народном училище было 47 учеников, работали два учителя[107]. Чуть позднее было зафиксировано еще большее количество учеников – 75 чел. Все они являлись детьми солдат и крестьян. Проверяющие отмечали, что учащиеся особенно отличились своими познаниями по учебнику «О должностях человека и гражданина»[108]. Усилия просвещенной императрицы по созданию народных училищ не были напрасными. Более того, спустя 28 лет после открытия, выпускникам Мензелинского малого народного училища не надо было ехать в Уфу за новыми знаниями. Все они получили возможность продолжить образование в своем уездном городе. В 1817 г. учебное заведение было преобразовано в Мензелинское уездное училище. Прежде всего, преобразование коснулось учебной программы, она была значительно расширена. Если в XVIII в. обучение ограничивалось русской словесностью и арифметикой, то с 1810 г. в Мензелинске начали преподавать географию, историю, гражданскую архитектуру, грамматику и рисование.[109] Уездные училища должны были служить подготовительными классами для дальнейшего обучения в гимназии. Поэтому образованная часть мензелинского общества с воодушевлением встретило изменения, был организован даже городской праздник в честь данного знаменательного события – открытия Мензелинского уездного училища. Это была маленькая, но очень важная победа в деле народного просвещения.

---

[106] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. М., 1994. С.23.

[107] Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива МНП. СПб., 1902. Т. 4, вып. 1. С.308.

[108] Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. 1805–1819. Рассказы по архивным документам. Т.1. СПб., 1904. С.506–507.

[109] ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ. Ф.35. Оп.1. Д.23. Л.3.

Интересно, что среди учащихся встречались и нерусские дети: татары, марийцы, удмурты. Мензелинское уездное училище выполняло невольно еще и функции миссионерского учебного заведения.

«Любопытно, что татары тогда (не то что теперь, когда им дают средства не ходить в русские училища) охотно учились в училище, больше узнавали, и, по словам визитатора «были особенно остры и понятливы», – писал в конце XIX в. профессор Н.Н.Булич. – Он приводил пример одного татарина, который «сам собой явившись учителю и прося его обучить себя, успел в сие время пройти букварь несколько читать». Учили даже катехизису, но визитатор «находя сие для татар по основаниям правительства, в рассуждении исповедания вер излишним, тем более, что сим многие прочие удержаться отдавать детей своих в училище, предложил словесно учителю от сего уклоняться»[110].

Постепенно из программы обучения уходят установки адептов эпохи Просвещения: после смерти Екатерины II воспитанию гражданских чувств, а также научно-практическим знаниям (вроде медицины, домоводства и этикета) стали уделять меньше внимания. Итогом такого отношения стало полное изъятие с 1819 г. по распоряжению Министерства духовных дел и народного просвещения учебника «О должностях человека и гражданина» из программы народных училищ. Кроме того, в 1828 г. появился новый устав уездных училищ, согласно которому, эти учебные заведения предназначались для обучения, главным образом, детей купечества, чиновников и дворян. Но для Мензелинска, большинство населения которого составляли городские крестьяне и мещане, уездное училище долгое время оставалось единственным учебным заведением. В 1835 г. оно стало трехклассным училищем[111], что опять указывает на расширение программы обучения. В первой трети XIX в. учителями Мензелинского уездного училища работали С.П. Воронов, И.Шляпников, Е.Д. Круглополев и другие.

Указ Святейшего Синода от 19 октября 1836 г., изложенный в особых «Правилах касательно первоначального обучения поселян-

[110] Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. С.506–507.

[111] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.73.

ских детей», привлек в сферу народного просвещения православное духовенство. Согласно указу они могли создавать приходские училища при церквях и монастырях. При этом приходские школы существовали и до этого, но не имели массового распространения. Указ Синода должен был усилить роль духовенства в воспитании и обучении подрастающего поколения[112]. Практически сразу после обнародования этого указа было принято об учреждении в Мензелинске приходского училища. Оно начало работать при Никольском кафедральном соборе с 1839 г.[113] В том же году такие же приходские училища открылись в других городах Оренбургской губернии: в Стерлитамаке, Челябинске, Троицке, Бирске, а также в Уфе. До этого приходское училище имелось только в самом Оренбурге[114].

Мензелинское приходское училище сразу стало популярным учебным заведением. Дело, конечно, не только в том, что церковная начальная школа внушала больше доверия широким слоям населения. Сыграли свою роль и рекомендации властей по усилению сословной дифференциации в школьном деле. Поэтому число учащихся Мензелинского уездного училища, с открытием в городе приходского училища, заметно сократилось. Так, если в 1817–1818 гг. в уездном училище обучалось 75 чел., к середине века их число сократилось до 48 учеников[115].

Больше десяти лет работал учителем приходского училища Андрей Васильевич Слободин. Он был сыном мензелинского «малолетки», т.е. происходил из бывших солдат, учился в Мензелинском уездном училище. С 1835 г. сначала работал в приготовительном классе приходского училища, затем обучал чистописанию, выполнял обязанности и законоучителя. Но из-за холерной эпидемии учитель А.В. Слободин рано ушел из жизни, умер в августе 1848 года.

[112] Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 годы. СПб., 1901. С.79.
[113] Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С.XXI.
[114] Фархшатов М.Н. Указ. соч. С.25.
[115] Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С.243.

У него осталась вдова и 4 малолетних детей, но им было назначено лишь небольшое единовременное пособие[116].

К 1850-м гг. в Мензелинском уездном училище, в котором когда-то обучались дети всех сословных званий и разных конфессий, учились преимущественно дети дворян и чиновников (16 чел.), купцов и мещан (10). А в Мензелинском приходском училище в это время большинство учащихся являлись детьми разночинцев и крестьян, отпрысков дворян, купцов и мещан было всего несколько человек[117].

Таким образом, накануне Великих реформ Александра II в Мензелинске было всего два учебных заведения, где дети могли получить начальное образование. Долгое время горожан и жителей Мензелинского уезда устраивало такое положение народного образования.

Первые учителя Мензелинска. Пока мы не располагаем сведениями о том, кто был первым учителем в Мензелинске в гарнизонной школе 1743 г. Возможно, в первом учебном заведении тогда еще пригорода обучал грамоте отставной офицер.

Однако известно имя учителя открывшегося в 1789 г. малое народное училище. Его звали Воронов Степан Петрович. Он родился в 1768 г. и происходил из семьи священнослужителей. Учился в Казанской духовной семинарии. Это учебное заведение было единственным, в своем роде, для всего Волго-Уральского региона и функционировало с 1733 г. Как было написано в формулярном списке С.П. Воронова, он

«обучался латинской грамматике, ситаксиме, поэзии, риторике и истории с должным рачением и успехом».

В этот период именно на выпускников духовных семинарий были возложены обязанности, связанные с организаций работы народных училищ. Поэтому и первый учитель для Мензелинского малого народного училища прибыл именно из Казанской духовой семинарии. Правда, после окончания семинарии (1788 г.) выпускник С.П. Воронов был отправлен в Симбирское главное народное учили-

[116] РГИА. Ф. 733 Оп. 45 Д. 149. Л.2.
[117] Черемшанский В.М. Указ. соч.

ще «для познания предметов учения касающихся народных училищ». И только после своеобразной стажировки, 15 июня 1789 г. Сергей Петрович поступил на службу в Мензелинское народное училище учителем 1-го класса, а с 1816 г. он начал работать также штатным смотрителем (руководителем) этого учебного заведения[118].

Известно, что учитель Воронов подготовил описание Мензелинского уезда. Однако рукопись нигде не была опубликована. Попадал учитель Воронов и в скандальные ситуации. Так, в 1818 г. в университетских стенах разбиралось дело об учителе Мензелинского училища Воронове, которого обвинили в мошенничестве – «обманном присвоении себе» чужого имущества. Это была волчья шуба «крытая синим сукном», принадлежавшая вятскому учителю Кошкареву. В деле уточняется, что Кошкарев поначалу обменял шубу на часы Воронова. Однако спустя некоторое время, очевидно, он спохватился и решил отменить невыгодную сделку. Так мензелинский учитель Воронов получил репутацию фигуранта «грязного дела». Виной же всему было злоупотребление некоторых учителей спиртными напитками – дружеские посиделки иногда принимали вот такой неожиданный судебный характер[119].

В 1825 г. учитель С.П. Воронов подал в отставку в чиновничьем звании титулярного советника. Ему была назначена пенсия. А на должности штатного смотрителя Мензелинского уездного училища его сменил выпускник Оренбургской духовной семинарии, окончивший курс богословских наук, Александр Дьяконов[120].

В начале XIX в. в уездном городе работали и другие учителя. Например, в 1816 г. в Мензелинске не первый год трудился учитель Иван Шляпников. Нельзя исключать того, что он тоже мог быть в числе прибывших из Казанской духовной семинарии первых учителей для Мензелинского малого народного училища. Шляпников был человеком разносторонне образованным, наблюдательным и думающим, обладал несомненным литературным талантом. Например, во время праздничного открытия в 1817 г. Мензелинского

[118] РГИА. Ф. 733. Оп.40. Д.197. Л.1–9.
[119] Загоскин Н.П. История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т.3. Казань, 1903. С.240.
[120] РГИА. Ф. 733. Оп.40. Д.197. Л.1–9.

уездного училища торжественные речи для всех выступающих (то есть для всего местного начальства) были подготовлены учителем Шляпниковым. Этот момент подметил для себя приехавший на мероприятие высокий гость из Казанского университета. Литературный талант Шляпникова – необходимое качество для учителя народных училищ того времени. Согласно Уставу 1804 г., помимо своих основных педагогических обязанностей, они должны были заниматься научной деятельностью: составлять различные исторические, метеорологические, топографические и статистические записки о своем крае. Поэтому многие из педагогов того периода являлись авторами различных научных трудов, литературных сочинений, переводов. Результаты их деятельности публиковались в местной печати, а некоторые отправлялись в Петербургскую академию наук[121]. Поэтому Иван Шляпников был одним из таких учителей-исследователей начала XIX столетия. В 1816 г. в газете «Казанские известия» было опубликовано его «Статистическое и топографическое описание Мензелинска». Научный труд мензелинского педагога охватывал разные стороны жизни уездного города: экономической и социокультурной. Публикация является наиболее объемным описанием Мензелинска начала XIX в. Впервые, после кратких сведений заезжих путешественников-историков, ограничивавшихся стандартным набором цифр и фактов о городе, Мензелинск представлен «живым»: со своими неповторимыми обывателями, радостями и проблемами. Но в данной публикации угадывается некоторая чужеродность Шляпникова в мензелинском обществе: основную массу жителей (шляхтичей) он описывает как равнодушных ко всему хлебопашцев, далеких от просвещения и науки. Учитель откровенно скучает среди необразованной толпы, в городе без «публичных увеселений», а народные гуляния его совсем не радуют. Городское пространство тоже скорее раздражало учителя, чем радовало: он отмечает «дурно построенные дома», жалуется на отсутствие

[121] Казакова О.М. Проблемы развития профессиональной структуры и ментальности провинциального учительства в XIX в. (на примере Вятской губернии) // Вестник Чувашского университета. 2008. №4. С.45.

«порядочной архитектуры»[122]. Судя по всему, столь нелестную критику в адрес города и его жителей Иван Шляпников позволил себе, зная, что основная масса горожан никогда не прочитает его опус. Кроме того, он играл таким образом данную ему роль наблюдателя со стороны. Самое главное, это описание было зафиксировано в отчете университетского начальства, именно они являлись надзорными над уездными училищами и их учителями в то время.

По долгу службы, аналогичное описание Мензелинского края составил и учитель Воронов. Но его «Записки по части хозяйства в Мензелинском уезде» так и остались лишь в виде рукописи[123], они не стали достоянием широкой общественности как описание Ивана Шляпникова. Возможно, где-то в архивах Казанского университета еще дожидается своего часа и рукопись Воронова.

Что касается Ивана Шляпникова, то он в конце концов переехал из Мензелинска в соседний уездный город Елабугу. Возможно, не очень хвалебное им описание Мензелинска дошло все-таки до горожан и это стало причиной его отъезда. В начале 1820-х гг. И.М. Шляпников служил смотрителем и учителем Елабужского уездного училища Вятской губернии. Переехал он в соседний уездный город в 1823 г.[124] А в 1826 г. его не стало, осиротевшая семья учителя Шляпникова ходатайствовала перед новым Министерством народного просвещения о выдаче пособия после его смерти[125].

После Шляпникова и Воронова в Мензелинском уездном училище долгие годы преподавал Е.Д. Круглополев. В отличие от Шляпникова и Воронова, он не занимался научными изысканиями и посвящал себя только педагогической работе. В 1838 г. учитель Мензелинского уездного училища Е.Д. Круглополев начал ходатайствовать о назначении себе заслуженной пенсии. Но вопрос этот растянулся на долгие пять лет[126]. Анализ архивных документов по-

[122] Шляпников И. Статистическое и топографическое описание Мензелинска // Казанские известия. 1816. 9 сентября. №73.
[123] Загоскин Н.П. История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т.2. Казань, 1902.С.241.
[124] ГА РТ. Ф.977. Оп.3. Д.736.
[125] РГИА. Ф. 733 Оп. 40 Д. 249. Л.1.
[126] РГИА. Ф. 733 Оп. 42 Д. 156. Л.1.

казывает, что для многих учителей был очень актуальным вопрос о назначении пособия по результатам службы. При этом некоторые из них начинали ходатайствовать об этом, не дожидаясь солидного педагогического стажа.

В конце 1840-х–1850-е гг. учителями Мензелинского уездного училища работали И.С. Виноградов, П.С. Лешедко и М.С. Волков.

Сын священника, учитель арифметики и геометрии Иван Сергеевич Виноградов окончил не полный курс Санкт-Петербургского педагогического института. Некоторое время работал учителем в Елабужском уездном училище. Но в Мензелинское училище он пришел, оставив совершенно иной род деятельности: служил до этого заводским исправником на горных заводах Пермской, Оренбургской губерний, затем была служба исправником в Вятской губернии, там тоже сменил несколько уездов. Но на прежней службе И.С. Виноградов допустил ошибки в делопроизводстве, в результате, его привлекли к судебному разбирательству. По решению суда получил строгий выговор с внесением в послужной список. Кстати, его судимость не стала препятствием к исполнению обязанностей учителя в Мензелинске.

В качестве учителя Мензелинского уездного училища И.С. Виноградов сумел проявить себя с лучшей стороны, в 1850 г. его представили к служебной награде. Однако имевшаяся в послужном списке судимость сначала рассматривалась как препятствие к награждению учителя[127]. Но 20 июня 1850 г. Иван Сергеевич получил повышение – чин коллежского асессора, а также знак отличия беспорочной службы и орден святого Владимира 4-й степени[128]. Через два года, в 1852-м, отработавший десять лет в гражданском и горном ведомствах, 60-летний И.С. Виноградов вышел в отставку с назначением пенсии. Ему предоставили право ношения и в отставке мундира учителя[129]. Интересно, что учитель в отставке И.С. Виноградов в 1854 г. женился во второй раз, причем на 30-летней вольноотпущенной крестьянке. Но брак Афанасии Николаевой и Ивана Виноградова продлился совсем недолго, он скончался через не-

[127] РГИА. Ф.733. Оп.45. Д.208. Л.1, 9, 13.
[128] РГИА. Ф.733. Оп.46. Д.124. Л.24.
[129] Там же. Л.1 об.

сколько лет. В 1859 г. его вдове, проживавшей к тому времени уже в Уфе, назначили пенсию[130].

П.С. Лешедко и М.С. Волков работали примерно в один период с И.С. Виноградовым. Учитель русского языка Павел Семенович Лешедко происходил из дворян. П.С. Лешедко учился на первом отделении философского факультета Казанского университета, но не завершил обучение, т.к. в 1842 г. поступил на службу в Оренбургское уездное училище. Но уже в феврале 1844 г. перевелся на должность учителя в Мензелинское уездное училище. После 13-летней трудовой деятельности на ниве народного просвещения, в 1855 г. П.С. Лешедко подал в отставку по состоянию здоровья. До пенсии он не дослужился, ему полагалось только единовременное пособие в размере годового оклада (200 руб. серебром)[131].

В 1858 г. его примеру последовал учитель географии и истории Михаил Семенович Волков. Он происходил из крестьян, окончил Главный Педагогический институт в Санкт-Петербурге. После завершения учебы, в 1843 г. был назначен учителем в Мензелинское уездное училище. Проработав в этом учебном заведении более 15 лет, в чине коллежского ассесора М.С. Волков решил выйти в отставку «по состоянию здоровья». Ему тоже, как и П.С. Лешедко, полагалось лишь единовременное пособие[132].

Как и Е.Д. Круглополев, его преемники – И.С.Виноградов, П.С. Лешедко и М.С. Волков не увлекались исследовательской работой. Обучение детей для них было сродни ремеслу, за которое они требовали достойной оплаты и после оставления учительской деятельности.

Более 25 лет проработал в Мензелинском уездном училище учитель Полиен Павлович Юрьев. Кроме педагогической деятельности, он занимался и административной работой. П.П. Юрьев родился в 1805 г. в семье протоиерея, некоторое время учился в Казанском университете. В 1826 г. со степенью «действительный сту-

[130] РГИА. Ф. 733 Оп. 48 Д. 80. Л.6, 10.
[131] РГИА. Ф. 733 Оп. 47 Д. 71. Л.1-об, 5.
[132] РГИА. Ф. 733 Оп. 47 Д. 245. Л.1, 4, 6, 7.

дент» поступил на службу штатным смотрителем Мензелинского уездного училища. Помимо этого, являлся законоучителем, преподавал он также в разные годы историю, географию, арифметику и географию. В 1851 г., за 25-летнюю выслугу должности штатного смотрителя, ему назначили пенсию (250 руб. серебром). При этом Полиен Павлович продолжал исполнять свои обязанности штатного смотрителя. Он проработал еще пять лет, до 1856 г.[133]

Некоторые мензелинские учителя и в 1850-е гг. не перестали работать над научно-публицистическими трудами. Так, в 1861 г. еще один местный учитель В. Курбатов представил замечательное описание уездного города, которое озаглавил просто: «Мензелинск»[134]. Работа была опубликована даже в «Памятной книжке Оренбургской губернии» на 1865 г., это указывает на то, что в то время подробные описания уездных центров были уже большой редкостью, а также на несомненное литературное мастерство автора. Как и предшественник-коллега, В.Курбатов оставался критиком города и его провинциального общества. Учитель обвинял горожан в лености и «нетрудолюбии», его также раздражала «неправильность» городских улиц и построек, а также шумная и поющая, «ликующая шляхта», сокрушался над непопулярностью идей просвещения среди мензелинцев. Но кроме критики городского хозяйствования и нравов, учитель дал любопытные описания народных обычаев: в частности, свадебных обрядов; остановился на местных предприятиях и их хозяевах. Таким образом, он все же выполнил свою миссию по ознакомлению с колоритной жизнью уездного Мензелинска.

Однако надо подчеркнуть, что в понимании интеллигенции того времени было четкое разделение на народ и общество. К последнему, т.е. к кругу образованных людей (дворян, чиновников и т.д.) они и причисляли себя. Целью изысканий Шляпникова и Курбатова прежде всего, было ознакомление образованного общества с народной жизнью. Поэтому, вероятно, с небольшой группой мензелин-

[133] РГИА. Ф.733. Оп.46. Д.67. Л.1–17.

[134] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.57–79.

ских чиновников и подобных им лиц у учителей-публицистов не было особых личностных конфликтов. Тем более в сфере просвещения постепенно начали играть представители семей чиновничества, в особенности учительницы из дворянских фамилий.

Создание системы здравоохранения в Мензелинском уезде. Организация системы медицинского обслуживания в Оренбургском крае, куда входил и Мензелинск, связана с началом работы Приказа общественного призрения в конце XVIII. Это учреждение в губернии начало функционировать с 1787 года. Через несколько лет в 1791 г. в Уфе открылась первая больница, постепенно медицинские учреждения и работники появились и в уездных городах. Так, в начале XIX в. в Мензелинске практиковал штаб-лекарь Шелудно-Техтонов[135]. Таким образом, появление официальной медицинской помощи в Мензелинске совпадает с началом уездного этапа истории городского центра.

Выпускник медицинского факультета Казанского университета Трофим Шелудно-Тектонов (Техтонов) сначала служил в губернском городе Оренбурге, где по данным 1805 г., тоже исполнял обязанности штаб-лекаря[136]. К 1815 г. он имел чин надворного советника и был награжден Орденом Св. Владимира 4 степени[137]. По каким-то причинам, войсковой врач был переведен в уездный Мензелинск, и по данным 1821 г. состоял штаб-лекарем именно этого города[138]. Но врачебную помощь в Мензелинске он оказывал всего несколько лет, т.к. в 1825 г. в уездном городе не было ни одного врача[139]. Хотя сам Шелудно-Тектонов владел недвижимым имуществом в Мензелинске[140]. Судя по имени Шелудно-Тектонов имел иноземное происхождение,

[135] Никитина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – нач. XX вв. Дисс. … к.и.н. Уфа, 2009. С.54.
[136] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на 1805 год. СПб., 1805. С.313.
[137] Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1815 год. СПб., 1815. С.103.
[138] Никитина А.В. Указ. соч. С.54.
[139] Российский медицинский список … на 1825 год. СПб., 1825. С.57.
[140] РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.111. Л.16.

что было весьма характерно для многих работников новой научно-медицинской сферы. Например, в 1850-е гг. в Мензелинске практиковал некий доктор Клаус[141].

Для военно-служилых мусульман Оренбургской губернии, состоявших в сословии башкир и мещеряков, существовала своя система медицинского обслуживания. Жители Мензелинского уезда входили в четвертый медицинский участок Уфимско-Оренбургского округа, за их здоровьем следили 12 специальных фельдшеров[142].

В конце 1826 г. уездным врачом в г. Мензелинск был определен выпускник Санкт-Петербургской Императорской Медико-хирургической академии Ф. Богинский[143]. В 1828 г. в Мензелинске открылась первая больница[144]. Она содержалась за счет городских доходов и добровольных пожертвований местных жителей[145]. Новое лечебное учреждение находилось недалеко от кладбищенской Пророко-Ильинской церкви[146]. Это соседство было не самым благоприятным с точки зрения пациентов того времени: в сознании большинства людей больницы ассоциировались не с исцелением, а скорее со смертью (т.к. заболевшие обращались за медицинской помощью слишком поздно), поэтому близость к кладбищу лишь усиливала у горожан такие подозрения. Народ не доверял врачам, а больницы некоторые называли «желтый дом»[147].

Тем не менее, Мензелинская городская больница продолжала расширять свою инфраструктуру. В 1832–1833 гг. к деревянной ле-

---

[141] Гомеопатический домашний и дорожный альманах. М., 1866. С.252.

[142] Ермаков В.В. Роль земских учреждений в развитии медицинского обслуживания населения Мензелинского уезда (1875–1917) // Казанский медицинский журнал. 2007. Т.88. №1. С.89.

[143] ГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.3338. Л.1.

[144] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.60.

[145] Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии нынешнем ее состоянии. М., 1837. С.59.

[146] Курбатов В.Д. Мензелинск … Оренбург, 1865. С.60.

[147] Очерк деятельности Уфимского губернского земства (к 50-летию введения земских учреждений). Уфа, 1914. С.12.

чебнице сделали пристрой[148]. Строительные работы не ограничились лишь этим. Спустя почти двадцать лет было принято решение о строительстве нового здания для лечебницы. Эти капитальные работы велись в 1847–1853 гг.[149] Мензелинским городовым врачом в этот период работал врач Диберг[150]. За этот период был выстроен одноэтажный каменный дом, при основном здании лечебницы имелись еще два каменных флигеля. Заказчиком строительных работ являлись городские власти, а подрядчиком выступил дворянин Пальчиков. В главном корпусе Мензелинской больницы имелись четыре палаты (отдельно выделялись палаты для сифилитиков и арестантов), приемный покой, канцелярия, ванная комната, склад. Во флигелях находились кухня, прачечная, баня, а также усыпальница, погреб и кладовая[151].

Мензелинская больница сначала была рассчитана на 12 кроватей. Медицинский персонал долгое время состоял из врача, фельдшера и акушера. Но для города из нескольких тысяч жителей, а также для больных из уезда, этого было недостаточно. В 1860-х годах число мест в лечебнице выросло до 20 кроватей. При больнице действовала служба по оспопрививанию, в этот период именно городской врач выдавал свидетельства о проведении этой прививки[152].

Краевед Руф Игнатьев, побывавший в Мензелинске в 1867 г., отмечал, что больница «каменная красивой постройки». Единственную лечебницу уездного центра он относил к лучшим общественным зданиям города[153].

[148] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.10490. Л.12.
[149] ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.12430. Л.38.
[150] ГА РТ. Ф.376. Оп.1. Д.137.
[151] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и регионов Восточного Закамья. Казань, 2008. С.318.
[152] НМ РТ. КППи-100305.
[153] Игнатьев Р.Г. Мензелинская ярмарка / публ. М.И.Роднова // Научный Татарстан. 2012. №.2. С.107.

1.4. Торговля и городские сословия

Мензелинская ярмарка. Мензелинское купечество. Мензелинские мещане.

Мензелинская ярмарка. Первые сведения о мензелинской ярмарке относятся к концу XVIII в.[154] Но торговля лошадьми началась на этой местности еще в первой половине того столетия[155]. Еще раньше – в таможенных книгах XVII столетия – Мензелинск указывался как один из скупочных центров Волго-Камского региона[156]. Действительно, у Мензелинска, где собирали ясак со всей округи, были возможности для развития товарообмена. Что касается торговли именно лошадьми, вполне вероятно, что данная особенность была связана с подавлением многочисленных восстаний в крае. В качестве трофея у местных властей могли оставаться лошади восставших, коих потом сбывали купцам. Кроме того, многотысячные табуны лошадей поставлялись местными татарми для царской конницы. Безусловно, этот поток тоже способствовал формированию экономической специализации места.

В XVIII столетии в Мензелинске промышляли, главным образом, иногородние купцы. Например, в 1738 г. в Мензелинской воеводской канцелярии рассматривалось дело сарапульского купца Кузьмы Мерщинова, которому «нанес оскорбление» местный житель, крестьянин села Круглое поле Иван Пивоваров[157].

Административный статус Мензелинска (как военной крепости, а затем уездного города) способствовал развитию инфраструктуры и коммуникаций. Поэтому через город проходил почтовый тракт из

[154] Самородов Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии: вторая половина XIX-нач.XX вв. Стерлитамак, 1999. С.36.

[155] Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896. С.117.

[156] Чернышев Е.И. Народы Среднего Поволжья в XVI – начале XX века. Избранные труды. Казань, 2020. С.397.

[157] РГАДА. Ф.529. Оп.1. Д.219. Л.1.

Уфы на Елабугу и Вятку. Эта особенность вкупе с географическим преимуществом служила еще одним фактором развития торговли.

«Судоходство по рекам Белой и Каме соединяют Мензелинск с внутренними губерниями, с Казанью и Нижним Новгородом. Из всех этих мест груз обыкновенно, особенно в мелководье, идет до Уфы, а отсюда сухим путем до Мензелинска», – писал в 1861 г. о Мензелинске Р.Игнатьев в газете «Московские ведомости»[158].

После Мензелинской зимней ярмарки купцы обычно отправлялись с товаром на другую крупную ярмарку – Ирбитскую на Среднем Урале, это стало своеобразной торговой традицией. Поэтому два ярмарочных центра связывал коммерческий тракт.

Самая крупная городская ярмарка – Рождественская – проводилась зимой, в лучшие годы она длилась с 26 декабря (на второй день Рождества) до 11 января, к началу XX в. сроки проведения сократили до 6 января. По своим оборотам она немного уступала другой крупной конной ярмарке – Симбирской, но мензелинскую ярмарку покупатели ценили за разнообразие предлагаемых пород лошадей.

В начале XIX столетия ассортимент товаров мензелинской ярмарки стал более разнообразным. Кроме лошадей торговали еще мануфактурой, продуктами питания, кожевенным сырьем и т.д. Ярмарка являлась местом обмена азиатских товаров на европейские. Самый большой оборот давали хлопчатобумажные изделия московских, лодзинских и других мануфактуристов.

Ярмарочные обороты Мензелинска не давали покоя соседним городам. Например, в 1846 г. в губернских органах власти рассматривалось дело о перенесении ярмарки из Мензелинска в Елабугу[159]. Инициаторами перевода выступали елабужские предприниматели. Но задумка не удалась. На проведение знаменитого торгового мероприятия с середины XIX в. появились и другие претенденты. Например, в конце 1860-х гг. купцы-хлеботорговцы, в первую очередь елабужские Стахеевы, хотели перенести Мензелинскую ярмарку в

[158] Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Том I. Оренбург, 2011. С.63.
[159] ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.12314. Л.3, 44.

новый развивающийся экономический центр края – Бережные Челны.[160] Но и тогда удалось отстоять Мензелинскую ярмарку.

Вся городская жизнедеятельность Мензелинска была направлена на это ежегодное торговое мероприятие. Именно зимняя ярмарка являлась своеобразным мотором городской жизнедеятельности.

«С конца декабря в Мензелинске начинается хлопотливая, усиленная деятельность; появляются Бог весть откуда груды досок и жердей; растут балаганы, которые загромождают площадь вдоль и поперек, расположившись кругом корпусов для лавок, построенных в 1858 г. городским обществом, ассигновавшим на это 9 тысяч рублей серебром. Вот и тянутся в город возы, нагруженные товаром. Жизнь усиливается. Город в продолжение года обыкновенно спокойный, глухой, вдруг как будто по мановению сверхъестественной силы, просыпается из своего летаргического сна, из своей апатии – к труду и деятельности, наполняется разнохарактерным, густым, бестолковым гулом, из которого нет никакой возможности выделить что-либо общее, имеющее какой-либо частный смысл и значение», – вот как оценивал современник суету накануне ярмарки[161].

По данным 1865–1868 гг., в Мензелинске имелось 318 деревянных лавок и 3 магазина (склада), в том числе 1 каменный. Многие строения использовались только во время ярмарки[162].

О начале ярмарки издалека оповещали ярмарочный флаг и флажки. В уездный город съезжалась самая разнообразная публика со всей России: торговцы, покупатели и просто зеваки. Посетивший Мензелинск в 1867 г. Р.Г. Игнатьев отмечал, что здесь наблюдается «смесь племен и наречий», а одной площади недостаточно для ярмарки:

[160] Роднов М.И. Материалы по истории Мензелинского уезда Уфимской губернии на страницах «Уфимских губернских ведомостей» во второй половине XIX века // Эхо веков. 2009. №1. С.170–172.

[161] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.67

[162] Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье в XVIII – начале XX в. Казань, 2011. С.125.

«экипажи, скот и лошади, торговля с возов и мелочная всякого рода с рогож, разместились по всем улицам». «Улицы буквально запружены народом так, что в это время не только проезд, но и проход по улицам бывает затруднителен, – писал он. – Стечение народа – громадное, так, например, каждый день прибывают сюда окрестные жители для продажи с возов сельских произведений и для разных покупок...»[163].

Мензелинское купечество. Основными лицами Мензелинской ярмарки были купцы, как местные, так и приезжие. При этом еще в начале XIX в. в мензелинском купеческом сословии состоял лишь 21 чел., в это число входили также купеческие жены и дети. Таким образом, торговлей на самом деле занимались всего несколько купцов из Мензелинска. Однако среди мензелинских торговых людей были и те, кто юридически принадлежал к купечеству других городов, но фактически проживал в Мензелинске. Например, в списке жертвователей в пользу Мензелинского уездного училища в 1818 г. значились саранский купец Трофим Шапошников и его брат Никифор Шапошников (позднее они приписались из саранского купечества Пензенской губернии в мензелинское купечество Оренбургской губернии), а также казанский мещанин Андрей Бирюков, малмыжский мещанин Федор Худяков, козмодемьянский мещанин Алексей Третьяков[164].

По данным 1825 г., купец Трофим Шапошников продолжал заниматься торговлей (в том же году в его доме случился пожар, повлекший значительные убытки), а его брат Никифор нашел себе другое занятие и служил стряпчим в Мензелинске[165].

По данным ревизии 1834 г. в Мензелинске было зафиксировано 17 купцов: Якунин К.К., Каменев П.А., Шапошников Е.Т., Веретенников Я.К., Бочкарев М.А., Соколов В.З., Рукавишников М.Н., Рукавишников Н.И., Минкин М., Усманов Ф., Ишмухаметов М., Сафронов П.А., Пискарев С.К., Каменев Я.И., Касаткин С.Е., Колесни-

[163] Игнатьев Р.Г. Мензелинская ярмарка // Научный Татарстан. 2012. №.2. С.108.
[164] Описание торжественного преобразования Оренбургской губернии Мензелинского малого народного училища в уездное // Казанские известия. 1818. 20 ноября. №93.
[165] РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.111. Л.12–14.

ков К.Т., Баутин К.И. Всего купцов с членами семей насчитывалось в Мензелинске 90 чел., все они были причислены к Мензелинскому купеческому обществу.

Помимо Шапошникова Егора Трофимовича, из других местностней приписались к мензелинскому купечеству саранский купец Рукавишников Михаил Никитич, вятский купец Веретенников Яхонт Кузьмич, вятский купец Рукавишников Никита Иванович. Приписались к купеческому сословию некоторые мензелинские мещане: Каменев Яхонт Иванович, Касаткин Семен Ерофеевич, Колесников Козьма Тимофеевич, Пискарев Степан Карпович, приписался к купечеству и мензелинский отставной солдат, 40-летний Баутин Иван Кириллович. Из бывших крестьян Мензелинского уезда были 35-летний Соколов Василий Захарович и 43-летний Сафронов Павел Алексеевич. Перешли из сословного звания ясашных татар Мензелинского уезда в местное купеческое сословие 50-летний уроженец д. Шихарли-Каин Монасып Минкин, 63-летний уроженец д. Рангазар Файзулла Усманов и 30-летний Мратхузя Ишмухаметов из д. Куяново[166].

В первой половине XIX в. купцы 2-й и 3-й гильдии из городов Оренбургской губернии, продававшие азиатские товары, пользовались особыми льготами[167]. Вероятно, поэтому некоторые купцы предпочитали объявлять капиталы именно в Мензелинске. В 1836 г. приписался к мензелинскому купечеству казанский купец Юсуп Мухаметович Чукин со своими 5 сыновьями. В том же году объявил капитал в Мензелинске другой татарский купец из Уфы – Ибрагим Утяганов с 8 сыновьями[168]. Таким образом, окладная книга купеческих капиталов г. Мензелинска свидетельствует о том, что в этот период особенно активизировалось татарское предпринимательство. После знаменитого летнего Нижегородского (Макарьевского) торжища для казанских купцов излюбленным местом торговли была зимняя Мензелинская ярмарка. Например, еще в начале

[166] НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.408. Л.570–577.
[167] Городские поселения Российской империи. Т.3. СПб., 1863. С.453.
[168] НА РБ. Ф.И-138. Оп.1. Д.1196. Л.405–413.

1790-х гг. торговали в Мензелинске служилые татары из Казани – Мухаметшарип Муртазин и Исхак Абдуллин[169].

Торговое сословие Мензелинска в первой половине XIX в. продолжало стремительно пополняться за счет представителей других сословных групп. Например, в 1836 г. стали мензелинскими купцами дети белопахотных солдат (т.е. потомки первых переселенцев Мензелинской крепости): Илья Кукаркин, Илья Лузин, Яков Степанов, Данил Халдеев, а также экономическая крестьянка Марфа Сорвина, ясашный татарин Биктимер Мансуров[170]. Всего же в 1836 г. в Мензелинске к купеческому сословию относились 167 чел.: 4 из них состояли в 1-й гильдии, остальные в 3-й. 47 чел. входили в татарское купечество[171].

Мензелинские купцы и мещане сначала были прикреплены к Уфимскому городовому магистрату. Но сословия эти разрастались, а ездить по каждому случаю в губернский город было не совсем удобно. Поэтому в 1833 г. купеческое и мещанское общество города Мензелинска ходатайствовало о необходимости учреждения Мензелинской городской ратуши. Мензелинцы во главе с городским старостой Каменевым просили открытия своей ратуши, принимая во внимание рост купеческо-мещанского общества, наличие городских капиталов и доходов. Новое учреждение открылось в Мензелинске в 1835 г.[172] Бургомистрами были избраны Андрей Шапошников и Иван Баутин, а ратманами состояли Никита Рукавишников, Герасим Докукин, Тихон Люшин[173].

В 1833 г. в Мензелинске объявили купеческие капиталы 79 чел. Среди них был и Григорий Попков, отец будущего городского головы Александра Попкова. Он родился в купеческой семье в 1833 г.

---

[169] Кореева Н.А. Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Казань, 2019. С.287.

[170] НА РБ. Ф.И-138. Оп.1. Д.1196. Л.405–413.

[171] Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье в XVIII – начале XX в. Казань, 2011. С.125.

[172] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.10983. Л.1, 10, 16, 18.

[173] ГА РТ. Ф.1248. Оп.1. Д.1. Л.2 об., 14 об.

Мензелинское купечество сформировалось, в основном, за счет пришлого населения. Встречались среди них и бывшие крепостные крестьяне.

«Торговцы же здесь и купцы большею частью из отпущенных на волю помещичьих крестьян из приволжских губерний; из них купец Дубинин построил ныне на Мензеле в 2 верстах от города паточный завод с мельницею», – отмечал в начале 1860-х годов В.Курбатов[174].

В новой купеческой среде складывались корпоративные и семейно-родственные связи. Например, с середины 1860-х гг. были связаны родственными отношениями две купеческие семьи Дубининых и Попковых[175].

Купеческое сословие, безусловно, продолжало пополняться и за счет внутренних ресурсов. Так в 1854 г. подал прошение о перечислении его в мензелинские купцы 3-й гильдии купеческий брат Федор Санников[176]. В 1857 г. мензелинский купец М.Бочкарев просил причислить в купечество своих сыновей, состоявших до этого в мещанском звании[177].

Продолжал дело отца и купеческий сын Пивоваров. Еще в 1839 г. купец Пивоваров взял в аренду на 12 лет участок земли в Мензелинском уезде, около сельца Михайловское[178]. Кроме того, были у него домовладения в самом Мензелинске. В 1854 г. купец Пивоваров выделил два усадебных места под устройство гостиного двора в Мензелинске[179]. Однако итоги земельной сделки с городскими властями его не совсем устроили[180]. Её финансовую сторону удалось уладить лишь в 1865 г.[181]. Но участие купца Пивоварова в расширении торговой площади Мензелинска не помогло его сыну

[174] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.65.
[175] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.596. Л.1.
[176] РГИА. Ф.571. Оп.4. Д.1151. Л.1.
[177] РГИА. Ф.1287. Оп.37. Д.1798. Л.1.
[178] РГИА. Ф.383 Оп. 2. Д.1736. Л.1–2.
[179] РГИА. Ф.1287. Оп.22. Д.623. Л.1.
[180] РГИА. Ф.1287. Оп.32. Д.1037. Л.1.
[181] РГИА. Ф.1287. Оп.39. Д.2643. Л.1.

занять в 1868 г. должность директора нового городского учреждения – Мензелинского общественного банка. Кандидатура купеческого сына не была поддержана большинством[182].

Мензелинские мещане. Мещанство или мещанское сословие юридически было оформлено Екатериной II как основа городского населения в XVIII в. – «городские обыватели», «средний род людей». Именно наличие мещанского общества являлось одним из условий при переименовании села в город[183].

Кроме крестьян в это сословие записывались отставные военные чины, солдатские вдовы, купцы, не объявившие капитала, иностранцы, получившие российское гражданство, бывшие послушники монастырей, бывшие ссыльные. Они делились на две категории: коренных мещан и «лиц, причисленных к мещанам без согласия общества»[184]. Через сто лет после юридического оформления мещане, действительно, стали основным городским сословием в России.

Мензелинские мещане в начале XIX столетия были представлены такими фамилиями как Аникины, Бабины, Грибковы, Денисовы, Докунины, Емельяновы, Казацовы, Колесниковы, Красковы, Лебедевы, Марины, Мошины, Никитины, Николаевы, Пакновы, Петровы, Пивоваровы, Пичугины, Поляковы, Пономаревы, Реутовы, Рубцовы, Рыловы, Санатовы, Цыпляевы и другие. Все они являлись мензелинскими домовладельцами. Некоторые приписались к мензелинскому мещанству из других городов. Например, в 1825 г. проживали в Мензелинске саранский мещанин Федор Пичугин, кузнецкий – Евсей Цыпляев[185].

Судя по фамилиям, некоторые мензелинские мещане имели служилое происхождение. Например, в 1748 г. воеводой Мензелинска служил титулярный советник Дмитрий Реутов (1748)[186]. К началу XIX в. в Мензелинске было очень много мещан-домовладельцев по фамилии Реутов. Так в 1825 г. среди пострадавших от пожара

[182] РГИА. Ф. 1287. Оп.38. Д.862. Л.1.
[183] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 2003. С. 283.
[184] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.54. Л.18.
[185] РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.111. Л.12–16.
[186] Мензелинский край: история и современность. Мензелинск, 2006. С.25.

зафиксированы Реутовы Григорий, Иван, Архип, Елисей, Семион, Фотей, Марья, Авдотья[187]. В 1843 г. в общине Ефросиньи Собиной появилась 14-летняя мензелинская мещанка Домника Александровна Реутова. Впоследствии Д. Реутова стали игуменьей Пророко-Ильинского женского монастыря[188]. Вероятно, все эти Реутовы были потомками бывшего мензелинского воеводы Дмитрия Реутова.

Записывались в мещанство и татары Мензелинского уезда. Так, в 1860 г. записался в мензелинское мещанство Нурмухамет Таипов (1838 г.р.), состоявший ранее в тептярском сословии и живший в д. Такталачук[189].

Большинство жителей Мензелинска не отличались от обычных селян, хлебопашество долгое время было основным занятием горожан. В отличие от остальных городов Уфимской губернии, в Мензелинске имелось много плодородных выгонных земель[190]. Все они когда-то были пожалованы казной приезжим военным за несение службы в Мензелинской крепости. В XIX-м в. в их службе не было государственной необходимости, поэтому каждый жил как мог, в том числе за счет сельскохозяйственных занятий.

Вообще, в Российской империи разница между селом и большинством городов долгое время была лишь условной. Уместнее говорить об аграрных городах, которые часто существовали только на бумаге.

Уже в XIX в. некоторым атавизмом в Мензелинске выглядело сословие смоленских шляхтичей.

«Сей класс жителей ведет жизнь слишком простую: дома построены худо и не имеют труб, а иногда служат вместе и хлевом. Одежда их состоит из кафтана, сшитого из домашнего сукна, а обувь составляют лапти (...). Белопахотные крестьяне почти не отличаются от

[187] РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.111. Л.12–16.

[188] Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). Казань, 1998. С.206; Елдашев А. Мензелинский Пророко-Ильинский женский монастырь // Эхо веков. 2011. №1/2. С.226–227.

[189] Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань, 2021. С.55.

[190] Населенные пункты Башкортостана. Ч.1.Уфа, 2002. С.107.

шляхетства», – так описывал основных жителей Мензелинска в 1816 г. местный учитель в газете «Казанские известия»[191].

В сложившихся социально-экономических реалиях наметился вектор по постепенному слиянию всех трех сословий (крестьян, шляхтичей и мещан) в одно мещанское общество.

В 1833 г. в Мензелинске было зарегистрировано 595 мещан. В том числе по ходатайству мензелинских мещан совместно с купцами в 1836 г. была организована Мензелинская городская ратуша. Этот сословный орган власти должен был разрешать судебные вопросы купцов и мещан. До этого мензелинские мещане, как и купцы, были прикреплены к Уфимскому городовому магистрату[192]. На сословно-юридическую близость шляхтичей, городских крестьян и мещан указывает и то, что судебные дела по первым двум сословиям тоже разбирались в Мензелинской ратуше[193].

Как и в остальных городах в Мензелинске имелась свое мещанское общество и управа. Но надо отметить, что до городской реформы 1870 г. эти сословные объединения не имели самостоятельной юридической силы. Они действовали при городских обществах. При этом Мещанская управа регулировала все вопросы, связанные с жизнедеятельностью этого сословия: выдачу паспортов, различные сборы, призыв рекрутов и т.д.[194]

Мещане и крестьяне занимались мелочной торговлей и во время Мензелинской ярмарки. Таких мелочных торговцев называли «маркитантами». Местный корреспондент отмечал, что они приходят на ярмарку с одними только «щетами» (счетом),

«берут от гуртовых торговцев товар и продают по фунтам и аршинам, с условием к концу ярмарки принести деньги или товар обратно».

[191] ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ. Ф.35. Оп.1. Д.23. Л.3.
[192] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.10983. Л.1, 10, 16, 18.
[193] ГА РТ. Ф.1248. Оп.1. Д.32. Л.1.
[194] Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008. С.216.

Однако не всегда им удавалось заработать особую прибыль, т.к. большая часть доходов уходила на оплату торгового места, арендуемую у городских властей[195].

Часть мещан и крестьян занимались ремесленничеством, при этом их продукция была рассчитана исключительно для нужд местного городского населения. Помимо этого, в XIX в. еще одним источником доходов мензелинских крестьян и мещан стала сдача в аренду жилья во время ярмарки. Они готовились и ждали это ежегодное торговое событие, ведь даже самое небольшое помещение (и комната, и сарай) могли принести существенную прибыль владельцу недвижимости. Таким образом, сдача в аренду помещений и хлебопашество составляли основной источник доходов большинства жителей Мензелинска. Но среди горожан были и те, кто уходил на заработки в другие местности, темпы трудовой миграции усилились во второй половине XIX в.

В 1854 г. из женской общины, поселившейся рядом с Кладбищенской церковью, был организован Пророко-Ильинский женский монастырь[196]. Образование женской общины стало возможно, главным образом, из-за мензелинской мещанки Евфросинье Собиной. Именно в ее доме-келье селились женщины и девушки, решившие связать свою дальнейшую судьбу со служением Богу. Она рано лишилась отца, а мать после вторичного замужества, отдала восьмилетнюю дочь на воспитание своей сестре. В её семье Евфросинья научилась грамоте, но мирская жизнь мало интересовало девушку. Юная мещанка Е.Собина посещала святые места, общалась со старцами. В итоге, по совету Серафима Саровского она решает организовать собственную общину. В 1843 г. в общине сестер появилась мещанка Домника Реутова. Обе они пожертвовали свою земельную собственность в пользу монастыря и стали игуменьями[197]. Конечно, в монастырь приходили разные послушницы, но среди них немало было и представительниц мещанского сословия.

---

[195] Казанский биржевой листок. 1869. 23 января. №15.

[196] ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.13340. Л.9.

[197] Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). Казань, 1998. С.206; Елдашев А. Мензелинский Пророко-Ильинский женский монастырь // Эхо веков. 2011. №1/2. С.226–227.

1.5. Мензелинск и «свобода слова» в эпоху Николая I

«Дело Атуева». Дворянско-чиновничьи «игры» Оренбургской губернии.

Эпоха императора Николая I (1825–1855) известна своими жесткими рамками, цензурой и другими ограничениями. Российская империя в этот период переживала кризис, изжила себя крепостная система землевладения, имелись и многие другие сопутствующие проблемы. Конечно, не всех устраивало такое положение, но высказываться открыто против действий органов власти решались не все. Случай из Мензелинского уезда является иллюстрацией сложных взаимоотношений общества и власти в дореформенную эпоху.

«Дело Атуева». Событие, взбудоражившее все мензелинское общество, а также губернское начальство, произошло в 1849 г. 9 мая этого года на последних страницах газеты «Московские ведомости» (№ 55) появилось частное объявление о том, что некий корнет Атуев из Мензелинска предлагает свои услуги по дрессировке собак. Газета эта издавалась в типографии Московского университета и была одной из старейших в стране, выходила с 1756 г. В первой половине XIX в. она имела официальный характер. Поэтому много было перепечаток из петербургской прессы, и газета не считалась особенно популярной у читающей публики[198].

Неизвестно сколько человек прочитали эту странную заметку из Мензелинска в самом уезде и городе. Но на объявление обратили внимание органы политической полиции и их высший орган – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. От имени московского генерал-губернатора на следующий день после публикации были высланы запросы о необходимости установления личности анонимного корреспондента. Сразу же последовало наказание для сотрудников редакции газеты «Москов-

[198] Перевалова Е.В. «Московские ведомости» (1851–1855) – первый редакторский опыт М.Н. Каткова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2015. №2. С.94.

ские ведомости» и университетской типографии. Начальник типографии получил выговор, а редактора газеты арестовали на три дня, корректор повременного издания был вынужден сидеть под арестом шесть дней[199].

Этот случай с арестом редактора и корректора бурно обсуждался в столичных интеллектуальных кругах: например, на одном из частных вечеров, где присутствовали Н.В. Гоголь, А.Н. Островский, К.С. Аксаков и другие известные персоны. Это были именины Николая Гоголя, и гости много говорили о цензуре, положении современной печати, о строгости надзорных органов и начальства[200].

Тем временем, в ходе полицейско-жандармских поисков выяснилось, что письмо в контору типографии Московского университета было отправлено в особом конверте из Елабуги, а принес его крепостной крестьянин Анифим Кречетов. Поскольку Елабуга относилась к Вятской губернии, в мае 1849 г., московский губернатор сделал запрос в канцелярию вятского губернатора. Он пытался таким образом выяснить, кто же скрывался за анонимным Атуевым. Однако поиски в Вятской губернии тогда не дали никакого результата.

Но в тексте упоминался Мензелинский уезд Оренбургской губернии, поэтому после этого обратились к оренбургскому военному губернатору с просьбой установить анонимное лицо. 28 марта 1850 г. военный губернатор отправил запрос своему подчиненному – оренбургскому гражданскому губернатору (его канцелярия находилась в Уфе) и приказал собрать сведения о мензелинском помещике Сергее Пальчикове. К тому времени именно ему приписывали злополучную анонимную корреспонденцию.

Само объявление выглядело следующим образом:

«Я нижеподписавшийся имею честь известить любителей егерьской и псовой охоты, что я оставил по некоторым обстоятельствам военную службу, занимаюсь теперь дрессированием легавых и выездкою борзых и гончих собак, чем и сделался известным в здешней око-

[199] Егоров Б.Ф. Из примечаний к сочинениям Н.А. Добролюбова // Ученые записки Тартусского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 184. 1966. С.204.
[200] Лакшин В. А.Н. Островский. М., 1982. С.175.

лодке; почему многие гг. охотники вверяли своих собак моему воспитанию, за самую умеренную плату и по окончанию курса получали их с опыта и остались ими вполне довольными, особенно борзыми и гончими, ибо первые, находясь без свор, не мечутся под гончих, а последние гонят верно, стойко и так позывисты, что мне стоило только подать голов в рог, как они в минуту являлись ко мне из дремучего леса, за что я получал от гг. охотников письменные благодарности, сверх сего я обучаю людей подвывать волков и так верно, что по отзыву этого зверя могу утвердительно определить число их стай, а как в Мензелинском уезде, в настоящее время показалось много прибыльных волков с большими лапами, похищающих преимущественно достояние государственных крестьян, которые хотя и сами воюют также волком, но не могут еще с точностью определить числа кочующих стай, для чего нужно время, а потому я и предлагаю желающим мое знание и услуги и покорнейше прошу адресовать ко мне в Оренбургской губернии, в г. Мензелинск, где я имею мою корреспонденцию. Подписал Корнет Атуев»[201].

На объявление не обратили бы особого внимания, если бы там не была фраз о «прибыльных волках с большими лапами», «похищающих преимущественно достояние государственных крестьян». Это был намек на коррупцию среди чиновничества. Поэтому объявление требовало особого разбирательства властей.

1840-е годы характеризуются проведением реформы государственных крестьян: в этот период происходило размежевание земель государственных крестьян. До этого крестьяне страдали не только от малоземелья, но из-за неравномерного распределения земли. Поэтому некоторые из государственных крестьян вынуждены были арендовать помещичьи земли[202]. Кроме того, до проведения реформы графа П.Д. Киселева не было особого управления над государственными крестьянами и их имуществами (существовал надзор лишь за лесным хозяйством). Основной силой на местах являлись земские суды, волостные правления были обязаны выполнять их

[201] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.359. Л.5.

[202] Заболоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I, Александра II. Т.2. СПб., 1882. С.51.

решения. Членами земских судов, в основном, состояли дворяне. Неудивительно, что большинство решений этих местных органов власти было в пользу помещиков[203].

Реформа изменила баланс сил на местах: помещики уступили свое влияние чиновникам. При этом в ходе проведения реформы, государственные служащие, ответственные за некоторые операции, показали себя не лучшим образом: например, со стороны крестьян звучали жалобы на взяточничество среди чиновников. В этой ситуации две силы – чиновничество и помещики выступили конкурентами за влияние на государственных крестьян, помещики должны были уступить свои позиции чиновникам.

Очевидно, поэтому некий землевладелец-помещик из Мензелинского уезда решил покритиковать «волков», т.е. чиновников, которые посягали на авторитет помещиков и на имущество государственных крестьян. С одной стороны это являлось в целом критикой политики Николая I и крестьянской реформы П.Д. Киселева, с другой – это было обращено к местным властям и чинимому ими произволу в области крестьянского землевладения.

В ходе проверок по следам публикации корнета Атуева, выяснилось, что к тому времени в Мензелинском уезде у государственных крестьян имелись значительные недоимки, поэтому для взыскания долгов властями туда была выслана специальная комиссия[204]. Вот они «прибыльные волки с большими лапами», «похищающие преимущественно достояние государственных крестьян».

Дворянско-чиновничьи «игры» Оренбургской губернии. Различные слухи указывали, что анонимным корреспондентом мог быть мензелинский помещик Сергей Александрович Пальчиков. Он был представителем известного дворянского рода, с родовым селом Пальчиково (Лебяжье) в Мензелинском уезде Оренбургской губернии. Именно там в 1745 г. был построен один из древнейших право-

[203] Там же. С.42.

[204] Егоров Б.Ф. Из примечаний к сочинениям Н.А. Добролюбова // Ученые записки Тартусского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 184. 1966. С.204.

славных храмов края – церковь св. Николая[205]. Пальчиков считался богатым помещиком, владельцем около 1000 душ крепостных крестьян[206]. За свои служебные заслуги он имел награды – Ордена св. Владимира 4 степени и св. Анны 3 степени[207].

Но проверки показали, что у помещика Пальчикова нет никакого дворового человека по имени Анифим Кречетов[208]. Вообще, мало кто тогда обратил внимание, что вымышленная фамилия Кречетов может нести двоякий смысл: во-первых, кречет – это хищная птица (возможно, указание на расхищение имущества крестьян), во-вторых, кречет был изображен на гербе г. Мензелинска. Да и вымышленное имя Анифим в какой-то степени созвучно со словом анафема, т.е. заклятие, дар в жертву Богам.

28 июня 1850 г. мензелинский исправник сообщил губернским властям, что на самом деле объявление «о дрессировке собак» было отправлено сразу в две газеты: «Московские ведомости» и «Оренбургские губернские ведомости». Одно было отправлено из самого Мензелинска, другое письмо из Елабуги. В обоих случаях конверты принесли безграмотные крепостные крестьяне, которых в почтовых станциях никто не знал.

Редакция губернского издания более тщательно вычитывала местную корреспонденцию, поэтому объявление Атуева так и не было напечатано в оренбургской газете. А вот московская редакция не была столь внимательна, за что и поплатилась целым расследованием во всем Волго-Уральском регионе. Например, в губернской переписке по этому поводу говорилось, что статья,

«которая по ее дерзкому и оскорбительному выражению на счет управления государственных крестьян не может быть оставлена без преследования»[209].

---

[205] Списки населенных мест Российской империи. Т.45. Уфимская губерния. СПб., 1877. С. CXIX.

[206] Русская старина. Т.28. 1880. №5. С.612.

[207] Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1839 год. Часть 2. СПб., 1839. С.278.

[208] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.359. Л.10.

[209] Там же. Л.3.

Сергей Александрович Пальчиков был известен своим конфликтным характером (например, оренбургский военный губернатор В.А. Обручев о нем писал как об отставном поручике Пальчикове, известном «своими дерзкими выходками»), поэтому в уездном городе были и те, кто откровенно недолюбливали помещика. Дело усугублялось еще тем, что он высказался не особо лестно в адрес местного предводителя дворянства Старковского во время выборов в губернское дворянское собрание. По мнению мензелинского земского исправника Скарятина, именно его окружение распространяло слухи о том, что автором объявления Атуева является Пальчиков[210].

За десять лет до этих событий поручик С.А. Пальчиков сам являлся предводителем Мензелинского уездного дворянства[211]. А еще раньше, в 1835-м г. он обвинил первое лицо города Мензелинска – местного городничего Николая Обращикова во взяточничестве и незаконных поборах с горожан. Примечательно, что после инициированной С.А. Пальчиковым служебной проверки городничий был уволен, вернее, удален из Мензелинска. Однако через некоторое время его вновь назначили городничим, уже в другом уездном городе Оренбургской губернии – Троицке. Но надо отметить, что позднее жители Троицка выступили с аналогичными жалобами на Н. Обращикова[212]. Таким образом, выступление С.А. Пальчикова против городничего в этой ситуации было вполне справедливыми, а сам помещик получил солидный опыт борьбы с чиновничьим произволом.

В 1849 г., в поисках автора, скрывавшегося под псевдонимом Атуев, местные власти нашли еще одного подозреваемого – мензелинского окружного начальника Павла Ивановича Товарищева. После проверок выяснилось, что у него действительно служит дворовый крестьянин по имени Анифим. Но эту версию сразу отмели, решив, что аноним мог специально велеть курьеру-крепостному назваться Анифимом Кречетовым[213].

---

[210] Там же. Л.10.

[211] Месяцеслов и общий штат Российской империи … С.278.

[212] Габдрафикова Л.Р. Уездный город Мензелинск в конце XVIII – в первой половине XIX века // Историческая этнология. 2018. №1. С.132–133.

[213] НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.359. Л.11–12.

Павел Иванович Товарищев тоже относился к интересному дворянскому роду, который был тесно связан с г. Елабуга. Николай Товарищев в 1781 г. был назначен первым городничем г. Елабуги, его сын поручик Иван Товарищев получил известность как благотворитель, пожертвовавший определенные средства на открытие Елабужского уездного училища[214]. Судя по всему, Павел Иванович Товарищев – это сын И.Н.Товарищева. Самое интересно, что взаимоотношения С.А. Пальчикова и П.И. Товарищева тоже имели конфликтный характер[215].

В общем, в Мензелинске бурно обсуждали эту анонимную корреспонденцию и его загадочного автора, посмевшего публично высказаться о государевых и чиновничьих делах. Конечно же, все силы были направлены на поиски анонимного автора. Однако поиски не увенчались успехом. Несмотря на то, что многие указывали на С.А. Пальчикова, прямых доказательств его вины не было. Акция помещика была хорошо продумана, он предвидел о возможных неприятностях и постарался скрыть свою персону. Например, по городу ходили слухи о том, что чиновники вышли на след некого мальчика, который за 3 коп. серебром переписал объявление, переданное ему неизвестным барином[216].

Для широкой общественности этот вопрос так и остался не выясненным до конца. Но на самом деле властями все же были найдены убедительные доказательства причастности С.А. Пальчикова к вопросу о злополучном объявлении. В частности, вятскому губернатору А.Середа из Елабуги доложили, что текст объявления для отправки по почте по просьбе помещика Пальчикова переписал местный письмоводитель И.А. Озернов. Оренбургский губернатор В.А. Обручев после этого собирался установить над дерзким дворянином полицейский надзор, однако вышестоящие власти отказались от этого. Сам глава тайной полиции Николая I, начальник штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельт остановил эту инициативу. Но наказание получила редакция «Московских ведомостей»: редактор

[214] Шишкин Н.И. История города Елабуги с древнейших времен. Изд-е 3-е. СПб., 2014. С.108, 123.
[215] Егоров Б.Ф. Указ. соч.
[216] Русская старина. Т.28. 1880. №5. С.612.

газеты был уволен за свою оплошность[217]. Кроме того, в 1850 г. были оштрафованы заведующий типографией Московского университета, редактор и корректор газеты «Московские ведомости»[218]. Уволенным редактором являлся чиновник при Московском военном генерал-губернаторе – Владимир Хлопов. По оценке исследователей истории газеты «Московские ведомости», годы его редакторства в целом были малопримечательными. А вместо него пришел молодой М.Н. Катков[219], прославившийся позднее как публицист консервативно-охранительных взглядов.

В Мензелинске тоже последовали увольнения в присутственных местах. Например, со службы были уволены окружный начальник Павел Иванович Товарищев и его помощник Алексей Иванович Шмотин. Они находились даже под следствием, но судебные разбирательства ни к чему не привели. Однако ни П.И.Товарищев, ни А.И.Шмотин в дальнейшем так и не сумели найти новое место службы. Последнее обстоятельство, конечно, заставляет задуматься об истинных причинах их увольнения и сложившейся деловой репутации данных лиц.

Этот случай стал достоянием столичной прессы еще в 1880 г., на этот раз в журнале «Русская старина». Там бывший мензелинец, проживавший уже в Оренбурге Александр Игнатович вспоминал об «объявлении Атуева» как о курьезе из провинциальной жизни, когда за безобидное и смешное объявление поплатились безвинные чиновники. По его словам, «в настоящее время – время гласности (в конце XIX века – *прим. Л.Г.*) на эту статейку не обратили бы ни малейшего внимания»[220].

Но в то же время земские окружные начальники в 1849 г. как раз относились к ведомству государственных имуществ и именно они тесно взаимодействовали с государственными крестьянами по вопросам их землепользования и налогообложения. Поэтому публикация А.Игнатовича выглядит уже как запоздалая попытка обелить репутацию П.И. Товарищева и А.И. Шмотина.

---

[217] Егоров Б.Ф. Указ. соч.
[218] РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.2421. Л.1.
[219] Перевалова Е.В. Указ. соч.
[220] Русская старина. Т.28. 1880. №5. С.612.

Любопытно, что мензелинский дворянин С.А. Пальчиков в 1852 г. выступил подрядчиком строительства нового здания для Мензелинской уездной больницы. Из этого следует, что «объявление Атуева» никак не отразилось на его взаимоотношениях с органами власти, которые продолжали с ним сотрудничать на выгодных условиях. Реакция главы тайной полиции Л.А. Дубельта на «дерзновение» Пальчикова, так же свидетельствует о лояльности властей к нему. Очевидно, своими скандальными выходками помещик в какой-то мере играл роль «санитара леса», указывая периодически на служебные нарушения местного чиновничества. Так было в 1835 г., так случилось и в 1849 г.

В эпоху Николая I представители чиновничества всячески боролись с любыми высказываниями критического характера в адрес царской и местной власти. Однако даже в условиях жесткой цензуры и ограничений имелись случаи, когда удавалось достучаться до верховной власти с помощью средств массовой информации и даже добиться устранения чиновничьего произвола. Но позволить себе такое могли лишь люди свободного мышления и сильного характера, имевшие определенный статус и авторитет в обществе, а также обладатели солидного материального состояния. Таким и являлся мензелинский помещик Сергей Александрович Пальчиков.

ГЛАВА 2.
ГОРОД И ЛЮДИ В XIX СТОЛЕТИИ

2.1. Население Мензелинска во второй половине XIX в.

Сословия и занятость населения.
Конфессии. Общественное призрение.

XIX век стал созидательным для города, характер развития Мензелинска определялся уже его торговыми и административными функциями, наблюдался рост населения: главным образом, уже после великих реформ Александра II. Город притягивал все новых и новых переселенцев. За эти годы в Мензелинске выросло число тех, кто был занят не в производственной сфере: чиновников, муниципальных служащих, учителей, медицинских работников и т.д. Среди местной интеллигенции встречались настоящие энтузиасты, разделявшие взгляды народников о необходимости просвещения самых широких слоев населения

Однако в 1820-е гг. среди жителей Мензелинска были еще и «малолетки», и «недоросли», и отставные офицеры с солдатами (см. *Приложение №3*). Мензелинский колорит объяснялся военно-служилым происхождением основной части горожан, а также трансформацией некоторых сословий в новые социальные группы. Например, среди домовладельцев наряду с многочисленными бывшими военными и чиновниками стали заметной группой мещане, ставшие уже в дальнейшем основным городским сословием.

Население Мензелинска в 1858 г. составляло 4980 чел. (2470 муж. и 2510 жен.)[1]. В 1865 г. произошло деление Оренбургской губернии на две части: Уфимскую и Оренбургскую. Мензелинск стал уездным городом Уфимской губернии. С этого времени начинается

[1] Городские поселения Российской империи… С.453.

новая история Мензелинска, вместе с буржуазными реформами второй половины XIX в. изменилась и городская среда: возникли новые органы управления, новые учебные заведения и культурные учреждения, расширилась сфера услуг. Менялись и жители города.

Сословия и занятость населения. Во второй половине XIX столетия основную массу горожан составляли крестьяне и мещане. Например, по данным 1877 г., 39% населения являлись представителями крестьянского сословия, а мещане составляли почти 29% от общего числа горожан[2]. В этот период стремились записаться мещанами и многие крестьяне, преимущественно для того, чтобы избавиться от оброчной подати за надел земли[3]. Но и мещанство оставалось податным сословием. Несмотря на отмену подушной подати в 1863 г., они продолжали выполнять многие обязательные для этой сословной группы работы: участвовали в строительстве и содержании почтовых трактов, поставляли подводы для войск, несли рекрутскую службу вплоть до её отмены в 1874 г.[4]

Как уже было отмечено выше, мензелинские крестьяне и мещане, в основе своей, являлись потомками служилого населения крепости: стрельцов, казаков, шляхтичей. Потомки тех самых «малолеток», «недорослей» 1820-х гг. в пореформенное время, как правило, учитывались как крестьяне. Даже в конце XIX в. некоторые из них подписывались «мещанин из шляхты г. Мензелинска» или же «крестьянин из шляхт г. Мензелинска»[5].

В Мензелинске, в отличие от остальных городов Уфимской губернии, имелось много плодородных выгонных земель.[6] Все они когда-то были пожалованы государством приезжим военным за несение службы в Мензелинской крепости. Во второй половине XIX в. в их службе уже не было государственной необходимости, каждый жил как мог. Большинство занимались хлебопашеством.

---

[2] Габдрафикова Л.Р. Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местного самоуправления. Казань, 2013. С.185.

[3] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.22. Л.45.

[4] Кошман Л.В. Мещанство в России в XIX в. // Вопросы истории. 2008. №2. С. 3–17.

[5] Волжский вестник. 1898. 17 июня. №148.

[6] Населенные пункты Башкортостана. Ч.1.Уфа, 2002. С.107.

Представители мензелинской шляхты долгое время оставались основными владельцами городских земель. По данным 1884 г. более половины земли города Мензелинск принадлежала шляхтичам (6613 дес. из 9 413)[7]. Местные мещане, как правило, не имели собственных земельных участков. Поэтому в Мензелинске они являлись постоянными арендаторами городских земель[8], т.к. хлебопашество оставалось основным источником их дохода и во второй половине XIX в.

Хотя сельскохозяйственные занятия горожан не отличались заметными успехами. Крестьянская деятельность сводилась к тому, что большинство выращивало хлеб только для себя, коммерческое сельское хозяйство не получило особого распространения. Еще одним источником доходов мензелинских крестьян была местная ярмарка. Сдача в аренду жилья и хлебопашество составляли образ жизни большинства жителей Мензелинска.

Во время Мензелинской ярмарки местные люди промышляли не только сдачей свободных помещений, но и извозным промыслом. Из-за того, что основная ярмарка проходила зимой, все товары в Мензелинск и обратно из города везли санным путем. Поэтому особенно в первой половине XIX в. в городе весьма выгодно было заниматься перевозками[9]. Но и во второй половине столетия ситуация в Мензелинске мало изменилась, железную дорогу так и не провели, ярмарка проходила зимой, поэтому все обозы тянулись лошадьми. Поэтому мензелинцы, помимо ремонта домовладений, ближе к ярмарке начинали чинить сани.

Но были и те, кто уходил на заработки в другие местности. Например, по данным 1862 г. из числа мензелинских обывателей до 30 крестьян и 140 мещан занимались отходничеством. В 1861 г. было выдано на эти цели 86 паспортов и 163 билета[10].

---

[7] Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1884. С.45.

[8] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.102. Л.65.

[9] Арсеньев К.Е. Статистические очерки России. СПб., 1848. С.487.

[10] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. Т.2. СПб., 1863. С.13.

«Летом обычно собирались мужики и ехали артелью «в Перму» (Пермь), но осенью возвращались со считанными рублями, и с горя, с досады напивались, били, «учили» своих жен; слышались стоны и крики избиваемых и площадная брань избивающих. Дети – ребята бежали к соседям, чтобы не видеть и не слышать как «тятька бьет мамку», – вспоминал о своих соседях мензелинский гимназист пореформенных лет[11].

Некоторые жители городских окраин занимались также и мелкой торговлей. В базарные дни они несли в центр города сметану, творог, масло, яйца и другие сельхозпродукты собственного производства. На вырученные деньги приобретали чай, сахар, а также гостинцы детям – баранки. Иногда обыватели позволяли себе и покупку фруктов. Например, мензелинский торговец Садыков предлагал в своем погребке яблоки, лимоны и другие фрукты. В конце XIX в. по городу ходили мальчишки-татары, предлагая прохожим купить поштучно лимоны за 3–5 коп. Их горожане покупали для чая[12].

Состояли в мещанской корпорации и татары. Например, среди прихожан Мензелинской соборной мечети, подписавших прошение в защиту муллы Газетдина Мухаметвалиева в 1909 г. были представители местного мещанства – Ибрагим Сайфуллин, Исмагил, Муса, Гали и Хасан Газиевы, Ахметзян Муратхузин[13]. Для сравнения, еще в 1880-е годы такого рода прошения от лица местных татар подписывали, главным образом, люди в сословном звании отставных солдат. Очевидно, их потомки и приезжие крестьяне пополняли мещанское общество г. Мензелинска в начале XX в.

Часть мещан и крестьян занималась ремесленничеством, при этом их продукция была рассчитана исключительно для нужд местного городского населения. Среди 126 мензелинских ремесленников в начале 1860-х гг. были стекольщики, кровельщики, столяры, красильщики, мыловары, печники, портные, сапожники. При этом больше всего было сапожников (58 чел. занимались этим промыслом) и лишь их изделия сбывались за пределами города, в основ-

[11] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.6–7.
[12] Там же.
[13] НА РБ. Ф.И-295. Оп. 4. Д. 13713. Л. 67–68.

ном, в окрестных селах во время базаров[14]. Интересно, что и среди ремесленников было больше приезжих мастеров.

В Мензелинске имелась отдельная улица Мещанская. Патриархальный и неспешный быт окраин Мензелинска описал в своих воспоминаниях уроженец города А.С.Сливко. Несмотря на постоянные материальные трудности и безысходность этот мир навсегда остался в его памяти как образ ушедшего, прекрасного детства.

«По вечерам собирались отдельно мужики и бабы на завалинке и дотемна шли тихие разговоры ... Мы ребятишки сидели тут же на коленях у отца и матерей, тихие, умолкшие, и что-то тревожило сердца. В небе светились крупные звезды, звонко трещали кузнечики, а на Мензеле, озерах и болотцах на «выгоне» громко квакали лягушки. Летними днями, босиком и в одних домотканых штанах и рубашках без пояса, играли в бабки, мяч и сорочку, по нескольку раз бегали купаться, ловить штанами рыбу для кошки или раков, которых было тогда много в нашей Мензеле. Кусок ржаного хлеба, особенно если удавалось посыпать его немного сахарным песком, был для нас самым вкусным печеньем. А на небе светило яркое солнце и плыли кудрявые облака»[15].

В советское время Мещанская улица была переименована в Пролетарскую.

Некоторые предприимчивые выходцы из мещан и крестьян приписывались к купеческому сословию. Однако уже во второй половине XIX в. такая приписка не давала особых привилегий, торговым делом мог заниматься любой, заплативший за торговое свидетельство, поэтому таковых было немного.

Рассмотрим некоторые стратегии выживания мензелинских шляхтичей второй половины XIX – начала XX вв. на конкретных примерах. Как уже было сказано выше, они жили за счет сельского хозяйства, торговли, а также наемного труда. Например, Дмитрий Брудинский занимался торговлей мясом. Некоторые открывали лавки в уезде. Очень часто потомки шляхтичей совмещали несколько видов деятельности. Так зажиточный крестьянин Иван Каташ

[14] Экономическое состояние городских поселений … С.13.
[15] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.7.

служил в Мензелинской уездной управе техническим работником. Для сезонных работ в своем хозяйстве он нанимал рабочих. Кроме службы в управе и земледелия, И.Каташ содержал бакалейную лавку в деревне Каракул. Другой служащий земской управы, писарь Иван Тихан имел лавку в деревне Поисево. Земский почтарь Кузьма Каташ тоже являлся владельцем собственных земельных угодий и имел зажиточное хозяйство. Занимались сельским хозяйством Петр Пилецкий, Виктор Каташ. Другой житель Мензелинска Илья Ляхович имел конную станцию на 12 лошадей, он их сдавал в аренду для прогонов. Большое хозяйство он вел совместно с родным братом, также им помогали три наемных работника. Но были и те, кто уже сам работал наемным работником у крупных землевладельцев. Так, мещанин Михаил Дударь служил управляющим в поместьях Останкова и Листовского[16].

В конце XIX в. наблюдается рост работающих женщин, в том числе из семей шляхтичей. Так в 1880 г. среди земских учительниц Мензелинского уезда были Аграфена Дударь, Александра Дударь, Антонина Тихановская, Любовь Тихан. Все они учились в Мензелинской женской прогимназии.

Дворяне города задавали культурный тон городу и уезду. Во многом благодаря стараниям местного дворянства, земских деятелей и интеллигенции во второй половине XIX в. в Мензелинске работали две прогимназии, несколько училищ, сельскохозяйственная школа, в городском клубе ставились спектакли, открылась общественная библиотека.[17]

Среди дворян Мензелинского края иногда, действительно, встречались очень неординарные и талантливые личности. Например, помещиком Мензелинского уезда был известный музыковед, собиратель фольклора Пальчиков Николай Евграфович. Он родился в 1838 г. После окончания Казанского университета, Николай Евграфович вернулся в родовое село Николаевка Мензелинского уезда и служил там мировым посредником. Именно там он заинтересовался крестьянскими народными песнями и начал записывать, ана-

[16] МКМ. КП-6594.
[17] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.119. Л.76.

лизировать их. Особенностью его музыковедческой работы было то, что он фиксировал до 6–10 вариантов одной народной песни. Сумма различных напевов составляла уже хоровой вариант исполнения. В его коллекцию вошли хороводные, свадебные, святочные песни, частушки и другие напевы. Они были изданы его братом А. Пальчиковым под названием «Крестьянские песни, записанные в с. Николаевка Николаем Евграфовичем Пальчиковым». Книга была во второй раз издана в 1888 г. в Санкт-Петербурге. Сам известный фольклорист умер в том же году[18].

Еще один дворянин-музыковед родился в 1875 г. в татарской деревне Мастеево Мензелинского уезда. Его звали Мухамедмансур Шайхильисламович Султанов. Впоследствии он стал одним из первых профессиональных татарских музыкантов начала XX века. Мансур Султанов получил сначала домашнее образование, обучался французскому языку, музыке. Затем продолжил образование в Уфимском реальном училище. Родители по семейной традиции прочили ему военно-чиновничью карьеру, но он решил посвятить себя музыке. На это решение повлияло его ближайшее окружение, в частности, флейтист и дирижёр оркестра при Уфимском реальном училище П.С. Копылов. Поэтому в 1897 г. Мансур Султанов поступил в Московскую консерваторию.

После окончания консерватории в 1903 г., некоторое время он играл в оркестре Большого театра. Мансур Султанов стоял также у истоков знаменитой Саратовской консерватории, открывшейся в 1912 г.

Виртуозный флейтист, являлся еще и музыковедом, собирал фольклор по татарским деревням Мензелинского и соседних уездов, стремился сохранить музыкальное наследие своего народа. Успел выпустить одну книгу об этом в 1916 г. Публикация М.Султанова о музыкальном фольклоре вызвала живой интерес: отклики на книгу появились в татарской газете «Тормыш» (Уфа), а также в «Русской музыкальной газете». Умер музыкант-дворянин в 1919 г.[19]

[18] Музыкальный словарь Римана. СПб., 1901. С.986.

[19] Балашов Е.А. Первая флейта Поволжья // Из истории Саратовской консерватории. Сборник статей и воспоминаний. Саратов, 2004. С. 23–27.

В Актанышском краеведческим музее хранится ценный экспонат – фисгармония Мансура Султанова, старинный музыкальный инструмент чудом уцелел в годы революции и Гражданской войны.

Были среди мензелинских дворян и предприниматели. Например, представители известного дворянского рода Пасмуровых в пореформенное время содержали в Мензелинске гостиницу. В разные годы Пасмуровы были и предводителями местного уездного дворянства[20].

Среди чиновников Мензелинского уезда порой встречались и представители татарского дворянства. Так, в начале XIX в. стряпчим здесь служил Мухамет-Гали Алкин[21], а во второй половине столетия выполнял обязанности городского мирового судьи Мухамедьяр Султанов. В 1886 г. он стал муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания. По этому случаю в доме мензелинского городского головы А.Г.Попкова состоялся прощальный обед в честь М.Ш.Султанова. В торжественном обеде приняли участие его сослуживцы и местные чиновники[22]. М.Ш.Султанов был уроженцем упомянутой выше татарской деревни Мастеево Мензелинского уезда.

Средняя численность купцов Мензелинска с 1871 по 1890 г. не превышало 132,6 человека. При этом численность населения города увеличивалась, а число купцов в городе в пореформенный период оставалось стабильным. В 1871 г. купцы составляли 2,5% от населения города, а в 1890 г. – 2%. Несмотря на свою малочисленность, купеческое сословие было наиболее активной экономической частью городского населения.

Так, среди гласных Мензелинской городской думы купцы составляли около половины. Можно предположить, что и среди избирателей большинство были представителями купечества. Как известно, избирательным цензом наделялись обладатели торговых свидетельств и домовладельцы. Среди домовладельцев купцов было немного. Например, в 1885 г. в Мензелинске было всего 40 купече-

[20] Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С.103, 135; Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С.36.
[21] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.11328. Л.1.
[22] Волжский вестник. 1886. 30 января. №24.

ских домов, основными домовладельцами же были мещане и крестьяне, 82 дома принадлежали местным чиновникам.[23]

Люди недворянского происхождения в XIX в. могли повысить свой сословный статус, получив звание почетного гражданина. В законодательных актах о почетном гражданстве было отдельное примечание о том, что лица, принадлежащие к мензелинской шляхте, имеют право просить о причислении их к потомственному почетному гражданству[24].Как правило, документы на получение звания потомственного почетного гражданина подавали купцы первых гильдий, одним из оснований причисления к данной сословной группе была активная общественная и благотворительная деятельность просителя. Безусловно, звание потомственного почетного гражданина уступала званию личного дворянина. Но в сословной иерархии Российской империи иметь звание почетного гражданина было предпочтительнее звания купца, священнослужителя, мещанина или крестьянина. Таким образом, потерявшие статус дворянства шляхтичи могли рассчитывать на промежуточный вариант сословной лестницы – почетное гражданство.

Сословные границы в уездном городе были размытыми. Один и тот же род в течение столетия или даже десятилетий мог поменять несколько сословных званий. Например, в числе первых жителей Мензелинска были, упомянутые выше, шляхтичи Будрины. Его потомки, вплоть до правнука, тоже являлись служилыми людьми[25]. Будрины имели в уездном городе домовладения. Однако в конце XIX в. особым имущественным статусом не отличались, принадлежность к благородному званию, очевидно, была утеряна. Так в 1899 г. умер в земской больнице мензелинский мещанин Будрин[26]. В начале XX в. в Мензелинске проживала крестьянская семья Будриных. Глава семейства Егор Будрин занимался сапожным промыс-

[23] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Том 1. Города. Казань, 1887. С.19.
[24] Законы о состояниях (Св. зак. Т. IX, изд. 1899, по прод.1906, 1908 и 1909 гг.). СПб.: Право, 1911. С.282–283.
[25] Савелов Л.М. Родословные записки. Т.1. М., 1906. С.288.
[26] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.3. Л.53-об–54.

лом, но жили тяжело[27]. Эта неустроенность жизни (из-за отсутствия материальных возможностей, дети Будриных были малограмотными) стала благоприятной почвой для развития антиправительственных идей. Сыновья сапожника – Алексей и Сергей Будрины за «политическую неблагонадежность» во время революционных волнений 1905–1907 гг. оказались в Мензелинской тюрьме, потом братьев отправили в ссылку[28]. Так, почти через триста лет, представители дворянской фамилии, когда-то принявшей служение русскому царю, были готовы свергнуть императора.

Конфессии. В XIX в. у Мензелинска кроме административной и торговой функции, сохранялась еще одна важная составляющая – духовная. Как уже было отмечено выше, в городе в начале столетия действовали две церкви. Во второй половине века открылся Пророко-Ильинский женский монастырь. К 1890 г. 5,4% горожан являлись представителями православного духовенства – 374 чел. Сюда относились также монахини и послушницы. В начале XX в. в Мензелинске действовали три православных храма: Никольский (Николаевский) собор, Троицкая церковь, Пророко-Ильинская церковь[29]. Были также часовни при монастыре. В Мензелинске проживали не только православные, но и представители других течений христианства. Так, в 1882 г. среди гласных Мензелинской городской думы было и два католика[30].

Уездный город был поликонфессиональным. Росло число мусульман. В 1871 г. в Мензелинске насчитывалось 105 мусульман обоего пола[31], к 1890 г. их число (официальных жителей города) дошло до 254 чел.[32] Это было 3,7% от общего числа населения города. С 1880-х годов мусульманская община Мензелинска для чтения коллективных намазов собиралась в молитвенном доме, в начале XX в. в городе открылась соборная мечеть. Неслучайно, в Мензелинском городском 4-х классном училище в середине 1890-х гг.

[27] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.542. Л.2.
[28] Там же. Л.8.
[29] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С.152.
[30] Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С.137.
[31] НА РБ. Ф.И-148. Оп.1. Д.8. Л.1 об.
[32] НА РБ. Ф.И-148. Оп.1. Д.13.

имелся и мусульманский вероучитель. Эту педагогическую работу выполнял приглашенный мулла[33].

По сведениям переписи 1897 г., в Мензелинске проживало 488 татар (319 мужчин и 169 женщин), что составляло 6,5% городского населения[34]. Значительный рост количества татар-мусульман в городе произошел, главным образом, в 1890-е годы.

В самом Мензелинском уезде татары-мусульмане составляли больше половины населения. Все они по разным делам часто бывали и в уездном городе. Например, в 1896 г. на заседании уездного земства было принято решение об открытии специальных курсов для подготовки мензелинских мулл к сдаче экзаменов по русскому языку. Предложение было внесено земским гласным Абубакиром Юсуповым[35]. Мензелинский русский класс для приготовления мулл, финансируемый земством, работал до 1917 г.[36]

Официальное число татар-мусульман и в городе, и в уезде могло быть и выше, если принять во внимание тот факт, что среди учтенных статистами в качестве православных людей были и т.н. новокрещеные татары. Их конфессиональная принадлежность чаще всего была лишь номинальной, после февраля 1917 г. многие из них вернулись к своей фактической вере – исламу.

Проживали в городе также и иудеи, но их было немного. В 1880-е гг. мензелинскую публику в городском клубе развлекали три еврея-музыканта, они были самоучками. В 1885 г., в поисках более высоких заработков, музыканты покинули уездный город[37]. В числе домовладельцев Мензелинска были иудеи Берхман и Яллин[38]. Один

---

[33] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXII очередной сессии с 5 по 16 октября 1896 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1897. С.43.

[34] История татар с древнейших времен. Т.6. Казань, 2013. С.60, 69.

[35] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXII очередной сессии ... С.29.

[36] Список учебных заведений Уфимской губернии к 1 января 1915 года. Уфа, 1915. С.34.

[37] Волжский вестник. 1886. 16 января. №12.

[38] Беседовская А.В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX – начало XX века). Оренбург, 2006. С.196.

из них промышлял в уездном городе ростовщичеством[39]. В начале XX в. городовыми врачами в Мензелинске работали Розенгауз Федор Тимофеевич (Цодок Танхумович Розенгауз)[40], Оссовский Абраам-Ицхок Иоселович[41].

О жизни многоконфессионального мира дореволюционного Мензелинска говорят и места памяти: на территории города имеются старые кладбища христиан, мусульман и иудеев.

Общественное призрение. На рубеже XIX–XX вв., как и во многих городах Российской империи, в Мензелинске увеличилось число приезжих людей. Многие из них влачили тяжелое существование. Бедность мигрантов в определенной степени была обусловлена и неурожаями 1890-х гг. В поисках пропитания и лучшей доли они устремлялись в уездный центр. При этом к 1914 г. число официальных жителей города достигло 8173 чел.[42] Здесь отсутствовали крупные производственные предприятия, а промыслы были развиты весьма слабо. Попытки мензелинского земства усилить местное сельское хозяйства и увеличить ее коммерческую рентабельность за счет научных знаний также не дали особых плодов.

В этих условиях одним из решений этой сложной проблемы серьезного разрыва между уровнями жизни различных слоев населения стало создание домов трудолюбия. Задумка интеллигенции была вполне логичной, таким образом, они хотели дать возможность бедным людям самим заработать себе на жизнь, а не вести паразитический образ жизни, попрошайничая.

«Дом трудолюбия» в г.Мензелинске был учрежден в 1900 г. местным обществом пособия бедным[43]. Годом ранее на средства Красного креста был организован работный дом для людей пострадавших от неурожая. После получения 500 руб. от Попечительства о домах трудолюбия и работных домах он был преобразован в Дом трудолюбия. Помещение предоставлено городом бесплатно. Было

[39] Волжский вестник. 1885. 3 января. №2.
[40] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.3. Л.38.
[41] Российский медицинский список … на 1916 год. СПб., 1916. С.351.
[42] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб., 1915. С.276.
[43] Мензелинское общество пособия бедным было основано в 1898 г. при содействии Иоанна Кронштадского (Полянина О.А. Указ. соч. С.149).

организовано «тканье сарпинок на станке "Самолет", тканье ковров, рогож и плетение салфеток». Работы эти, кроме тканья рогож, производились поденщиками, которых было 756 чел. Работа начиналась в 6 утра и заканчивалась в 7 вечера. В зимнее время работы начинались позднее. На обед, утренний и вечерний час давалось 1,5 часа. Также были организованы работы по белой и черной жести. Однако считалось, что «хорошей постановке этого дела мешает отсутствие в Мензелинске опытных мастеров». Делали котелки, самоварные трубы, ведра. Изделия дома трудолюбия были представлены на Мензелинской сельско-хозяйственной выставке.

При этом помещение Дома трудолюбия не соответствовало всем требованиям. Например, во время ярмарки помещение освобождалось для нужд торговцев. Приходилось временно закрывать мастерские и вывозить все имущество. Несмотря на такие трудности, местные жители признавали социальную значимость Дома трудолюбия.

«В Мензелинске нет ремесленной школы и хороших мастерских, где подрастающее поколение могло бы обучаться разным ремеслам, поэтому Дом трудолюбия является учреждением не только полезным для города, но необходимыми», – сообщалось об этом учреждении в прессе[44].

Сложной социальной ситуацией в городах было обусловлено и обострение в городах вопросов детской беспризорности; росло число сирот и подкидышей. 1 декабря 1903 г. царским указом было принято решение об открытии детского приюта в Мензелинске. Приют открылся под началом Мензелинского уездного Попечительства приютов[45] и входил в число благотворительных учреждений Ведомства императрицы Марии. Мензелинский приют размещался в арендованном помещении, в нем содержались 23 девочки от 3 до 15 лет православной конфессии из семей мещан, крестьян, отставных военных. Некоторые были круглыми сиротами, у кого-то не было одного из

[44] Трудовая помощь. СПб., 1901. С.152–153.

[45] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т.23. Отд. 1. СПб., 1905. С.1052. №23629.

родителей. В 1910 г. был открыт еще один приют уже в д. Сурончаг Мензелинского уезда, в нем воспитывался 21 мальчик. Ольгинский детский приют финансировался уездным земством[46].

В годы Первой мировой войны было организовано Мензелинское мусульманское благотворительное общество, работа которого также было направлено на материальную поддержку беднейшего населения уезда.

2.2. Мензелинские домовладения

Дома мензелинцев и городская планировка. Основной доход горожан. Школьные помещения дореволюционного Мензелинска.

Дома мензелинцев и городская планировка. Мензелинская крепость была деревянной, поэтому уже в XIX в. мало что напоминало о былом военном укреплении. От бывшей крепости к этому времени сохранились лишь часть рва и вал недалеко от города[47]. Каждый, кто писал о Мензелинске в это время, отмечал его незатейливый деревенский вид.

«Город занимает 450 000 квадратных саженей земли. На нем находятся 500 обывательских, дурно построенных домов с гумнами, огородами и проч. Порядочной архитектуры найдется не более 10 домов», – отзывался местный учитель И.Шляпников в 1816 г.[48]

Он же отмечал, что дома шляхтичей, впрочем, как и белопахотных крестьян, «построены худо и не имеют труб, а иногда служат вместе и хлевом»[49].

---

[46] Сиренко Ю.В. Особенности развития системы призрения и воспитания детей-сирот в Уфимской губернии конца XIX – начала XX веков // Вестник ВЭГУ. 2016. №1. С.37–46.

[47] Лоссиевский-Уфимский В.М. Основание г. Мензелинска // Уфимские губернские ведомости. 1884. 28 апреля. №17.

[48] ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ. Ф.35. Оп.1. Д.23. Л.2.

[49] Там же.

Побывавший в Мензелинске еще раньше подполковник А.И. Свечин (он возглавлял в 1760-х гг. сенатскую комиссию) отмечал, что домовладения устроены весьма небрежно, крепость тогда не имела план застройки. Как подчеркивал Свечин, плана не было то ли «от незнания и неспособности командирского», то ли «от слабого с сим от них же смотрения». Тогда в Мензелинске насчитывалось 205 строений, большинство из которых принадлежали отставным военным[50]. Любопытно, что в 1783 г. все же появился и особый план г. Мензелинска[51].

Но местные жители строились как могли. Дома были крыты рогожей или «липовыми лубьями». Крыши доставляли много хлопот жильцам: они были довольны сырыми и непрочными, портились от излишней влаги, прели на солнце, трескались и гнили. Кстати, из-за постоянного обновления липовых крыш, жители усердно истребляли местные леса, поэтому, как замечал подполковник Свечин, «липовым лесам излишнее погубление происходят»[52]. Продолжалась эта практика и позднее. Неслучайно в 1800–1801 гг. Оренбургском губернском правлении было заведено несколько специальных дел о «хищническом истреблении лесов» «о самовольной порубке леса крестьянами» в Мензелинском уезде[53]. К 1860-м гг. Мензелинск мало изменился, также много строили из дерева. Это был дешевый и самый доступный материал для строительства. Из 727 городских домов лишь восемь были каменными.

Мензелинск разделял на две части ручей Кучканка, который протекал по глубокому рву. Одна часть поселения носила тогда название «Кучканка», другая «Скородумка». Последнее относилось к возвышенным местам города[54]. В «слободе Кучканке» проживала

[50] Саначин С.П. Экспедиция Сенатской комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань, 2018. С.110.

[51] РГИА. Ф.1293. Оп.168. Д.21. Л.1.

[52] Саначин С.П. Указ. соч.

[53] НА РБ. Ф.И-1. Оп.1. ДД.135, 152.

[54] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.57.

беднейшая часть горожан, это был и самый небольшой район города. В нем было всего 3 улицы и 2 проулка[55].

В XIX в. центрами городской жизни были несколько площадей: Базарная, Рыбная, Конная, Солдатская, Церковная (рядом с Троицкой церковью). Названия мензелинских улиц сообщали либо о располагавшихся в них объектах, либо о жителях, либо о роде их деятельности: Садовая, Большая и Малая Ильинская, Троицкая, Мещанская, Слободская, Телеграфная, Театральная, Монастырская, Казарменная, Солдатская, Торговая и т.д. Встречались еще названия как Большая Уфимская, Большая Никольская, Мало-Казанская, Закучканская, Безъимянная 1-я и 2-я.[56]

11 июня 1838 г. был утвержден план г. Мензелинска, строительство новых зданий планировали привести в соответствие с требованиями закона, соображениями пожарной безопасности и т.д. Но благие намерения были заметно искажены местными исполнителями. План Мензелинска, разработанный уфимским землемером Нафановым, оказался далеким от реальных возможностей горожан. Вместо того, что бы исправить кривизну старых улиц, землемер предложил простой чертеж: за основу нового плана он взял лишь одно городское здание – уездное училище и на его линии распланировал главную улицу и расчертил поперечные к ней улицы. В результате, чтобы соответствовать, надо было не только перестраивать по-новому городские усадьбы, но вообще сносить дома на предполагаемых перекрестках. Конечно, никто не был готов к столь радикальным переменам. Поэтому при строительстве новых домов не придавали значения на официальный план Мензелинска. Каждый строился, как хотел, а кривизна улиц лишь разрасталась.

И даже в 1860-е годы строительство города продолжалось по такому же принципу. Хотя в это время вместо старого проекта был утвержден еще один новый план уездного центра[57]. Чиновник Р.Игнатьев оставил не самый лестный отзыв о мензелинских домовладениях.

---

[55] Игнатьев Р.Г. Мензелинская ярмарка / публ. М.И.Роднова // Научный Татарстан. 2012. №.2. С.107.

[56] Уфимские губернские ведомости. 1900. 23 декабря. №277.

[57] ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.13822. Л.1.

«Город выстроен без всякой планировки; правильных улиц не существует; идя по улице, непременно наткнетесь на дом, ибо всякий строился там, где ему хотелось; многие дома построены на скорую руку и скорее похожи на балаганы, чем на дома; они бывают обитаемы и отдаются в три-дорога только во время ярмарки, а все остальное время стоят заколоченные, – писал он в 1860-е годы. – Для Мензелинска еще в 1838 г. утвержден план, но чтобы отстроиться по этому плану надобно переломать и пересортировать целый город. Жители отзываются бедностью, и действительно бедны»[58].

Примерно такого же мнения об облике города был и другой наблюдатель, местный интеллигент В. Курбатов.

«...А сколько нужно годов, а особенно по плохой промышленности жителей и их нетрудолюбию, сколько нужно годов, сколько говорю, нужно годов, даже десятков лет, чтобы уничтожить эту увеличивающуюся вместе с перестройкой города неправильность, и построиться по новому плану?» – с горечью вопрошал он в 1865 г.[59]

Конечно, надо помнить, что все эти оценки давались, как правило, людьми приезжими, а местные жители, возможно, находили свой город вполне удобным для жизни. Например, в Мензелинске и селились не как в обычных городах, а довольно просторно. Поэтому привычной скученности не было. Не последнюю роль в этом играла городская ярмарка, люди строили просторные дома для того, чтобы сдать отдельные помещения приезжим. «Чем меньше был город и разреженнее заселен, чем больше однообразия наблюдалось в деятельности его населения, тем более личностный характер имели общественные отношения между его обитателями, будь то отношения зависимости, эксплуатации, обмена», – отмечает Б.Н. Миронов[60]. Это утверждение вполне подходило размеренному Мензелинску.

---

[58] Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. I. Оренбург, 2011. С.64–65.

[59] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.57.

[60] Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демография, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С.25.

После пожара 1878 г. для Мензелинска был разработан новый городской план, он был практически отстроен заново[61]. В 1879 г. Мензелинская городская управа распорядилась об изготовлении дощечек с названием улиц и именем домовладельцев[62]. Это новшество в данное время только внедрялось в провинции и должно было внести некоторый порядок в хаос городской застройки.

По свидетельству современников «город был обустроен плохо», а деревянные дома в нем напоминали скорее деревенские избы, были преимущественно трехоконными[63]. Конечно, оставившим заметки об уездном Мензелинске представителям интеллигенции хотелось видеть вокруг себя больше «городского» пространства. Поэтому не самый презентабельный, по их мнению, вид города они связывали с тем, что мензелинские дворяне практически не имели в городе домовладений, да и местных купцов было немного[64]. А приезжие предприниматели, хоть и вели в Менезлинске успешную торговлю, не спешили благоустраивать его, обзаводиться собственными домовладениями. Встречались лишь единичные примеры благотворительной помощи городу. Например, елабужский купец Иван Стахеев (он же землевладелец Мензелинского уезда) выделил средства на восстановление Никольского собора после пожара 1878 г. В начале XX в., в том числе приезжие татарские купцы, помогли со строительством Мензелинской соборной мечети.

Мензелинск, в целом, сохранял свой деревянный, сельский облик долгое время. Каменные обывательские дома в уездном городе были редкостью, хотя к концу XIX в. появлялось все больше общественных каменных зданий. Очевидно, это объясняется и последствиями пожара 1878 г. К 1881 г. в Мензелинске было всего 13 каменных зданий. В 1885 г. их число выросло до 37, в том числе были и жилые дома[65]. Среди городских домовладельцев меньше всего было купцов, например, в 1885 г. в Мензелинске зафиксировано всего 40 купече-

[61] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л.31.
[62] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.53. Л. 55 об.
[63] Обзор Уфимской губернии за 1881 год. Уфа, 1883. С.144.
[64] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Том 1. Города. Казань, 1887. С.28.
[65] Там же. С.16.

ских домов. Еще 82 дома принадлежали чиновникам, основными домовладельцами города оставались мещане и крестьяне[66].

Большинство мензелинских домовладельцев после пожаров строились на скорую руку, не особо задумываясь о внешней красоте зданий.

«Мензелинск, как и все русские уездные города, построился весьма бестолково, без всякого признака распланировки, всякий домохозяин строился так, как Бог ему положил на душу и потому иные дома стоят в ряд, другие теснились во дворах, третьи выскакивали вперед, занимая чуть пол-улицы. Наконец и сами улицы узенькие, кривые несимметричные, все это производило впечатление бестолковости, распущенности, неприглядности и служило отличным подспорьем при случившихся пожарах для истребления города», – так описывали Мензелинск в 1880-е годы[67].

При этом земля в Мензелинске в конце XIX в. оставалась достаточной дорогой, что удивительно при существующем «экономическом упадке». Это был второй, после губернского центра, город по дороговизне городских участков. В первом районе Мензелинска в 1885 г. средняя цена за кв. сажень составляла 78 копеек, во втором районе (очевидно, это окраины) – 32 копейки. Для сравнения, в остальных уездных городах Уфимской губернии цены варьировались от 15 (Белебей) до 52 копеек (Бирск).[68]

Стремление горожан строиться из дерева, не ориентируясь на городской план и требования пожарной безопасности, объясняется как их материальным положением, желанием минимизировать расходы на обустройство домовладения, так и равнодушием местного чиновничества, которые «закрывали» глаза на эти нарушения.

На самом деле по своему внешнему облику Мензелинск мало чем отличался от многих других уездных городов, в том числе Уфимской губернии. Например, каменных жилых домов практиче-

[66] Там же. С.19.

[67] Лоссиевский-Уфимский В.М. Указ. соч.

[68] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV-й очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С.10.

ски не было и в Белебее, и в Бирске, а в Стерлитамаке в 1880-е годах насчитывалось 35 жилых домов из камня. Очень сильно отличался лишь Златоуст – там практически все постройки были каменные или полукаменные, но это объяснялось тем, что этот уездный город являлся центром горнозаводской промышленности и располагался на каменистой горной местности. В Уфе каменных строений тоже насчитывалось не очень много, особенно по сравнению с другими губернскими центрами, город казался захолустьем. Поэтому Мензелинск был выстроен в духе своего времени.

В отличие от губернских городов того времени, которые уже пользовались водопроводами, в уездном центре Мензелинске только в пореформенные годы время наладилось водоснабжение. Поэтому выручали родники и колодцы. Например, в 1881 г. Мензелинская городская управа искала средства на разрытие родников[69]. В итоге, один из деревянных резервуаров водопровода в середине 1880-х гг. был установлен на Ярмарочной площади города[70].

Конечно, при «деревенском укладе» города в нем не было мест народного гуляния. В целом, в уездных центрах Уфимской губернии общественные сады являлись большой редкостью. В Мензелинске в 1878 г. был заложен парк с посадкой в нем лиственниц и елей[71]. Однако в 80-е годы XIX в. в местной городской думе снова был поднят вопрос о необходимости большего озеленения города. Сами горожане жаловались на то, что совсем нет «растительности, которая бы очищала воздух, от чего и нет здорового воздуха» в городе[72]. Были планы по устройству городского сада чуть ли не на Ярмарочной площади, но в итоге победил практицизм «отцов города»: его разместили в отдалении от центра. Поэтому некоторые мензелинцы возмущались, что общественный сад находится в 1,5 верстах от города, «где одна трава и 46 деревцев, через 25 лет не раньше могущих дать тень»[73]. Мензелинский городской голова

[69] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.56. Л.40.
[70] Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С.310.
[71] Мензелинский край: история и современность. Мензелинск, 2006. С.46.
[72] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.53. Л.8.
[73] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.1. Л.6 об.

А.Г.Попков в 1884 г. в ответ на это заметил, что общественный сад, устроенный «в конце города» отделен от центральной части Мензелинска «всего одним оврагом и с одной стороны обустроен уже домами». Кроме того, он напомнил, что в летнее время туда переносится общественный клуб, «который помещается в устроенном городом павильоне»[74].

К началу XX в. «большой тенистый с многочисленными аллеями городской сад, на западной окраине города» стал излюбленным местом отдыха горожан. Сюда ходила молодежь, вся интеллигенция города. По сложившейся традиции на лето в городской сад выезжал местный клуб – «Общественное собрание», завсегдатаи этого заведения проводили время за азартными играми и разговорами, среди них немало было любителей горячительных напитков. Помимо привычных клубных развлечений в саду было отведено место и «физкультурным развлечениям». Очевидно, такое внимание спорту являлось результатом влияния трезвеннического движения, активизировавшегося в 1900-е годы. В частности, в Мензелинском городском саду, по воспоминаниям горожан, имелась специальная спортивная площадка с «гигантскими шагами»[75]. По всей видимости, молодежь здесь развлекалась на ходулях.

О Мензелинске пореформенного времени, о его деревянных мещанско-крестьянских улочках современник оставил вот такое замечание:

«В таких уездных городах в те «сумеречные» 80–90-е годы, по образному выражению А.П.Чехова, «царила сонная одурь» и патриархальщина, но наряду с этим рушилось старое и медленно вторгалось новое от проникновения в гущу народную капитала. «Власть темы» сопровождалась «плодами просвещения». Тихие домики и безымянные улицы иногда оглашались голосами страданий, криков и картинами «нравов Растеряевой улицы» Глеба Успенского. До города и особенно до его окраин не долетали голоса большой жизни и борьбы; желания жителей не перелетали за частокол, за плетни и заборы их дворов»[76].

[74] Там же. Л.20 об.
[75] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.36.
[76] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.5.

К началу XX столетия в Мензелинске было немало ветхого жилья. Например, в 1908 г. оценочная комиссия Мензелинского уездного земства понизила общую доходность 120 домов с 1328 руб. 96 коп. до 200 руб. из-за их плохого состояния. Среди домовладельцев были и представители известных фамилий города: потомки первых поселенцев Мензелинской крепости – Тиханы, Будрины, Каташи, Кукаркины, а также однофамильцы или же родственники чиновника Реутова, купца Пивоварова и другие лица. Многие из них состояли в мещанском или крестьянском сословии[77].

Основной доход горожан. Во время Мензелинскй ярмарки практически каждый житель города сдавал свой дом, комнаты, дворовые места приезжим в аренду. Ярмарочные две недели кормили весь последующий год. И состоятельные, и даже бедные домохозяева практиковали сдачу в аренду любых свободных площадей (от койкоместа до подворья). Поэтому, по замечанию побывавшего в Мензелинске в 1861 г. Р. Игнатьева, многие дома в городе были построены на скорую руку и напомнили ему балаганы, чем жилые дома.

«Они бывают обитаемы и отдаются в три-дорога только во время ярмарки, а все остальное время стоят заколоченные», – отмечал он[78].

Тем не менее, перед ярмаркой домохозяева старались отремонтировать свою недвижимость, чтобы выгоднее потом сдать в аренду. Некоторые даже пытались брать кредиты на ремонт, однако Мензелинский городской общественный банк часто отказывал местным мещанам и крестьянам, предпочитая кредитовать «своих» людей. В 1880-е гг. эта сторона работы банка стала предметом публичной критики.

«...Помещики получали кредит даже на тысячи рублей, а обыватель, нуждающийся в 10 рублях перед ярмаркой для ремонта домишка, чтобы иметь квартиранта или купить сани для извоза, получал

[77] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV-й очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С.624–629.

[78] Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Том I. Оренбург, 2011. С.64–65.

отказ», – возмущался аноним, скрывавшийся под псевдонимом «мензелинец» в 1885 г.[79]

Мензелинцы специально строили просторные дома, рассчитывая сдать помещения в аренду приезжим торговцам и другим, временно проживавшим в городе лицам. Поэтому летом в Мензелинске пустовала 1/7 часть всех квартир[80]. Если в 1854 г. жители города выручали 9000 руб. за сдачу квартир во время ярмарки, то в 1861 г. эта цифра достигла уже 11 000 руб.[81]

Стоимость квартир в Мензелинске, не смотря на его уездный статус, была очень высокой. По всей Уфимской губернии Мензелинск был на втором месте по дороговизне недвижимости и дворовых мест (земельных участков в черте города). На первом месте, безусловно, был губернский центр – Уфа. В первом районе Мензелинска в 1885 г. средняя цена за кв. сажень дворового места составляла 78 копеек, во втором (очевидно, это бедные окраины) – 32 копейки. Для сравнения, в остальных уездных городах Уфимской губернии цены начинались от 15 (Белебей) и доходили до 52 копеек (Бирск)[82].

Любопытно, что даже здание мусульманского молитвенного дома (помещение будущей мечети) на Большой Уфимской улице в конце XIX в. во время ярмарки сдавали в аренду «под квартиры». В общем, зарабатывали на ярмарке все, в том числе и религиозные общины[83]. Выше уже упоминалось, что часть приезжих людей останавливались и в монастырском доме.

Дороговизна квартир в Мензелинске доставляла определенные трудности муниципальным органам при назначении квартирных денег своим служащим: врачам, учителям, полицейским чинам, судебным следователям и т.д. Выделенных денежных средств часто

[79] Волжский вестник. 1885. 6 июня. №127.
[80] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Том 1. Города. Казань, 1887. С.28.
[81] Игнатьев Р.Г. Указ. соч.
[82] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии... С.10.
[83] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.13713. Л.50.

оказывалось слишком мало, поэтому некоторые служащие доплачивали за съемное служебное жилье уже из собственного жалованья[84].

Наверное, для удобства квартирантов и приезжего населения в 1879 г. Мензелинская городская управа распорядилась об изготовлении дощечек с названием улиц и именем домовладельцев[85].

Доход арендодателей зависел от расположения домов, чем ближе к месту проведения ярмарки, тем выше была арендная плата.

«Дома, стоящие ближе к ярмарочной, дают очень большие доходы, почему домохозяева пускают постояльцев, в продолжении года, большею частью только до ярмарки, а там, или выходи вон постоялец, но только не во двор, потому что и тут каждый вершок продан, – за каждую лошадь с санями берут до 2 руб. 50 коп. на 2 и 3 дня, а выходи хоть за город, или дадут ему комнату аршина 2 в длину, да столько же в ширину; как хочешь, разгуливай по ней, если не хочешь заплатить за эти две недели более того, сколько платишь за весь год, – писал возмущенный мензелинский квартирант. – Кроме того, постепенно, с наступлением вечера начинается страшная возня, шум, говор в комнатах отданных в постой, а если еще, к несчастью постояльца годового, пущены татары, то хоть вон беги с квартиры, потому что татары экономнее других в ярмарочных квартирах; они на удобность не обращают внимания, а располагаются в одной комнате, как сельди в бочке, столько, чтобы с каждого из них сошло не больше четвертака за весь ярмарочный курс. Вообразите же теперь – три, четыре комнаты, кругом вас с шумом, гамом, лепетаньем, кроме того, угар, чад, проходимый в двери и ветхие простенки комнатки вашей от бесчисленного множества самоваров, окончательно отвращают вас от двухнедельного ярмарочного приюта»[86].

Экономность «татар бедного класса» отмечали и другие авторы. Извозчики, мелочные торговцы, а также просто покупатели-татары, как правило, собирались артелями и снимали небольшую комнату,

[84] Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с прило иями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань, 1885. С.12.

[85] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.53. Л. 55 об.

[86] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.68–69.

не желая отдавать огромные деньги за аренду. Ведь в начале января стоимость жилья в Мензелинске равнялась размеру годовой платы за то же самое помещение[87].

Ещё в 1838 г. для Мензелинска был утвержден новый городской план, но для соответствия этому плану требовалось серьезно пересмотреть расположение домовладений, чьи-то дома вовсе снести и отстроить заново и т.д. Никто не собирался следовать этим указаниям и даже в 1860-е гг. сохранилась хаотичная городская застройка. В целом, несмотря на высокие цены на квартиры во время ярмарки, мензелинцы считались бедными, по сравнению с жителями других городов[88].

Жильцам, которые квартировали у мензелинских домохозяев во внеярмарочное время, с открытием ежегодного торгового мероприятия тоже в несколько раз повышали квартирную плату. Это был сложившийся годами городской обычай. Но для некоторых квартирантов это становилось настоящей катастрофой. Многие из них в ярмарочное время со всем семейством вынуждены были ютиться в маленьких комнатушках, освободив просторные помещения для богатых гостей ярмарки.

Поэтому в местных гостиницах (например, в «Александрии») собиралась не только благородная публика и приезжие предприниматели, но и бедные местные обыватели, у которых не было собственного жилья. Избегая домашней тесноты, некоторые главы семей квартирантов предпочитали проводить время в праздных залах веселых нумеров. По словам анонимного мензелинского корреспондента, некоторые семьи после окончания ярмарки так и оставались в своих комнатушках, так как снять старое просторное жилье уже не было средств[89].

Зимнюю ярмарку местные жители ждали с особым благоговением потому, что многие жили за счет ярмарочных услуг, за счет временных постояльцев. Но полученные средства, по замечанию

[87] Игнатьев Р.Г. Мензелинская ярмарка / публ. М.И.Роднова // Научный Татарстан. 2012. №.2. С.113.

[88] Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Том I: 1859–1866 годы. Оренбург, 2011. С.64–65.

[89] Там же.

скептичных современников, не пускались основной массой мензелинцев в какое-то новое дело, открытие производства или торговли, а тут же тратились. Например, местный учитель В. Курбатов в 1861 г. писал, что мензелинцев к лености приучила местная ярмарка, «которая дает им большую выгоду от домов; поэтому ярмарку ждут они как светлого христово воскресенья». Он не видел ничего хорошего в таком образе жизни.

«Тут у них полная чаша всего: чай пьют по нескольку раз в день, кушают, что душе угодно, об вине я уже не говорю, его вдоволь, словом, на все как они говорят, разливанное море, – отмечал с грустью учитель. – Но не все же быть ярмарке, проходит она и спустя месяц, много и два, и – опять нищета, не говоря об чае и прочем»[90].

Таким образом, ярмарка приносила местным жителям как пользу, так и косвенный вред. Создавая благоприятные условия для получения быстрой прибыли, она подавляла в них творческое начало, конкурентоспособность и адаптивность к изменчивым условиям российских реалий.

Школьные помещения дореволюционного Мензелинска. Сегодня напоминанием дореволюционного народного образования служат прекрасные старинные здания – памятники истории и культуры. В Мензелинске их достаточно: здание бывшего реального училища, городского училища, женской гимназии и т.д. Многие из них и сегодня используются как учебные заведения. Но насколько удобными были эти помещения для школьников начала XX в., и всегда ли ученики учились в таких зданиях? В XIX в., особенно в начале столетия, конечно же, условия обучения были совершенно иными.

Например, Мензелинское малое народное училище в 1810-х гг. функционировало в довольно не приспособленном для этого здании. У учебного заведения не было собственного дома, поэтому помеще-

[90] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.65.

ние арендовали в доме сержанта Ивана Антипина[91]. Кроме школы в этом здании имелись и помещения другого назначения: например, в подвале находился винный погреб. Из-за этого со временем нижняя часть здания немного подгнила, а дом начал оседать и мог провалиться[92]. При этом само здание было относительно новым, но вот фундамент из-за сырости оказался в плачевном состоянии. Инспекторами несколько раз были сделаны замечания по поводу аварийного состояния и городничему, и исправнику, но местные чиновники не спешили с ремонтом школьного дома. Несмотря на проблемы с фундаментом, в целом внутри школьного помещения было чисто. А сами ученики, опрятно одетые и скромные, оставили у ревизора самые положительные впечатления о себе[93]. Конечно, в ходе различных преобразований статуса училища (1817, 1835) изменилось и школьное помещение. Появилось собственное здание, но и оно нуждалось в периодическом ремонте и расширении, т.к. с каждым годом росло количество учеников. В 1852–1856 гг. дом уездного училища был перестроен, а рядом с основным зданием появился еще флигель[94].

Первые занятия в новых учебных заведениях уездного города не всегда начинались в новых зданиях с прекрасными условиями. Например, Мензелинская женская прогимназия в первые годы существования размещалась, по словам гласных городской думы, «в убогом арендованном помещении». Лишь благодаря хлопотам члена попечительного совета И.М. Казанцева ситуация изменилась в лучшую сторону. Попечитель уговорил предпринимателя Рукавишникова, живущего в Москве, выделить на далекую Мензелинскую женскую прогимназию солидную сумму (1000 руб.). На эти щедрые пожертвования был приобретен и отремонтирован специальный

[91] Описание торжественного преобразования Оренбургской губернии Мензелинского малого народного училища в уездное // Казанские известия. 1818. 20 ноября. №93.

[92] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т.3. Казань, 1903. С.187, 245.

[93] Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. 1805–1819. Рассказы по архивным документам. Т.1. СПб., 1904. С.506–507.

[94] РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.484. Л.23–26.

дом. Следует отметить, что и владелец дома Шипов оказал своеобразную поддержку делу женского просвещения – уступил свою недвижимость для школы за незначительную плату[95]. Так же и женская приходская школа в Мензелинске, открывшаяся в 1869 г., переехала в новое просторное здание лишь спустя более чем тридцать лет после открытия – в 1899 г.[96]

Многие общественные здания в Мензелинске пострадали от майского пожара 1878 г. В их числе была Мензелинская мужская прогимназия, здание которой полностью сгорело. Учебный процесс был приостановлен с мая по октябрь. Да и женская прогимназия в 1880-е гг. размещалась в арендованном помещении, а не в собственном здании, что тоже могло быть связано с последствиями пожара. В этот период данная школа попадала в критические разборы анонимных корреспондентов. Условия обучения оставляли желать лучшего.

«Теплых ретирадов в женской прогимназии не имеется, а отведено место на дворе и находится в самом безобразном виде», – звучала критика со страниц газет[97].

С 1882 г. Мензелинская женская прогимназия размещалась в двухэтажном каменном здании, принадлежавшем предпринимателю Горбушину. Но из-за ярмарочной специфики Мензелинска, арендная плата, как за частные, так и общественные помещения сильно зависела от сезона. Зимой, в ярмарочное время, цены становились очень высокими. Поэтому у дома Горбушина было два назначения: в ярмарочное время – номера для приезжающих на ежегодное торговое мероприятие, в обычный период – прогимназия. Учениц Мензелинской женской прогимназии обычно на три недели отпускали

[95] Журналы чрезвычайного Мензелинского уездного земского собрания созыва 27 апреля 1885 года с докладами управы и приложениями. Казань, 1885. С.42–43.

[96] Елдашев А. Мензелинский Пророко-Ильинский женский монастырь // Эхо веков. 2011. №1/2. С.228.

[97] Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С.310.

домой, так как арендуемое городом помещение обходилось слишком дорого во время ярмарки и более простым решением представлялось временное освобождение классных комнат. При этом самовольные каникулы не устраивали Министерство народного просвещения, где совершенно справедливо считали, что такая практика вредит учебной программе[98]. В начале XX в. эта практика прекратилась. Здание прослужило прогимназии, а затем и гимназии вплоть до 1918 г., пока она не была преобразована в советскую школу.

Еще одним учебным заведением, которое долго восстанавливалось после майского пожара 1878 г., была Мензелинская мужская прогимназия. Новое здание для этой школы было достроено лишь к 1886 г.[99] По свидетельствам современников, этот архитектурный объект стал настоящим украшением для города. Двухэтажное протяженное здание в стиле ранней эклектики располагалось в самом центре города. Главный вход в середине фасада выделялся широким навесом на массивных опорах. Междуэтажный гурт, карниз и подоконные полочки были украшены поребриками, сухариками и машикулями. Но очень скоро прогимназия сменила свой статус и с 1887 г. начала работать как обычное городское училище.

Содержание школьных помещений было постоянным предметом заботы и головной болью для учредителей учебных заведений. Как правило, на эти цели выделяли пособия муниципальные органы власти: земские и городские самоуправления. Кроме платы за аренду, расходов на отопление и освещение, жалованья учителям и учительницам, нужно было еще оплачивать труд школьных сторожей. Например, именно они отвечали за отопление помещения; некоторые из них во внеурочное время старались поддерживать порядок среди детворы.

«Шумная ватага озорных мальчишек, собиравшихся на крыльце школы до открытия ее дверей; строгий сторож – дядя Михей с длинной тонкой калиновой палкой, которой он доставал до головы озорников, наводя порядок в классе, строгий Иван Павлович – заведую-

[98] Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань, 1885. С.22–23.

[99] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887. С.4–5.

щий школой, которого все боялись, как огня…», – вспоминал о школьных буднях в Мензелинской приходской школе А.Сливко[100].

Накануне Первой мировой войны началось строительство нового здания для Мензелинского реального училища – бывшего уездного училища. Это было одно из самых популярных учебных заведений Мензелинского уезда. Половину учеников данного училища составляли сельские жители, но достаточно было и горожан. Среди учащихся встречалось немало детей разночинцев, городских служащих, интеллигенции. Реальное училище размещалось в тесном и темном помещении[101]. Но даже при стесненных условиях в школе имелись условия для научно-технического развития с маленькими лабораториями. Например, именно там проводил свои первые физические опыты будущий академик Б.П. Никольский. Видимо, из-за нехватки помещений, он занимался экспериментами исключительно в выходные дни и во время каникул[102].

При этом интерьеры реального училища особенно контрастировала с просторными помещениями главного конкурента – городского училища (бывшая мужская прогимназия).

«Мензелинское городское училище помещается в собственном двухэтажном доме, вполне благоустроенном, – сообщалось об этом учебном заведении в 1909 г. – Квартира инспектора помещается отдельно, в деревянном флигеле, выстроенном во дворе училища»[103].

Строительство нового здания для реального училища, из-за начавшейся Первой мировой войны и революционных событий, растянулось на долгие годы, процесс был завершен лишь в 1920 г. Но к тому времени в городе уже не было реального училища, а в новом здании открылось Мензелинское педагогическое училище. Так материально-техническая база дореволюционных учебных заведений, нажитая за много десятилетий, усилиями местных органов власти и

[100] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.9.
[101] ГА РТ. Ф.483. Оп.1. Д.1. Л.12.
[102] Мясоедов Б.Ф. К 100-летию со дня рождения академика Б.П. Никольского // Вестник Российской академии наук. 2000. Т.70. №10. С.943.
[103] ГА РТ. Ф.1286. Оп.1. Д.2. Л.3.

благотворителей стала основой для строительства советской школьной системы.

2.3. Городские пожары и меры борьбы с ними

Пожар 13 июля 1825 года и помощь от императора. Пожар 1 мая 1878 года в Мензелинске. Меры органов государственной и местной власти после пожара. Услуги страхования: мошеннические схемы и настоящая помощь.

Пожар 13 июля 1825 года и помощь от императора. Деревянные российские города часто подвергались пожарной опасности. Не избежали подобной участи и жители Мензелинска. Пожары здесь возникали часто. Например, крупный пожар в Мензелинске случился в 1825 году. По сообщению оренбургского губернатора Эссена, пожар открылся близ дома купца Шапошникова. В результате, сгорело 170 частных домов в центральной части города. Среди погорельцев было много дворян и чиновников, а также других служащих (см. *Приложение №3).* Например, в числе пострадавших оказался бывший штаб-лекарь, коллежский советник Шелудно-Тектонов. Причиненный пожаром ущерб он оценил в 10 тысяч рублей. Конечно, помимо дворян и купцов, пострадали и мещанские дома, и дома бывших военных (отставных солдат) или их потомков (т.н. малолеток)[104].

Июльский пожар нанес существенный ущерб и одному казенному учреждению – Правлению питейного сбора (убыток оценивался на 1174 руб. 18 коп.). Впрочем, как отмечали мензелинские чиновники, главное, уцелели многие другие казенные помещения: были спасены от пожара Уездное Казначейство, денежные кладовые с казною, винный и соляный магазин, Присутственные места, Почтовая экспедиция и тюремный замок.

Мензелинский пожар и его последствия стали предметом обсуждения на самом высочайшем уровне. Первый раз вопрос об этом был

[104] РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.111. Л.12–16.

поднят в заседании комитета Министерства внутренних дел 25 августа 1825 г., а второй раз – 19 декабря. Во втором заседании прозвучало и имя нового императора Николая I. Сообщалось, что «Государь Император изволит желать знать, не предстоит ли надобности в денежном от казны вспомоществовании кому-либо из оных 170 Мензелинских обывателей, претерпевших от пожара»[105]. Конечно же, личное внимание императора ускорило разрешение вопроса о последствиях мензелинского пожара.

Второе заседание комитета МВД, посвященное последствиям мензелинского пожара, состоялось через пять дней после восстания декабристов. Судя по всему, на фоне данного протестного выступления столичного дворянства представлялось особенно актуальной помощь провинциальным дворянам и чиновникам, а также другим слоям населения.

К февралю 1826 г. выяснилось, что обыватели понесли убытки (лишились домов и имущества) на 232 тысячи 38 рублей. Был пересмотрен даже именной список погорельцев, добавились новые фамилии (с припиской «Отлучившиеся из Мензелинска и объявившие убытки прежде Городническому правлению») и число пострадавших выросло от 170 до 186 человек[106].

К этому времени, конечно же, многие, хоть и были «люди бедные», начали обустраиваться после пожара самостоятельно. Тем временем от казны погорельцам была выделена безвозмездная помощь в размере десятой части от понесенных убытков – 23 тысячи 230 рублей. Деньгами должны были распоряжаться предводитель уездного дворянства, городничий и уездный стряпчий. При этом власти предупреждали, чтобы помощь раздавали

«под строгим наблюдением губернского начальства, что бы всякий, кому сделано будет сие вспомоществование, употребил оное непременно на устроения себя в городе, а не на другие какие-либо предметы»[107].

[105] Там же. Л.8.
[106] РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.111. Л.16.
[107] Там же. Л.26, 29, 21.

В конце концов, мензелинским погорельцам из казны было выделено специальное пособие[108]. Очень любопытна интерпретация этого факта в народе. Казенная помощь погорельцам произвела, видимо, огромное впечатление на население. Поэтому выделенные государством 23 тысячи выросли в народных разговорах до 100 тыс. руб.[109]

Конечно, пожары случались и позднее. Несчастные снова обращались за помощью к органам власти. Так в конце 1866 г. тоже была выделено пособие погорельцам из г. Мензелинска[110].

Пожар 1 мая 1878 года в Мензелинске. Во второй половине XIX века, вместе с ростом населения, в городах стали все больше внимания уделять противопожарной безопасности. Строились противопожарные стены между домами, создавались пожарные команды, состоятельные горожане старались страховать свое жилье от огня. Но не всегда эти меры оказывались действенными.

1 мая 1878 г. стал для большинства мензелинцев самым трагичным, случившийся в этот день пожар имел тяжелейшие последствия.

«... Туча или лучше сказать дым, распространился по всему камскому разливу, насколько хватал глаз и чувствовал запах гари», – рассказывал очевидец пожара, который в этот момент находился в 40 километрах от самого Мензелинска.

Пожар продолжался и на следующий день.

Он начался с обычной бани, которую затопили в городе «на одной свадьбе для мытья невесты». Но праздничные гуляния так захватили хозяев бани, что о ней благополучно забыли[111].

Здесь надо отметить, что мытье молодых в бане на следующий день после свадьбы было одним из самых традиционных местных обрядов. Сопровождался этот ритуал языческими плясками родных брачующихся, с переодеванием в специальные маскарадные костюмы. Молодоженов обычно торжественно вели в баню, их сопровож-

[108] РГИА. Ф. 560. Оп.11. Д.921. Л.1–2.
[109] Рагозин В.И. Волга. От Оки до Камы. Т.2. СПб., 1890. С.451.
[110] РГИА. Ф.1287. Оп.31. Д.2296. Л.1.
[111] Лоссиевский-Уфимский В.М. Указ. соч.

дали дикими криками, стуком сковородок, битьем тазов и другими оглушающими звуками.

«Проводивши молодых, эта процессия переодевается в костюмы солдата, старика, татарина и даже дьявола, одним словом, кто во что вздумает, и отправляется на нескольких санях, летом в телегах, в ряд, с песнями, различными кривляньями и пляской; на дугу навесят различных цветов, ленты, а по обе стороны лошади по чучелу», – так описывал этот свадебный обряд местный житель В.Курбатов[112].

Неудивительно, что в таком праздничном хаосе забыли про баню. Когда появились первые языки пламени, еще была возможность поскорее потушить огонь и не дать перекинуться на соседние постройки. Но тут замешкалась городская пожарная команда. Все случилось как в примитивной комедии: пожарные в это время поливали «тощую растительность общественного сада», а когда их позвали тушить огонь, они поехали объездным путем. Это из-за того, что мост по пути был в полуразвалившемся состоянии и все горожане его объезжали. К приезду пожарной команды пожар уже бушевал с такой силой, что к огню невозможно было никак подступиться.

«Окруженные со всех сторон огненным море, пожарные вынуждены были, едва успев выпрячь и вывести лошадей, бросив обоз, который и сгорел...», – рассказывал один волостной старшина[113].

Пожарные команды по всей России не справлялись со своими обязанностями. Поэтому такие нерадивые пожарники являлись частыми героями сатирических лубочных картинок, особенно популярных в городах. Такие картинки сопровождались следующими язвительными замечаниями: «А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, московский пожар; как пожарная команда скачет, по карманам пироги прячет, а Яшка-кривой сидит на бочке с трубой да плачет, что мало выпил, да кричит: “Княза Голицина дом горит!”». «А вот пожар Апраксина рынка!… Пожарные

[112] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.78–79.
[113] Лоссиевский-Уфимский В.М. Указ. соч.

скачут, в бочки полуштофы прячут – воды не хватает, так они водкой заливают… чтобы поярче горело!…»[114].

Огонь быстро охватил соломенный город. Дело в том, что мензелинские обыватели, большинство которых сдавали свои помещения во время ярмарки, для удобства постояльцев и их лошадей, крыли свои дворы соломенными крышами. По городским правилам эти временные приспособления должны были убираться сразу же после ярмарки. Но мало, кто следовал официальным указаниям. Вот и стали соломенные крыши благодатной почвой для разбушевавшегося огня. И погода в этот день была ветреной.

По данным губернаторского отчета 1878 г. сгорело 900 домов в центральной части города, собор, учреждения уездного правления, земская управа, городская дума и управа, аптека, различные здания, ярмарочные лавки, магазины с товарами, а также расположенное в городе зернохранилище Ст.Мазинской волости. Общий ущерб, согласно этому отчету, составлял 1 380 тысяч рублей. Целыми остались лишь дома на окраине, военные казармы, кладовая уездного казначейства, городская лечебница и женский монастырь. Пожар оставил без крова большую часть горожан.

«На одной только окраине остались не более 120 небольших домов, истреблены все учебные заведения со всею обстановкой, городские здания и лавки, – сообщали в заседании Мензелинской городской думы того периода, – так что городу на одно возобновление ярмарочных помещений потребна громадная сумма, восполнить которую неминуемо придется городу обратиться к займу»[115].

Но помимо торговых лавок, нужно было еще заботиться о простых людях, которые остались на улице.

«Вскоре через наше село потянулись пешком и на подводах погорельцы, пробиравшиеся к своим родственникам по соседним селениям, – сообщал очевидец из уезда, – от них мы, наконец, узнали, что пожар случился в Мензелинске и еще продолжается и сегодня. Немед-

[114] Цит. по: Некрылова А. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб., 2004. С.129.
[115] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л.25.

ленно поскакал я из любопытства на место происшествия и слышал приказание исправника съехавшимся становым – возможно скорее доставить печеного хлеба, т.к. погорельцы голодали со вчерашнего дня: сгорела вся мука, печеный хлеб, да если даже мука и нашлась, то негде было печь хлебы. Горожане в самом ужасном положении: без крова, без пищи: лишенные имущества, сгоревшего на улицах. Некоторые бросали имущество в глубокий овраг, но и здесь ничего не спаслось от огня, т.к. овраг был завален навозом, по которому огонь добрался не только до имущества, но и спрятавшихся здесь людей. Погибло, как передавали, до восемнадцати человек как в городе, так и в оврагах и других местах, где несчастные надеялись спастись от бушевавшего моря огня»[116].

Среди сгоревших людей в овраге были, в основном, старушки и дети. После пожара, некоторые погорельцы на первое время нашли приют и хлеб в уцелевшем Пророко-Ильинском женском монастыре[117]. Часть людей разместились в здании городской больницы.

В результате двухдневного огня в городе пострадали не только жилые постройки, но и присутственные места, различные учреждения. Сгорела вся документация. Так, указанный выше очевидец из уезда рассказывал как «на лугах заметили целые кучи бумаг, вероятно, принесенных ветром», они «при малейшем прикосновении к ним рассыпались прахом пеплами». Эти мензелинские бумаги ветром занесло даже в соседнюю Вятскую губернию.

Пожар 1 мая 1878 года стал важной составляющей коллективной памяти мензелинцев. Он настолько сильно врезался в память горожан, что эта дата стала применяться как точка отсчета событий частного характера. Обычно, когда вспоминали о чем-то, местные обыватели даже в 1890–1900-е гг. специально уточняли, что это было до городского пожара или после[118].

Меры органов государственной и местной власти после пожара. После страшного пожара 1878 г. уездный город выстраивался практически заново. Для Мензелинска после пожара разработали да-

[116] Лоссиевский-Уфимский В.М. Указ. соч.
[117] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л. 64 об.
[118] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.5.

же новый городской план.[119] Министерство государственных имуществ Российской империи выделило наиболее бедным мензелинским погорельцам денежные пособия и строевой лес: часть бесплатно, часть средств в рассрочку на пять лет за умеренную плату[120]. Мензелинская городская дума выступила с ходатайством к Правительствующему Сенату, чтобы разрешили городскому банку давать погорельцам беспроцентные кредиты сроком на пять лет[121]. Однако бедные слои города не оправились после пожара и много лет спустя, так городские власти в 1888–1890 гг. приняли решение о сложении с некоторых горожан долгов за отведенные после пожара дворовые места.[122] Остались неуплаченными даже через десять лет многие беспроцентные кредиты, постоянные напоминания городской управы должникам не помогали, а некоторых из них к этому времени уже не было в живых. В результате долги просто списывались[123].

После пожара городские власти тоже пересмотрели свои приоритеты. Изменения коснулись практически всех сфер жизнедеятельности. В первую очередь, был пересмотрен бюджет города, изменены некоторые статьи расходов. Так, сократили число полицейской команды[124]. Изменились дотации образовательным заведениям. Мужская прогимназия была на грани закрытия. Благодаря личной встрече городского главы А.Г.Попкова с министром просвещения Д.А.Толстым удалось добиться помощи прогимназии со стороны казны[125].

Но самое главное, после страшного бедствия, городские власти изменили расходы на пожарную безопасность, закупили новую технику. В 1882 г. мензелинская дума приобрела в кредит (на 1000 руб.) бельгийскую машину для пожарного обоза, «которая выбрасывает в минуту 25 ведер воды»[126]. Как отмечал позднее городской

[119] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л.31.
[120] Там же. Л. 53 об.
[121] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л.80 об.
[122] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.119. Л.41; Д.102. Л.71.
[123] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.102. Л.46, 46 об.
[124] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л. 49 об.
[125] Там же. Л. 26.
[126] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.63. Л.11.

голова Мензелинска Алексей Григорьевич Попков, в городе имелся «прекрасный пожарный обоз»[127].

Но насколько эффективными были эти меры? Проверялось это только во время пожаров, которые в деревянном Мензелинске, к сожалению, случались и в последующие годы. Например, описывая пожар 1886 г. анонимный корреспондент из Мензелинска подверг резкой критике новый городской пожарный обоз. На проверку он оказался не очень проворным и скорым. Когда начался очередной пожар, спасатели приехали не сразу, «… в силу полной невозможности быстрой езды, потому что было, как говорится кочка на кочке…»[128]. Некоторым мензелинским мещанам после таких пожаров уже не удавалось восстановить свое городское домохозяйство. Поэтому они вынужденно переселялись в окрестные деревни в поисках более дешевых условий жизни[129].

Страх появления опустошающего пожара надолго не оставлял мензелинцев. Даже спустя двенадцать лет после трагических событий 1878 г., эта фобия приводила к некоторым городским курьезам. Так, в 1890 г. весь Мензелинск сумел напугать один мальчик, в городе он до этого был известен как мелкий воришка. Когда в очередной раз его поймали, мальчик вдруг заявил, что «ему надоело воровать, теперь он хочет поджечь город». Ребенок, скорее всего, сказал это ради красного словца, а вот взрослые испугались не на шутку. В результате, мальчика как «грозу города» взяли под стражу. Городские власти решили, что так будет всем спокойнее[130].

Городским пожарам, по-прежнему, способствовали мензелинские соломенные крыши. Поэтому в 1890-е годы в уезде и Мензелинске губернским земством было потрачено десятки тысяч рублей на строительство зданий с соломенно-ковровыми крышами, для того, «чтобы научить крестьянина строить дешевые, прочные, несгораемые кровли». Это была новая технология в строительстве, так как для смазывания соломы применялся цемент – смесь извести, песка и глины. Именно это обеспечивало «несгораемость» крыши.

[127] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.1. Л.20 об.
[128] Волжский вестник. 1886. 19 декабря. №280.
[129] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2773. Л.10.
[130] Казанский биржевой листок. 2 июня. 1890. №119.

Крыши такого типа впервые были изготовлены в Красноуфимском реальном училище и представлены Красноуфимским земством Пермской губернии в 1880-х гг., впоследствии они приобрели широкую популярность[131]. Инициатором изготовления таких крыш в Мензелинском уезде выступил заведующий страховым отделом губернского земства, член управы Д.Ф. Дубинин. Однако среди современников находились и критики данной инициативы. Так, по сообщению анонимных корреспондентов из Мензелинска, «не прошло и двух лет, а уже эти крыши провалились, и вообще представляют собой решето»[132]. Хотя надо признать, что применение несгораемых крыш в строительстве, безусловно, было шагом вперед в решении проблемы пожарной безопасности.

Работники городской пожарной команды тоже постоянно находились в зоне риска. Примечательно, что городские власти задумались и о необходимости защиты пожарников. В 1899 г., все тот же Дмитрий Федорович Дубинин, ставший уже городским головой Мензелинска, инициировал страхование городской пожарной команды. Как должностное лицо он вступил в члены Всероссийского общества взаимопомощи пожарных деятелей («Общество голубого креста») и застраховал 18 мензелинских пожарных на случай их смерти, инвалидности и временной неспособности к труду[133]. То есть Общество голубого креста было чем-то вроде фонда социального страхования для рабочих пожарных команд.

Таким образом, обзор пожаров и развития пожарной безопасности в Мензелинске показывает, что данная проблема для уездного города имела огромное значение. Пожары оказывали влияние на материальное состояние горожан и меняли условия их жизни. Пожарное бедствие 1878 г. стало настоящим вызовом для городских властей, которые, несмотря на возникшие трудности, сумели сохранить городскую инфраструктуру.

---

[131] Наставление к изготовлению соломенно-ковровых несгораемых крыш Красноуфимского реального училища. 5 изд-е, доп. Пермь, 1887. 16 с.; Лашманов Ф.Ф. Соломенно-ковровые несгораемые крыши. Чернигов, 1894. 10 с.

[132] Казанский биржевой листок. 1891. 22 ноября. №264.

[133] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.3. Л.8.

Услуги страхования: мошеннические схемы и настоящая помощь. В условиях постоянных городских пожаров страхование недвижимого и движимого имущества становилось распространенной практикой для состоятельных обывателей. Например, к 1889 г. в Мензелинске и уезде была представлена развитая сеть страховых услуг. Агентом «Русского страхового от огня общества» был сам городской голова, купец 2-й гильдии Александр Григорьевич Попков. Пожалуй, самое известное в стране страховое общество «Россия» в Мензелинске представлял некий Петр Васильевич Беляев. Не только страхование от огня, но и от различных дорожных происшествий (морское, речное и сухопутное страхование) предлагало общество «Волга» в лице надворного советника Дмитрия Васильевича Стерлигова. Мещанин Степан Васильевич Матвееч продвигал услуги Северного страхового от огня общества, почетный гражданин Вильдан Исмагилович Исламгулов – Общества взаимного страхования от градобития, а Людвиг Бернардович Рожновский – страхового общества «Москва». Страховым агентом в селе Бережные Челны трудился купеческий сын Александр Ильич Кукаркин[134].

Между тем с развитием страхового дела в городах получили распространение умышленные пожары. В основном, это практиковалось коммерсантами. С целью получения страховых выплат, предприниматели сами поджигали свои дома и лавки, где якобы хранился товар. Такие случаи встречались и в Мензелинске. Например, 9 октября 1886 г. вечером загорелась лавка с застрахованными бакалейными товарами мензелинского купца Боголюбского. Пожар начался вскоре после того, как хозяин покинул лавку, она даже не успел дойти до дома. Обывателей насторожило и то, что купец в этот день отпустил всех своих приказчиков раньше времени, хотя до этого они всегда уходили из лавки только вместе с хозяином. Кроме того, во время пожара наблюдатели отметили несколько взрывов. Отсюда они решили, что в лавке, кроме бакалеи, зачем-то имелся еще и порох.

[134] Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год. Уфа, 1889. С.128.

«Во время пожара был довольно сильный ветер прямо на собор, и если бы загорелась еще одна лавка, то собору не устоять бы», – отмечалось в газетном сообщении[135].

Приехавшему вскоре в Мензелинск по случаю данного пожара страховому агенту был оказан очень теплый прием все тем же купцом Боголюбским. Этот факт еще больше усилил подозрения мензелинцев[136].

Очевидно, страховая премия Боголюбского вдохновила некоторых предпринимателей на новые поджоги. В декабре того же 1886 г. в Мензелинске случился еще один пожар и опять в купеческой лавке: на этот раз купца Мошкова. Его лавка также была застрахована и поэтому тоже попала под подозрение.

«Мензелинцам, видимо, понравились поджоги. 7 декабря при сильнейшей буре, хотя в направлении противоположном тому, при котором выгорел весь Мензелинск, и при темноте, в десять часов вечера, раздался набат. Все в страшной тревоге. Оказалось, что в каменных рядах горит лавка Мошкова. Странное дело: при огне не торгуют в лавке, горючих материалов в ней нет; тем не менее, лавка горит, – искренне возмущался местный корреспондент. – К счастью, пожар был скоро потушен. А то не сдобровать бы всему городу»[137].

Таким образом, пожары меняли потребности и качество жизни горожан, они способствовали внедрению среди них новых технологий строительства и распространению услуг страхования.

[135] Волжский вестник. 1886. 18 октября. №225.
[136] Волжский вестник. 1886. 11 ноября. №245.
[137] Волжский вестник. 1886. 25 декабря. №286.

ГЛАВА 3.
МЕНЗЕЛИНСК В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

3.1. Мензелинская ярмарка и жизнь города

Ярмарочная торговля в условиях перемен второй половины XIX века. Предприниматели Мензелинска. Мотор городской жизнедеятельности. «Кормилица» городской управы. Экологические последствия ярмарки.

Ярмарочная торговля в условиях перемен второй половины XIX века. На 60–70-е гг. XIX в. приходится пик развития Мензелинской ярмарки. Она играла роль своеобразной хлебной биржи. Эта практика началась еще с 1870-х годов, когда в городе начали подписываться контракты на оптовую покупку хлеба и его транспортировку. При этом среди хлеботорговцев были не только купцы из Уфимской губернии. Весьма широко была представлена на Мензелинской ярмарке и чайная торговля, здесь предлагали разные сорта чая.

После пожара 1878 г. нависла очередная угроза над ярмаркой. Воспользовавшись тяжелым положением города, соседи – власти Уфы и Стерлитамака в это время написали ходатайства о переносе Мензелинской ярмарки в Уфу. Купечество Елабуги лоббировало свой вариант – перевод ярмарки в Вятскую губернию. В результате долгой бюрократической полемики город отстоял свои права на ярмарку. Большую поддержку оказали купцы Казанской губернии, для которых расположение Мензелинска представлялось более удобным, в отличие от Уфы. Поддержали мензелинский вариант и предприниматели из других городов. Купцы из Троицка (Оренбургская губерния) связывали возобновление ярмарки с восстановлением самого города после пожара. Значительную роль сыграло и то,

что уфимский губернатор В.Д. Левшин занял в этом вопросе нейтральную позицию, предоставив самим торговцам решать, как будет лучше[1]. Мензелинская ярмарка осталась на прежнем месте.

Но к концу XIX в. значение торгового мероприятия изменилось. В 1888 г. гласные Мензелинской городской думы отмечали «постепенный упадок экономических условий города и весьма затруднительное положение её финансовых средств».[2] Снижение популярности ярмарки было связано с целым рядом причин.

По всей России на рубеже XIX–XX вв. активно развивалась стационарная торговля и ярмарки перешли на второй план. Кроме того, строительство железнодорожных веток в Европейской части России во второй половине XIX в. привело к резкому расслоению городов по характеру их транспортно-географического положения. Имело значение даже то, как раньше город подключился к железной дороге[3]. Мензелинск остался в числе населенных пунктов без современных транспортных коммуникаций. Отсутствие железнодорожного сообщения между такими торгово-промышленными центрами как Москва, Казань, Нижний Новгород отразилось и на Мензелинской ярмарке. Многочисленные ходатайства городских депутатов в 1860–1880-х гг. о необходимости проведения железной дороги до Мензелинска не увенчались успехом[4]. Появление железных дорог Самара-Златоуст и Пермь-Вятка-Вологда еще больше снизило торговые обороты Мензелинской ярмарки. Если до 1880-х годов они превышали 10 млн. рублей, то в 1914 г. в город было привезено товаров всего на 3,5 млн. рублей, продано на 1,5 млн. рублей[5]. Снизился спрос на самый популярный товар – лошадей. Крупные предприниматели предпочитали закупать лошадей непосредственно на месте – в степях[6].

---

[1] Самородов Д.П. Указ. соч. С.41.
[2] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.102. Л.11.
[3] Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С.84.
[4] Дегтярев А. Кустарное производство и товарно-денежное обращение в Уфимской губернии. М., 2006. С.72; НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д. 56. Л.6-об, 7.
[5] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб., 1915. С.276.
[6] Денисов В.И. Ярмарки. СПб., 1911. С.53–54.

Частые неурожаи в крае в конце XIX в. тоже оказывали влияние на положение торговли в Мензелинске. Осенью 1899 г. Мензелинская городская дума выступила с инициативой о сокращении сроков зимней ярмарки, и установить вместо традиционной даты – с 26 декабря по 11 января – короткую – с 28 декабря по 9 января. Это было желанием большинства торговцев и объяснялось экономическими причинами.

«При существующих размерах торговли и крайне ничтожных оборотов торговцам на основании нового положения о государственном промысловом налоге приходится при существующем сроке переплачивать казенного налога свыше 2500 рублей, между тем торговли в начале и конце ярмарки почти вовсе не производится», – утверждали гласные городской думы в главе с Д.Ф. Дубининым[7].

Земские гласные поддержали инициативу представителей города[8].

В начале XX в. Мензелинск среди торговцев все так же ценился как место купли-продажи лошадей, хотя обороты были уже не как раньше. «По разнообразию приводимого на нее конского материала может удовлетворять различным вкусам и требованиям», – отмечали современники[9]. Вот как описывали приготовления к Мензелинской ярмарке в начале XX в.:

«Многочисленные косяки башкирских лошадей, киргизских и сибирских лошадей, которые еще задолго до открытия ярмарки начинают подгоняться из-под Троицка, Петропавловска, из различных местностей оренбургско-самарской степи. Из Симбирской губернии пригоняют в большом количестве жеребят – брак местных заводов, полукровок и выкормков – сосунов и стригунов; пермские и казанские коневоды пригоняют рысаков и тяжеловозов; уфимские татары и башкиры приводят верховых лошадей собственных заводов, а также продукты помесей со степными; пермские и вятские барышники приводят подъезженных одиночек, пары и тройки вяток, обвинок и других;

[7] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXV очередной сессии с 18 октября по 2 ноября 1899 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1900. С.531–532.

[8] Там же. С.93.

[9] Денисов В.И. Ярмарки. СПб., 1911. С.53–54.

из оренбургских и уфимских степей приводят иногда выезженные и подобранные пары и тройки лихих степных бегунов; менее попадаются лошади из далеких астраханских степей, а также немного тяжеловозов. Таким образом, на Мензелинской ярмарке можно встретить и полукровную верховного сорта лошадь, и легкого рысака, и каретную рысистую лошадь, и симбирских жеребят – любимцев русских крестьян, и наконец, лесных степных иноходцев и рысачков»[10].

Кроме того, несмотря на спад ярмарочной торговли, в Мензелинске продолжали заключать сделки хлеботорговцы. Например, по сведениям М.И. Роднова, даже накануне Первой мировой войны, несмотря на все имевшиеся проблемы в аграрной сфере и конкуренцию с новыми экономическими центрами (Челны, Дербёшки, Азякуль и др.), Мензелинск как «старая хозяйственная «столица» продолжала играть важную роль в экономике края»[11].

Критическую экономическую ситуацию в Мензелинске могла бы спасти планируемая здесь железная дорога. Вопрос о её подведении к городу был практически решен к 1914 г., но начавшаяся Первая мировая война помешала строительству. Напоминанием о планах города остался мост на восточной окраине Мензелинска (подробнее о железной дороге см. в параграфе «Нереализованные проекты мензелинцев»).

Таким образом, Мензелинск в пореформенное время не получил должного торгово-промышленного развития, упало и значение ярмарочной торговли. Город не выдержал конкуренции с другими экономическими центрами. Этому мешали и моноспециализация, и малочисленность города, а также транспортно-географическое положение. Но еще большую роль в развитии событии сыграли начавшаяся Первая мировая война и революции 1917 года. В годы войны привоз товаров на Мензелинскую ярмарку значительно сократился. Но весь XIX век Рождественская ярмарка кормила город,

[10] Денисов В.И. Ярмарки. СПб., 1911 С.53–54.

[11] Роднов М.И. Роль Мензелинска в хлебной торговле и транспортных коммуникациях на рубеже XIX–XX веков // Роднов М.И. Различные статьи последних лет [Электронный ресурс]. https://geum.ru/next/art-217583.leaf-17.php (дата обращения 26.11.2023).

а жизненный уклад мензелинцев во многом определялся ярмарочным сезоном.

Предприниматели Мензелинска. В пореформенное время средняя численность купечества в городе не превышало 132 чел. (данные за 1871–1890 гг.). При этом численность населения города увеличивалась, а число купцов оставалось стабильным. В 1871 г. купцы составляли 2,5% от общего количества горожан, а в 1890 г. – 2%. Появлялись новые купеческие фамилии: например, в 1860–1880-е гг. в уездном городе торговали и постоянно проживали купцы Тимофей Наумов, Кирилл Эскин, Боголюбский, Мошков и другие.

Несмотря на малочисленность, купеческое сословие было наиболее активной частью населения. Так, среди гласных Мензелинской городской думы купцы составляли около половины. Они же занимали основные должности в городской управе. Во второй половине XIX в. были из купеческого сословия мензелинские главы В. Касаткин, А. Попков, Д. Дубинин. Очевидно, купеческим большинством городской думы были обусловлены и особые условия, созданные для торгового сословия города. Вплоть до 1878 г. мензелинское купечество занималось коммерческими делами в городе на льготных условиях. Лишь в начале 1878 г. Мензелинская городская дума отменила льготы мензелинским торговцам во время ярмарок, уравняв их в правах с иногородними купцами. Связывали гласные это с «плохой ярмарочной торговлей»[12].

В 1870-е гг. в Мензелинске функционировало 26 «заводов» (кирпичные, свечные, кожевенные, винокуренные, пряничные, паточные и т.д.)[13]. Но количество рабочих на этих «заводах» было не более 10 человек, а то и меньше. Наибольший размах приобрел лишь пиво-медоваренный завод купца В.И.Видинеева, позднее перешедший его наследникам. Двухэтажное здание этого завода на восточной окраине Мензелинска было выстроено в 1881 г. Как и Дубинины, уфимский купец Василий Ильич Видинеев происходил из крепостных крестьян, являлся уроженцем Мензелинского уезда[14]. К

[12] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л.5 об.

[13] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, 1878. С.145.

[14] Объекты культурного наследия Республики Татарстан. Т.1. Казань, 2016. С.545.

1914 г. в Мензелинске действовали всего два промышленных предприятия – пиво-медоваренное и паточное[15].

Некоторые иногородние купцы активно участвовали в жизни Мензелинска. Например, еще в 1860-х гг. вкладывались в ярмарочную инфраструктуру Мензелинска, что становилось дополнительным импульсом для развития города.

«Самое помещение такой богатой ярмарки, как мензелинская, – в деревянных лавках, лавчонках и балаганах. Впрочем, в этом отношении, улучшению самого города уже начало сделано; торгующее здесь купечество положило все ярмарочные строения возвестить каменные, на что по смете вычислено 120 000 р. сер. Все это скоро исполнится и изменит вид города к лучшему, чем Мензелинск будет обязан иногороднему купечеству», – отмечал Руф Игнатьев в 1861 г.[16]

Тесно были связаны с Мензелинском и знаменитые елабужские купцы Стахеевы, они являлись постоянными участниками Мензелинской ярмарки. Более того, в уездном городе у них имелись десятки объектов недвижимости: дома, лавки, склады.

«Мензелинская ярмарка принесла Стахеевым не один миллион, – сообщал анонимный корреспондент из Мензелинска в газете «Волжский вестник» в 1898 г. – Но в то время когда на Елабугу изливаются Стахеевские щедрости, мензелинское земство и мензелинское городское управление не видало от Стахеевых ничего, кроме пререканий о сбавке непосильных налогов»[17].

Между тем нельзя сказать, что купцы Стахеевы не делали пожертвования в пользу жителей Мензелинска и округи. Благотворительная помощь Стахеевых, в основном, связана с объектами православного культа. Важной составляющей религиозного мировоззрения знаменитых предпринимателей была их постоянная помощь церквям, монастырям и другим богоугодным заведениям. Например, после мензелинского пожара 1878 г. Стахеевы помогали вос-

[15] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб., 1915. С.276.
[16] Игнатьев Р.Г. Указ. соч.
[17] Волжский вестник. 1898. 20 февраля. №44.

станавливать основной городской храм – Никольский собор. Церковь перестраивали и обновляли в течение десяти лет после пожара, в 1880–1890 гг. В числе главных жертвователей были Иван Иванович, Дмитрий Иванович и Иван Григорьевич Стахеевы. Кроме них, среди благотворителей был и казанский купец П.В. Щетинкин

Помимо Никольского собора в Мензелинске, Стахеевы оказывали финансовую помощь и другим храмам в округе. Например, Пророко-Ильинский женский монастырь рядом с Мензелинском тоже существовал благодаря материальной поддержке предпринимателей, участников местной ярмарки. Елабужский купец Иван Иванович Стахеев пожертвовал монашеской общине солидную сумму – 4 тыс. руб.[18] Очевидно, именно на эти средства во второй половине XIX в. на монастырской земле и была возведена Преображенская церковь.

Несмотря на то, что Стахеевы позиционировали себя как елабужских купцов, они являлись домовладельцами и в Мензелинске. «В самом центре его, Стахеевым принадлежат самые большие из всех городских построек, большой каменный дом с корпусом лавок, приносивший в былые времена тысячные доходы». Кстати, дом с лавками располагался как раз рядом с Никольским собором. Кроме того, имелись и другие хозяйственные постройки. Например, только у Товарищества «И.Г. Стахеев и сыновья» в Мензелинске в начале XX в. было шесть хлебных складов. Аналогичные склады имелись и у фирмы «В.Г. Стахеев и наследники»[19].

Отношение Стахеевых к соседнему с Елабугой Мензелинску всегда было связано с их предпринимательскими интересами. Очевидно, елабужские купцы не особо стремились вести свои торговые дела именно в Мензелинске, ведь для этого гораздо удобнее была и сама Елабуга, и другие ближайшие населенные пункты (например, с. Бережные Челны Уфимской губернии с удобной пристанью). Однако полностью игнорировать фактор Мензелинска в экономической жизни региона не получалось, т.к. ярмарка служила опреде-

[18] Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). Казань, 1998. С.206.

[19] Ермаков В.В. Обращение к истокам: История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья: ч. 1. Казань, 2008. С.394, 398.

ленной буферной зоной между европейской частью империи и азиатской, являясь связующим звеном между Нижегородской (Макарьевской) и Ирбитской ярмарками.

Организация мусульманского прихода в Мензелинске и строительтство мечети тоже невозможно представить без участия купечества. Например, мензелинский купец Миннигарей Ситдикович Сеитбатталов пожертвовал земельный участок для будущей мечети. Будучи гласным Мензелинской городской думы, он всегда старался лоббировать интересы единоверцев. Он являлся самым крупным татарским купцом г. Мензелинска. М. Сеитбатталов торговал хлебом, чаем и сырьем. Хлеб он отправлял в Петербург и Рыбинск, где заключал выгодные сделки с заграничными конторами, а в Бережных Челнах у предпринимателя имелась собственная пристань с постройками[20].

Кроме М. Сеитбатталова, в реализации важного для мензелинских мусульман проекта участвовали купцы Шагимухамет Хасанов, Бахтигарей Хасанов и другие торговцы[21]. Основные средства на устройство мечети были собраны во время Мензелинской ярмарки среди местных обывателей и приезжего купечества еще в конце XIX в.[22]

Во второй половине XIX-го и в начале XX в. для татарских купцов и из других городов Мензелинская ярмарка оставалась одним из самых важных торговых мероприятий. Казанские купцы одними из первых приезжали на ярмарку[23]. Например, из-за Мензелинской ярмарки в 1880-е годы практически все гласные мусульманской фракции Казанской городской думы не посещали январские заседания. В 1888 г., 1891 г. только в Заказанье 12 крестьян-татар оформили ярмарочные билеты для торговли на Мензелинской ярмарке. Торговали они, в основном, головными уборами[24].

У весьма деятельного в общественной сфере казанского купца Ахметзяна Сайдашева в Мензелинске имелись в собственности не-

[20] ГА РТ. Ф.148. Оп.1. Д.15. Л.89.
[21] Салихов Р., Хайрутдинов Р. Указ. соч. С.236–237.
[22] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.13713. Л.50.
[23] Волжский вестник. 1886. 2 января. №1.
[24] Экономическое положение сельского населения Заказанья (XIX – начало XX века). Сборник документов и материалов. Казань, 2022. С.408–409.

сколько нежилых зданий, которые в народе именовались «Сайдашевскими домами». Татарские купцы торговали мануфактурными и бакалейными товарами. Продажа чая и сахара тоже была в основном в их руках. Некоторые из них состояли в звании временных мензелинских купцов 2-й гильдии: например, в начале XX в. таковыми являлись Аглиулла Байчурин, Нурулла Хабибуллин.

В 1901 г. в Мензелинске учредили фирму «Торговый дом братья Халфины» с капиталом в 150 тыс. руб. мензелинские 1-й гильдии купцы Зариф Садыкович Халфин и его братья Шакир, Гариф, Салих и Сабир. Они постоянно проживали в д. Тлянчитамак Мензелинского уезда. Торговый дом Халфиных занимался продажей чая, сахара, хлеба, сырья, мануфактурных и других товаров[25]. Кстати, на Мензелинской ярмарке 1904 г. фирма Халфиных заняла лавки умершего недавно купца Шагимухамета Хасанова[26].

Стремительное развитие страны во второй половине XIX в., отмена крепостного права, промышленный переворот многим предприимчивым людям дали возможность быстро сколотить внушительные состояния.

Однако удивительном образом, в столь богатом городе как Мензелинск так и не появились фамилии-миллионеры. Промышлявшие здесь Стахеевы и другие предприниматели были приезжими, и чаще всего постоянно проживали в других местностях. Собственно мензелинские купеческие фамилии были недолговечными: кто-то вел торговые дела в начале XIX в., кто-то только начинал во второй половине столетия. Например, потомки того же Ф. Дубинина впоследствии больше ориентировались на муниципальную службу, а не на коммерческие дела. Может быть, на этот факт оказывало влияние и атмосфера старого Мензелинска – города беспечной шляхты, живущей от ярмарки до ярмарки…

Мотор городской жизнедеятельности. В город приезжали не только торговцы, но и всевозможная праздная публика. В Мензелинск прибывали различные развлекательные компании. Работали балаганы с акробатами, цирки, кабинеты восковых фигур, зверинцы

[25] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.4. Л.8.
[26] Экономическое положение сельского населения Заказанья … С.429.

и карусели. Конечно же, много было музыкантов: звучали русские и татарские песни. В городском клубе шли танцевальные вечера и спектакли.

Многие предприятия в Мензелинске работали только в ярмарочное время. Например, перед ярмаркой открывались харчевни, питейные заведения, гостиницы и постоялые дворы. В это время оживала работа банков, в том числе Мензелинского общественного банка. А отделения других банков функционировали в Мензелинске лишь в ярмарочную пору.

Некоторые из гостиниц принадлежали иногородним купцам. В 1860-е гг. содержал гостиницу в Мензелинске уфимский купец Сахаров, владевший и в губернском центре номерами. Такое же коммерческое дело было у предпринимателя Вдовина. При этом стоимость постоя в мензелинских номерах Сахарова была гораздо выше уфимских цен. В обеих гостиницах работали музыканты, эти номера считались тогда лучшими в Мензелинске.

Каждый владелец гостиницы пытался по-своему привлечь клиентов в собственное заведение. Интересно, что для мусульманских купцов работала специальная «бухарская» гостиница, которая учитывала их вкусы и потребности. Там для постояльцев готовили татарские национальные блюда, а вместо привычного везде алкоголя, в этом заведении из напитков предлагали только чай. Музыканты в «бухарской» гостинице тоже были «свои»: они исполняли татарские песни[27]. Видимо, с такими заведениями было связано появление татарской мелодии «Мензелинск». До революции некоторые татарские музыканты работали, преимущественно, в сфере городских развлечений (трактиры, рестораны, дома терпимости и т.д.). Поэтому и некоторые городские мелодии рождались в стенах увеселительных мест. В 1910-е годы мелодия «Мензелинск» исполнялась уже в различных литературно-музыкальных вечерах, организуемых татарской молодежью.

В 1880-е годы основным центром развлечений стала гостиница «Александрия». Она обычно пустовала весь год и открывалась

[27] Игнатьев Р.Г. Мензелинская ярмарка // Научный Татарстан. 2012. №.2. С.113.

только во время зимней ярмарки. По замечанию современников, «главной приманкой в ней является неизбежный хор "певиц" с "неизбежно" сиплыми голосами».

«Но мы и тому рады и стремимся послушать, а главное посмотреть на этих "иностранных" певиц, набранных в Казани, – иронично подмечал автор газетной заметки. – И под звуки каких-нибудь куплетов, вроде "Смотрите здесь, смотрите там" и т.д. летят рубли, десятки, сотни и даже тысячи. И главными завсегдатаями в "Александрии" можно встретить всю нашу аристократию, причем здесь же присутствуют и местные аристократки, которые, к слову сказать, в таком случае игнорируют свою стыдливость, желая убить время, а быть может и обуздать своих муженьков»[28].

Действительно, некоторые «владельцы гостиниц, стремясь завлечь гостей, практиковали содержание так называемых «арфисток»[29].

В пореформенное время во время Мензелинской ярмарки действовали номера Пасмурова, Андреева, останавливались приезжие люди и в монастырском доме[30]. Пасмуровы являлись известным дворянским родом. В разные годы представители этого семейства становились предводителями местного уездного дворянства.[31] Однако они обанкротились, а здание гостиницы продали некой итальянке Баттезато (в народе ее называли Баттезатиха)[32]. Гостиница и ресторан Андреевых работали до 1918 г., потом предпринимательская семья сдала имущество государству и доживала дни в одной из коммунальных квартир города[33].

А за много лет до этого городское затишье наступало после окончания ярмарки. Но «ярмарка проходит, и Мензелинск и его

[28] Волжский вестник. 1886. 16 января. №12.
[29] Самородов Д.П. Указ. соч. С.36.
[30] Мензелинский край: история и современность. Мензелинск, 2006. С.37; Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С.36; См. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917.
[31] Новиков В.А. Указ. соч. С.103, 135.
[32] МКМ. Мирхайдарова И.В. «Дореволюционное прошлое». С.18.
[33] Там же.

торговля погружаются снова в мирную дремоту уездных городов», – констатировали современники в 1878 г.[34] Окончание шумных ярмарочных недель воспринималось жителями уездного центра с долей грусти:

«Но вот и давно желанная пристань – 11 число, ярмарка кончилась (...). Гул смолкает, и город становится как будто вымершим. Улицы пусты, хотя и значительно сорнее, чем были до ярмарки; балаганы ломают и убирают до последнего колышка, до последней щепки, и город опять погружается в безысходную истому, пока привычка не возьмет свое и город вступит в свою прежнюю колею, во все права своей однообразной и скучной жизни»[35].

«Кормилица» городской управы. От Мензелинской ярмарки напрямую зависел и муниципальный бюджет. Главными статьями доходов Мензелинского городского самоуправления были ярмарочные сборы и сдача в аренду так называемых «ярмарочных помещений». К примеру, только во время зимней ярмарки Мензелинская городская управа в 1870-е гг. извлекла из городских имуществ и оброчных статей прибыль в размере свыше 30 тысяч рублей[36]. Это составило больше половины среднегодового дохода города.

При этом ежегодно 1/4 часть городских расходов уходила на «устройство и разбор ярмарочных помещений»[37]. Судя по всему, с необходимостью развития ярмарочной инфраструктуры связаны и расходы на освещение города. Для российской глубинки даже пореформенного времени это было новшеством. В 1870–1880 гг. из всех уездных городов Уфимской губернии освещались только Мензелинск и Златоуст, в последнем городском центре делам благоустройства особое внимание уделяло местное учреждение горного ведомства. На освещение Мензелинска же муниципальными властями выделялось около 140 рублей в год[38].

[34] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, 1878. С.145.
[35] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.68–69.
[36] НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д. 15242. Л. 52.
[37] Там же.
[38] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д. 53. Л. 50 об.

Каждый год Мензелинская городская дума учреждала специальный ярмарочный комитет, куда избирались некоторые гласные, ветеринарный врач и другие компетентные лица. Важность этого комитета, по сравнению с остальными, видно и из того, что его председателем всегда был сам городской голова[39]. Именно ярмарочный комитет решал, по какой стоимости сдавать в аренды ярмарочные помещения, какому купцу, какие именно лавки и т.п. вопросы.

При этом торговцы каждый год жаловались, что ярмарочный комитет назначает слишком высокую арендную плату на торговые точки. Например, в 1869 г. на страницах газеты «Казанский биржевой листок» обратили на проблему мелочных торговцев Мензелинской ярмарки. Их называли маркитантами, такой торговлей временно промышляли бедные мещане и крестьяне, они брали товар у крупных оптовиков и продавали в розницу. К концу ярмарки маркитанты либо отдавали стоимость товара, либо возвращали оптовым торговцам его остатки. Из-за высокой арендной платы за временные пристройки из «лубка и мелкого теса», большая часть скудной прибыли мелочных торговцев уходила ярмарочному комитету[40].

Но городские власти решали свои задачи, и в ярмарочное время у них появлялась единственная возможность для серьезного пополнения городского бюджета. В погоне за прибылью, а также из-за собственных недоработок, невнимательности и рассеянности служащих, нехватки кадров, ярмарочный комитет постоянно нарушал права предпринимателей. Например, одно и то же торговое место могли продать и несколько раз. В результате, вместо продажи своих товаров, купцы теряли время в разбирательствах с представителями городской власти. Бывали и другие ситуации, когда проданную как угловое место лавку на следующий день огораживали новыми торговыми точками. Тут надо пояснить, что от расположения торговца напрямую зависела его прибыль. А угловые места традиционно стоили выше обычных лавок.

Вот как описывал суету торговцев и неразбериху с ярмарочным комитетом в Мензелинске современник:

[39] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.119. Л.2 об.
[40] Казанский биржевой листок. 1869. 23 января. №15.

«Прошлый год комитет брал 25 руб. за обыкновенный рядовой номер лавки и вполтора дороже за угловой. Казалось бы – достаточно за 10 дней торговли. Нынешний год же назначили 35 руб. за рядовой и 45 руб. за угловой номер, и сверх того если захочет, то перед угловым номером посадит пристройку, не обращая внимания на вопли купцов. Было и так: отдаст лавку прежнему торговцу, получит деньги и выдаст билет; тот, устроивши все, спокойно едет домой собирать товар, но возвратившись на ярмарку, находит, что его место отдано уже другому – новому. На каком основании все это делается? Плохо, если уже билет, взятый из комитета в свое время, не может гарантировать купцу владение лавкой на текущую ярмарку. Чтобы опротестовать вексель, надо было не семь, а семью семь раз прийти в комитет, а это легко бы можно было устранить наймом на одну неделю двух-трех лишних писцов – дело 20 или 30 рублей»[41].

Устройство самого первого муниципального банка в Уфимской губернии – Мензелинского городского банка, также напрямую было связано с ярмарочной необходимостью. Городской банк в Мензелинске открылся в 1867 г. и развивался поначалу довольно успешно, постоянно увеличивая запасной капитал. Однако уже через двадцать лет все громче звучала критика работы городского банка, так же, как и ярмарочной организации городской управы. Сторонние наблюдатели считали, что городские власти получают огромную прибыль от ярмарки, однако расходуются они не всегда целесообразно. Например, давний критик деятельности городского головы А.Г. Попкова, нотариус А.Якимов в 1885 г. отмечал:

«Приток денег в городскую казну, доставляемый ярмаркой и при том ежегодно, денег, расходование которых производится почти бесконтрольно, создал в ведении дел городского хозяйства такие порядки, пред которыми порядки банка покажутся детскими забавами»[42].

Работа городских учреждений, в том числе социальных и образовательных, тоже зависела от ярмарочного времени. Например, практика освобождения помещений во время ярмарки для сдачи в

[41] Казанский биржевой листок. 1869. 23 января. №15.
[42] Волжский вестник. 1885. 11 апреля. №80.

аренду была распространена не только среди частных лиц, но и среди общественных учреждений. Ученицы Мензелинской женской прогимназии, пока учились в арендованном помещении, были вынуждены каждый год отправляться на внеочередные каникулы. Их здание находилось недалеко от ярмарочной площади и поэтому на три недели гимназисток освобождали от занятий, т.к. аренда здания обходилась городской управе слишком дорого. Классные комнаты предоставлялись ярмарочным постояльцам[43]. Аналогичная практика распространялась и на другие организации. Например, в начале XX в. на период ярмарки останавливалась работа городского социального учреждения – Мензелинского дома трудолюбия. Накануне ярмарки все мастерские закрывались, вывозилось все имущество дома трудолюбия, а помещение освобождалось для «нужд ярмарочного купечества»[44].

Тесные ярмарочные помещения в центре города Мензелинска создавали пожароопасную ситуацию. Поэтому часть горожан годами надеялась, что ярмарка все же будет перенесена за город, на более обширное и безопасное место. Например, так развивалась знаменитая Нижегородская ярмарка, которая разместилась с 1817 г. на противоположном от города берегу реки Ока и соединялась с Нижним Новгородом лишь с помощью плашкоутного моста.

«Вообразите себе – пространство не боле 1 000 кв. сажень, окруженное домами большею частью деревянными, набитыми приезжими, и трактирами, в которых день и ночь непрестанный огонь. Все это пространство наполнено деревянными бараками вроде лошадиных стойл, также полных соломы, завешанных рогожами, – это лавки. В таких-то лавках вечером убираются с сальными свечами, часто без фонарей, – и невольно скажешь, что только милость божья да зима хранят ярмарку! – писал анонимный корреспондент из Мензелинска в 1869 г. по этому поводу в редакцию газеты «Казанский биржевой листок». – Кроме ярмарки идут улицы шириной не более пяти сажень, и из этой небольшой, необходимой для движения, ширины улиц, ярма-

[43] Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань, 1885. С.22–23.

[44] Трудовая помощь. СПб., 1901. С.152–153.

рочный комитет отнимает более половины для так называемых пристроек для временных лавок, сделанных из лубка и мелкого тесу»[45].

О переносе ярмарочного места за город ходатайствовали и некоторые местные купцы в течение нескольких лет, но определенных результатов это так и не дало. Очевидно, для городских властей такое перемещение ярмарочного места представлялось слишком трудоемким занятием и поэтому они не проявляли участия в этом вопросе. Кроме того, перенесение ярмарочной торговли на более отдаленное место отнимало и доходы некоторых горожан. Ведь в зависимости от близости к ярмарочному месту росла и стоимость сдаваемых в аренду помещений, квартир, складов, дворовых мест и т.д. «Отцы города» не спешили расставаться с многолетними порядками, и привычный ярмарочный уклад в Мензелинске сохранился до 1917 г.

Экологические последствия ярмарки. Бурная ярмарочная пора оставляла заметные следы на санитарном состоянии города. О засоренности мензелинских улиц ярмарочным мусором отмечали даже в газетах[46]. После ярмарки обычно ломались и убирались деревянные балаганы и торговые лавки, а щепки и прочий строительный мусор дополнял грустную постярмарочную картину города. Кроме того, на ярмарочной площади скапливалась масса навоза и других отходов бурной ярмарочной деятельности.

В 1878 г. губернатор В.П. Левшин посоветовал властям Мензелинска взять пример с Уфы, он рекомендовал им введенный в губернском центре способ очистки улиц от снега «посредством треугольника, проводимого в движение лошадьми». При этом к своему посланию губернатор приложил и рисунок уфимского «треугольника»[47].

Но мензелинские власти не всегда успевали все вовремя убрать. Интересно, что в1880-е годы мусор с ярмарочной площади сваливался прямо за зданием городской управы. Видимо, члены управы считали это место в центре города самым удобным для устройства свал-

[45] Казанский биржевой листок. 1869. 23 января. №15.
[46] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.68–69.
[47] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л.83.

ки. Хотя, конечно, по большому счету руководствовались они лишь тем, что складывали отходы в ближайшее пустующее место. Такая практика соответствовала обывательским нормам и не противоречила представлениям большинства горожан того времени. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что аналогичная свалка находилась рядом с домовладением городского головы А.Г. Попкова[48]. Если самого градоначальника, обязанного по долгу службы следить за чистотой в городе, не сильно заботили вопросы экологии, то чего можно было ожидать от остальных жителей Мензелинска.

Конечно, даже в таком городском сообществе находились отдельные люди, которых искренне возмущала такая повседневная практика. Именно они писали о городской грязи в различные газетные редакции. Это были люди образованные и думающие, как правило, из среды интеллигенции: врачи, учителя, служащие.

Анонимные корреспонденты из разных мест, в том числе и Мензелинска, беспощадно критиковали деятельность городских властей, эти газетные заметки иногда использовали в своих работах и столичные публицисты. Например, яркие примеры об игнорировании вопросов городской экологии в Мензелинске приводил публицист С. Приклонский.

«Чрезвычайно интересное описание гор. Мензелинска, Уфимской губернии находим мы в протоколе местного врачебного совета. Мензелинск, по словам протокола, – представляет из себя подобие самого грязного скотного двора и почти непроходимого болота. Сточные канавы никогда не прочищаются и навозная жидкость, стекая со дворов, образует на улицах огромные лужи, – так С.Приклонский, в своем привычном стиле, пересказывал мензелинские корреспонденции. – (...) Деревянный резервуар водопровода, чуть ли не единственный в городе (есть другой, да не всегда к нему из-за грязи подъехать можно), находящийся на Ярмарочной площади, – он не покрыт, из него свободно пьет бродячий скот, (по городу постоянно шляются целые табуны коров, лошадей и свиней), черпают воду чистой и не чистой по-

[48] Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С.310.

судой; кругом водопровода глубокая, жидкая грязь , вода из которой несомненно может просачиваться обратно в резервуар...»[49].

Из-за скандального характера вопроса о городской экологии, в вопросы благоустройства вмешивался сам уфимский губернатор. Например, именно с проблемой городских нечистот был связан визит уфимского губернатора в Мензелинск в 1885 г. Корреспондент А.Якимов (мензелинский нотариус) до этого активно жаловался на «непролазную грязь, в которой тонет по уши обыватель, на громадные кучи навоза, в виде крепостного вала вплотную окружающего город, а местами образующего целые горы с проходами и ущелиями, – настоящую навозную Швейцарию»[50]. В 1885 г. городской голова А.Г. Попков успел подготовиться к визиту губернатора: велел подмести весь мусор, убрать навоз с площадей, вывезти все за город и т.д. Начальник губернии остался доволен городским порядком[51]. Однако, к сожалению, такая городская практика была непостоянной.

Ярмарочная целесообразность иногда мешала реализации и других важных инициатив, связанных с городской экологией. Например, некоторые гласные Мензелинской городской думы считали, что городу нужно озеленение, они хотели, чтобы зеленые насаждения внутри города «очищали воздух». Связывали они эту инициативу с необходимостью «оздоровления» местного населения[52]. Об устройстве общественного сада в центре города ходатайствовал и мензелинский уездный исправник. Но гласные сочли, что предложение не совсем выгодно городу, так как в ближайшее время место на площади предполагалось использовать под торговые склады. Позднее было предложено другое место – около Троицкой церкви, но и его рассмотрение отложили на неопределённое время. В итоге, Мензелинская городская дума предписала самим жителям посадить при своих домах деревья. Справедливости ради надо отметить, что

[49] Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С.310.
[50] Волжский вестник. 1885. 11 апреля. №80.
[51] Волжский вестник. 1885. 15 июня. №135.
[52] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д. 53. Л.8.

небольшой парк в городе все же был разбит, действовал городской сад чуть подальше от ярмарочного центра.

Таким образом, Мензелинская ярмарка оказывала серьезное влияние на весь цикл городской жизнедеятельности: начиная от доходов горожан и школьной учебы, развлечений до городской экологии. Любое дело в Мензелинске, прежде всего, должно было пройти, пусть даже неформальное, согласование с интересами местной ярмарки.

3.2. Городское самоуправление в 1870–1890-х гг. или «эпоха Попкова»

Городская реформа в Мензелинске и деятельность А.Г.Попкова. Мензелинский голова глазами анонимных корреспондентов. Дело о диффамации. Мещанская управа.

Городская реформа в Мензелинске и деятельность А.Г.Попкова. Вторая половина XIX – начало XX вв. для России является временем поиска гражданской идентичности и стремлений к более рациональному устройству мира. Введение новых форм местного самоуправления стало одним из конкретных шагов в достижении этих гражданских идеалов. Однако на деле земства и городские управы оказались достаточно далеки от идеальных представлений реформаторов. В городском самоуправлении, как в пореформенное время, так и в начале XX столетия сохранялась клановость. Гласными становились представители одних и тех же купеческих фамилий, и нередко между ними разгоралась нешуточная борьба за власть. С одной стороны, это было отголоском традиций, с другой, объяснялось отсутствием здоровой инициативы на местах. В то же время, в конце XIX в. наметилась еще и другая любопытная тенденция. В рядах муниципальных служащих (особенно, среди выборных должностей) появляется новый тип руководителя – человека из народа, который не имел знатного происхождения, не обладал внушительными капиталами, поэтому начинал карьеру, как правило, в качестве мелкого

служащего (писаря, секретаря и т.д.), но благодаря личным качествам и, очевидно, сложившимся обстоятельствам достигал значительных профессиональных успехов.

В Мензелинске в начале 1870-х гг. городским головой был В.С. Косаткин. Именно благодаря его стараниям в 1873 г. была открыта Мензелинская мужская прогимназия[53]. Очевидно, что Косаткин был представителем той старой эпохи купеческо-мещанского самоуправления, эпохи ратуш и шестигласных городских дум. В 1870 г. императором было подписано новое Городовое положение, согласно которому в муниципальные органы избирались все жители города, имевшие собственный дом или торгово-промысловое свидетельство (т.е. вели торговлю в этом городе или являлись собственником промышленного заведения). Таким образом, в городском общественном управлении теперь быть представлены все сословия, как крестьяне, так и купцы, мещане, дворяне и т.д. В августе 1874 г. в Мензелинске состоялись выборы новой городской думы. В этот раз городским головой избрали 41-летнего Александра Григорьевича Попкова.

Он родился в 1833 г. в купеческой семье, окончил Мензелинское уездное училище[54]. Но, несмотря на свое скромное образование, по словам, его оппонентов, Попков обладал «громадным от природы умом», был «дельцом-практиком в самом обширном смысле этого слова», «всесторонне и быстро» ориентировался «в каждом вопросе». Благодаря своей грамотности (что в то время было редкостью, особенно в купеческо-мещанской среде) он устроился на работу в качестве писаря[55]. В Мензелинской городской думе нового образца, избранной согласно Городовому положению 1870 г., он стал одним из четырех членов Городской управы. Новые органы муниципального управления города начали работать с июля 1872 г.[56] Вероятно, во время своей службы в качестве писаря и члена управы Александр Григорьевич сумел сблизиться и вызвать доверие у представителей губернской администрации, что помогло ему занять и удерживать пост городского головы.

[53] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887. С.1.
[54] Там же. С.11.
[55] Волжский вестник. 1894. 10 ноября. №285.
[56] ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.14269. Л.10.

В 1874 г. Мензелинск не знал, что с этого времени в городе начинается новая эпоха – эпоха Попкова. Ведь именно этот человек будет стоять во главе городского самоуправления целых двадцать лет. Если учесть, что выборы проходили каждые четыре года, то он занимал должность градоначальника пять сроков подряд, что, безусловно, говорит об определенном доверии к нему со стороны большинства гласных и губернатора.

В первые годы своей службы А.Г. Попков проявил себя в качестве борца с самоуправством и коррупцией. Так летом 1876 г. за «удержание при себе без записки на приход по документам городской управы денег, принадлежащих городу» был предан суду член Мензелинской городской управы Зорин[57]. Тут надо отметить, что член управы – это заместитель городского головы, поэтому фигура достаточно влиятельная. Предание суду народного избранника такого ранга было весьма серьезным шагом. Но обзор дальнейшей биографии Попкова указывает на то, что этот акт был связан скорее с удалением неугодного ему лица, нежели с действительной борьбой с нечестностью муниципального служащего.

За двадцать лет службы сам городской голова показал себя довольно противоречивым человеком. С одной стороны А.Г. Попков был очень инициативным и деятельным. На время его службы, например, пришлись тяжелые годы после пожара 1878 г., когда надо было восстанавливать город почти заново. Сгорела большая часть Мензелинска. Тяжелым положением города решили воспользоваться соседи – городские власти Уфы и Стерлитамака в это время написали ходатайства о переносе Мензелинской ярмарки в Уфу. Купечество Елабуги лоббировало свой вариант – перевод ярмарки в Вятскую губернию. В результате долгой бюрократической полемики город отстоял свои права на ярмарку.

После пожара городские власти пересмотрели свои приоритеты. Изменения коснулись практически всех сфер жизнедеятельности. Увеличилась пожарная безопасность, закупили новую технику. Был пересмотрен бюджет города, изменены некоторые статьи расходов. Сократили число полицейской команды, уменьшились от-

[57] Уфимские губернские ведомости. 1876. 24 июля.

числения образовательным заведениям. Мужская прогимназия была на грани закрытия. Только благодаря личной встрече городского главы А.Г.Попкова с министром просвещения Д.А.Толстым удалось добиться помощи прогимназии со стороны казны. А.Г.Попков многие годы пытался сохранить это учебное заведение в статусе именно прогимназии: лично ездил с ходатайствами в столичные правительственные органы, однако горожане считали старания головы бесполезной тратой городских средств[58]. К слову, дети самого Александра Григорьевича – сын и дочь учились в Казани и Москве[59], поэтому, очевидно, что старался он не из личных побуждений.

Таким образом, удержание статуса ярмарочного центра, быстрое восстановление города после пожара 1878 г., лоббирование интересов мужской прогимназии в столичных кругах характеризуют А.Г. Попкова как сильного и энергичного руководителя, который, действительно, жил интересами города. Он по-своему пытался разнообразить жизнь горожан. Например, в 1880-е гг. городской голова инициировал постановку любительских спектаклей силами местной интеллигенции[60]. В этот же период в Мензелинске открылась первая публичная библиотека. При этом переписка о необходимости открытия библиотеки велась муниципальными властями еще с 1866 г.[61], но идея была реализована лишь в 1883 г.[62] На содержание Мензелинской городской библиотеки из прибылей Мензелинского городского общественного банка ежегодно отчислялись 300 руб. Интересы города А.Г.Попков долгие годы представлял и в губернском земском собрании. По словам мензелинского головы, эти поездки на земские заседания в Уфу его сильно изматывали, и он каждый раз говорил, что не будет больше баллотироваться. Однако продолжал избираться и выполнять обязанности земского гласного[63].

[58] Казанский биржевой листок. 1887. 12 июля.
[59] Журналы X очередного Мензелинского уездного земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Казань, 1885. С.72.
[60] Волжский вестник. 1886. 16 января. №12.
[61] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.200. Л.1.
[62] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.1249. Л.8.
[63] Казанский биржевой листок. 1887. 28 июня. № 145.

Казалось бы столь инициативного лидера горожане должны были уважать и поддерживать во всем. Однако уже к 1880-м гг. в обществе зреет недовольство его поведением, в котором все больше доминировали авторитарные черты. Например, в 1881 г. мензелинский гласный Михаил Орехов пожаловался уфимскому губернатору на неправильные выборы городского головы Попкова. «Но никакого результата по этому предмету до сего времени не получилось»[64].

Но заменить Попкова другим человеком не получалось. Городские выборы часто устраивались в неудобное время, например, весной или осенью. Многие горожане в это время находились за городом, на своих земельных участках. И поэтому городские крестьяне игнорировали выборы, а основными выборщиками становились мещане, которые не отличались либеральными взглядами и из года в год голосовали за прежнего голову. Конечно, по примеру 1881 г., такие выборы не всеми признавались правильными и подавались очередные протесты. Пока они проходили разные бюрократические коридоры и разбирались в различных инстанциях – А.Г. Попков продолжал оставаться во главе города. И с начала разбирательств и до назначения повторных выборов мог пройти и целый год[65]. К слову, такого рода манипуляции с выборами были характерны и для других городов Уфимской губернии, где бывало так, что путали избирателей с днем выборов, а нужных выборщиков привозили на специальных экипажах и т.д. В случае с мензелинским городским головой, очевидно, не малую роль сыграло и новое Городовое положение 1892 г., согласно которому заметно сократилось число избирателей в городе. Повысился имущественный ценз избирателей и многие горожане лишились право голоса. Так, если по закону 1870 г. в Мензелинске могли голосовать 607 чел. (это 8% от общего количества населения), то по закону 1892 г. таким правом обладали лишь 97 чел.(1,2%)[66].

Мензелинский голова глазами анонимных корреспондентов. Дело о диффамации. Имя А.Г.Попкова с середины 1880-х (т.е. примерно через десять лет после избрания) ассоциировалось уже с са-

[64] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.56. Л.72.
[65] Волжский вестник. 1885. 19 марта. №63.
[66] Беседовская А.В. Указ. соч. С.318.

моуправством и стало легендарным благодаря анонимным корреспондентам (его оппонентам) из Мензелинска, публикации которых регулярно появлялись в губернской печати, а оттуда перепечатывались в некоторых столичных изданиях.

В пореформенный период представители интеллигенции предпочитали говорить об общественных проблемах через прессу. В этое время в губернских газетах появились рубрики, освещавшие местную жизнь. Новости из уездных городов и других населенных пунктов присылали местные жители из числа служащих, учителей и т.д. Это были сообщения особого жанра, они повторяли в чем-то сатирический стиль М.Е. Салтыкова-Щедрина. Авторы, как правило, оставались анонимными корреспондентами, редко кто осмеливался подписываться собственным именем. Поэтому в корреспонденциях провинциальная жизнь излагалась без прикрас, с хлесткими критическими замечаниями.

Корреспонденции из Мензелинска время от времени появлялись в казанских изданиях: «Волжский вестник», «Казанский биржевой листок». Очевидно, официальные «Уфимские губернские ведомости» игнорировали анонимный глас народа, газета не допускала осуждения критики местных властей. «Волжский вестник» и «Казанский биржевой листок» были независимыми, частными изданиями, поэтому они наоборот были заинтересованы в скандальных сообщениях. Особенно громкие новости появлялись и в столичной печати. Это были перепечатки из губернских газет. Например, в газете «Новое время» было перепечатана жалоба мензелинских учителей на местное земство из-за задержки жалованья, опубликованная сначала в «Волжском вестнике».

В Мензелинске, после очередной анонимной корреспонденции из города или уезда неизменно начинались поиски лица, посмевшего вынести местные проблемы на всеобщее обозрение.

«Сонную жизнь нашего захолустья сильно взволновала, появившаяся недавно на столбцах казанской газеты "В.В." корреспонденция, автор которой пробрал порядочно наших земских воротил. "Оскорбленные и униженные" тузы сперва встрепенулись, бросились на поиски корреспондента, хотели чуть ли не казнить его; но затем, убедившись, что ведь и в самом деле у многих из них "пушок на рыльце есть",

решили "это дело так оставить" в надежде, что все перемелется – мука будет. Местное все общество, конечно, тоже сильно взволновалось, и каждый наперебой старался достать злополучный номер "Волжского вестника", перечитывая его по несколько десятков раз и делая свои комментарии. И все рады такому поводу почесать языки и этим немного поразвлечься»[67].

В 1880-е гг. особенно много досталось от корреспондентов мензелинскому городскому голове А.Г. Попкову, он постоянно становился главным героем очередной анонимной корреспонденции. Интеллигентную часть мензелинской публики волновали самые очевидные проблемы – это благоустройство города, правильное расходование городских доходов, кредитование в общественном банке и т.д. На критику Александр Григорьевич реагировал совершенно особым образом. По городу ходили слухи, что через почтмейстера он уничтожает все корреспонденции из Мензелинска, направляемые в редакции газет[68]. Хотя А.Г. Попков отрицал этот факт, но почтмейстер А.В.Каташ был вскоре уволен[69].

Как городской голова А.Г. Попков образовал вокруг себя небольшой круг влиятельных горожан из числа чиновников и предпринимателей. Однако к концу своей карьеры Александр Григорьевич весьма надоел определенной части городской публики, в особенности либерально настроенной. Впрочем, так же невзлюбили либералы и председателя уездной земской управы – дворянина Михаила Матвеевича Останкова. Если Попкова называли человеком «творящим разные чудеса», намекая на его самодурство, то Останкова характеризовали как «мнящего о себе, что он тоже «не лыком шит»[70]. Помещик М.М. Останков (1847–1914) в это время был к то-

[67] Волжский вестник. 1886. 16 января. №12.
[68] Н.Ш. Очерки русской жизни. Провинция и провинциальная печать // Русская мысль. 1886. №1. С.133; Справочная книжка Уфимской губернии на 1883 год. Уфа, 1883. С.11.
[69] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.1. Л.7 об.
[70] Казанский биржевой листок. 1892. 18 января. №16.

му же предводителем Мензелинского уездного дворянства и действительно обладал серьезным авторитетом[71].

Мензелинскую общественность не устраивало, что Попков и Останков сконцентрировали в своих руках всю муниципальную власть, из года в год побеждали на выборах, хоть и с некоторым количеством черных шаров (голосов против). Кстати, Останков и Попков даже немного конкурировали между собой. Порой это выражалось в курьезных случаях, вроде недопуска по формальным причинам к земским или же городским выборам. Так, в 1887 г. в списке земских избирателей не оказалось А.Г. Попкова, причина имела формальный характер. Но городского голову это сильно задело, что он повторил то же самое на городских выборах, лишив М.М. Останкова права голоса. Несмотря на такие случаи, в целом оба муниципальных деятеля оставались приятелями[72].

Если с предводителем дворянства А.Г. Попков дружил, то с руководителем мещанского общества г. Мензелинска у него наблюдались совсем другие отношения. Особенно конфликтным было взаимодействие с мещанским старостой А.Ф. Кукаркиным в 1880-е гг. Последний был в числе критиков действий городского головы, поэтому в выборах в мещанскую управу, состоявшихся в 1886 г., неудобный муниципальной власти Кукаркин проиграл, и произошло это не без содействия А.Г. Попкова[73].

В числе открытых оппонентов мензелинского городского головы, кроме гласного М.Орехова, мещанского старосты А.Ф. Кукаркина, был еще местный нотариус А.Якимов. Долгие годы он критиковал действия Алексея Григорьевича через казанские газеты. А.Якимов придерживался либеральных взглядов, уже в начале XX столетия этот человек возглавил городскую оппозицию против другого мензелинского градоначальника – Захарова. Он оставался критиком городской власти, пока в 1917 г. сам не стал городским головой.

Именно А.Якимов намекал на то, что городского голову А.Г. Попкова интересовали, прежде всего, высокое жалованье и до-

[71] Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917). Т.III. М., 2019. С.294.
[72] Казанский биржевой листок. 1887. 28 июня. № 145.
[73] Волжский вестник. 1886. 1 февраля. №26.

ходы от Мензелинской ярмарки[74]. Жалованье мензелинского головы составляло 2000 руб. в год, тогда как у градоначальников других уездных городов эта сумма не превышало 800 руб.[75]. Например, так было в 1880 г. в Златоусте, а в Белебее городской голова в это время получал лишь 700 руб. в год[76]. Кроме того, вероятно, по примеру многих губернских и уездных чиновников (например, полицейских чинов), мензелинский голова использовал служебный персонал для домашних работ. Так сторож городской управы успевал охранять не только общественное здание, но и немало времени проводил в доме самого А.Г. Попкова[77].

Не выдержав постоянную критику на страницах газет, А.Г. Попков в 1884 г. подал иск и возбудил дело о распространении порочащих человека сведений в печати в отношении редактора газеты «Волжский вестник»[78].

В этой публикации приводилось множество нелицеприятных фактов о мензелинском градоначальнике. В частности, говорилось, что он платил деньги местному почтмейстеру Каташу за изъятие подозрительных писем (в редакции газет), а также автор касался финансовых дел городского управления, намекал на отсутствие финансовых отчетов за прошлый год, на доносы Попкова на учителей прогимназии и т.д. Александр Григорьевич был в ярости от «наглой клеветы» и созвал срочное заседание городской думы, в котором предложил начать дело против редакции «Волжского вестника» от лица всей думы. Однако не все гласные согласились с этим предложением, так как посчитали, что публикация направлена не против всей мензелинской думы, а только его головы. В числе несогласных был давний оппонент Попкова – гласный Орехов, а также депутаты Юнзель, Семенов и Резянов[79]. Но дело все-таки было возбуждено. Однако если на словах Попков говорил о «клевете», то в судебном

[74] Волжский вестник. 1885. 11 апреля. -№80.
[75] Волжский вестник. 1885. 19 марта. №63.
[76] Габдрафикова Л.Р. Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местного самоуправления. Казань, 2013. С.187.
[77] Волжский вестник. 185. 19 марта. №63.
[78] Русская мысль. 1886. №1. С.135.
[79] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.1. Л.2.

порядке он оспаривал не клеветнические сведения, а действия редакции о диффамации.

«Вся обида г.Попкова была в том, что его «пропечатали», а он слишком большой человек (в Мензелинске), чтобы печать о нем осмеливалась говорить», – подытоживал анонимный корреспондент столичного издания[80].

Это была информационная война между городским головой и его оппонентами, с целью которых было смещение градоначальника. Вероятно, из-за шумихи вокруг мензелинского головы и «Волжского вестника», за публикациями в казанской газете более пристально стал следить и уфимский губернатор. Так, в 1885 г. он нагрянул в город с проверкой. В «Волжском вестнике» неоднократно появлялись заметки о не благоустроенности Мензелинска.

Например, А.Якимов жаловался на «непролазную грязь, в которой тонет по уши обыватель, на громадные кучи навоза, в виде крепостного вала вплотную окружающего город, а местами образующего целые горы с проходами и ущелиями, – настоящую навозную Швейцарию»[81].

Однако А.Г. Попков заранее узнал о приезде губернатора, поэтому городской голова основательно подготовился к визиту высокого гостя. Дня за три до официального визита подмели все улицы, из площадей убрали навоз, выровняли по возможности ямы и ухабы на дорогах. Финальным штрихом стало то, что весь вывезенный за город навоз засыпали землей.

«Начальник губернии объехал кругом город и удивился: навозу, о котором так много кричали, совсем не оказалось! Господин Попков, конечно, не преминул доложить, что "все это так пишут"! Корреспонденты народ пришлый и, разумеется, злонамеренный»[82].

---

[80] Н.Ш. Очерки думской жизни. Провинция и провинциальная печать // Русская мысль. 1886. №1. С.135.
[81] Волжский вестник. 1885. 11 апреля. №80.
[82] Волжский вестник. 1885. 15 июня. №135.

В 1886 г. дело против редактора «Волжского вестника» рассматривалось в Казанской судебной палате. Попков требовал от газеты выплаты штрафа высшего размера – 500 рублей, но суд оправдал редактора, посчитав, что «Волжский вестник» – газета независимая и поэтому не преследовала никаких «промышленных целей»[83]. Весь Мензелинск с большим интересом следил за этим судебным процессом:

«Оправдательному приговору сочувствуют даже те гласные, которые подписали думское постановление о возбуждении преследования, – сообщал мензелинский корреспондент, – На выраженное удивление по поводу такого отношения к собственному, в некотором роде, поражению, получался такой ответ: "Да разве мы по доброй воле подписали-то?" – "За волосы что ли вас кто тянул?" – "За волосы! Эх, вы! Да хуже! Не подпишись-ка, так он и со свету сживет, разве он задумается, да он и на детях-то выместит!" – "Да как вы не понимаете, что он силен вами – не собой". – "Знаем-с, очень даже хорошо понимаем-с! Да кабы знал, что все не подпишут, или в чем поддержат, оно бы, конечно, так. А как очутишься один, а?"...»[84].

Мензелинский голова А.Г. Попков пытался всевозможными способами остановить противников, запугать их, следить за почтовыми отправлениями из Мензелинска и т.д., различные публикации о нем появлялись и после судебного процесса 1886 г. Любопытно, что авторами критических заметок из Мензелинска были, как правило, приезжие люди. Это был взгляд наблюдателя со стороны, который сразу ощущал контраст между Мензелинском и другими городами. В широком понимании, газетные заметки скандального содержания оставались, прежде всего, продаваемым товаром, предметом развлечения для публики. Хотя судьи в 1884 г. и вынесли решение о том, что у «Волжского вестника» не было «промышленных целей», но из-за скандальных публикаций рос интерес к газете, расширялась читательская аудитория.

[83] Н.Ш. Очерки думской жизни. Провинция и провинциальная печать // Русская мысль. 1886. №1. С.134.
[84] Волжский вестник. 1886. 2 января. №1.

«Грамоты не знаю, а на сшотах класть умею, – заявил один гласный в публичном заседании мензелинской городской думы.

Такое заявление не произвело ни малейшего впечатления на думу, – до того обыкновенным и заурядным кажется нам избрание в городские представители человека, все образование которого ограничивается умением «класть на сшотах». Ведь и остальные гласные, в громадном большинстве, недалеко ушли вперед по части образованности».

Эта зарисовка из публицистического труда Сергея Приклонского «Очерки самоуправления земского, городского и сельского» (1886), безусловно, появилась под влиянием тех самых анонимных корреспонденций из Мензелинска:

«Все это – полуграмотные люди, которые с грехом пополам подписывают свою фамилию под векселем, и много – если могут написать трактирный счет. Больше от них ничего и не требуется; по крайней мере избиратели, – такой же темный, безграмотный люд, – не требуют от своих представителей в городской думе образования, идущего далее уменья класть на щетах и подписывать свою фамилию. Мало того избиратели не любят образованных людей. Сплошь да рядом случается, что даже заболлотировывают всякого, кто по костюму выделяется из серой массы и имеет вид образованного человека»[85].

В начале 1890-х годов критика деятельности А.Г.Попкова выражалась не только в газетных публикациях, но и в конкретных действиях. Например, фонд Мензелинской городской библиотеки устраивал не всю читающую публику города, главным образом, из-за того, что каталог составлялся с учетом интересов городского головы Александра Григорьевича. Интеллигентная публика считала, что в библиотеке слишком много беллетристики и мало серьезной литературы. Кроме того, читателей библиотеки не устраивало еще и то, что господин Попков забирал некоторые новые издания сразу к себе домой, между тем остальные читатели тоже ждали очередные

[85] Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С.296.

номера журналов[86]. Очевидно, из-за своеобразного характера работы библиотеки, в 1890-е годы возникла идея о создании в Мензелинске новой библиотеки, уже частного характера. Инициатором выступил учитель городского училища Д.Г.Пушков. Открытие второй публичной библиотеки состоялось 7 февраля 1893 г. На торжественном молебне по этому случаю, где присутствовали местные учителя и некоторые предприниматели, не было ни председателя земства Останкова, ни городского головы А.Г.Попкова. Странное отношение градоначальника к этому событию объяснялось тем, что в городе уже имелась библиотека, поэтому городской голова, как человек амбициозный, был расстроен тем, что слава содержателя такого нужного для Мензелинска культурного учреждения принадлежала теперь не только отцам города, но и простому учителю Д.Г.Пушкову. К этому времени мензелинский городской голова уже тяжело болел, и потерял былую энергичность.

Мещанская управа. С появлением городских дум и управ нового формата, из ведения городского управления было выделено отдельное мещанское общество с управой. Многие вопросы (например, вопрос включения новых членов в мещанское общество, выдача паспортов и т.д.) решались теперь уже самостоятельно[87].

Из-за сильной привязанности образа жизни большинства мензелинских мещан и крестьян к сельскохозяйственным занятиям, любой неурожай сильно сказывался на их уровне жизни. В 1888 г. «в виду трехлетнего неурожая хлеба» мензелинский мещанский староста просил городскую думу отсрочить арендную плату за выгонные земли. Городские власти нередко оказывали разовую материальную помощь бедным горожанам, и, в основном, это были мещане.[88] Например, неизвестным лицом в 1880-е гг. было пожертвовано городу Мензелинску 10 тысяч руб. и по его воле проценты с этого капитала (500 руб.) должны были направляться на содержание бедных людей, причем по желанию дарителя преимуществом

[86] Волжский вестник. 1885. 19 марта.
[87] Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008. С.216.
[88] НА РБ. Ф.И –11. Оп.1. Д.119. Л.40.

должны были пользоваться мещане. Для этого был организован комитет по распределению беднейшим гражданам пособия из процентов с капитала, городская дума проводила периодические ревизии этого комитета[89].

Городское мещанское общество выбирало из своей среды старосту, и эти выборы тоже представляли немалый интерес. Данное сообщество отличалось своей маргинальностью, поэтому и управление мещанскими делами велось довольно небрежно, особенно если во главе корпорации стояли пьющие старосты. Но встречались и позитивные примеры. Например, в конце 1870-х гг. мещанским старостой выбрали А.Ф. Кукаркина, человека непьющего и уважаемого в городе. Он привел в порядок дела управы, аккуратно вел учет финансовых средств. Натуральные повинности, по желанию членов общества, можно было заменить на денежные.

«Всякий отсутствующий мещанин, посылая деньги на билет, был твердо уверен, что его деньги не будут промотаны и билет будет выслан с первой почтою. Соединяя в своем лице и должность городского маклера (вроде нотариуса), что обуславливается известными знаниями законов, господин Кукаркин никому из мещан не отказывал в посильной помощи и совете», – с благодарностью отзывались о нем современники.

Однако после семи лет такой работы добросовестный староста был удален с поста, причем в результате выборов. Последние были организованы таким образом, что за Кукаркина проголосовало меньшинство. Да и из потенциальных избирателей – 2000 мещан города – на выборы явились лишь 86 чел. В результате, за нового кандидата подали 52 голоса, за действующего – 49[90].

Судя по всему, выборы в мещанскую управу прошли не без влияния городского головы А.Г. Попкова, с ним мещанский староста открыто конфликтовал с 1884 г., когда публично стал критиковать градоначальника. В особенности, его решения относительно

[89] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.102. Л.19, 27, 73 об.
[90] Волжский вестник. 1886. 1 февраля. №26.

Мензелинского городского банка. Именно А.Ф. Кукаркин[91] возглавлял ревизионную комиссию при Мензелинской городской думе, которая выявила нарушения в работе банка. Очевидно, своеобразным ответом городского головы А.Г. Попкова стало лишение оппонента общественной должности. Тем временем, либеральная общественность города была очень расстроена такой сменой в мещанском управлении.

Эпоха Попкова длилась в Мензелинске два десятилетия. Его критиковали многие, но на посту городского головы он оставался вплоть до своей смерти. Все эти годы город удерживал статус успешного делового, административного и культурно-образовательного центра. Мензелинск застраивался по новому городскому плану после пожара 1878 г., развивалась социальная и хозяйственная инфраструктура. Росло количество жителей, например, в 1890 г. в городе постоянно проживали 6821 чел. В городском развитии, безусловно, немалой была и заслуга первого лица – А.Г. Попкова. С другой стороны, как многие городские главы того времени, очевидно, что господин Попков соблюдал и некоторые личные интересы. Причем они не всегда были связаны с конкретными материальными соображениями, а скорее иллюстрировали особенность его традиционного мышления и стиля руководства. Конечно, при этом трудно было сохранить баланс между всеми городскими силами, и немного простоватые взгляды городского головы на управление не могли устраивать

[91] К слову, Кукаркины происходили из первых поселенцев Мензелинской крепости, белопахотных солдат. В XIX в. Кукаркины состояли в разных сословиях. В 1836 г. один из них Илья Кукаркин записался в мензелинское купечество [НА РБ. Ф.И-138. Оп.1. Д.1196. Л.405–413]. И в 1895 г. еще один из Кукаркиных являлся членом Мензелинской купеческой управы [ГА РТ. Ф.299. Оп.1. Д.221. Л.3]. А купеческий сын Александр Ильич Кукаркин трудился в 1889 г. страховым агентом в селе Бережные Челны. Среди представителей этой фамилии встречались и те, кто числился в крестьянском сословии. В 1889 г. был выбран сельским заседателем Мензелинского уездного полицейского управления Федор Павлович Кукаркин – крестьянин г. Мензелинска, а мещанин Василий Афанасьевич Кукаркин в это время служил товарищем директора Мензелинского городского банка [Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год. Уфа, 1889. С.128, 20, 121].

сторонников либеральных идей. Энергичность и смелость, бескомпромиссность головы в одних случаях приносила пользу городу, в других действовала против его же интересов и репутации.

В конце 1894 г. легендарного А.Г. Попкова на посту городского голову сменил купеческий сын Д.Ф.Дубинин[92]. Он тоже принадлежал к известному кругу приближенных к предыдущему главе лиц. Таким образом, сохранилась определенная преемственность в деле городского хозяйствования. Александр Григорьевич Попков умер в том же году от рака желудка. Попков и Дубинины, вероятно, были связаны родственными узами. Среди архивных дел сохранилась жалоба купца 2-й гильдии Дубинина на купеческого сына А. Попкова, датируемая 1866 г. Предприниматель обращался в губернские органы власти с просьбой разобраться в похищении его 16-летней дочери Евдокии. Его дочь была похищена 17 июля 1866 г. в день собственной свадьбы с елабужским купеческим сыном Атамановым. Дубинин сравнивал «злодейское преступление» с варварством. Любопытно, что насильственное действие было совершено А. Попковым при поддержке другого купеческого сына Гавриила Пивоварова, который в то время выполнял обязанности мензелинского бургомистра[93]. Тесная дружба А.Г.Попкова с семьей Дубининых указывает на то, что данный конфликт был разрешен мирным образом. Кроме Дмитрия Федоровича Дубинина пробовал свои силы в городском самоуправлении и его родной брат – Александр Федорович. Он имел опыт работы в земском собрании, почти двадцать лет состоял гласным. Братья Дубинины – и Александр Федорович, и Дмитрий Федорович заняты на муниципальной службе до 1904 г.

[92] Адрес-календарь и справочная книга Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896. С.198.
[93] НА РБ. Ф.И-11. Оп. Д.596. Л.1.

3.3. Уездные муллы на городской службе во второй половине XIX в.

Приглашенные муллы и проблемы мусульманской общины. Первый мензелинский имам Г. Мухамметвалиев. Строительство мечети.

Приглашенные муллы и проблемы мусульманской общины. Внушительную часть жителей Мензелинского уезда составляли мусульмане. В связи с этим, функционирование многих местных служб требовало участия мусульманских священнослужителей. Так, после военной реформы мулл начали привлекать к работе рекрутских присутствий для приведения к присяге солдат-новобранцев. В начале 1870-х гг. в Мензелинском уезде, по предписанию Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), эту обязанность исполнял имам Рахимкулов из д. Подгорный Байляр. На период призыва его временно освобождали от обязанностей деревенского имама и обычно выделяли деньги за проезд до Мензелинска и обратно[94]. В 1872 г. ОМДС рекомендовало для привода к присяге в уездном городе муллу из д. Поисевой Мензелинского уезда Мутагитдина Гумерова[95].

С 1880-х гг. небольшая неофициальная община мусульман Мензелинска отправляла свои религиозные обязанности в молитвенном доме. Но основной проблемой местных жителей было то, что мулла не находился в городе постоянно. Деревенские имамы периодически появлялись в Мензелинске, но обычно это происходило по поручению местных органов власти. Кроме приведения к присяге рекрутов-татар, мулла требовался для работы уездного суда, его ждали также в уездной земской больнице, в уездной тюрьме и т. д.

Поэтому в пореформенное время мусульманская община Мензелинска обращалась для исполнения религиозных треб к муллам близлежащих татарских деревень. Например, долгое время – в 1870-х и в начале 1880-х гг. – мусульманские обряды в Мензелинске прово-

[94]. НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.8420. Л.3.
[95] Там же. Д.9006. Л.2 об.

дил мулла д. Деуковой Абдулнасыр Абдрахимов. Но, как заявляли в 1883 г. сами мензелинские татары, он уже был в годах и «не в состоянии исполнять возложенные на него обязанности, как из духовных треб, так вообще при богомолье». По этой причине в ноябре 1883 г. они просили ОМДС заменить престарелого муллу Абдулнасыра Абдрахимова на муллу из д. Гулюково Ахметшу Мухаметшина, «как человека довольно больших религиозных правил с усердием исполняющего свои обязанности и хорошо знавшего все тексты Алкорана, и обладающего ясно даром слова»[96].

Однако и мулла Ахметша Мухаметшин не оправдал всех надежд мензелинцев. Ему было тяжело совмещать религиозную деятельность между своим деревенским приходом и городскими мусульманами. Так, летом 1887 г., когда второй мулла из д. Гулюково Шигабутдин Мухаметдинов отправился в паломничество в Мекку, имам А. Мухаметшин направил рапорт о том, что до его приезда не сумеет выполнять требы мензелинцев и просил назначить временным муллой имама д. Старый Байляр Шарафутдина Сагдитдинова[97].

Периодические наезды Мухаметшина в Мензелинск не устраивали местных мусульман. Гулюково находилось в 15 верстах от города, поэтому мулле, действительно, было тяжело часто наведываться в уездный центр. Мензелинцы же хотели, чтобы в праздничные дни общественные намазы проводил мулла Ахметша Мухаметшин. Однако имам в эти дни обычно бывал в Гулюково, а на другие варианты соглашался лишь в случае «особой благодарности» городских мусульман. Кроме того, при приезде в город он отдавал предпочтение не частным просьбам мусульман, а выполнял, прежде всего, различные поручения от местных властей. Мензелинское уездное земство платило мулле 120 руб. в год за выполнение официальных поручений по религиозным требам солдат, свидетелей, арестантов, пациентов и т.д.

Между тем, по распоряжению ОМДС мулла был прикреплен к Мензелинску не только для того, чтобы приводить к присяге солдат, но и для участия в духовной жизни обычных мусульман: проведения

[96] Там же. Д. 13713. Л. 1–1 об.
[97] Там же. Л. 6.

свадебных и похоронных обрядов, праздничных намазов и т.д. В городе имелся даже специальный молитвенный дом. По данным 1887 г., прихожане арендовали для этих целей дом купца Рахматуллина.

Но мензелинцы жаловались, что мулла приезжает в город только по требованию начальства, а на их просьбы практически не откликается. Например, он никогда не проводил праздничные намазы, ссылаясь на то, что в Мензелинске нет мечети. Поэтому городские мусульмане в дни больших праздников (после окончания месяца Рамадан и на Курбан-байрам) старались ездить в соседние татарские деревни, чтобы в мечетях совершить праздничный намаз. Между тем, наемным работникам не всегда удавалось отпроситься у своих хозяев в такие дни, т. к. дорога до соседних деревень занимала много времени, да еще и требовала дополнительных затрат. От лица всех мензелинских мусульман, отставной унтер-офицер Сафиулла Габидуллин просил ОМДС поручить гулюковскому мулле Мухаметшину проведение в Мензелинске праздничных намазов и чтение вагазов (проповеди).

По его словам, из-за равнодушия муллы в Мензелинской мусульманской общине «многие отступились от своей религии», и даже «в короткое время 8 человек приняли православную веру»[98].

В мае 1887 г. мензелинцы ходатайствовали назначить вместо Мухаметшина имама из деревни Медведево[99]. Но, судя по всему, кандидатуру этого муллы не утвердили. В Мензелинской уездной земской управе были вполне довольны работой гулюковского имама Ахметши Мухаметшина. Кроме приведения к присяге татарских солдат, он также проводил мусульманские обряды в уездном суде и земской больнице, и со стороны муниципальных властей к нему не было никаких претензий[100].

Несмотря на это, мензелинцы продолжали донимать органы власти своими прошениями о необходимости смены религиозного деятеля. И в том же 1887 г. ими была достигнута договоренность с

[98] Там же. Л. 10.
[99] Там же. Л. 11.
[100] Там же. Л. 12.

другим приходским имамом – Газетдином Мухаметвалиевым из деревни Чуриева Семиостровской волости Мензелинского уезда (ныне д. Чураево Актанышского района Республики Татарстан). Указ о назначении вторым имамом в мусульманский приход этой деревни он получил лишь 28 марта 1888 г.[101] Первым имамом этой деревни с 1871 г. служил Мухаметсадык Азаматов[102].

Первый мензелинский имам Г. Мухамметвалиев. Строительство мечети. Очевидно, что имам Мухаметвалиев (по другим документам он проходил как Муслимов) был ориентирован на постоянное проживание не в д. Чуриева, а в Мензелинске. Ему на тот момент было 32 года[103].

Уже в начале 1888 г. местные мусульмане, доверенным которых выступал все тот же Сафиулла Габидуллин, просили официально назначить мензелинским муллой Г. Мухаметвалиева. В прошениях отмечалось, что предыдущий мулла Мухаметшин невнимательно относился к своим обязанностям, назначал высокую плату за различные услуги (например, за совершение брака). Поскольку основная часть мусульман города была крайне бедной, являлась наемными рабочими, требования муллы для нее были затруднительными. Последней каплей стало то, что А. Мухаметшин разрешил похоронить на городском мусульманском кладбище «черемиса, неизвестно каких видов», и верующие окончательно перестали ему доверять[104].

Интересно, что претендент на роль нового муллы Мухаметвалеев, как и доверенный просителей, тоже был бывшим военным. Он прошел военную службу, успел окончить ротную школу, хорошо владел русским языком. В армии он дослужился до звания фельдфебеля. Поэтому неудивительно, что способный бывший унтерофицер привлек внимание отставных солдат в Мензелинске[105]. Вероятно, знание русского языка было необходимо для выполнения муллой различных поручений от местных органов власти. Ходатайство о необходимости назначения Г. Мухаметвалиева мензелинским

[101] Там же. Л. 36.
[102] Там же. Ф.И-9. Оп.1. Д.508. Л. 47 об.
[103] ГА РТ. Ф.1286. Оп. 1. Д. 2. Л. 13 об.–16 об.
[104] НА РБ. Ф.И-295. Оп. 4. Д. 13713. Л. 8–8 об.
[105]. Там же. Л 7.

имамом в 1888 г. подписали 50 человек. Среди них, кроме С. Габидуллина, были еще другие запасные и отставные солдаты.

25 мая 1888 г. ОМДС постановило, что удовлетворяет просьбу мензелинских мусульман и назначает для духовных треб горожан имама д. Чуриева Газетдина Мухаметвалиева[106]. Однако религиозная служба нового муллы в Мензелинске была омрачена действиями его предшественника А. Мухаметшина. Имам из Гулюково откликался на поручения местного начальства и приезжал в город для исполнения различных треб в суде, тюрьме и других учреждениях. Он игнорировал попытки Мухаметвалиева исполнить эти обязательства, т.к. был не меньше него заинтересован в земском содержании в 120 рублей. В итоге, Г. Мухаметвалиев был вынужден в сентябре 1888 г. составить рапорт на имя муфтия ОМДС с просьбой разрешить эту трудную ситуацию. Он писал, что «не имеет других источников содержания», а гулюковский имам лишает его этого и продолжает вмешиваться в его законную сферу деятельности[107].

Однако мулла Ахметша Мухаметшин продолжал сотрудничать с местными властями, поэтому мензелинские мусульмане были вынуждены обратиться с этой проблемой к самому императору Александру III. В качестве основного доверителя горожан выступал уже не только отставной унтер-офицер С. Габидуллин, но и временные мензелинские купцы 2-й гильдии Аглиулла Байчурин, Нурулла Хабибуллин, доверенный казанского купца Субаева – Камалитдин Сиразетдинов[108].

В результате, спорное дело между двумя имамами было урегулировано. Газетдин Мухаметвалиев наладил религиозную жизнь среди обычных горожан и успевал проводить праздничные намазы в различных учреждениях. Например, в 1888–1889 гг. он устраивал намазы для нижних воинских чинов из мусульман, находящихся временно в Мензелинске[109]. По словам самого муллы Мухаметвалиева, 31 мая 1890 г. он получил указ ОМДС № 2278 о назначении имамом г. Мензелинска. Здесь надо отметить, что поскольку своей

[106]. Там же. Л. 22 об.
[107]. Там же. Л. 23.
[108]. Там же. Л. 25.
[109]. Там же. Л. 36 об.

мечети в уездном городе не было, то об официальном приходе речи быть не могло, и, соответственно, имам тоже прикреплялся к месту с определенными оговорками. Судя по всему, Газетдин-хазрат не обратил особого внимания на этот момент и в полной уверенности о своем назначении имамом г. Мензелинска, продолжал осуществлять дальнейшую религиозную деятельность[110]. С конца 1897 г. Газетдин Мухаметвалиев был приглашен еще и вероучителем в Мензелинское городское 4-х классное училище. За это он получал жалование – 60 рублей в год[111].

В 1890 г. мензелинские мусульмане арендовали для размещения молитвенного дома новое здание, оно принадлежало казанскому купцу Субаеву[112]. В 1896 г. на общие средства (за 2 000 руб.) было приобретено уже собственное здание. Дом этот, принадлежавший ранее елабужскому купцу Ивану Тарасову, располагался на улице Большой Уфимской. Деньги на покупку своего здания для молитвенного дома местные мусульмане собирали во время Мензелинской ярмарки. Сделку от лица общины осуществлял купец Миннигарей Сеитбатталов, именно он подписал в г. Елабуге договор о купле-продаже и передал деньги.

Во время Мензелинской ярмарки здание молитвенного дома, как и большинство помещений в уездном городе, сдавали в аренду в качестве так называемых «квартир», т. е. жилого помещения[113]. По словам мензелинского протоирея Никольского собора Владимира Уводского, «дом, едва ли не лучше всякой деревянной мечети и только не достает этому дому торжества мусульманства – минарета с полумесяцем». Правда, слова эти были связаны с тем, что священник выступал против строительства каменной мечети в городе[114]. Тем не менее на рубеже XIX–XX вв. был зарегистрирован официальный мусульманский приход в г. Мензелинске и началось строительство мечети.

---

[110]. Там же. Л. 57.
[111]. ГА РТ. Ф.1286. Оп. 1. Д. 2. Л. 13 об.–16 об.
[112] НА РБ. Ф.И-295. Оп. 4. Д. 13713. Л. 38.
[113] Там же. Л. 50.
[114] НА РБ. Ф.И-295. Оп. 6. Д. 761. Л. 108.

3.4. Банковское дело в уездном городе

Организация Мензелинского городского общественного банка. Ревизии банка и неплатежеспособные клиенты.

Организация Мензелинского городского общественного банка. Одним из признаков эпохи модернизации стало развитие финансовых инструментов, в числе которых было кредитование, страхование и т.д. Они вытесняли незаконные формы финансовых взаимоотношений среди населения, прежде всего, ростовщичество. Так еще в середине в 1760-х гг. некоторым мензелинским отставным солдатам «доброжелатели» советовали тратить накопленные за время службы деньги не на покупку недвижимости, а отдать их ростовщикам и жить на «рост», т.е. на проценты. Такое предложение возмущало бывших военнослужащих, тем более этот промысел считался незаконным[115]. К XIX в. с развитием торгово-промышленных оборотов растет необходимость в дополнительных финансовых ресурсах и различных сопутствующих инструментах бизнеса. Такой поддержкой стали банки.

В Уфимской губернии первые банки появились в 1860-е годы. Мензелинск как известный ярмарочный центр, конечно, нуждался и в банковском обслуживании. Поэтому на период ярмарки в уездном центре открывались отделения разных банков. Но городу нужен был и постоянно действующий, собственный банк. Поэтому 31 мая 1866 г. было принято постановление городского общества Мензелинска о необходимости учреждения местного банка. Мензелинский общественный банк открылся одним из первых в Уфимской губернии: распоряжение об этом было подписано в 1867 г., само финансовое учреждение начало функционировать с 14 ноября 1869 г. Банк имел солидный основной капитал в размере 50 тысяч руб. С первых дней работы Мензелинского банка здесь осуществлялся прием вкладов, учет векселей, выдача ссуд под залог про-

[115] Полянов Д. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Т.1. СПб., 1869. С.217.

центных бумаг, товаров, драгоценностей, недвижимого имущества. Запасной капитал банка составлял 137 494 руб., из них 65 520 руб. были розданы в качестве ссуды[116].

Как отмечал в своем отчете за 1870 г. уфимский губернатор С.П. Ушаков, городские банки, «возникшие городах Бирске, Стерлитамаке и Мензелинске в течение нескольких последних лет, в настоящее время приняли уже вполне устроенный вид и с каждым годом расширяют свои операции, несмотря на ограниченность банковских капиталов, доставляя местному классу, при быстроте своих оборотов, значительное облегчение в их торговых сделках и предприятиях и немало способствуя таким образом, к оживлению городской промышленности».[117] В губернской Уфе такой банк появился лишь 1876 г. При этом часть основного капитала предоставил в кредит Мензелинский городской общественный банк.

Однако успешный с виду муниципальный банк вскоре получил репутацию финансового учреждения, обслуживающего интересы исключительно людей приближенных к городской власти.

«Населению мензелинский банк не доставляет никакой пользы; нуждающиеся в кредите население, во имя нужд которого и основывается банк, не только лишено всякого кредита, так как все деньги забраны небольшою кучкою лиц, но, – что всего важнее, – благодаря банку, население лишено такого городского управления, которое хотя бы немного, заботилось бы об интересах общества, а не о своем кармане. Ссуда давалась не тем, кто наиболее в ней нуждался, а тем, кто имеет влияние на других избирателей, т.е. гласным и лицам так или иначе нужным заправилам. Помещики получали кредит даже на тысячи рублей, а обыватель, нуждающийся в 10 рублях перед ярмаркою для ремонта домишка, чтобы иметь квартиранта или купить сани для извоза, получал отказ, – возмущался аноним, скрывавшийся под псевдонимом «мензелинец» в 1885 г. – Каким образом, гласные могут отстаивать общественные интересы, когда все они, за исключением 4–5 человек, должны банку. Банк, который в ловкости и изворотливости г.Попкова видит свое единственное спасение, который без позволе-

[116] ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.13903. Л.1, 4, 6, 22.
[117] НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д. 15239. Л.13.

ния Попкова и шагу ступить не смеет, составляет в сущности не более, как особенную канцелярию управы, т.е. г.Попкова»[118].

Как видно и этого сообщения, основной огонь критики был направлен на Александра Григорьевича Попкова – городского голову Мензелинска, именно под началом Мензелинской городской управы функционировал общественный банк.

Здесь надо отметить, что общественные банки являлись одним из рычагов влияния многих городских глав. Эти финансовые учреждения часто использовались в целях личного обогащения, что могло привести даже к банкротству банка. Например, так произошло в 1885 г. со Стерлитамакским городским общественным банком, а причиной его закрытия стали действия местного головы И.Г. Никерова.

Ситуация с Мензелинским городским банком в 1880-е гг. также обсуждалась и жителями города, и даже на страницах прессы. Но, несмотря на критику, в целом, финансовые дела мензелинского банка выгодно отличались от остальных банков. Основной капитал банка, через почти двадцать лет после учреждения, вырос до 147 тыс. руб. (т.е. на 97 тыс. руб.). Хотя сумма вкладов составляла лишь 47 тыс. руб. Поэтому заправилы города практически не реагировали на общественную критику, посчитав, что в случае неблагополучного исхода, всегда смогут вернуть деньги вкладчиков.

Из-за неоднократных обвинений в прессе городского голову А.Г. Попкова, в том числе в раздаче им банковских кредитов своим приближенным, в 1884 г. он возбудил судебное дело против редакции газеты «Волжский вестник» о диффамации (публичной клевете)[119]. Дело было рассмотрено в 1886 г. в Казанской судебной палате, истец проиграл его.

Ревизии банка и неплатежеспособные клиенты. Еще до судебных разбирательств с мензелинским городским головой в самой Мензелинской городской думе сгруппировались несколько гласных, которые были настроены против главы. Среди них был гласный и

[118] Волжский вестник. 1885. 6 июня. №127.

[119] Н.Ш. Очерки думской жизни. Провинция и провинциальная печать // Русская мысль. 1886. №1. С.135.

мещанский староста А.Ф. Кукаркин. Так, в результате ревизии работы Мензелинского городского общественного банка выяснились серьезные просчеты и вскоре результаты данной проверки стали достоянием широкой общественности.

«В Мензелинске, Уфимской губернии ревизионная комиссия нашла, что весь кредит банка, как по учету, так и под залоги, распределен между 450 кредиторами, причем половина этих кредиторов разделена между членами банка, городским головою, их родственниками и приятелями, в числе 15 человек, которым выдано 97 675 рублей, или другими словами, деятели банка и городской управы забрали в свои руки основной и запасной капиталы банка, да еще из вкладов прикарманили 6 736 рублей. Вот имена главных должников банка: 1) городской голова Попков, который по словам ревизионной комиссии, «кроме отправления своей должности, не ведет ровно никаких, ни промышленных, ни торговых дел». 2) Директор банка Бурмистров «ведя одно общее дело с Дубиниными, видимо сокращает свою торговлю, как это выразилось недавно в закрытии одной принадлежащей ему лавки. 3) Дубинина, теща Бурмистрова, живет в доме его и никаких самостоятельных торговых дел не ведет. 4) Сын ее Дубинин, которому «не принадлежит пока никакого имущества. 5) Резчик Завьялов, который «вовсе покончил свои дела». Ясное дело, что от подобных лиц нечего ждать отдачи, как от попа сдачи»[120].

Таким образом, выяснилось, что кредиты в Мензелинском банке выдавались, действительно, «приближенным» городским властям под залог недвижимости, стоимость которых тоже была заведомо завышена. Когда из-за неплатежеспособности некоторых задолжавших клиентов банка решили распродать их имущество, оказалось, что имущество, заложенное в 3000 руб., стоит в некоторых случаях лишь 20 руб. Из-за таких случаев, Мензелинский общественный банк в середине 1880-гг. начинает переписывать векселя одних неплатежеспособных клиентов на других (например, родственников). Самой задолжавшей банку клиенткой считалась А.Ф. Дубинина. Ее долг дошел до астрономической суммы – 37 тыс.

[120] Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С.288–289.

руб. Земля, принадлежавшая ей (328 дес.), при условии максимальной оценки, могла дать лишь 16 400 руб. Поэтому ее векселя были переписаны на сына – А.Ф. Дубинина[121]. Данный долг он оплачивал и почти пятнадцать лет спустя, будучи городским головой Мензелинска. Возможно, одной из причин общественной активности братьев Александра и Дмитрия Дубининых было и это обстоятельство – долговые обязательства их родителей.

Купеческий сын Дмитрий Федорович Дубинин в 1888 г., уже после всех проверок работал бухгалтером Мензелинского городского банка. Таким образом, в целом в расстановке общественных сил даже после проверок мало, что изменилось. В это время во главе города также оставался А.Г. Попков. А директором банка вместо Бурмистрова был выбран Евгений Федорович Рязанов, представитель крестьянского сословия, товарищами директора (т.е. заместителями) служили коллежский регистратор Алексей Петрович Дударь и мещанин Василий Афанасьевич Кукаркин. Очевидно, выбор последнего был показателем своего рода компромисса с главным критиком прежних банковских дел, мещанским старостой А.Ф. Кукаркиным.

Членами учетного комитета Мензелинского городского банка в 1888 г. состояли купцы Александр Прокофьевич Боголюбский, Михаил Макарович Марин, мещане Арсений Васильевич Ляхов, Михаил Андреянович Петров, Агафон Александрович Реутов и отставной рядовой Василий Гаврилович Краснопольский[122].

Судя по всему из-за большого количества жалоб на отсутствие мелкого кредитования в городском общественном банке, в 1890 г., по инициативе А.Г. Попкова, в Мензелинске открылся городской ломбард. Его целевой группой были «небогатые граждане» города. Основной капитал ломбарда составлял 3 тысячи рублей. Гласные Мензелинской городской думы надеялись, что с его открытием «если не прекратится совершенно, то во всяком случае значительно ослабеет негласное ростовщичество»[123].

Мензелинский городской банк продолжал функционировать и в начале XX в., оставаясь главным источником кредитования для ме-

[121] Волжский вестник. 1885. 3(15) января. №2.
[122] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Уфа, 1889. С.121.
[123] Казанский биржевой листок. 1891. 19 марта. №68.

стного населения. Некоторое время являлся директором банка А.Е. Орехов[124]. Судя по всему, он приходился родственником М.Орехову – гласному Мензелинской городской думы, известному оппоненту бывшего городского головы А.Г. Попкова[125].

За работой городского банка все так же следила ревизионная комиссия при Мензелинской городской думе.

«В Мензелинске существует общественный городской банк, каких больше нет в России. В нем почти совсем нет частных вкладов и все свои операции он ведет исключительно на свои деньги и ссужает кредитом под векселя и залог, как городское, так и уездное население суммами от 4 рублей и выше, это для города полукредитное полублаготворительное учреждение и понятно поэтому насколько им дорожат население Мензелинска…», – сообщал очередной анонимный корреспондент из Мензелинска в начале XX в.[126]

Однако работа муниципального банка все также была строго привязана к человеческому фактору, строилась на основе личных взаимоотношений между банковскими служащими и клиентами. Поэтому назначение очередного директора Мензелинского городского банка для некоторых горожан становилось грустным событием, а единственным способом для выражения своего недовольства этой ситуацией оставалась анонимная публикация в прессе.

Например, население Мензелинска «было возмущено, когда дума 24 июня выбрала в директоры банка г. N., человека, по общему мнению, совершенно для такого серьезного дела неподходящего», – передавали из уездного города в редакцию все того же «Волжского листка» в 1905 г.

На этот раз директор банка был тесно связан с новым городским головой Мензелинска Алексеем Ивановичем Захаровым. Ранее он служил городским секретарем Мензелинска[127], придерживался

[124] Объекты культурного наследия Татарстана. Т.1. Казань, 2016. С.553.
[125] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.56. Л.72.
[126] Волжский листок. 1905. 21 августа. №259.
[127] Адрес-календарь и справочная книга Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896. С.198.

консервативных взглядов. Поэтому в годы первой русской революции у него наметился конфликт с так называемыми либеральными гласными. В их числе были некоторые дворяне, земские служащие и т.д. В частности, они обвиняли городского голову в доносительстве и считали не допустимым занятие им своей должности. Из-за этого протестующие гласные перестали посещать заседания городской думы, а тем временем А.И. Захаров не собирался покидать свой пост. Более того, при выгодном составе думы он проводил удобные для себя решения. Именно таковым стало и назначение нового директора Мензелинского городского общественного банка.

«Произошло это избрание потому, что большая часть не явилась в думу. Причем отсутствовали наиболее сознательные гласные – председатель земства, секретарь и бухгалтер земской управы, секретарь съезда, учитель, нотариус и несколько человек коммерсантов»[128].

Несмотря на надежды корреспондента на пересмотр решения Мензелинской думы, этого не произошло. А.И. Захаров продолжал оставаться городским головой и после революционных событий 1905–1907 гг. А Мензелинский городской общественный банк продолжал выдавать кредиты только избранным лицам. И для того, чтобы стать клиентом этого банка, нужно было застраховать все свое имущества у жены городского головы Захарова, которая числилась к тому времени агентом частного страхового общества[129]. Таким образом, несмотря на все достижения эпохи модернизации и появившиеся новые финансовые инструменты, в условиях маленького города эти возможности работали по-своему. Муниципальные порядки в уездном городе оставались примерно одинаковыми, как в 1880-х гг., так и в 1900-е гг.

Накануне Первой мировой войны должность городского головы в Мензелинске исполнял мещанин Порфирий Аристархович Винокуров[130], перед революцией 1917 года его сменил Алексей Николаевич Якимов, бывший нотариус, давний оппонент и А.Г. Попкова, и

[128] Волжский листок. 1905. 21 августа. №259.
[129] Камско-Волжская речь. 1908. 5 сентября. №330.
[130] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С.143.

А.И. Захарова. При Винокурове он служил городским секретарем. К 1917 г. Мензелинским городским банком руководил уже Михаил Андреевич Тихановский, товарищем директора выбрали Митрофана Григорьевича Тихана, а бухгалтером трудился Петр Константинович Иванов.

Кроме того, в этот период в Мензелинске действовало все так же Мензелинское отделение Государственного банка, работал Городской ломбард (в здании Городской управы) и Касса мелкого кредита Мензелинского уездного земства. В селениях Мензелинского уезда накануне и в годы Первой мировой войны открылись и Кредитные товарищества, Ссудо-сберегательные и Ссудо-вспомогательные кассы, а также Общества потребителей. Последние были особенно актуальны в условиях тотального дефицита и роста цен[131].

3.5. Мензелинская полиция и правонарушения в пореформенное время

Полиция в ярмарочном центре.
Революционное начало XX в. и мензелинская полиция.

Полиция в ярмарочном центре. В период буржуазных реформ Александра II, в 1860-е годы, функционал земских или уездных исправников расширился, они уже следили за правопорядком и в городе, вместо бывших городничих. Впрочем, в их подчинении были еще полицейские надзиратели. Исследователь системы государственного управления в Уфимской губернии Р.И. Хафизова отмечает, что полиция находилась в совершенно иных условиях, отличных от других губерний европейской России.

По словам губернатора П.А. Полторацкого, «организация полицейской части в губернии страдало отсутствием лиц вполне благонадежных к прохождению полицейской службы, что нельзя не объяс-

[131] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917. С.146–149.

нить отдаленностью губернии от столицы и центральных губерний»[132].

Очевидно, губернатор имел в виду нехватку специалистов, которые бы подходили под все требования нового закона 1862 г. Поскольку при приеме на полицейскую службу, например, в качестве нижнего чина – городового, претенденту надо было показать свою грамотность, он должен быть отставным военным, а также иметь рост не менее 2 аршин 6 вершков (169 см) и, конечно же, быть здоровым.

Полицейскую команду, которая состояла из нижних чинов (городовых) уездных городов возглавляли полицейские надзиратели, они подчинялись уездным полицейским управлениям. В 1865 г. нижних полицейских чинов в Мензелинске было 10 чел. Через 15 лет число полицейской команды в Мензелинске осталось неизменным. Хотя, судя по всему, оно увеличивалось в начале 1870-х, но после пожара 1878 г. снова сократили число охранителей правопорядка[133]. По штату полиции можно было судить и о темпах развития городов, активно развивающиеся населенные пункты нуждались уже в большем числе охранителей порядка.

Мензелинская ярмарочная пора нередко сопровождалась и криминальными новостями. В гуще товарно-денежных отношений крутились и асоциальные элементы: воры, пьяницы и другие лица. Ярмарочных помещений обычно не хватало, поэтому некоторые торговцы занимали часть улицы, было тесно и неудобно. Конечно, в этих условиях возрастала и опасность пожаров, и воровство. Для карманников теснота была лишь на руку. Например, в газетном сообщении 1869 г. говорилось:

«Нынешняя ярмарка прошла благополучно, т.е. не было пожара и значительного воровства»[134].

---

[132] Хафизова Р.И. Управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начало XX вв. Уфа, 1999. С.90.

[133] Масалимов А.С. Организационно-правовая структура городской полиции Уфимской губернии // Вестник ВЭГУ. 2012. №1. С.54.

[134] Казанский биржевой листок. 1869. 23 января. №15.

Потеря денежных средств, ценных вещей и т.п. сопровождала участников Мензелинской ярмарки с самого начала ее истории. Жертвами мошенников и карманников становились многие. Однако в таких случаях «обиженный не находит себе никакой защиты» от местной власти, т.е. от городничего, вспоминали о таких эпизодах мензелинцы еще в 1830-х гг.[135] С каждым годом на Мензелинскую ярмарку съезжалось все больше людей. В связи с этим у ответственного за городской правопорядок городничего тоже работы прибавилось. Очевидно, поэтому на должности городничего в Мензелинске чиновники особо не задерживались.

В 1838 г. в городе было совершено громкое убийство. Во время ярмарочной недели, в начале января был найден мертвым на улице дворянин, коллежский секретарь Мухамет-Гали Алкин. У него было несколько поместий в Уфимской и Вятской губерниях. В Мензелинске Алкин находился проездом, заехал на ярмарку, чтобы рассчитаться с купцами за проданный поташ. По иронии судьбы накануне он встретился и с мензелинским городничим Лукиным, а наутро был найден без дорогих вещей и с разбитой головой. Высказывались различные версии: и ограбление, и месть. Мухамет-Гали Алкин какое-то время служил в Мензелинске стряпчим, поэтому считалось, что недоброжелателей в городе у него достаточно[136]. Работа Алкина была тесно связана с судебной системой, этот факт тоже мог сыграть определенную роль в происшествии. После службы в Мензелинске он был переведен в Уфу. Кстати, родной брат М.-Г.Алкина служил частным приставом в Казанской городской полиции. Преступление получило широкую огласку, главным образом, из-за высокого социального положения убитого и его служебных заслуг. Но даже в начале 1840-х гг. дело оставалось не раскрытым. Следователи склонялись к версии убийства «из корыстолюбия»[137]. Возможно, из-за этого нераскрытого преступления в 1841 г. мензелинским городничим вместо Лукина было назначено другое лицо – Федорович[138]. Продолжением этого происшествия могли быть и перемены в системе управления. В

[135] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.11068. Л.24–28, 30–31.
[136] ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.11328. Л.1.
[137] Там же. Л.11.
[138] ГАОО. Ф.6. Оп.7.Д.601. Л.8.

1843 г. в помощь мензелинскому городничему учредили должность особого чиновника.

Убийства во время ярмарки случались и позднее. Рассказы о таких случаях передавали из уст в уста, обрастали легендарными подробностями. Например, описывая мещанский быт окраин Мензелинска, уроженец города А.С. Сливко вспоминал:

«По вечерам собирались отдельно мужики и бабы на завалинке и дотемна шли тихие разговоры: у мужиков про хозяйственные дела и старые чудесные случаи в жизни, про клады, про загадочное убийство купца во время ярмарки, труп которого нашли в Мензеле около моста подо льдом»[139].

8 января 1887 г. город был потрясен трагедией в одном из публичных домов Мензелинска. Газеты передавали её как «драму с романтической подкладкой», «убийство, совершенное из-за любви». Из револьвера была застрелена работница увеселительного заведения, женщина по имени Любовь. К слову, дом терпимости размещался в доме мещанина Бокова. Преступление совершил чистопольский мещанин Василий Иванов. За четыре года до трагической развязки, еще в Казани, убийца хотел жениться на этой девушке. Но его родители были категорически против брака, поэтому свадьба тогда не состоялась[140]. Пути молодых разошлись. Иванов жил и работал в Оренбурге и, вероятно, по торговым делам оказался в Мензелинске. Во время Мензелинской ярмарки, в одном из публичных домов он встретил свою старую любовь.

«Два дня он уговаривал любимую девушку оставить позорное ремесло, но она не согласилась. Застрелив ее, Иванов отдался в руки полиции», – сообщал корреспондент газеты «Казанский биржевой листок».

Пуля засела в левом глазу женщины, когда её привезли в местную больницу, она еще была жива. Но вскоре скончалась[141]. Конеч-

[139] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.7.
[140] Волжский вестник. 1887. 20 января. №18.
[141] Казанский биржевой листок. 1887. 18 января. №14.

но, не все эпизоды из ярмарочной жизни попадали в газетные хроники и на самом деле криминальных драм, подобных этой, было, наверное, больше.

Проституция официальная и тайная была главной социальной проблемой российских ярмарок. Не все женщины, промышлявшие проституцией, имели «билеты», для кого-то это был «отхожий» промысел. Большинство общества закрывало глаза на это.

«Общество – фарисействует. Оно ретируется к своим семейным очагам, утешая себя тем, что улица – не ворвется в их дома, не будет их беспокоить. Оно спокойно смотрит на это; оно предоставляет дикому, нечеловеческому разврату право спокойно разгуливать по улицам, публичным домам, гостиницам, балаганам, «самокатам»... – писал в 1886 г. анонимный фельетонист газеты «Волжский вестник» о ярмарочных нравах. – Напрасно, господа! Улица придет, – если уже не пришла, в ваши дома; она разрушит ваши семейные очаги; она посеет разврат в ваших семьях; она погубит и пустит на улицу, на всеобщее поругание, ваших же собственных детей...»[142].

Во второй половине XIX в. Мензелинская городская управа на ярмарочный период в дополнение к полицейскому корпусу нанимала стражу из 40 чел.[143] Но никакие усиления мер безопасности во время ярмарки не могли полностью исключить случаи воровства, грабежей или даже убийств.

Многие противоправные поступки совершались в состоянии сильного алкогольного опьянениния. Ярмарочная шумная обстановка, круглосуточная работа харчевен и питейных заведений располагали к праздному времяпрепровождению, в том числе к пьянству. По данным В.В. Ермакова, среди всех городов Уфимской губернии Мензелинск был самым «пьющим». За год на каждого жителя выпивалось в среднем 2,18 ведра вина (для сравнения: в Бирске – 1,68, в Златоусте – 1,32, в Уфе – 1,04). Эти показатели были напрямую связаны с Мензелинской ярмаркой. Пьяные люди являлись потенциальными преступниками, они же теряли бдительность и

[142] Волжский вестник. 1886. 6 августа. №169.
[143] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л.49 об.

становились жертвами мошенников и воров[144]. Неслучайно гласные Мензелинской городской думы в 1880-е годы даже обсуждали вопрос о запрещении торговли спиртными напитками в домах терпимости[145]. Однако предложение не имело дальнейшего хода.

В Мензелинске как в ярмарочном центре, где встречались разные товарно-денежные потоки, собиралась специфическая публика. Например, в уездный центр в ярмарочное время съезжались различные губернские и уездные дома терпимости. На этом неплохо зарабатывали местные стражи порядка, с развлекательных компаний они взимали огромные денежные поборы[146].

Тем временем и их деятельностью были недовольны все больше и больше горожан. О неудовлетворительной полицейской службе в Уфимской губернии в 1880-е гг. писал и сенатор М.Е. Ковалевский, в частности его больше всего беспокоила малочисленность этого ведомства.

«Число полицейских служителей во всех почти уездных городах Казанской и Уфимской губерний так недостаточно, и состав их настолько неудовлетворителен, что если бы они употреблялись только для наружной полицейской службы, то и в таком случае едва ли какой либо из городов, подведомственных уездной полиции мог бы считаться достаточно обеспеченным в отношении внешней свой охраны», – отмечал он в своем отчете о ревизии этих губерний.

При этом в некоторых городах дело усугублялось тем, что полицейские начальники использовали своих подчиненных в качестве своей домашней прислуги[147].

В 1880-е гг. в Мензелинское уездное полицейское управление входили уездный исправник, сельский заседатель и полицейский

[144] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Ч.1. Казань, 2008. С.274.

[145] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.63. Л. 85.

[146] Хафизова Р.И. Управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начало XX вв. Уфа, 1999. С.91.

[147] ГПИБ. Рукописный фонд. Записка члена государственного совета сенатора Ковалевского заключающие материалы, касающиеся учреждений по данным, обнаруженным при ревизии губерний Казанской и Уфимской. С.97–98.

надзиратель в г. Мензелинске. Например, в 1888–1889 гг. эти обязанности выполняли Дударь Павел Петрович (полицейский надзиратель в городе), подполковник, барон Николай Петрович Фонмедем (уездный исправник) и крестьянин г. Мензелинска Кукаркин Федор Павлович (сельский заседатель)[148]. Помимо них были другие служащие (например, становые приставы, урядники, городовые и др.), помогавшие следить за правопорядком в городе и уезде.

Органы городских самоуправлений обязаны были сотрудничать и помогать полицейскому управлению. Но закон не давал четкого разграничения компетенции двух органов местного управления, что существенно затрудняло деятельность городских органов власти. В Городовом положении по поводу надзора за исполнением обязательных постановлений указывалось, что полиция обязана «принимать возложенное на неё в этом отношении меры» (ст. 107), но не была расшифрована суть этой деятельности. По этому поводу потребовалось также отдельное пояснение Министерства внутренних дел, которое было издано в 1875 г. При нарушении городскими жителями обязательных постановлений местных дум, полиция могла сообщить об этом судебному ведомству только с ведома городской управы. При этом городским думам необходимо было получить заключение начальника полиции по проектам обязательных для местного населения постановлений[149].

Во взаимоотношениях муниципальных органов и правоохранительных, полиции была отведена роль судебного пристава. Городская управа передавала ей специальные списки с самыми злостными неплательщиками и взысканием этих недоимок занимались полицейские служащие. Именно полицейские чины должны были следить за выполнением городских обязательных постановлений. По сути, полиция и городские самоуправления должны были работать в тандеме, но на деле они часто конкурировали между собой. По замечанию правоведа Г.Джаншиева, в конце XIX столетия в некоторых местах обязанности городских самоуправлений продолжала нести городская полиция. Объяснял он это тем, что «на города смотрели как на малю-

[148] Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год. Уфа, 1889. С.20.
[149] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.61. Л.71.

ток, неспособных к самоуправлению и к самосохранению и требующих за собой ухода няньки. Эту последнюю должность и занимают у нас до сего времени городская полиция»[150].

Конечно, простому городскому населению не было дела до разбирательств между городскими управами и полициями. Для них важнее был порядок в городе, его благоустройство и безопасность. Полицейские чины являлись непосредственными представителями власти, сопротивление которым влекло тяжелые последствия. К сожалению, полицейские очень часто пользовались своим непререкаемым авторитетом и могли злоупотреблять служебным положением. Например, иногда представители полиции могли принудительным образом взимать с местных жителей сборы на свои нужды.

При этом, по словам ревизора М.Е. Ковалевского, в начале 1880-х годов три уездных города Уфимской губернии – Мензелинск, Белебей и Златоуст отпускали финансирование полицейским чинам по минимуму[151]. Безусловно, такие факты и материальная неустроенность тоже влияли на девиации в профессиональном поведении представителей правопорядка. Хотя, в целом, расходы городов на содержание полиции с каждым годом прогрессировали, так как увеличение численности населения влекло за собой увеличение штата полиции. Городские самоуправления отвечали за аренду помещения, отопление и освещение, а также платили жалованье полицейским чинам. Как считали некоторые современники, полиция вполне могла быть отдана в ведение того, кто её содержит[152].

При возникновении конфликтов между думой и полицией, губернские органы власти (например, Губернское по городским делам присутствие), в основном, поддерживало сторону полицейского управления. Часто начальник губернии сам выступал с предложением об увеличении жалованья полицейским чинам, или о расширении штата служащих полицейского управления[153]. Однако случалось и наоборот. К примеру, в 1881 г. Губернское по городским делам присутствие отменило решение Мензелинской городской думы о выдаче

[150] Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. М., 1896. С.537.
[151] ГПИБ. Рукописный фонд. Записка члена государственного совета…
[152] Дитятин И. Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С.266.
[153] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.44. Л.20 об.

вознаграждения полицейскому надзирателю в размере 50 рублей. Несмотря на отмену, дума все же постановила выдать эти деньги[154].

Революционное начало XX в. и мензелинская полиция. В начале XX в., несмотря на падение торговых оборотов Мензелинской ярмарки, вопрос об обеспечении безопасности стоял так же остро, как и в XIX в. Например, 12 декабря 1905 г. мензелинский уездный исправник Кобельков рапортовал уфимскому губернатору Цехановецкому следующее:

«... считаю долгом доложить, что в г. Мензелинске с 26 декабря открывается 2-х недельная всероссийская ярмарка, и в то же время прибывают из уезда в г. Мензелинск до 2 тысяч новобранцев и еще более провожающих их родных, что потребует значительного числа стражи в городе для охраны имущества и наблюдения за тишиной и спокойствием»[155].

Если учесть, что это еще и время первой русской революции, сопровождавшееся постоянными беспорядками, опасения исправника становятся особенно понятными.

В 1905–1907 гг. во всем уезде были различные волнения. Например, для защиты помещичьих имений губернские власти в 1905 г. были вынуждены мобилизовать в помощь местным полицейским 52 нижних чинов из запасных Мензелинской местной команды, а также отправили в Мензелинский уезд полицейские силы (25 стражников во главе с приставом) из соседнего Бирского уезда, а также казаков (50 чел.)[156].

В Мензелинской тюрьме в это время сидели люди разных сословий и званий. Например, оказались в Мензелинской тюрьме за «политическую неблагонадежность» братья Алексей и Сергей Будрины, сыновья местного сапожника Егора Будрина. Это были потомки мензелинских шляхтичей. Братьев отправили в ссылку[157].

[154] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.56. Л.21.

[155] Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. Документы и материалы. Казань, 1957. С.284.

[156] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Ч.1. Казань, 2008. С.374–375.

[157] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.542. Л.2, 8.

Особенно бдительным был контроль над представителями местной интеллигенции, они тоже нередко оказывались за решеткой. В 1906 г. по доносу местного попа была арестована за «политическую неблагонадежность» мензелинская учительница Н.К.Грибкова, тоже мещанского сословия. В итоге, ее лишили права преподавания[158]. Дошло до Казанской судебной палаты дело ученика Мензелинского сельскохозяйственного училища Ивана Лебедева, обвиненного в распространении прокламаций[159]. И таких случаев было много.

«После бурных дней 1905 года и начала 1906 годов было тихо. Царила черная реакция. Город был на военном положении. Была организована специальная охрана – стражники. Стояла сотня уральских казаков, – вспоминал об этом времени мензелинец С.Е. Будрин в советские годы. – Организовали черную сотню. Царской опричнины в городе находилось около 200 человек. В селах, кроме того, при помещичьих имениях стояли еще стражники для охраны. Жандармерия работала во всю. Ее верные ищейки беспрерывно рыскали по городу. Тюрьма ежечасно пополнялась все новыми и новыми «преступниками». В августе мы с братом вторично арестованы и на этот раз посажены надолго (по постановлению уфимского губернатора). Сидели в одиночках. Особую активность при преследованиях проявили местные городовые: Обыденков Вас. Ег. и Панков Ив. Петр.»[160].

С развитием других населенных пунктов Мензелинского уезда в начале XX в. актуальным становился вопрос о расширении полицейской службы и в них. Например, показателен пример с селом Набережные Челны. Накануне Первой мировой войны, в начале 1914 г. в Министерство внутренних дел было направлено ходатайство от уфимского губернатора о необходимости учреждения двух должностей полицейских надзирателей в этом крупном, торговом селе.

«С развитием денежных оборотов по хлебной торговле и, наряду с этим, других торговых и торгово-промышленных предприятий встретилась необходимость в открытии в минувшем году в этом селе Ка-

[158] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.542. Л.10.
[159] ГА РТ. Ф. 51. Оп.6. Д.184.
[160] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.542. Л.12.

значейства, а ныне идут подготовительные работы к постройке миллионного элеватора. Все это привлекает массу разного люда, увеличивая местное население настолько, что село Набережные Челны слилось с соседними ближайшими поселениями: Мысовыми-Челнами, Мироновкой и Орловкой в один населенный пункт с населением в 7804 души обоего пола, – писал уфимский губернатор. – Полицейский надзор в этом бойком торгово-промышленном поселении лежит на одном местном становом приставе, в ведении которого помимо населения Мысово-Челнинской волости, состоят еще четыре населенных волости, расположенных по реке Каме, где с открытием навигации постоянно необходимо личное присутствие Станового пристава. Между тем за выездом пристава по стану село Набережные Челны остается на попечении урядника, который в том или ином случае не может заменить собою классного полицейского чиновника»[161].

Эта прошение было связано и с тем, что за последние пять лет (с 1909 по 1913 г.) росло количество различных преступлений в селе, которые фиксировались сначала местным становым приставом, а затем перенаправлялись по разным инстанциям: уездному члену окружного суда, судебному следователю, земскому начальнику, участковому товарищу прокурора, в волостной суд или акцизное управление. Особняком стояли жалобы на нижних чинов полиции, которые рассматривались непосредственно в полицейском управлении. Например, если в 1909 г. в Набережных Челнах было зафиксированы 3 такие жалобы, то уже в 1911 г. аналогичных обращений было 30[162]. Всего на начало 1914 г. в производстве было 547 дел, по ним велось 857 переписок. Кроме того, становой пристав и его помощники занимались земскими сборами и следили за другими денежными взысканиями[163].

Мензелинское уездное полицейское управление в это время, в 1913 г., состояло из уездного исправника (Владимир Николаевич Сторожев), помощника его (Александр Николаевич Берг) и секретаря канцелярии (Валерий Александрович Думнов), столоначальников (Степан Тимофеевич Марков, Георгий Мартынович Демидов),

[161] ГА РФ. Ф.102. Оп.72. Д.145. Л.1–1об.
[162] Там же. Л.8.
[163] Там же. Л.2.

регистратора (Михаил Иванович Беляков). Кроме того, в Мензелинском уезде было 6 становых пристава (1 стан – Николай Федорович Ташкинов, 2 –Александр Осипович Русаков, 3 –Михаил Яковович Кулаков, 4 – Александр Ильич Воробьев, 5 – Евгений Иванович Ванюков, 6 – Федор Николаевич Писемский). Кроме того, в самом Мензелинске были два полицейских надзирателя: в 1 части города – Андрей Митрофанович Твердохлеб, во 2-й – Федор Григорьевич Видецкий[164].

Очевидно, из-за начавшейся вскоре Первой мировой войны прошение об учреждение должности двух полицейских надзирателей в Набережных Челнах оставили без дальнейшего рассмотрения.

[164] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С.142.

ГЛАВА 4.
ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ УЕЗДНОГО ГОРОДА

4.1. Болезни, народные способы лечения и система здравоохранения в Мензелинском уезде

Болезни и народные способы лечения. Рост научных знаний о санитарных нормах. Развитие земской медицины.

Болезни и народные способы лечения. Человечество испокон веков сталкивалось с различными болезнями, необходимостью сохранения здоровья и жизни. Научная медицина начала свои шаги в Российской империи лишь с конца XVIII-го, а широкое распространение получила только в следующем XIX столетии. До этого люди обращались за помощью к различным знахарям, костоправам, повитухам и многим другим народным целителям. Например, в конце XVIII – в начале XIX вв. в Мензелинском уезде одним из таких врачевателей был известный татарский поэт, писатель Таджетдин Ялчыгул. В разные периоды он жил в деревнях Джерекле (совр. д. Каенлы Нижнекамского района РТ), Кызыл Чапчак (с. Красная Кадка Нижнекамского района РТ), Мелим (с.Верхний Мелим Заинского района РТ), где прославился не только своей религиозностью и ученостью, но и способностями целителя.

Коллективная память сохранила самые поразительные способы лечения, и эти методы продолжали практиковаться и в XIX в., иногда составляя серьезную конкуренцию официальной врачебной помощи.

Так, многие жители Оренбургского края, куда входил и Мензелинский уезд, предпочитали лечиться традиционными средствами и за помощью, в крайних случаях, обращались не к медикам, а к знахарям.

«При случающихся болезнях, большая часть жителей, по легковерью уклоняются от советов врачей и предпочитает им своих знахарей, которые, для пользования больных, употребляют или простое нашептывание, или некоторые известные им целительные вещества, – отмечал В.М.Черемшанский, описывая жителей Оренбургской губернии дореформенного времени. – Нашептывание производится знахарями или над самим больным, или над водой и хлебом, первую дают больному пить или впрыскивают ею больного, а второй дают больному есть на заре. Из целительных средств употребляют разного рода растительные вещества: отвары ромашки, зверобоя, богородской травы, шалфея, репейного корня, древесила и др., также нашатырь, комфару, синий купорос, мышьяк и т.п.»[1].

При эпидемиях (например, во время холеры) мензелинцы надеялись на милость Божью, молились в церквях, во главе с местным православным духовенством с иконами обходили кругом город, священники окропляли проходимые места святой водой. В некоторых тяжелых случаях, церковные иконы приносили домой, заказывали молебны, держали пост, причащались и исповедовались[2]. В общем, старались своим благочестивым поведением отогнать от себя болезнь. Помимо религиозного фатализма в мировоззрении людей присутствовал и природный прагматизм, народные представления о лечении заболеваний, полученные нередко опытным путем. Так, стараясь избавиться от холеры, люди шли париться в баню, пили винные настойки со стручковым перцем, а также раствор золы и соли[3]. Надо отметить, что в это время определенных медицинских рекомендаций по лечению данного заболевания еще не было. Но, распространенное в народе, мытье в бане как санитарно-гигиеническая мера служило профилактикой болезни, а раствор золы и соли, действительно, мог способствовать излечению холерного больного, так как организм страдал как раз от потери солей и щелочи. Однако не всегда это помогало. Например, зимой 1849 г. скончался от холеры учитель Мен-

[1] Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С.108.
[2] Иванов Н.С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // Журнал МВД. 1850. Январь. Ч. 29. С. 37–38.
[3] Там же.

зелинского приходского училища А.В. Слободин[4]. Как раз в этот период, в 1848 г., Оренбургская губерния была охвачена очередной эпидемией холеры. Первый серьезный случай холеры, принявший характер эпидемии был зафиксирован в 1829 г.[5]

Рост научных знаний о санитарных нормах. Вероятно, поэтому, особенно среди просвещенных слоев населения, получает большее распространение официальная медицина. Так, в фонде Национального музея Республики Татарстан сохранилось несколько свидетельств о привитии оспы некоторым жителям Мензелинского уезда. Одно из них принадлежит Виктору Ружевскому, которому в 11 июня 1854 г. привили оспу, документ о проведенной медицинской процедуре выдал уездный врач[6]. Другое свидетельство было выдано Вере Евграфовне Пальчиковой. Прививку от оспы ей сделали 21 августа 1867 г., свидетельство выдал мензелинский городовой врач[7]. Вере тогда было 13 лет[8]. И Ружевские, и Пальчиковы были представителями дворянских фамилий Мензелинского уезда. Надо отметить, что в этот период не все осознавали необходимость оспопрививания и очень многие отказывались от него. Однако для дворянских семей, очевидно, уже не нужно было доказывать жизненную необходимость данной прививки[9].

В целом, если посмотреть на статистику 1869–1871 гг. по количеству смертей в Уфимской губернии вполне предсказуемо среди дворян, купцов и иностранцев цифры были относительно благополучными. Среди наименее обеспеченных социальных категорий (мещан, отставных солдат, низшего духовенства и т.д.) смертность оставалась наиболее высокой. Например, если у дворян

[4] РГИА. Ф.733 Оп. 45 Д. 149. Л.1.

[5] Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. [Уфимская губерния, 1877]. Уфа, 2002. С.63.

[6] НМ РТ. КППи-100298

[7] НМ РТ. КППи-100305.

[8] НМ РТ. КППи-100304.

[9] Привитая от оспы в детском возрасте, Вера Пальчикова прошла обучение в женском пансионате и в 1874 г. сдала экзамены на право работы домашней учительницей [НМ РТ. КППи-100306, КППи-100307].

1 умерший приходился на 37 чел., то среди мещан на каждые 19 чел. был 1 умерший[10].

Постоянная борьба с эпидемиями, появление аптек, частнопрактикующих врачей, просветительской литературы способствовали изменению отношения людей к вопросам здравоохранения. Хотя, надо признать, что многие жители городов продолжали больше надеяться на народную медицину, занимались самолечением и редко обращались в лечебные учреждения. Описанные публицистом Н.С.Ивановым в 1850-м г. народные методы врачевания, очевидно, продолжали практиковаться и во второй половине столетия. Так он писал о том, что при простудах, лихорадка и горячках мензелинцы лечат «себя наиболее тем, что натираются в бане редькой или растворенным с канфорою вином, примачивают голову уксусом, или прикладывают к ней лопушного и свекольного листа»[11].

Игнорирование санитарных норм, рекомендаций официальной медицины и излишнее увлечение народными методами лечения благоприятствовало развитию различных инфекций и способствовало росту смертности. «Род смерти большею частью горячка, чахотка или старость, как видно из метрик», – отмечалось в статье о Мензелинске, опубликованной в 1865 г. Очень большой была детская смертность, при этом в их метриках, в основном, причиной смерти ставилась «младенческая болезнь». Одной из причин высокой детской смертности в г. Мензелинске автор данной публикации считал плохие санитарно-гигиенические условия, в особенности, среди «низших слоев общества», а также игнорирование родителями официальной медицины.

«... Родители детей – этих никогда почти не имеют никаких отношений с медиками не то, что в случае болезни детей, а даже и собственной своей личности, все же предоставляют судьбе, случаю или даже знахаркам, – почему болезнь пустая может быть в начале – развивается и делается смертельной», – заключал он[12].

[10] Населенные пункты Башкортостана… С.61.

[11] Иванов Н.С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // Журнал МВД. 1850. Январь. Ч. 29. С. 37–38.

[12] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.58–59.

Губернская статистика этого периода подтверждала, что особенно высокая детская смертность наблюдается до 6-летнего возраста, на эту возрастную категорию приходилось 3/5 от общего числа умерших. При этом в городах дети чаще умирали в возрасте до 1 года, а в уездах, т.е. в сельской местности, выше была смертность детей от 1 до 5 лет. Объяснялось это тем, что отсутствовал необходимый уход за детьми «как по неумению, так и по отвлечению их матерей от дома во время полевых работ», дети в это время оставались без присмотра. Причиной детской смертности являлись инфекционные болезни: оспа, скарлатина, корь и т.п. В некоторых селениях эти заболевания, без врачебной помощи, приобретали эпидемический характер[13].

В XIX в. некоторые местные жители задавались вопросом об экологии города и влиянии окружающей среды на собственное здоровье. Так, представители Мензелинской городской думы утверждали, что Мензелинск отличается наибольшей смертностью, на каждые 25 чел. в год приходился один покойник. Причины высокой смертности народные избранники видели в открытом положении города, в отсутствии растительности и окружающей Мензелинск болотистой местности.

«А между тем положительно доказано, что болезни: чахотка, тиф, холера, дизентерия, корь, оспа, скарлатина, коклюш и многие другие развиваются от дурного воздуха», – заключали гласные и предлагали устроить в городе общественный сад[14].

Городская смертность в Уфимской губернии во второй половине XIX столетия, действительно, оставалась очень высокой. В городах смертность была выше, чем в уездах. При этом, по наблюдениям статистиков того времени, «женский пол меньше подвержен смертным случаям, чем мужской». И в городах, и в сельской местности люди чаще умирали летом, особенно трагическим месяцем по

[13] Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. Уфимская губерния, 1877. Уфа, 2002. С.59.
[14] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.53. Л.8.

числу смертей был август. Наиболее благоприятными для жизни населения месяцами считались октябрь, ноябрь и декабрь[15].

Причины высокой городской смертности были обусловлены, конечно же, не только отсутствием зеленых насаждений. Были такие факторы, как «большое число вредных для здоровья профессий, развитие алкоголизма и проституции, неудовлетворительные санитарные и гигиенические условия жизни, скученность жителей»[16].

В Мензелинске санитарно-эпидемиологическая обстановка ухудшалась во время зимней ярмарки, когда все городские помещения: и общественные, и частные были переполнены. Например, в начале 1886 г. в городе бушевала эпидемия скарлатины и дифтерита. Эти инфекции появились среди мензелинцев еще в конце осени. Скарлатина «уносит жертвы даже из таких семей, где за больными детьми был идеально-рачительный уход», от дифтерита «заболевают даже в зрелом возрасте», – отмечали местные корреспонденты.

«Масса приезжего люда, скученность населения и потому отсутствие надлежащей чистоты, – все это заставляет сильно опасаться за будущее»[17].

Наиболее часто жители Уфимской губернии, как и Мензелинска, болели простудными заболеваниями. В XIX в. они обозначались как различные горячки, лихорадки, поносы, разные воспаления, ревматизм и т.п. Кроме того, распространены были кожные болезни, в том числе чесотка[18].

Кроме этих заболеваний, безусловно, жители Мензелинского уезда сталкивались со многими другими недугами. Например, после продолжительной болезни, от рака желудка, в 1894 г. умер легендарный городской голова Мензелинска Александр Григорьевич Попков. Он служил главой города двадцать лет, 1870–1880 гг. для Мензелинска были эпохой Попкова.

---

[15] Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. Уфа, 2002. С.56.
[16] Уразова А.И. Города Южного Урала во второй половине XIX в. Автореф. дисс. … к.и.н. Уфа, 2002. С.22–23.
[17] Волжский вестник. 1886. 2 января. №1.
[18] Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. Уфа, 2002. С.63.

Как и тяжелое заболевание городского главы многие болезни оставались неизлечимыми. Смерть постоянно присутствовала в жизни людей, особенно высокой была детская смертность в городе. Эта обреченность вкупе с религиозным сознанием связывали данные реалии с Божьей волей, поэтому очень немногие пытались сломить эту картину мира при помощи научной медицины. Но такие люди в Мензелинском уезде были, и с каждым годом их становилось больше.

Развитие земской медицины. На вторую половину XIX столетия приходится наиболее интенсивное развитие сферы здравоохранения, это было связано, главным образом, с земской и городской медициной. Хотя действия этих двух муниципальных органов власти не всегда были согласованными. Так, городские органы управления старались полностью передать земствам вопросы здравоохранения и общественного призрения. Например, по всей стране расходы на здравоохранение составляли лишь 1% городских бюджетов[19]. Эта политика в какой-то степени поддерживалась и действиями верховной власти, которая тоже считала здравоохранение «привилегией» земских органов самоуправления. Дело в том, что в эпоху Великих реформ именно земство наследовало капиталы Приказа общественного призрения[20]. Поэтому именно земства вели основную работу по распространению официальных медицинских услуг среди широких слоев населения.

«Приняв в свое ведение эти мертвые, плохо оборудованные корпуса, земство вдохнуло в них творческий дух жизни. Оно рассеяло легенды о страшных "желтых домах" и больницах и приучило население к врачебно-санитарному персоналу, уничтожив тип врача, которого боялось население и не доверяло ему. Это была моральная реформа земства в наследии приказа общественного призрения», – отмечалось в юбилейном сборнике о деятельности Уфимского земства, выпущенном в 1914 г.[21]

[19] Скальковский К.А. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб., 1889. С.199.

[20] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С.150.

[21] Очерк деятельности Уфимского губернского земства …

Данное замечание можно смело отнести и к работе Мензелинской городской больницы, число пациентов которой росло с каждым годом. Это медицинское учреждение, возникшее под началом Приказа общественного призрения, в конце XIX в. тоже функционировало уже под руководством земства. В 1875 г., после учреждения в Уфимской губернии земских органов самоуправления, Мензелинская городская больница перешла в ведение местного земства.

Кроме того, усилиями земских деятелей начала выстраиваться новая система медицинского обслуживания в сельской местности. Мензелинский уезд был разделен на медицинские участки, сначала их было всего пять (Мензелинский, Челнинский, Заинский, Поисевский, Ивановский), а участковые врачи появились в пригороде Заинск, селах Бережные Челны, Карамалы и Поисево. Помимо Мензелинской, аналогичные больницы с меньшим числом коек (до 15) были организованы в Заинске, Бережных Челнах и Карамалах. К 1890 г. число медицинских участков выросло уже до семи (Мензелинский, Челнинский, Заинский, Токталачукский, Карамалинский, Останковский, Кузайкинский)[22].

При Мензелинской больнице на средства земства в 1880-е гг. начала функционировать городская аптека, где под руководством провизора Николая Васильевича Ватеркампфа, работали еще его помощник и два ученика. Кроме Мензелинска, земская аптека открылась и в с. Бережные Челны.

Для своего времени земская больница и вспомогательные медицинские учреждения при ней были неплохо обустроены. Например, в 1884 г. земские проверяющие констатировали, что «городская земская больница и аптека найдены комиссией в полном порядке – чистота и благообразие не оставляют желать ничего лучшего», хвалили они и больничное питание[23]. Заведовал больницей в этот период городской врач Владимир Павлович Ружевский.

---

[22] Ермаков В.В. Роль земских учреждений в развитии медицинского обслуживания населения Мензелинского уезда (1875–1917) // Казанский медицинский журнал. 2007. Т.88. №1. С.89–91.

[23] Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань, 1885. С.112–113.

Однако проверяющие считали, что порядок работы одного из больничных корпусов имеет ряд недостатков. В частности, их смутило, что мужское и женское отделение имеют один общий коридор, нет теплых сеней или прихожих. Кроме того, в новом больничном корпусе не было ни одной изолированной палаты для заразных больных. Самое главное замечание касалось, организации санитарно-гигиенических нужд больничного учреждения.

«К числу важнейших же недостатков больницы должно отнести крайне дурные ретирады, – они требуют переделки по системе луфт-клозетов», – отметили ревизоры[24].

За 1884 г. в Мензелинской больнице лечилось 771 больных. Большинство из них выписалось, однако было отмечено также 43 летальных случая[25]. Среди больных достаточно было иногородних пациентов, мещан и купцов из других губерний. Безусловно, многие из них оказывались на больничной койке в период ярмарки. Интересно, что мужское терапевтическое отделение больницы иногда по традиции называли сифилитическим[26].

В городе действовала также амбулатория, устроенная земством. Например, только в 1884 г. в ней было принято 1734 пациента, непосредственно жителей г. Мензелинска[27]. В Мензелинском уезде в это время, кроме городской больницы, для стационарных больных работали также Челнинские, Заинские, Карамалинские приемные покои.

[24] Там же.

[25] Журналы XI очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 22 по 28 октября 1885 г. Казань, 1886. С.48,199.

[26] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной сессии с 30 сентября по 13 октября 1904 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1905. С.341.

[27] Журналы XI очередного Мензелинского Уездного Земского собрания… Казань, 1886. С.210.

В 1888 г. должность уездного врача исполнял лекарь Котлецов Василий Иванович, а городовым врачом служил Васильев Николай Васильевич[28].

К началу XX в. Мензелинская земская больница была рассчитана уже на 60 кроватей. Но и этого было недостаточно для семитысячного города[29]. Земская амбулатория тоже не справлялась с потоком больных. Поэтому еще в 1898 г. Мензелинской городской управой была устроена городская амбулатория для приходящих больных (в доме Горбушина – прим.), при ней же располагалась квартира для городского врача[30].

В 1899 г. в городе практиковали городской врач Ф.Т.Розенгауз, а также земские врачи В.И. Кремков и Нефедович[31]. Всего же в Мензелинской земской больнице в 1899 г. трудились 10 вспомогательных медицинских работников и нянь (4 служителя и 6 сиделок), в обязанности которых входил уход за больными, содержание корпуса в чистоте и порядке. Каждый из них получал жалованье 4 рубля в месяц. Оплата труда низшего медицинского персонала оставляла желать лучшего, поэтому подбор достойных кадров был еще одной сложной задачей для руководства Мензелинской больницы.

При этом посещаемость лечебного учреждения, количество пациентов с каждым годом увеличивались. В среднем в уездной больнице ежедневно находилось до 85 больных, в зависимости от периода иногда это число могло вырасти до 160 чел. в день. Например, так было в 1898 г.:

«Содержание это в виду большого труда настолько мало, что трудно найти хорошую прислугу и невозможно требовать от нее опрятности в своей одежде, а опрятность эта для больничного дела в высшей степени важна», – жаловались земству медицинские работники.

Поэтому в 1899 г. в Мензелинском уездном земстве обсуждался вопрос о возможности обеспечения медиков униформой за счет

[28] Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год / сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1889. С.22.
[29] Уфимский край. 1908. 8 февраля. №32.
[30] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.3. Л.15.
[31] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.3. Л.38.

земства и о необходимости внести небольшую сумму в распоряжение главного врача (несколько десятков рублей) для увеличения им оплаты труда избранным медицинским работникам. В особенности тем, кто имел определенный трудовой стаж работы в больнице и заслуживали прибавки к жалованью[32].

Только в 1906 г. в Мензелинской земской больнице проходили лечение более 1400 больных. Каждый пациент проводил в стенах больничного учреждения в среднем 22,5 дня. Больше всего было больных мужского пола, вдвое меньше женщин, еще меньше детей (чуть более 100 чел.)[33].

Конечно же, городские власти особое внимание к здравоохранению обращали во время эпидемий. В первую очередь, в это время старались изолировать больных от здоровых людей, чтобы избежать дальнейшего распространение инфекций. В начале 1880-х годов при Мензелинской больнице был выстроен летний барак. Именно он и использовался при эпидемиях. Правда, фундамента и пола у барака не было. Очевидно, это из-за того, что его постоянно передвигали на новое место. В 1899 г. врач Мензелинской земской больницы В.Кремков сообщал земству о том, что барак пришел в полную ветхость, крыша течет, основание сгнило и нужно построить новый. «Есть настоятельная надобность переместить этот барак на другое место, – писал он, так как почва под ним загрязнилась в течение нескольких лет вследствие полного отсутствия пола в нем до того, что небезопасно помещать в барак больных. Например, есть возможность заражения больных туберкулезом» Врач просил устроить новый летний барак, но уже с полом, рассчитанный на 30 кроватей[34].

При этом уже в конце октября того же 1899 г. в Мензелинске возникла эпидемия сыпного тифа. Первый заболевший мензелинский мещанин Будрин, который слег после приезда с уезда, вскоре умер в земской больнице. Уже после этого в начале ноября число больных

[32] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXV очередной сессии с 18 октября по 2 ноября 1899 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1900. С.424.

[33] Медицинский отчет по Мензелинскому уезду за 1906 год. Уфа, 1908. С.64–65.

[34] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXV очередной сессии… Мензелинск, 1900. С.425.

увеличилось до 6 чел. Через неделю оказались в больнице уже 13 чел., причем все заболевшие, в основном, были учениками городского приходского училища. Поэтому это учебное заведение городские власти намеревались закрыть. Но российская система управления была настолько сильно окутана различными бюрократическими ловушками, что принятие скорейших мер по установлению карантина, неизменно посчитали бы нарушением закона. При этом мест в земской больнице на всех не хватало, поэтому гласные решили, что необходимо срочно открыть временный барак для тифозных больных на десять кроватей. Были выделены деньги, определено помещение. Но разрешение на открытие барака так и не было получено, решение городской думы было приостановлено в Губернском по городским делам присутствии, где решили, что гласные недостаточно подробно обосновали необходимость данных расходов и не конкретизировали их. В результате, пока данное ходатайство рассматривалось в присутствии, эпидемия тифа пошла в городе уже на спад. Разрешение так и не было получено, но барак нелегальным образом все же устроили. Вероятно, открылся он еще раньше, чем было получено известие о запрете его устройства[35]. Этот эпизод очень характерен тем, что любое начинание муниципальных властей сталкивалось с такого рода проверками часто бюрократического свойства. Конечно, с одной стороны это было направлено на то, что бы члены управы и городские главы не распоряжались муниципальными финансами и имуществом в своих личных интересах, с другой стороны, такой контроль очень сильно тормозил любые благие начинания, и часто мешал принятию экстренных мер.

Рост населения в городах в начале XX в. и требований комфорта, стремительное развитие науки ставили все новые и новые задачи перед городскими медицинскими учреждениями. Они уже не могли работать как пятьдесят или даже двадцать лет назад. Земские и городские врачи прекрасно понимали, что для увеличения количества выздоровевших пациентов, а также для профилактики различных болезней необходимо строить работу на иных принципах. Например, в 1904 г. заведующий Мензелинской больницей П.И.Ходкевич

[35] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.3. Л.53 об.–54.

ходатайствовал перед земством о необходимости приобретения «дезинфекционной камеры, работающей текущим паром и камеры, работающей при высоком давлении»[36].

Также он просил о том, что нужно построить при больнице «отдельный заразный корпус, по крайней мере, на две отдельные инфекции»[37].

П.И. Ходкевич отмечал, что «хуже в Мензелинской больнице обстоит дело с острыми заразными болезнями. Недостаток изоляции их сильно дают себя чувствовать повторяющимися время от времени случаями заболевания лиц, перенесших одну и заразную болезнь – другой. К сожалению и в текущем году весной, когда скопилось одновременно 4 разных инфекций – имело место 2–3 таких случая».

Безусловно, такие трагические события, когда человек, легший в больницу с одним заболеванием, умирал в ней, заразившись совершенно другой инфекцией, подрывали доверие населения к медицинским учреждениям.

Мензелинский врач Ходкевич настаивал, что нужно сделать для острых инфекций новые палаты, желательной с изолированных от других больных коридором. В Мензелинской же городской больнице для заразных больных в 1904 г. были отведены всего 3 палаты и все они выходили в один общий коридор. За инфицированными всех видов ухаживали одни и те же люди. Кроме того, все больные пользовались одной той же ванной и туалетом. Заведующего больницей возмущало то, что в одной палате лежат больные – носители разных инфекций[38].

В том же 1904 г. Мензелинское уездное земство утвердило постановление об учреждении самостоятельного гинекологического отделения при городской больнице, рассчитанной на 16 мест[39]. Под

[36] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной сессии с 30 сентября по 13 октября 1904 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1905. С.336–337.
[37] Там же.
[38] Там же. С.342–343.
[39] Там же. С.52.

родильный приют и гинекологическое отделение в конце 1903 г. были куплены так называемые «Сайдашевские дома», состоявшие к тому времени в собственности Нижегородско-Самарского земельного банка[40]. Вероятно, казанский купец Ахметзян Сайдашев потерял эти дома в результате настигшего его банкротства и поэтому они отошли банку, как основному его кредитору.

Но жительницы города и уезда не спешили воспользоваться новым видом медицинских услуг, и обращались чаще всего при родах к помощи традиционных повитух. Да и выбранное помещение оказалось не самым удачным, поэтому земство решило построить собственное здание для родильного дома. Однако постановление муниципального органа претворялось в жизнь достаточно долго. Так, осенью 1908 г. строительство родильного приюта находилось лишь на начальном этапе: возводился фундамент здания[41].

Интересно, что в 1908 г. по инициативе Мензелинской уездной земской управы оспопрививательницы начали совмещать свою работу с обязанностями акушерок. Земство считало, что, таким образом, можно будет «приучить население к акушерской помощи»[42]. Позднее в городе начал работать родильный дом с 4 кроватями.

В годы Первой мировой войны были мобилизованы все медицинские силы уезда. Земская больница в с. Бережные Челны была выбрана в качестве основного пункта приема раненых и больных солдат, поскольку она была близка к пристани. В октябре 1914 г. приняли первую партию раненых солдат. В остальных лечебницах уезда планировали разместить выздоравливающих военнослужащих. Например, в январе 1915 г. часть солдат из Челнинского лазарета направили в Мензелинскую больницу[43].

---

[40] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной… Мензелинск, 1905. С.610–611.

[41] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV-й очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С.467.

[42] Уфимский край. 1908. 8 февраля. №32.

[43] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и регионов Восточного Закамья. Ч. 1. Казань, 2008. С.432, 436.

В целом, в Уфимской губернии, в том числе в Мензелинском уезде и его городском центре, уровень здравоохранения в пореформенное время оставался еще слаборазвитым. Но нельзя в этом видеть лишь бездействие властей, и сам менталитет людей еще был старого склада, где больничные учреждения и врачи не рассматривались как панацея от всех болезней.

4.2. Врачи и другие медицинские работники во второй половине XIX – начале XX в.

Земские, городские и вольнопрактикующие врачи в Мензелинске и уезде. Кадровая текучесть и некоторые биографические штрихи. Мензелинские аптекари.

Земские, городские и вольнопрактикующие врачи в Мензелинске и уезде. В этот период, как и в ранее время, медицинскими услугами пользовался очень узкий круг людей. Так, по данным 1871 г., в Уфимской губернии с более 1,3 млн. населением, было всего 24 врача и 88 фельдшера. Таким образом, 1 врач должен был обслуживать почти 60 тыс. человек. Однако, по замечанию современников, «большая часть врачей занята преимущественно больными, находящимися в городских больницах, и практикою состоятельных людей и беспрерывными разъездами по уезду для судебно-медицинских исследований»[44]. В Мензелинском уезде до введения земств в Уфимской губернии (до 1875 г.), кроме персонала уездной больницы, работали еще особый сельский врач, 10 фельдшеров и акушерка[45].

В начале 1870-х гг. в Мензелинске обязанности уездного врача выполнял коллежский советник Антон Осипович Янушкевич, а го-

[44] Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. Уфа, 2002. С.62.

[45] Ермаков В.В. Роль земских учреждений в развитии медицинского обслуживания населения Мензелинского уезда (1875–1917) // Казанский медицинский журнал. 2007. Т.88. №1. С.89.

родовым врачом был лекарь Леонид Матвеевич Мануйлов[46]. Городового врача привлекали, в том числе, для судебно-медицинских экспертиз.

По замечанию председателя Мензелинского уездного земского собрания М.М. Останкова в 1884 г., все врачи стремились работать в городе, чем на отдаленных от уездного центра земских участках. Здесь не так важен был размер материального поощрения, в городе врачи соглашались работать даже за меньшее жалованье[47]. По данным 1881 г. в системе земской медицины в Мензелинске трудились врач М.Е. Селивановский, акушерка Завадская, фельдшеры Халитов и Шарафутдинов. Помимо уездного города они должны были обслуживать жителей Кузкеевской, Старомазинской, Старомелькенской и Балтаевской волостей Мензелинского уезда[48].

Вероятно, желание непременно жить и работать в городе было связано с тем, что помимо службы в муниципальных больничных учреждениях (больнице, амбулатории и т.д.) врачи в Мензелинске имели еще частную практику (особенно, в ярмарочный период), которая являлась дополнительным источником дохода.

С увеличением в городе медицинского персонала, в особенности докторов, усиливалась и конкуренция между ними. Ярким эпизодом, иллюстрирующим ревностное отношение местных врачей к своей профессии, является случай произошедший с казанским купцом Ахметзяном Сайдашевым в 1885 г. У приехавшего на Мензелинскую ярмарку предпринимателя заболел сын, он вызвал к нему уездного врача Янушкевича. Он нашел «на затылке больного какую-то сыпь и посоветовал прикладывать к больному месту пластырь». Однако рекомендации врача не помогли сыну Сайдашева, и семья обратилась за консультацией к другому доктору – городовому врачу Селивановскому. Но прибывший в квартиру Сайдашева медик, узнав, что до этого пациенту вызывали другого врача, при-

[46] Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. Уфа, 1873. С.50.
[47] Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань, 1885. С.49.
[48] Вестник Уфимского земства 1882 г. Том XXIII. Уфа, 1882. С.30.

шел в бешенство. По словам Сайдашевых, он с криком «вы только шатаетесь к тому да другому доктору» сорвал с головы больного пластырь и ушел, бросив его в таком состоянии. Недовольный поведением доктора Ахметзян Сайдашев собирался подавать на него в суд. Так это частное дело стало достоянием общественности и местной прессы[49].

Интересно, что по данным 1890 г., т.е. через пять лет после этого случая, в списках лицензированных медиков не было уже ни одного врача Селивановского. Хотя до этого в этом собрании фигурировало имя некого лекаря, титулярного советника Селивановского Михаила Ермолаева[50]. А вот уездный врач Янушкевич Антон Осипович к 1890 г. числился уже вольнопрактикующим врачом в Мензелинске. К тому времени он имел чин статского советника[51], а его трудовой стаж составлял более 45 лет. Янушкевич А.О. родился в 1822 г. в католической семье, окончил медицинский факультет Московского университета, участвовал в Крымской войне. В память об этой войне ему была выдана медаль. Кроме того, за службу он был награжден Орденами Св. Станислава 3 степени и Св. Анны 3 степени[52]. Выйдя в отставку, продолжал частную медицинскую практику. Таких вольнопрактикующих в уездном городе было не так много. Так на рубеже XIX–XX в. таким врачом в Мензелинске был Семакин Иван Константинович. К нему обращались больные по внутренним, кожным и детским болезням[53]. Он учился в Казанском университете[54]. У И.К. Семакина не было чина, но в отличие от многих других врачей он являлся доктором медицины. В 1895 г. им была защищена диссертация на соискание этой ученой степени под на-

[49] Волжский вестник. 1885. 26 января. №22.
[50] Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1886 год. СПб., 1886. С.359.
[51] Российский медицинский список… на 1890 год. СПб., 1890. С.228.
[52] Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878. С.45.
[53] Российский медицинский список … на 1905 год. СПб., 1905. С.324.
[54] ГА РТ. Ф.977. Оп.1ЛД. Д.29686. Л.1.

званием «К вопросу о неравномерном распределении белых шариков в кровеносных сосудах»[55].

Кадровая текучесть и некоторые биографические штрихи. Прославившегося благодаря скандалу с Сайдашевым городового врача Селивановского, очевидно, сменил Ружевский Владимир Павлович. Он родился в 1846 г. в мензелинской дворянской семье. Судя по всему, его отцом был губернский секретарь Павел Гаврилович Ружевский, владелец участков земли в сельца Екатериновка, в селе Архангельское (Можаровка) Мензелинского уезда[56]. Но в роду Ружевских были не только чиновники, но и врачи. Так, в фонде Национального музея Республики Татарстан хранится свидетельство Казанского университета от 30 апреля 1864 г. на звание уездного врача, выданное лекарю Николаю Ружевскому (выпускнику медицинского факультета 1845 г.)[57].

Видимо, Владимир Павлович Ружевский неслучайно решил выбрать медицинскую стезю. Многие коллеги и пациенты характеризовали его как внимательного и добросовестного врача. Он получил прекрасное образование: учился в Уфимской мужской гимназии, Московском университете, Императорской Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Однако в годы студенческой юности он сблизился с участниками нечаевских кружков, поэтому был арестован в конце 1869 г. и стал фигурантом политического судебного процесс. Но из-за недостаточности улик судебное дело закрыто. Тем не менее из-за политической неблагонадежности студент В.П. Ружевский в начале 1870 г. был исключен из академии и выслан под надзор полиции в Оленецкую губернию. В 1871 г. он вновь привлечен к суду, уже за пропаганду вольнодумства среди крестьян этой губернии, в этот раз его оправдали в суде. После ходатайств матери Владимира Павловича в апреле 1871 г. перевели из Олонецкой губернии в родной Мензелинск, в сентябре 1873 г. его полностью освободили от полицейского надзора. После этого

[55] Семакин И.К. К вопросу о неравномерном распределении белых шариков в кровеносных сосудах. Диссертация на соискание степени доктора медицины. СПб., 1895. 60 с.
[56] ГА РТ. Ф.324. Оп.726. Д.106. Л.1; Оп.729. Д.585. Л.1.
[57] НМ РТ. КППи-100302.

В.П. Ружевский возобновил свое обучение медицине уже в Дерптском университете, диплом он получил лишь в 1883 г. Он служил врачом в Мензелинском уезде и городе[58]. Заведовал работой Мензелинской земской больницы. Но в 1886 г. врач Ружевский, «заслуживший всеобщую любовь и уважение своим прекрасным отношением к делу и гуманным отношением к больным» оставил свою службу в городском ведомстве. Причину увольнения он объяснял невозможностью добросовестно исполнять врачебные обязанности. Под этим подразумевалось трудность совмещения практики в больнице и посещение больных в самом участке[59]. Несмотря на оставление службы в городе, доктор медицины В.П. Ружевский продолжал медицинскую практику в уезде. По данным на 1890 г., он значился как земский врач[60]. Собственный опыт работы в сфере народного здравоохранения Владимир Павлович изложил в работе «Эпидемия тифа в деревне Нижние Юшады Мензелинского уезда», опубликованной в Санкт-Петербурге в 1891 г.[61] Позднее он переехал из Мензелинска в Смоленск, где продолжал врачебную деятельность. Умер В.П.Ружевский в Смоленске в 1895 г., на 49-м году жизни[62].

В 1888 г. на должности городового врача в Мензелинске трудился лекарь Васильев Николай Васильевич, а обязанности уездного врача исполнял лекарь Котлецов Василий Иванович. Тогда он имел чин надворного советника[63]. В итоге, он проработал на этой должности много лет, вплоть до революционной эпохи. За годы его службы в уезде случались эпидемии тифа, холеры, сибирской язвы, а особенно тяжелые времена наступили с началом Первой мировой войны, когда гражданскую медицинскую сферу нужно было преоб-

[58] Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т.1. Ч.2. М., 1928. Стб.355.

[59] Волжский вестник. 1886. 7 марта. №51; Справочная книжка Уфимской губернии на 1883 год. Уфа, 1883. С.8.

[60] Российский медицинский список … на 1890 год. СПб., 1890. С.166.

[61] Ружевский В.П. Эпидемия тифа в деревне Нижние Юшады Мензелинского уезда. СПб., 1891. 11 с.

[62] Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т.1. Ч.2. М., 1928. Стб.355.

[63] Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год / сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1889. С.22.

разовать под военные нужды[64]. За свою долгую трудовую деятельность В.И. Котлецов дослужился до чина коллежского советника[65].

В отличие от уездного врача В.И.Котлецова, который занимал эту должность почти двадцать лет, городовые врачи в Мензелинске менялись довольно часто. Так Н.В. Васильев вскоре переехал из Мензелинска в Москву: по данным 1890 г. он являлся врачом Мариинской больницы[66]. В начале 1890-х гг. городским врачом Мензелинска трудился лекарь Степанов Александр Анемподистович[67], в 1894 г. его сменил лекарь, титулярный советник Чарнецкий Адам Яковлевич[68]. Он был выпускником медицинского факультета Казанского университета, где проходил обучение в 1881–1887 гг.[69] Но вскоре и врач Чарнецкий оставил службу при Мензелинской городской управе. На это у него были серьезные причины: в 1898 г. 37-летний бывший общественный врач А.Я.Чарнецкий защитил в Санкт-Петербурге диссертацию на степень доктора медицины «К вопросу о выделении бактерий нагноительными процессами». Свою научную работу Адам Яковлевич подготовил в лаборатории при Клинике инфекционных болезней профессора С.С. Боткина[70].

В 1899 г. должность городового врача Мензелинска занял выпускник Московского университета Федор Тимофеевич Розенгауз[71]. На самом деле звали его Розенгауз Цодок Танхумович[72].

«Я родился в 1868 г в г Минске в бедной семье. Учился дома на «медные деньги» и 12 лет от роду мне удалось поступить в гимназию, которую окончил в 1887 г. С пятого класса гимназии, т.е. 15 лет от ро-

[64] Систематический свод постановлений Мензелинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 1 и 2 марта 1916 г. и 42 очередной сессии с 30 сентября по 10 октября 1916 г. Мензелинск, 1917. С.14.
[65] Российский медицинский список… СПб., 1916. С.240.
[66] Российский медицинский список… СПб., 1890. С.28.
[67] Российский медицинский список… СПб., 1892. С.275.
[68] Российский медицинский список… СПб., 1894. С.275.
[69] ГА РТ. Ф.977. Оп. 1 (личные дела). Д.29869. Л.1.
[70] Чарнецкий А.Я. К вопросу о выделении бактерий нагноительными процессами. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1898. 87 с.
[71] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.3. Л.38.
[72] Российский медицинский список… на 1908 год. СПб., 1908. С.343.

ду стал заниматься личным трудом (уроками), т.к. в семье жилось очень трудно. По окончании гимназии в университет не был принят вследствие существовавших для евреев процентных ограничений, – писал он в своей автобиографии 1920-х гг. – К этому времени относится мое участие в т[ак] называемых] «кружках саморазвития» народнического характера. Через 2 года я был принят в Московский университет, курс которого окончил в 1895 году по медицинскому факультету После двухлетнего совершенствования в медицинских науках я поехал на самостоятельную работу в Уфимскую губ[ернию],в г Мензелинск, где занял место общественного врача (служил врачом крестьянского общества без занятий частной практикой)»[73].

Как видно из автобиографии, Цодок Танхумович называет «крестьянским обществом» городское общество Мензелинска, видимо, из-за большого количества городских крестьян в этом населенном пункте. В работе городского врача у него был небольшой перерыв, когда в 1904 г. его призвали в качестве военного врача на русско-японскую войну, в Маньчжурию. После окончания войны он опять вернулся в Мензелинск. Ф.Т.Розенгауз пишет, что служил уже земским врачом, однако по данным 1905 г. он опять значился городским врачом Мензелинска[74].

Врачи и медицинские работники, как и многие другие земские служащие, пореформенного времени были основными носителями либеральных идей. Это видно на примере биографии врача В.П. Ружевского. Не был исключением и Цодок Розенгауз. В отличие от Ружевского он не состоял под надзором царской полиции, но в советские годы вспоминал о том, что занимался распространением нелегальной политической литературы и даже участвовал в подготовке террористического акта. Правда, в автобиографии он не конкретизирует этот случай.

«В 1908 г вошел в отношения с группой эсеров, собирал деньги, получал изредка для распространения нелегальную литературу, но активного (систематического) участия в партии не принимал. Считая

[73] Калинкина Е.А. Ф.Т. Розенгауз – врач и общественный деятель // Magistra vitae: электронный журнал по истории и археологии. 2000. №1 (11). С.125–126.
[74] Российский медицинский список… СПб., 1905. С.307.

себя народником и эсером, я помог однажды (летом 1908 г.) совершению террористического акта», – писал Ф.Т. Розенгауз[75].

Вообще, в годы первой русской революции медицинские работники одними из первых попадали под надзор полиции, а иногда даже обвинялись в различных преступлениях. Например, в 1905 г. оспопрививательница Мензелинского земства М.В. Хмельницкая, из д. Красная Кадка Сухаревской волости, была обвинена в призыве крестьян к бунтам для разрешения земельной проблемы[76]. И это был, безусловно, не единичный случай.

Хотя большинство врачей были заняты не распространением нелегальной литературы, а повседневными медицинскими проблемами. Так, в начале XX в. Мензелинской земской больницей заведовал Петр Иванович Ходкевич. В 1904 г. он выступил перед уездным земством с ходатайством о необходимости пересмотреть организацию работы с инфекционными больными. «Угрожающая эпидемия холеры и возможный занос заразы с дальнего востока с особенной настоятельностью выдвигают теперь вопрос о дезинфекционной камере», – писал врач. Кроме того, он считал, что дезинфекция белья и одежды в больнице проводятся примитивными способами. По его мнению, земству следовало найти способ изолированного размещения хотя бы двух разных инфекций.

«Допуская, что брюшной тиф, кровавый понос, крупозная пневмония и сибирская язва могут быть терпимы в общем терапевтическом корпусе, допуская далее, что корь и коклюш вовсе не будут приниматься в больницу мы должны признать, что не менее 5 обычно встречающихся заразных болезней: 1) скарлатина, 2) дифтерит, 3) сыпной тиф, 4) оспа и 5) рожа – требуют строгой изоляции», – писал П.И. Ходкевич в своем прошении[77].

---

[75] Калинкина Е.А. Ф. Т. Розенгауз – врач и общественный деятель… С.126.

[76] Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.). Дисс. … д.и.н. Екатеринбург, 2018. С.290–291.

[77] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной сессии с 30 сентября по 13 октября 1904 года и доклады Мензе-

До назначения на должность заведующего Мензелинской уездной больницей молодой лекарь Петр Иванович Ходкевич с конца 1890-х гг. служил земским врачом в д.Карамалы Мензелинского уезда[78]. П.И. Ходкевич был 1868 г.р., считался специалистом широкого профиля: помимо обязанностей терапевта, мог выполнять еще хирургические операции. С 1904 г. он работал в уездном центре. Переезд из села Карамалы в Мензелинск, возможно, был связан с семейными обстоятельствами. Весной 1901 г. у Ходкевичей родился сын, которого назвали Сергеем. С подрастанием наследника для Петра Ивановича и его супруги Анны Алексеевны все актуальнее становился вопрос о его будущем, об образовании сына. Тем более, помимо Сергея в семье появились еще дети. Так они перебрались в Мензелинск. П.И. Ходкевич заведовал Мензелинской земской больницей до 1910 г., после этого он служил земским врачом так же в Мензелинске вплоть до революционных событий 1917 г. Его сын Сергей продолжил тоже работал врачом уже в советское время, стал профессором[79].

Из сельских участков в городскую больницу переводили, чаще всего, лучших специалистов. Например, прослужив в Заинской боль-

---

линской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1905. С.342–343.

[78] Российский медицинский список… на 1898 год. СПб., 1898. С.311; Российский медицинский список, изданный Управлением Главного Врачебного Инспектора МВД на 1900 год. СПб., 1900. С.340.

[79] Сергей Петрович Ходкевич в 1918 г. окончил Мензелинское реальное училище и тоже решил пойти по стопам отца, поступил на медицинский факультет Казанского университета. Однако события Гражданской войны не позволили ему завершить обучение в Казани, вместе с войсками белых он ушел в Сибирь. В итоге, студент Ходкевич так и обосновался вдали от родных мест, работал в сфере народного здравоохранения, был блестящим клиницистом и экспериментатором, который не боялся самых сложных задач. Профессор кафедры общей хирургии С.П. Ходкевич является гордостью и частью выдающейся истории Сибирского медицинского университета, он стал основателем хирургической школы. Сергей Петрович умер в Томске, в 1978 г. Отец знаменитого профессора, бывший земский врач Петр Иванович Ходкевич, вопреки всем жизненным трудностям и испытаниям революционных и советских лет, прожил долгую жизнь. Он уехал из Мензелинска и умер в Москве в 1959 г., на 91-м году жизни. URL: https://wiki.ssmu.ru/index.php?title=Ходкевич_Сергей_Петрович (дата обращения 26.11.2023).

нице больше десяти лет, в 1899 г. переехал в Мензелинск лекарь, коллежский асессор Кремков Виктор Иванович. В уездном городе он также продолжал работать земским врачом[80]. Коллегой П.И. Ходкевича и В.И. Кремкова был фельдшер И.И.Халдеев. Он тоже сначала работал в Карамалинской больнице, затем перевелся в Мензелинск. В 1904 г. Мензелинское уездное земское собрание объявило ему благодарность за 25-летнюю службу в должности фельдшера Мензелинской больницы И.И.Халдееву. Илья Иванович Халдеев поступил на службу в 1878 г. в Карамлинский медицинский участок, вскоре его перевели в Мензелинскую земскую больницу.

«Своим добросовестным и аккуратным исполнением служебных обязанностей, знанием дела и сердечным отношением к больным он заслужил уважение как врачей, так и своих товарищей, а также обращавшихся за его помощью больных», – отмечали земские служащие.

По инициативе фельдшеров в честь Ильи Ивановича 5 мая 1904 г. было устроено юбилейное торжество, в котором приняли участие все врачи, персонал земской аптеки и другие лица[81].

Мензелинские аптекари. В 1860–1870-е гг. в уездном городе функционировала единственная аптека, которая была частной и поэтому называлась Вольной. Заведовал аптечным предприятием более десяти лет провизор Вейерсберг, он снабжал лекарствами жителей Мензелинска до 1877 г.[82] Семья мензелинского аптекаря происходила из Германии: в начале XIX в. оружейный мастер Петр Вейерсберг приехал вместе со своими братьями и сыновьями из знаменитого «города лезвий» Золингена в г. Златоуст Оренбургской губернии. Иностранные мастера стали основателями оружейного дела на Урале, поэтому сначала они получали на Златоустовской оружейной фабрике солидное жалованье, однако со временем тру-

[80] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.3. Л.38.

[81] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной сессии с 30 сентября по 13 октября 1904 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1905. С.331.

[82] Российский медицинский список ... на 1876 год. СПб., 1876. С.449.

довые условия изменились[83]. Очевидно, это послужило причиной смены рода деятельности некоторыми представителями фамилии Вейерсберг. Например, в конце XIX в. еще один провизор Вейерсберг проживал в уездном городе Екатеринбург Пермской губернии. Здание старейшей аптеки сегодня является одной из достопримечательностей уральского города.

Другой Вейерсберг развивал аптечное дело в Мензелинске. Эта семья долгие годы фактически имела монополию на распространение лекарственных препаратов в уездном городе. Лишь на некоторый период, в 1879 г., пока организовывалась работа аптеки Мензелинского уездного земства, вольная аптека Вейерсберга исчезла из фармацевтического рынка уездного центра. Временно руководил этой работой, под наблюдением городового врача, аптечный помощник Амосов[84].

В том же 1879 г. в Мензелинском уезде появилась еще одна аптека – в с. Бережные Челны. Туда из г. Пучеж Костромской губернии переехал аптекарский помощник Бетье и получил право организовать на новом месте привычное дело[85]. Но данная аптека просуществовала только пару лет, по данным 1882 г. в Бережных Челнах аптеки уже не было[86]. Впоследствии в селе все же открылась аптека уездного земства, но в ней постоянно менялись управляющие. Например, в 1886 г. работой аптеки заведовал аптекарский помощник С.Розов, а в 1888 г. на этой должности значился некий Гингерс, в 1889 г. заботы о сельской аптеке входили в круг обязанностей земского врача Федора Павловича Ястребова[87].

---

[83] Ермакова О.К. Иностранные мастера – основатели оружейного дела в Златоусте (первая половина XIX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2012. №4–5. С.43.

[84] Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1879 год. СПб., 1879. С.500.

[85] Российский медицинский список… на 1880 год. СПб., 1880. С.505, 518.

[86] Российский медицинский список… на 1882 год. СПб., 1882. С.572.

[87] Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1886 год. СПб., 1886. С.715; Российский медицинский список… на 1888 год. СПб., 1888. С.830; Российский медицинский список… на 1889 год. СПб., 1889. С.912.

В Мензелинской аптеке уездного земства ситуация была немного другой, там аптечным делом с 1880 г. начал заведовать провизор Николай Васильевич Ватеркампф. Судя по всему, бывшие вольные аптекари наладили работу под эгидой земства, выполняя своеобразный подряд от него. Дело в том, что семья Вейерсбергов была связана с Ватеркампфами родственными узами[88]. Поэтому, по сути, аптека в Мензелинске, так и осталось делом одной семьи. После переезда Николая Васильевича Ватеркампфа в соседний уездный город Елабуга Вятской губернии, где он также развивал аптечное дело, а мензелинской аптекой стал заведовать Петр Васильевич Ватеркампф[89]. В начале XX в. Мензелинской земской аптекой руководил уже Альфред Рейнгольдович Вейерсберг. Его сын Донат Альфредович Вейерсберг впоследствии тоже выбрал медицинскую сферу и стал врачом[90].

Примечательно, что в начале XX в. и среди мензелинских мещан появились те, кто стремился получить медицинское образование. И это были не только представители сложившихся медицинских династий, вроде Доната Альфредовича Вейерсберга. Например, в 1907 г. поступила в Казанскую земскую фельдшерскую школу мензелинская мещанка Наталия Грибкова[91]. Любопытна история профориентации Н.Грибковой. До этого она работала учительницей в Мензелинске, однако в 1906 г. по доносу была арестована за «политическую неблагонадежность». Впоследствии, ее лишили права преподавания, неко-

[88] Гаврилина Т.Л., Оболонкова М.А. Судьба одной немецкой семьи в зеркале истории (XIX–XX вв.) // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь, 2012. С.36–40.

[89] Российский медицинский список… на 1897 год. СПб., 1897. С.152.

[90] Д.А. Вейерсберг род. в 1898 г. в Мензелинске, учился в Мензелинском приходском училище, выпускник Мензелинского реального училища. В 1921 г. студент медицинского факультета Пермского университета Донат Вейерсберг принимал активное участие в борьбе с эпидемией холеры в Мензелинском уезде [Государственные и муниципальные архивы Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. http://fc.gasur.ru]. В советские годы Донат Альфредович трудился врачом в разных населенных пунктах Удмуртии, продолжая медицинские традиции своей семьи.

[91] ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.3193. Л.5.

торое время бывшей учительнице пришлось отсидеть в тюремном заключении[92]. Очевидно, после выхода на свободу, она и поступила в фельдшерскую школу. В 1914 г. окончила Петроградский психоневрологический институт дочь мензелинского мещанина-предпринимателя Александра Перминова[93]. Это, безусловно, свидетельство об определенной перемене в мировоззрении горожан.

Среди мензелинской молодежи, выбравшей, сферу здравоохранения в качестве профессионального пути были и будущие корифеи медицинской науки. В 1882 г. родился в Мензелинске Владимир Николаевич Шамов – знаменитый хирург, один из основоположников советской трансплантологии[94]. Конечно, были и другие уроженцы Мензелинска, в том числе из обычных семей, выбравших еще до 1917 г. делом своей жизни – лечение людей.

Врачи уездного города активно участвовали в общественной жизни, например, в организации культурно-просветительских мероприятий.

«Общественная моя работа в то время выражалась в чтении публичных лекций и в организации (вместе с другими товарищами – врачами, агрономами и учителями) маленького народного университета (цикл лекций по естествознанию, медицине, агрономии и т.д.)», – вспоминал бывший городской врач Ф.Т.Розенгауз[95].

---

[92] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.542. Л.10.

[93] Рукопись воспоминаний Е.Н.Сокуровой. С.5 // Личный архив В.Н.Макаровой.

[94] В.Н. Шамов в 1908 г. окончил Военно-медицинскую академию. В 1919 г. он впервые в стране провел переливание крови с учетом группы крови донора и реципиента. В.Н. Шамов – автор ряда трудов по хирургии, академик Академии медицинских наук СССР. Долгое время работал в Харьковском медицинском институте и хирургической клинике Украинской экспериментальной медицины, являлся директором Украинского института гематологии и переливания крови. В 1939–1958 гг. заведовал кафедрой госпитальной хирургии Военно-медицинской академии, руководил институтами нейрохирургии в Москве и Ленинграде, был директором Ленинградского института переливания крови.

[95] Калинкина Е.А. Ф. Т. Розенгауз – врач и общественный деятель… С.126.

Такие мероприятия, как и основная медицинская практика, очевидно, тоже способствовали формированию положительного образа врача в глазах широкого круга населения.

С началом Первой мировой войны и последующей революции изменились жизненные обстоятельства некоторых специалистов-медиков из Мензелинска и уезда. Так, Федор Тимофеевич Розенгауз был мобилизован в армию, проходил военную службу в уездном городе Челябинск Оренбургской губернии[96]. В Мензелинск он уже не вернулся. Вместо него обязанности городского врача в Мензелинске выполнял лекарь Оссовский Абраам-Ицхок Иоселович[97].

Таким образом, 1917 год и последовавшие за ним события изменили судьбы многих, в том числе и врачей. Причем революционный хаос, начавшийся в некоторых селениях Мензелинского уезда уже в марте 1917 г., коснулся непосредственно некоторых из них. Так, в д. Поисево толпа удалила врача и учительницу, и закрыла больницу[98]. После изменения сложившегося уклада жизни некоторые специалисты-медики покинули Мензелинск.

Тем не менее, осталась славная история земской медицины и сложившегося вокруг неё неординарного медицинского сообщества маленького уездного городка. Действительно, до 1917 г. в уездном центре Мензелинске для врачей по большому счету не было понятия провинции: самым главным для них являлись пациенты и огромное желание развивать научную медицину. Именно поэтому земские и вольнопрактикующие врачи Мензелинска не ограничивались рутинным приемом больных, а старались осмыслить свою медицинскую практику и в некоторых случаях даже проводили целые научные исследования.

[96] Ф.Т. Розенгауз принял участие в революционных событиях на Южном Урале, в сентябре 1917 г. стал заместителем председателя Челябинской городской думы, стоял у истоков организации советской системы здравоохранения в крае.

[97] Российский медицинский список … на 1916 год. СПб., 1916. С.351.

[98] Крестьянское движение в 1917 году. М.-Л., 1927. С.7.

ГЛАВА 5.
ВЕХИ ИСТОРИИ МЕНЗЕЛИНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

5.1. Развитие женского образования во второй половине XIX в.

Время реформ – время женщин.
Женское лицо народного просвещения.

Время реформ – время женщин. К середине XIX в. в деле народного образования в Мензелинске оставалась не решенной одна важная проблема – это полное игнорирование потребностей женской половины общества. Между тем, как на Западе, так и в России с каждым годом становились популярными идеи просвещения женского населения. Но для Мензелинска, где даже обучение мальчиков для некоторых родителей было в тягость, предоставление такого право еще и девочкам было своего рода не позволительной роскошью и барской забавой одновременно. Но, тем не менее, в августе 1860 г. в Мензелинске открылось женское училище 2-го разряда[1]. Оно состояло из 3-х классов. Руководила училищем вдова надворного советника Мария Егоровна Кузнецова[2]. Уже в первый год в это учебное заведение поступили 40 учениц[3]. Им предлагали следующий набор учебных дисциплин: чтение и письмо вместе с чистописанием, закон Божий, арифметика, русская словесность, отечественная география и история в сокращенном виде, а также рукоделие.

---

[1] ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.13680. Л.2; Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. Уфа, 2002. С.112.

[2] Субботина Н. История Мензелинской женской прогимназии // Фән һәм мәктәп = Наука и школа. 2006. №11. С.24.

[3] Журнал МНП. 1860. №10. Т.108. СПб., 1861. С.75.

При этом Мензелинское женское училище стало одним из первых в огромной Оренбургской губернии, где аналогичные женские школы в том же году открылись только в двух губернских центрах – Оренбурге и Уфе. В последнем городе училище было 1-го разряда, т.е. учебный курс считался значительно приближенным к гимназическому[4].

Если посмотреть на открытие Мензелинского женского училища 2-го разряда с точки зрения реалий XIX в., то это в высшей степени незаурядное явление. Возникновению женского училища в маленьком уездном городке предшествовали другие события. Во всем западном мире реформаторы тогда говорили о необходимости женского просвещения, а в Оренбургском крае намечались свои грандиозные реформы – отмена системы кантонного управления, разделение Оренбургской губернии на две части. Уходило в прошлое отлаженная система военного управления краем, предстояли перемены в образе жизни военно-служилого населения из числа так называемых инородцев (татар и башкир). Это не могло не тревожить властей, поэтому был инициирован ряд исследовательских работ по этнографическому изучению края. Так в Мензелинске появился Илья Михайлович Казанцев – ученый-этнограф и незаурядная личность, а по совместительству чиновник канцелярии Оренбургского военного генерал-губернатора. По итогам пребывания И.М. Казанцева в Оренбургской губернии, в том числе в Мензелинском уезде, был подготовлен труд «Описание башкирцев», изданный в 1866 г. в Санкт-Петербурге[5].

Но не только книга стала итогом научного вояжа Ильи Михайловича Казанцева, а еще и открытие в Мензелинске женского училища. Чиновник стал членом Попечительного совета нового учебного заведения. Благодаря его стараниям были найдены дополнительные финансы на поддержку женского училища у знаменитого нижегородского предпринимателя-благотворителя Михаила Рукавишникова, проживавшего в то время в Москве. Он выделил Мензелинскому женскому училищу 1000 руб., что стало серьезным под-

[4] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. М., 1994. С.26.

[5] Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб., 1866. 97 с.

спорьем при налаживании работы школы[6]. В целом же, учебное заведение содержалось за счет городских средств, а также было выделено пособие из бюджета Приказа общественного призрения[7]. Мензелинские городские власти так увлеклись открытием женских учебных заведений, что в 1869 г. была организовано еще одно училище для девочек в соседнем селе Мысовые Челны. Средства на его открытие выделила Мензелинская городская дума, позднее школу содержало земство[8].

Через восемь лет после открытия женского училища, в 1868 г. в Мензелинске была организована еще одна школа для девочек: на этот раз – церковно-приходская. Она начала работать при Пророко-Ильинском женском монастыре, содержалась за счет самого монастыря[9]. С одной стороны, открытие второй школы было обусловлено ростом интереса городского населения к женскому образованию. С другой, сохранились рекомендации николаевской эпохи по разграничению учеников по сословиям. В церковно-приходской школе обучались преимущественно дети городской бедноты из сословия крестьян и мещан, а в городское училище отправляли дочерей более состоятельные родители, из числа чиновников и торговцев.

Такая сословная дифференциация среди ученичества способствовало изменениям и в самом Мензелинском женском училище, которое старалось учитывать потребности учениц в профессиональных возможностях, а в соответствии с ними и в сложной учебной программе. Через десять лет после открытия Мензелинское женское училище получило более высокий статус – в 1870 г. оно было преобразовано в женскую прогимназию. К тому времени число учениц доходило до 100–150 учениц[10].

---

[6] Журналы чрезвычайного Мензелинского уездного земского собрания созыва 27 апреля 1885 года с докладами управы и приложениями. Казань, 1885. С.42–43.

[7] Журнал МНП. 1860. №10. Т.108. СПб., 1861. С.75.

[8] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Ч.1. , изд-е 2-е, испр. и доп. Казань, 2008. С.336.

[9] Елдашев А. Мензелинский Пророко-Ильинский женский монастырь // Эхо веков. 2011. №1/2. С.228.

[10] Субботина Н. Указ. соч. С.24.

С открытием в 1875 г. в Уфимской губернии земских органов самоуправления Мензелинская женская прогимназия стала получать пособие от уездного земства. А в 1877 году, еще до пожара, это учебное заведение было передано под управление Мензелинского уездного земства[11]. Последнее, как правило, обладало большими финансовыми возможностями – к земствам поступали налоги как от уездных землевладельцев, так и от горожан. Впоследствии, уже после пожара, земство и город долго решали, кто же все-таки обязан содержать это учебное заведение. При этом в прогимназии проходили обучение девочки и из уезда, и из города. Многими гласными признавалась безусловная польза именно женского образования, так как считалось, что обществу нужны просвещенные матери. В этом учебном заведении уделялось особое внимание прикладным знаниям, помимо общеобразовательных предметов, ученицам преподавались так называемые «мастерства»: башмачное, шитье платьев и вязанье кружев[12]. В 1876 г. прогимназию преобразовали в 4-х классную и при ней открылись еще педагогические курсы. Выпускницы Мензелинской женской прогимназии могли работать учительницами в начальных школах. Так, в самой прогимназии учительницами приготовительных классов работали выпускницы этого учебного заведения: дочь мелкого чиновника Мария Конкордиевна Федорова (с 1875 г.) и жена мещанина Александра Тихоновна Кутузова (с 1876 г.)[13].

По данным 1880 г. в начальных школах сельских населенных пунктов Мензелинского уезда учительницами и их помощницами работали 15 выпускниц Мензелинской женской прогимназии: Аграфена Дударь, Анна Миролюбова (Акташевское мужское училище), Александра Тимохова (Акташевское женское училище), Антонина Тихановская (Багряш-Никольское училище), Таисия Кравцова (Бутинское училище), Устинья Яковлева (Кара-Елгинское училище), Варвара Касаткина (Матвеевское училище), Евгения Мадафее-

[11] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л.7.

[12] Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань, 1885. С.74.

[13] Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878. С.91.

ва (Маткаушское училище), Анна Ардашева (Мысово-Челнинское училище), Варвара Федорова (Николаевское училище), Раиса Симонова (Ново-Николаевское училище), Елизавета Харламова (Новоспасское училище), Александра Дударь, Екатерина Рылова (Старо-Пьяноборское училище), Вера Петрова (Языковское училище)[14]. Причем обучали они преимущественно мальчиков, т.к. женских школ, по-прежнему, в уезде было немного. Выпускницы Мензелинской женской прогимназии составляли более 32% педагогического персонала сельских школ Мензелинского уезда.

Эта цифра продолжала расти с каждым годом. Мензелинская женская прогимназия превратилась в настоящую кузницу учительских кадров для всего Закамья. В 1885 г. только в земских школах Мензелинского уезда работала учительницами и их помощницами 21 выпускница Мензелинской женской прогимназии. Кроме того, их бывшие сокурсницы были заняты на педагогической работе в городах и уездах соседних губерний. «За время своего существования женская прогимназия принесла несомненную и громадную пользу населению, – отмечалось земцами спустя двадцать пять лет после открытия этой школы. – Без преувеличения можно сказать, что большинство грамотных женщин города и уезда обязаны своим образованием женской прогимназии; многие из получивших в ней первоначальное образование доканчивали его в других учебных заведениях»[15].

В 1896 г. Мензелинское женское приходское училище получило новое название – Ольгинское женское училище. Эта была инициатива гласных Мензелинской городской думы – своеобразная реакция на радостное событие в жизни императорской семьи: училище получило свое наименование в честь рождения великой княжны Ольги – первенца императора Николая II и императрицы Александры Федоровны[16]. В 1899 г. в Ольгинском женском училище обучалось 86 девочек. Учительницей служила Вера Алексеевна Сибирце-

[14] ГА РТ. Ф.1286. Оп.1. Д.1. Л.4–43 об.

[15] Журналы чрезвычайного Мензелинского уездного земского собрания созыва 27 апреля 1885 года с докладами управы и приложениями. Казань, 1885. С.47–48.

[16] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С.122.

ва (выпускница Казанской гимназии), а ее помощницами были выпускницы Мензелинской женской прогимназии: Ольга Ивановна Журавлева и Александра Петровна Никольская.

Мензелинская женская прогимназия продолжала готовить учительские кадры вплоть до Гражданской войны. В 1912 г. учебное заведение было преобразовано в женскую гимназию. С этого времени ввели и плату за обучение – 20 руб. в год. Эта была вынужденная мера, т.к. средств из земского бюджета на содержание гимназии оказалось недостаточно, а из казны выделять дополнительные средства власти отказались. В качестве поддержки учениц из бедных семей, Попечительский совет старался выделять еще больше пособий и устанавливать различные льготы[17].

Надо ли говорить о том, что выпускницы начала XX в. впоследствии составили основу советских педагогических кадров. Например, дочь мензелинского крестьянина Дмитриева (Егорова) Надежда Ивановна в 1901 г. окончила Мензелинскую женскую прогимназию. Она была из бедной семьи, поэтому в ходе учебы получала стипендию от земства. Сразу после окончания прогимназии Мензелинское уездное земство направило ее учительницей в Александровскую слободу, недалеко от Заинска. Так началась ее учительская работа[18].

В советские годы в Мензелинске работало знаменитое на все Закамье – Мензелинское педагогическое училище. Безусловно, это было продолжением заложенной еще в 1860 г. традиции женского просвещения.

Женское лицо народного просвещения. В конце XIX в. выпускницы Мензелинской женской прогимназии, словно россыпь звезд, продолжали нести свет просвещения несмышленой детворе в разных уголках Закамья.

[17] Ермаков В.В. История Набережных Челнов... С.350.

[18] После 1917 г. вся профессиональная переквалификация Н.И. Дмитриевой заключалась в прохождении краткосрочных политико-педагогических курсов в Заинске в 1923 г. Позднее она переехала в Набережные Челны. Завершила педагогическую карьеру в Красно-Челнинской начальной школе, ее педагогический стаж составлял 48 лет [МИГНЧ. МИГ-1658, МИГНЧ МИГ-1662].

«... Нежная милая наша учительница – Мария Ефимовна, которая казалась нам самой красивой и самой доброй барышней, – вспоминал А.С.Сливко, ученик Мензелинского приходского училища рубежа 1880–1890-х гг. – Она не только научила нас «читать и писать», но внушила нам любовь и интерес к книжкам. Затаив дыхание мы слушали, когда она читала нам про «Муму», про «Антона Горемыку», про «Добрыню богатыря», про «Змея Горыныча»[19].

Описанная им учительница Мария Ефимовна, скорее всего, тоже была выпускницей Мензелинской женской прогимназии. Например, помощницами учителя в Мензелинском приходском училище, по данным 1884 г., работали Александра Ярославцева и Зинаида Волкова, окончившие Мензелинскую женскую прогимназию[20]. Выпускницами данного женского учебного заведения были девушки разных сословных званий. Но самое примечательное то, что прогимназия открыла путь к просвещению и самостоятельной профессиональной жизни многим представительницам мещанских и крестьянских семей, которые еще совсем недавно даже не помышляли о таких возможностях для своих дочерей.

«Родилась я в г. Мензелинске Мензелинского района ТАССР. Родители по происхождению крестьяне, но земли не имели. Отец занимался поденной работой в качестве каменщика, а мать работала по дому. Жили бедно, но все-таки родители меня и двух сестер устроили учиться в женскую прогимназию», – вспоминали в советские годы учительница Надежда Ивановна Дмитриева-Егорова[21].

Она родилась в Мензелинске в 1885 г. в крестьянской семье[22]. В Мензелинске, как известно, больше половины населения были так называемыми городскими крестьянами. Как правило, это были потомки белопахотных казаков и шляхтичей. В 1901 г. Надежда

[19] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.9.
[20] Журналы XI очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 22 по 28 октября 1885 г. Казань: Типография А.А.Родионова, 1886. С.195.
[21] МИГНЧ. МИГ-1658.
[22] МИГНЧ. МИГ-1662.

Дмитриева окончила педагогический класс при Мензелинской женской прогимназии. Полученное образование и свидетельство были очень кстати, т.к. именно накануне в семье Дмитриевых случилось несчастье – умер отец семейства, а потом скончалась и мать. Благодаря материальной поддержке от уездного земства Надежда Ивановна сумела окончить учебное заведение и получила свидетельство народной учительницы.

«В 1901 г. по окончанию учебы я была назначена учительницей в Александровскую слободу Заинского района ТАССР, – отмечала Н.И. Дмитриева в 1949 г. – Заведующая школой Захарова Х.Г. была мастером педагогического дела и замечательной души человеком. От нее я многому научилась и полюбила педагогическую работу»[23].

Через два года, в 1903 г. молодую помощницу учительницы направили на краткосрочные сельскохозяйственные курсы при Мензелинской сельскохозяйственной школе. Они были специально учреждены Уфимским губернским земством для учителей еще в 1895 г.[24] Позднее земской учительницей стала и младшая сестра

[23] МИГНЧ. МИГ-1658.

[24] «Полоса общего увлечения земства школьными садами, огородами, пасеками оставила заметный след и в нашем губернском земстве», – отмечали сами деятели земства в начале XX в. [Очерк деятельности Уфимского губернского земства (к 50-летию введения земских учреждений). Уфа, 1914. С.6]. На курсах учителей земских училищ обучали основам садоводства, огородничества, пчеловодства и других сельскохозяйственных наук. Земские деятели искренне надеялись, что сельская интеллигенция собственным примером покажет крестьянам научные способы возделывания земли. «Какую пользу могут приносить учителя сельскохозяйственными занятиями населению, видно из того, что некоторые из них, хотя занимались полеводством и на арендованной у крестьян земле и при своих скудных средствах, однако и эти некоторые уже способствовали уже распространению улучшенных сортов хлебных злаков, а также некоторые из них с успехом знакомили крестьян с приемами ведения пчел в рамочных ульях …», – отмечали мензелинские гласные. Планировалось, что земские учителя будут практиковать свои агрономические знания на пришкольных участках земли [Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания… Мензелинск, 1897. С.143–144]. Учительница Н. Дмитриева слушала теоретические лекции и участвовала в практических курсах для народных учителей с 29 мая по 26 июня 1903 г.

Надежды – Наталья Ивановна Дмитриева[25]. Она тоже училась в Мензелинской женской прогимназии. Таким образом, благодаря прогимназии, в Мензелинске начали формироваться учительские династии.

У истоков этого учебного заведения стояли представительницы дворянских и чиновничьих семей. В 1860 г. новым Мензелинским женским училищем 2-го разряда руководила вдова надворного советника Мария Егоровна Кузнецова[26]. Сменившая ее в 1875 г. на посту Мария Федоровна Энгман приходилась дочерью полковника, новой начальнице женской прогимназии было всего 28 лет. Она получила образование в Оренбургском Николаевском женском институте[27]. Данный институт благородных девиц был учрежден в Оренбурге в конце 1832 г. и имел статус военно-учебного заведения, он в чем-то дополнял Неплюевский кадетский корпус. По сведениям 1878 г., выпускницами Оренбургского Николаевского женского института являлись и другие преподавательницы Мензелинской женской прогимназии: учительница истории и географии – 22-летняя дочь подпоручика Августа Андреевна Степанова, классная надзирательница – 19-летняя дочь провизора Аделаида Рейнгольдовна Вейнсберг. Конечно, встречались и воспитанницы других учебных заведений. Так, училась в Смольном инстуте благородных девиц в Санкт-Петербурге учительница арифметики – дочь полковника Мария Николаевна Рукина. Ставшая начальницей прогимназии уже после М.Ф. Энгман Александра Георгиевна Никольская училась в Мариинском училище в Москве. Это учебное заведение было учреждено для обучения дочерей бедных дворян, в дальнейшем они могли трудиться домашними учительницами. А.Г. Никольская начала педагогическую карьеру с 1878 г. в 23-летнем возрасте[28].

[МИГНЧ. МИГ-1660. П–760]. Мензелинское земство было убеждено, что именно учителя станут проводниками новых знаний для крестьянства.

[25] МИГНЧ. МИГ-1721.

[26] Субботина Н. Указ. соч. С.24.

[27] Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878. С.91.

[28] Мензелинский край: история и современность. Мензелинск, 2006. С.43.

Вообще, обращает на себя внимание, что женская половина педагогического коллектива Мензелинской прогимназии, по данным 1878 г., была очень юной. Несмотря на отсутствие профессионального опыта многие из них совмещали сразу несколько направлений работы (например, А.А. Степанова заведовала еще работой библиотеки), брали дополнительные уроки. Конечно, каждое направление работы оплачивалось отдельно. При этом возраст учительниц варьировал от 18 до 28 лет, большинство из них были не замужем. Это очень характерное явление для женщин-педагогов конца XIX в., где профессия и семья рассматривались, преимущественно, как две не совместимые сферы. Поэтому в области просвещения чаще всего работали либо овдовевшие женщины, либо еще незамужние девушки.

Но постепенно данная тенденция сменяется новой, когда учительницы старались совмещать и семейную жизнь, и профессиональные обязанности. Так упомянутая выше земская учительница Надежда Ивановна Дмитриева вышла замуж (стала Егоровой) и вырастила двоих детей. Избранниками учительниц нередко становились коллеги-учителя, либо другие представители светской интеллигенции. Это объяснялось схожестью мировоззрений и образа жизни, общностью интересов и т.д. Например, 12 февраля 1888 г. сочетались браком учительница Мензелинского городского приходского училища 21-летняя Александра Васильевна Ярославцева и мензелинский врач 26-летний Евгений Александрович Попов. Таких молодых интеллегиентных семей в уездном городе было не мало. 7 февраля 1893 г. в Мензелинске открылась бесплатная библиотека, организованная учителем городского училища Д.Г. Пушковым. Сначала библиотекой заведовал сам учитель Дмитрий Георгиевич, а потом эти обязанности взяла на себя его супруга – выпускница Мензелинской женской прогимназии. Для пополнения книжного фонда деятельный Д.Г. Пушков организовывал любительские спектакли, привлекая для этого своих коллег – учителей и учительниц. Например, 22 января 1895 г. в Мензелинске состоялся показ спектакля «Свои люди сочтемся» и водевиля «Медведь сосватал», роли в них сыграли учителя Мензелинской сельскохозяйственной школы и учительницы Мензелинского приходского учили-

ща[29]. Конечно, такого рода совместные культмассовые мероприятия могли поспособствовать и появлению новых учительских семей. Например, на рубеже XIX–XX вв. в Мензелинске была известна семья педагогов Никольских. Петр Яковлевич (происходивший из мещан) был не только учителем прогимназии, но и являлся гласным уездного земского собрания и городской думы. 14 октября 1900 г. в их семье появился на свет будущий известный советский ученый-физик, академик Борис Петрович Никольский[30]. И это лишь некоторые примеры из жизни мензелинских учительниц и учителей.

Как показывает пример с краткосрочными курсами для учителей при Мензелинской сельскохозяйственной школе, где основными слушателями являлись женщины, учительницы были особенно восприимчивы к новым идеям, они с энтузиазмом поддерживали различные просветительские проекты. Так, в Мензелинске среди местной интеллигенции некоторые разделяли взгляды народников о необходимости просвещения самых широких слоев населения, в том числе осужденных. 8 октября 1895 г. в Мензелинской уездной тюрьме открылась тюремная воскресная школа. Уже в первый год обучения новый очаг просвещения привлек около 40 учеников из числа арестантов[31]. Открывались подобные школы и народные чтения для заключенных исключительно по частной инициативе. Интеллигенция верила, что многие преступления совершаются из-за темноты и необразованности населения, поэтому ими двигало желание повысить культурно-образовательный уровень осужденных. Преподавательницами тюремной воскресной школы работали учительницы Мензелинской приходской школы – А.И. Бурдина и О.И. Журавлева[32]. Ольга Ивановна Журавлева была выпускницей Мензелинской женской прогимназии, окончила педагогический

[29] Волжский вестник. 1895. 31 января. №29.

[30] Мензелинский край: история и современность. Мензелинск, 2006. С.462.

[31] Абрамов Я.В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С.296.

[32] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXII очередной сессии с 5 по 16 октября 1896 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1897. С.51.

класс при ней. К сожалению, искренние стремления романтично настроенных мензелинских учительниц не всегда находили поддержку со стороны местных чиновников. Так, по сообщению журналистов того времени, «однажды школу посетил исправник, который мило пошутил, сказав учительнице, что она напрасно учит арестантов», «ибо они научатся векселя подделывать». Вскоре после визита исправника учительница получила извещение о закрытии воскресной школы при Мензелинской тюрьме[33]. Ольге Ивановне Журавлевой после этого пришлось сконцентрироваться только на работе в бывшей Мензелинской женской приходской школе (с 1896 г. – Ольгинское женское училище). В 1899 г. число учениц этой школы выросло до 86 чел. Заведовала учебным заведением выпускница Казанской женской гимназии – Вера Алексеевна Сибирцева, О.И. Журавлева была ее помощницей. Еще одной помощницей являлась также выпускница Мензелинской женской прогимназии – Александра Петровна Никольская.

На рубеже XIX–XX вв. девушки работали учительницами не только в Мензелинской женской гимназии, городских приходских училищах и сельских школах Мензелинского уезда, привлекали их и для преподавания в специфических учебных заведений. В 1891 г. в десяти верстах от уездного города открылась Мензелинская низшая сельскохозяйственная школа, которая работала под ведомством Министерства земледелия и государственных имуществ. При школе был разбит фруктовый сад, велось «промышленное огородничество», развивалось скотоводство[34]. Для желающих поступить в сельскохозяйственную школу был организован подготовительный класс. С 1899 г. работой этого класса заведовала учительница Ольга Куреньщикова[35].

Как и врачи, учителя и учительницы за прогрессивность своих взглядов и смелые высказывания нередко попадали под подозрение

[33] Русская школа. Общепедагогический журнал для семьи и школы. 1896. №.5–6. С.285–286.

[34] Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по департаменту земледелия и лесному департаменту. СПб., 1908 С.766.

[35] РГИА. Ф. 398 Оп. 66. Разр. I. Д. 20814. Л.1.

полицейских органов власти. Иногда все это могло обернуться потерей работы. Например, мензелинская учительница Н.К. Грибова в 1906 г., по доносу одного священнослужителя, получила статус «политически неблагонадежной». В итоге, её лишили права заниматься учительской деятельностью[36], и она была вынуждена переквалифицироваться в медицинского работника.

Несмотря на подобные трудности, молодые девушки продолжали чаще всего выбирать учительскую стезю. Даже в Мензелинской женской гимназии накануне 1917 г. трудились учительницами не всегда представительницы дворянских фамилий. Например, в декабре 1913 г. была утверждена на должности учительницы истории и географии Клавдия Пономарева[37]. Её фамилия явно указывает на происхождение из духовенства. Здесь же работала Н.Д. Дубинина[38], представительница мензелинского купеческого рода, берущего начала от крепостных крестьян. Семья Дубининых к началу XX в. значительно обеднела, поэтому Наталья Дмитриевна училась за счет земского пособия, с условием «возврата по окончании образования, в исполнении чего с них должны быть взяты обязательства»[39]. Окончив курс гимназии с золотой медалью, девушка просила денег у земства для поступления в высшие женские курсы[40]. Так она оказалась в числе преподавательниц Мензелинской женской гимназии. Учительницей гимнастики в этом учебном заведении работала В.А. Попкова, судя по всему, дочь бывшего городского головы, мещанского происхождения. Таким образом, с каждым годом в школах и училищах Мензелинского уезда учительниц становилось все больше, и народное просвещение приобретало свое женское лицо.

[36] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.542. Л.10.
[37] Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. №1. С.114.
[38] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С.151.
[39] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной сессии с 30 сентября по 13 октября 1904 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1905. С.107.
[40] Там же. С.305.

5.2. «Городское детище» или Мензелинская мужская прогимназия (1873–1887)

Биографические штрихи о некоторых учителях.
Финансовые проблемы учебного заведения.

С введением системы местного самоуправления в Российской империи (земского и городского) положение народного образования особенно оживилось. Забота о просвещении населения стало одним из основных направлений деятельности городских дум и земских собраний, на открытие и содержание существующих учебных заведений выделялись значительные средства. Но самое главное, в новых условиях появилась возможность для осуществления самых смелых идей в области просвещения. Для Мензелинска таковой стало открытие классической мужской прогимназии.

После введения Городового положения 1870 г. обновленная Мензелинская городская дума начала ходатайствовать о необходимости открытия в уездном городе мужской прогимназии. В Мензелинске к тому времени имелся успешный опыт функционирования женской прогимназии. В 1873 г. состоялось открытие самого ожидаемого учебного заведения – 4-х классной мужской прогимназии. Новая школа полностью содержалась силами городского бюджета. Местная городская дума ежегодно выделяла мужской прогимназии около 12–13 тысяч рублей. Это были как проценты от городских капиталов, так и часть суммы от городских доходов. Данная статья расходов города на содержание народного образования считалась обязательной и малейшие изменения в ней расценивались как серьезное нарушение условий открытия гимназии[41].

Программа обучения прогимназии отличалась от городского училища. В этой школе готовили к университетскому будущему, поэтому и подход был другой. Сильной стороной гимназической подготовки являлось большое внимание к изучению иностранных языков. В Мензелинской мужской гимназии преподавались как

[41] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д. 43. Л.16 об.

древние языки (греческий, латинский), так и современные иностранные языки (французский, немецкий). Также в расписании гимназии значилась математика (в училище обучали только арифметике и геометрии), история, география, рисование, чистописание, пение и даже гимнастика. Конечно, гимназические учебные дисциплины требовали подготовленных преподавателей. В Мензелинской мужской прогимназии, действительно, работали очень неординарные учителя. Например, среди них встречались те, кто серьезно занимался научной деятельностью и активно публиковал свои труды.

Биографические штрихи о некоторых учителях. Очень любопытна персона учителя русского и латинского языков Мензелинской мужской прогимназии Шейковского Каллиника Васильевича. Он был уроженцем Подольской губернии, родился в 1835 г. в семье военнослужащего. Учился в Подольской духовной семинарии, затем – на историко-филологическом факультете Университета Святого Владимира (совр. Киевский университет), был удостоен ученой степени кандидата. Еще в студенческие годы начал публиковать научные труды. В Киеве дважды была издана его книга «Быт подолян». Этнографический труд содержал песни и сказки, описание обрядов жителей Подолья и другие материалы[42]. Кроме того, К.В. Шейковский издал различные методические брошюры для воскресных школ, публиковал статьи в журнале «Воспитание». Данные публикации были тесно связаны с его практической деятельностью в сфере народного образования: он работал в Подольской воскресной школе, потом – в школе при Университете Св. Владимира в Киеве. Помимо этнографических и педагогических изысканий, К.В. Шейковский занимался языковедческими проблемами. Основным его научным трудом считается «Опыт южнорусского словаря», изданный в 1861-м[43]. В начале 1870-х гг. Каллиник Васильевич некоторое время работал преподавателем Киевской духовной семинарии. Однако, как и многие интеллигенты с прогрессивными взглядами, вскоре К.В. Шейковский получил статус «неблагонадежного» человека, поэтому был вынужден жить вдали от родных мест. Сначала он уехал в г. Бобруйск, там

[42] Шейковский К.В. Быт подолян. Т. 1. Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1859. 71 с.
[43] Шейковский К.В. Опыт южнорусского словаря. В 4 т. Т.1. Киев, 1861. XVIII с., 224 стб.

Шейковский продолжал заниматься научно-педагогической деятельностью, активно публиковался. Однако и в Минской губернии жизнь деятельного учителя не сложилась, следующим местом его жительства стал Мензелинск. С 1877 г. Каллиник Васильевич Шейковский обосновался в уездном центре Уфимской губернии. Очевидно, сразу после появления этого человека в маленьком городке пошла молва о его научно-педагогических способностях, поэтому неудивительно, что с февраля 1877 г. он был принят в штат местной мужской прогимназии.

42-летний учитель русского и латинского языка Каллиник Васильевич помимо основных занятий, давал дополнительные уроки, выполнял обязанности классного наставника (руководителя), был секретарем совета прогимназии. Все эти направления работы оплачивались отдельно. Материальная сторона вопроса, безусловно, тоже имела значение. Тем более К.В. Шейковский продолжал за собственный счет издавать свои научные труды[44].

С 1879 г. ему доверили заведование Мензелинской мужской прогимназией, он становится инспектором. На этой должности Каллиник Васильевич проработал почти десять лет. В эти годы К.В.Шейковский публиковался преимущественно в «Филологическом вестнике», там увидели свет его статьи «О губном – р – в русском языке», «По поводу южнорусского словаря», «Разбор словаря г.Пискунова», «Разбор словаря Желеховского»[45]. Он оставался очень увлеченным наукой человеком.

Учитель французского языка Мензелинской мужской прогимназии Ромуальд Осипович Блажеевский тоже был увлечен наукой, но не лингвистикой. Он имел степень магистра по математике. Р.О. Блажеевский был, как и К.В.Шейковский, уроженцем западной окраины Российской империи. Он родился в Гродно в 1839 г. в семье польских дворян. Блажеевский прошел серьезную научную подготовку: учился в гимназии, потом – на физико-математическом факультете Московского университета, после получения степени кандидата продолжил обучение в Париже, где изучал геометрию. Полученные знания по-

[44] Шейковский К.В. Толкование слова «вира». Казань, 1878. 14 с.
[45] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887. С.8–9.

зволили ему защитить диссертацию на соискание ученой степени магистра. Работал преподавателем математики в школах Москвы и Варшавского учебного округа. В 1864–1873 гг. в Москве и Варшаве у него были изданы некоторые труды по математике и физике. Среди них «Об эллиптических интегралах 3-го вида», «О современном состоянии высшей оптики». Однако из-за семейных обстоятельств (заболела супруга) и собственного плохого самочувствия, вместе с семьей перебрался в Приуралье[46]. В своей автобиографии Р.О. Блажеевский не уточняет, чем было вызвано ухудшение состояния здоровья. Но переезд в Волго-Уральский регион империи мог быть связан с необходимостью кумысолечением.

В Уфимской губернии, возможно, у Ромуальда Осиповича жили родственники. Так, в 1871 г. секретарем комиссии при Уфимской казенной палате, занимавшейся проверкой дворянских земель, состоял некий Блажеевский. Судя по всему, тоже из местных дворян[47]. Не случайно выходец из семьи польских дворян выбрал местом жительства город шляхтичей в Поволжье – Мензелинск. Р.О. Блажеевский почти десять лет работал в Мензелинской мужской прогимназии, однако преподавал не математику, а французский язык. Должность учителя математики с самого основания прогимназии занимал Цвирко Константин Юлианович. Он учился в свое время в Казанском университете, однако ученой степени не имел[48]. Ромуальд Осипович в 1888 г. перебрался в Казань, где устроился приват-доцентом математики университета.

В знаменитом справочнике Н.П. Загоскина о преподавателях Казанского университета есть информация и о Блажеевском. Эти сведения о себе он предоставил сам. По неизвестной причине приват-доцент сознательно опустил из своей биографии мензелинский период, заменив все это время на проживание в Уфе. Безусловно,

[46] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904). Ч. 1. Казань, 1904. С.261.

[47] Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С.64.

[48] Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878. С.42–43.

это любопытный момент: почему бывший учитель Мензелинской гимназии не хотел упоминания данного факта в своей официальной биографии? Возможно, это объяснялось тем, что работал он в гимназии не по основной специальности – математике, а вел всего лишь уроки французского языка. В справочнике о преподавателях и профессорах Казанского университета, опубликованном уже в советское время, есть приписка о том, что в Казань Р.О. Блажеевский переехал из Мензелинска[49].

Работали в Мензелинской мужской прогимназии и другие учителя-исследователи. Они публиковали сочинения, имеющие прямое отношение к педагогической работе, где высказывали свои предложения по улучшению процесса обучения и т.д.[50] Все преподаватели прогимназии имели высокую профессиональную квалификацию, обучались в институтах и академиях. Например, учитель русского языка Курбатов Иван Иванович был выпускником Казанской духовной академии, другой его коллега, тоже преподававший русский язык, Соболев Семен Яковлевич окончил Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Данное учебное заведение было специально учреждено в 1867 г. для подготовки учителей русского языка, латыни и греческого, истории и географии. В этом институте большое внимание уделялось методике преподавания. Являлся выпускником Санкт-Петербургского историко-филологического института и учитель немецкого языка Мензелинской мужской прогимназии – Елинский Николай Маркианович. Помимо немецкого, он вел и уроки французского языка. Учитель истории и географии Тюменев Александр Иванович работал в прогимназии с февраля 1878 г. Он был магистром Московской духовной академии, имел много различных наград: орден Св. Анны 3 степени, медали в память о Крымской войне 1853–1856 и об усмирении польского восстания 1863–1864 г. Очевидно, к педагогической работе он приступил, после оставления военной службы. Поэтому учитель Тюменев был самым старшим в педагогическом коллективе. В 1878 г. ему было уже 60 лет, тогда как возраст его коллег варьировался от 24 до 42

[49] Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета: 1905–1917. Казань, 1986. С.36.

[50] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887. С.4, 11.

лет. Специализированное образование имелось и у учителя чистописания и рисования Макарова Филиппа Макаровича, он окончил Санкт-Петербургскую рисовальную школу[51]. Поэтому мужская прогимназия, с блестящим педагогическим составом, была настоящей гордостью образованного сообщества города.

Финансовые проблемы учебного заведения. Главным вызовом для Мензелинской мужской прогимназии стал майский пожар 1878 г. Уже через четыре года после открытия, из-за разрушительного городского события, у Мензелинской думы возникли проблемы с содержанием мужской прогимназии. Она уже не могла выделять каждый год 13 тысяч, оставила лишь 6 тысяч рублей. Это вызвало вопросы у Губернского по городским делам присутствия. Кроме того, в ходе пожара, сгорело и здание прогимназии. Учебный процесс был на время приостановлен, школа не работала с 1 мая по 12 октября 1878 г.[52] Дело усугублялось еще и тем, что среди 70 учеников, лишь 14 были из Мензелинска, т.е. средства, поступавшие из бюджета города, расходовались не на нужды горожан, а на жителей уезда.

И в конце 1878 г. учебное заведение так и не восстановилось. В результате, из-за недостатка средств 8 февраля 1879 г. прогимназия была закрыта. Помимо официальной причины (отсутствие денежных средств), анонимный корреспондент обращал внимание читателей и на другие поводы:

«Указывают, правда, как на ближайшую причину закрытия, на какую-то интригу и неудовольствия, возникшие будто бы между учителем прогимназии и некоторыми влиятельными общественными деятелями, но это только слух (...).Учебное заведение стерто с лица земли и 70 человек детей должны теперь ехать по другим городам искать образование», – писал он в «Казанском биржевом листке» в 1879 г.[53]

[51] Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878. С.44.
[52] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887. С.1.
[53] Казанский биржевой листок. 1879. 18 апреля. №30.

Судя по публикации, горожан, действительно, волновала судьба Мензелинской мужской прогимназии и ряд лиц не хотели ее закрытия. Например, Мензелинская городская дума продолжала писать ходатайства в различные инстанции: обратились гласные к попечителю Оренбургского учебного округа, решение Губернского по городским делам присутствия обжаловали в Правительственном сенате[54]. Основные запросы сводились к выделению дополнительных средств на дальнейшее содержание прогимназии. Просили депутаты от казны 8550 руб. Попечитель учебного округа отказался от финансирования, но обещал обратиться с данной просьбой к вышестоящим органам[55]. Неизвестно чем бы закончилась эта затея, если бы главой города был другой человек – менее энергичный и менее деятельный. В конце концов, результатом бумажной волокиты стала личная встреча мензелинского головы Александра Попкова с министром народного просвещения Д.А. Толстым. Он как раз в это время был проездом в Уфимской губернии, и голова выхлопотал аудиенцию для себя. Мензелинский голова Александр Григорьевич Попков являлся почетным попечителем прогимназии, и в этой критической ситуации он приложил титанические усилия для сохранения «городского детища». На встрече с министром был принят ряд важных решений о Мензелинской мужской прогимназии. Во-первых, было запланировано финансирование учебного заведения из казны на ближайшие пять лет. Во-вторых, Министерство просвещения выделило пособие за сгоревшее здание училищного ведомства. Здание Мензелинской мужской прогимназии до этого было застраховано на 31 тысячу рублей. Поэтому городские власти надеялись восстановить прогимназию, соединив страховую премию и казенное пособие.

Однако, после устного согласия министра народного просвещения, Мензелинской городской управе еще предстояло получить разрешения на эту операцию у руководителей других вышестоящих органов власти (уфимского губернатора, министра финансов). Поэтому перевод статуса прогимназии из муниципального на казенный счет был своеобразной бюрократической игрой[56]. Долгие пере-

[54] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д..43. Л. 17 об.
[55] Там же. Л.7.
[56] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.43. Л. 26.

писки о правомерности решения, принятого на встрече министра Д.А. Толстого с мензелинским главой А.Г. Попковым, оправдали себя. С 1879 г. казна начала отпускать пособие Мензелинской мужской прогимназии в размере 14 550 руб. в год. Эта практика продолжалась в течение пяти лет[57]. С 1 мая 1879 г. учебное заведение вновь открыло свои двери для учащихся.

В 1879 г. очередной раз сменилось руководство Мензелинской мужской прогимназии. С 1877 г. эту должность занимал Боголюбов Василий Александрович. Он являлся выпускником Санкт-Петербургского историко-филологического института, имел чин надворного советника, в свои 29 лет был уже награжден Орденом Св. Станислава 3 степени[58]. Его предшественником являлся Вакуленко Антон Павлович[59]. В 1877 г. статского советника Вакуленко наградили Орденом Св. Станислава 2 степени[60]. Однако в том же году его сменил В.А. Боголюбов, а через два года по каким-то причинам, и он заменен учителем К.В. Шейковским. Судя по всему, городские слухи о внутренних проблемах Мензелинской прогимназии и конфликте учителей с «влиятельными общественными деятелями»[61] были как раз отражением этих кадровых перемен.

Как уже было упомянуто выше, Каллиник Васильевич переехал в Мензелинск накануне 1878 г., он уже перешагнул 40-летний возрастной рубеж и за его плечами имелся шлейф не совсем благонадежного служащего. Тем не менее, в 1879 г. именно Шейковский становится новым инспектором едва не закрывшейся Мензелинской мужской прогимназии.

Но из-за неустойчивого финансового положения учебного заведения желающих учиться во вновь открывшейся прогимназии стало меньше. Тем более с начала 1880-х гг. была введена плата за обучение. Обучение в подготовительном классе стоило 10 руб. в год, а в

[57] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.53. Л.29.
[58] Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878. С.44.
[59] Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1877 год. СПб., 1877. С.472.
[60] Журнал МНП. Т.190. СПб., 1877. С.14.
[61] Казанский биржевой листок. 1879. 18 апреля. №30.

остальных классах – 15 руб.[62] При этом по количеству учащихся, из-за специфической программы обучения, прогимназия и до пожара уступала уездному училищу. Если смотреть на сословные звания учащихся, то примерно половину составляли ученики из купеческих и мещанских семей. За ними шли отпрыски дворян и чиновников. Чуть меньше обучалось крестьянских детей. И, наконец, меньше всего в прогимназии было детей духовенства[63]. Это объяснялось с одной стороны малочисленностью самого сословия в городе, с другой тем, что дети духовенства, очевидно, обучались, прежде всего, в приходском училище. Среди учеников были и те, которые росли в нуждающихся семьях. Для них в 1880 г. городская дума выделила отдельные деньги. Небольшая сумма – 100 рублей была адресована «в пользу бедных учеников городской мужской прогимназии»[64]. Между тем не все мензелинцы понимали для чего их детям необходимо учить латынь и греческий язык, если большинству учащихся достаточно было только научиться читать и считать.

Редким выпускникам Мензелинской мужской прогимназии удавалось найти применение классическим знаниям в родном городе. Среди таких счастливчиков, например, был выпускник прогимназии Соколов, ставший помощником провизора в Мензелинской земской аптеке[65]. Хотя таких случаев, конечно, было мало.

Количество учащихся прогимназии уменьшилось после событий 1878–1879 гг. Некоторые родители предпочли сразу отдавать своих детей в Мензелинское уездное училище. Ученики не только с приготовительных, но и 1 и 2-х классов прогимназии переводились в уездное училище. Особенно мало осталось учеников в старших классах. Как отмечали сами преподаватели, максимальное число

[62] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Ч.1. Казань, 2008. С.350.

[63] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887. С.31.

[64] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.53. Л.72 об.

[65] Журналы XIV очередного Мензелинского уездного земского собрания с 11 по 18 октября 1888 г. и доклады управы с приложениями к ним. Казань, 1889. С.77.

учащихся Мензелинской мужской прогимназии достигало 77 учеников, а минимальным числом было 42 чел.

Попечитель Оренбургского учебного округа уже с 1882 г. считал прогимназию малоперспективным учебным заведением. Он предлагал вместо прогимназии учредить мужские и женские училища, «программы которых полные» и «несомненно более соответствовали местным потребностям».[66] Попечитель следовал политике министра народного просвещения И.Д. Делянова, выступавшего за преобразование прогимназий в городские училища – таким образом стремились закрыть доступ представителям непривилегированных социальных групп к гимназическому и университетскому образованию. Еще по «Положению о городских училищах» 1872 г. предполагалось увеличение числа многоклассных городских училищ и замена ими существующих прогимназий[67].

Между тем в Мензелинске строили новое здание для мужской прогимназии, взамен сгоревшему в 1878 г. Однако строительство тоже превратилось в долгострой. Новое здание для учебного заведения было построено лишь к 1886 г. В конце августа того года учащиеся переехали в новое помещение[68]. Тем временем мужская прогимназия стала настоящей головной болью для городских властей.

К середине 1880-х гг. до Мензелинска дошли отголоски политики министра просвещения по преобразованию прогимназий в упрощенные городские училища. Во многом закрытие Мензелинской мужской прогимназии было отсрочено из-за правительственной помощи, полученной в 1878 г. Усилиями городских властей казенное пособие продлевалось несколько раз. Мензелинская городская управа с 1886 до 1888 г. на содержание прогимназии получала немного урезанную материальную помощь от казны: 8550 руб. в год. Кроме правительственной субсидии из городского бюджета на прогимназию выделялось еще 6000 руб. Но, в конце концов, реформирование системы народного образования коснулось и мужской прогимназии маленького уездного города.

---

[66] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.63. Л.16.

[67] Емалтдинова Г. Городское самоуправление на Южном Урале: вторая половина XIX – начало XX века. Уфа, 2003. С.156–157.

[68] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887. С.4–5.

«Дамоклов меч ежеминутно грозит обрушиться на нашу злосчастную прогимназию, и в не далеком будущем нам, мензелинцам, следует ожидать разрешения рокового для нее вопроса: быть или не быть? – с большим вероятием можно полагать, что Фортуна, так долго щадившая это неудачное детище города Мензелинска, на сей раз отвернется от него», – предвещал наслышанный о делах прогимназии аноним из Мензелинска в 1887 г.[69]

Некоторые люди разделяли мнение попечителя Оренбургского учебного округа о том, что для Мензелинска мужская прогимназия – это роскошь. Однако основная проблема была не в том, что данный формат школьного обучения не соответствовал реалиям местных жителей, а в не соблюдении целого ряда условий его существования. У властей города было огромное желание иметь в Мензелинске собственное среднее учебное заведение высокого класса, сначала прогимназия содержалась полностью за городской счет. Однако пожар 1878 г. сильно подорвал финансовые возможности муниципалитета. В условиях нестабильности педагогических кадров страдало качество образования, ученики не демонстрировали выдающихся результатов, не всегда могли поступить в гимназии для продолжения обучения. Все это влияло на репутацию прогимназии, уменьшалось количество учащихся. Плюс ко всему городской голова А.Г. Попков, на протяжении почти десяти лет ходатайствовавший о всевозможных казенных пособиях для прогимназии, очевидно, к концу 1880-х гг. морально выгорел.

«…Энергия нашего общества, а в частности нашего городского головы в деле прогимназии видимо ослабела…», – констатировал мензелинец, скрывавшийся за псевдонимом «Старый знакомый». Он же эмоционально вопрошал, что «за 13 лет жизни этого учебного заведения израсходована масса денег и что ж вышло из того? Соответствуют ли этой затрате полученные результаты, где они? Да их и в микроскопе с трудом подметишь»[70].

[69] Казанский биржевой листок. 1887. 12 июля. № 157.
[70] Там же.

Как видно, из короткого экскурса в биографии некоторых преподавателей Мензелинской мужской прогимназии, порой профессиональные умения преподавателей использовались не особенно эффективно. Например, Р.О. Блажеевский, впоследствии «приват-доцент чистой математики» в Казанском университете, в прогимназии являлся учителем французского языка, тогда как мог бы блестяще преподавать точные науки. Между тем, математику в Мензелинской прогимназии (как в мужской, так и в женской) вел К.Ю. Цвирко, действительный студент университета, т.е. человек, имевший лишь справку об обучении в высшем учебном заведении. Конечно, далекие от научно-методических вопросов отцы города, вроде А.Г. Попкова, будучи выпускниками скромных городских и приходских училищ, не могли учесть всех нюансов работы прогимназии. Тем не менее, обращает на себя внимание анонимные корреспонденции 1884 г. из Мензелинска для казанских газет, где имелись намеки о доносах Попкова на учителей прогимназии[71]. Может быть, таким образом, деятельный городской голова пытался решить вопросы педагогической неэффективности?

Мензелинская мужская прогимназия – «самое дорогое детище города, но самое капризное, жалкое и неудачное» – закрылась в 1887 г. Число учеников тогда не превышало 60 чел. На заседании Мензелинской городской думы 1 августа 1887 г. гласные решили преобразовать её по примеру других самоуправлений в городское училище с ремесленными классами. Это учебное заведение требовало меньших затрат, но, по мнению большинства горожан, от неё ожидали большей пользы. На содержание шестиклассного городского училища с преподаванием в нем новых языков и ремесел для желающих дума собиралась ассигновать 3000 руб., для помещения предложили оставить новое здание прогимназии. Так завершилась тринадцатилетняя история самого громкого городского проекта Мензелинска.

[71] Н.Ш. Очерки думской жизни. Провинция и провинциальная печать // Русская мысль. 1886. №1. С.135.

5.3. Отношение населения к учебе и развитие профессионального образования

Ситуация в первой половине XIX века. Перемены пореформенного времени. Профессиональное образование в Мензелинском уезде.

Пример Мензелинской мужской прогимназии показывает, какими разными были ожидания городского общества. Часть населения хотела видеть в уездном городе образцовую классическую гимназию, очаг высокой культуры и науки, другая же – требовала обычной школы, способной стать настоящим инструментом для преодоления трудностей жизни простого горожанина.

Ситуация в первой половине XIX века. Отношение населения уездных городов к учебе и учености – одна из малоисследованных научных проблем. Возникновение школ и широкое распространение народного образования в Мензелинске, безусловно, указывают на рост интереса к учебе. Но процесс популяризации школьного образования был сложным. Например, в 1816 г. учитель Иван Шляпников о мензелинцах писал следующее:

«народное образование находятся здесь еще на нижней ступени. Шляхтичи, занимающиеся единственно хлебопашеством и скотоводством, не пекутся ни о своем, ни детей своих просвещении, есть конечно исключения, но они малочисленны (..) Белопахотные крестьяне почти не отличаются от шляхетства. Хотя правительство и старается всемерно о просвещении их, но не смотря на то они детей своих отдают в училище не ранее 15 или 16 летнего возраста, и при том часто отрывают их к полевым работам»[72].

В картине мира обычного мензелинца начала XIX в. полевые работы занимали самое главное место, поэтому и ребенок рассматривался, прежде всего, как работник. Основной его обязанностью была не учеба, а посильный вклад в семейное дело, главным обра-

[72] ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ. Ф.35. Оп.1. Д.23. Л.3.

зом, в сезонные работы. Городские крестьяне не считали учебу долгосрочным вкладом в будущее благополучие семьи.

Поэтому на фоне грустного высказывания Ивана Шляпникова немного диссонирующим выглядит помпезное празднество преобразования Мензелинского народного училища в уездное, состоявшееся 23 августа 1817 г. Праздник был организован городскими властями и их ближним кругом из местных дворян и купцов. Может быть, небольшая часть горожан из числа чиновников, все-таки рассматривала школьное образование как возможность для будущей профессиональной реализации своих детей? Однако и данное торжество было чем-то вроде показательного мероприятия для одного человека – ревизора из Казани, профессора университета Филиппа Леонтьевича Брейтенбаха. Он выполнял обязанности визитатора училищ Оренбургской губернии (позднее эта должность стала называться инспектор народных училищ – прим.). Брейтенбах приехал в Мензелинск 18 августа и назначил на 23 августа торжественное преобразование малого народного училища в уездное. 20 и 21 августа профессор провел публичные экзамены для учеников училища, а 22 августа в Никольском соборе состоялась особая литургия по этому поводу. На следующий день в здании училища горожане собрались на праздничное собрание, где разные люди выступили с торжественными речами, наградили лучших учеников книгами и яблоками. Деньги на подарки были пожертвованы местными жителями. Состоялся и торжественный обед в честь нового статуса училища. В центре этого мероприятия были мензелинский городничий, штабс-капитан Алексей Пыпин, учитель Иван Шляпников, титулярная советница Глафира Филиповичева[73], а также супруга городничего, штабс-капитанша Авдотья Пыпина. Ими был организован сбор пожертвований в пользу училища, праздничное собрание, обед и даже иллюминация здания училища. Военные города в честь праздника произвели три пушечных выстрела. Всего в пользу Мензелинского уездного народного училища в эти дни собрали 331 рубль, что для начала XIX в. являлось

[73] Филиповичи были дворянским родом, происходили от польского шляхетства.

приличной суммой[74]. Казалось бы, вот ярчайшее доказательство самого положительного отношения населения к просвещению, если столь радостно отмечалось изменение статуса местного училища. Но как уже было отмечено выше, на бурную деятельность городских властей вокруг этого события все же сильное воздействие оказал приезд университетского ревизора.

Хотя нельзя отрицать и некоторого положительного эффекта уже после мероприятия. Ведь такое внимание к уездному училищу было своеобразной рекламой учебного заведения среди народа. Если в 1803 г. в Мензелинском малом народном училище обучалось 47 учеников, то в 1817–1818 учебном году их число выросло до 75 чел.[75] Однако для города с населением более 3 тыс. человек, а также для густонаселенного уезда, эти цифры были очень и очень незначительными. Тем более если учесть, что в Мензелинске в данный период проживали, в основном, только старики, женщины и дети. Значит, из 3235 жителей число потенциальных учеников никак не могло равняться лишь к 75, т.е. составлять чуть более 2% от общего числа городского населения. Детей школьного возраста на самом деле было явно больше, однако они оставались за рамками школьной жизни.

Но и те, кто все же поступили в училище, не отличались особой дисциплиной. Из-за сельскохозяйственного уклада жизни мензелинцев дети посещали школы нерегулярно, в зависимости от сезона: осенью и зимой учеников было больше, а весной, во время посева, число учащихся заметно сокращалось. Например, в сельских школах, даже в 1880-е годы, уже в марте завершали учебный год. Многие недоучивались, т.к. большинство родителей ограничивались тем, что дети умели читать, писать и считать. В середине XIX в. в среднем в год Мензелинское приходское училище оканчивали 16 человек, а уездное училище – только 6 учеников.

---

[74] Описание торжественного преобразования Оренбургской губернии Мензелинского малого народного училища в уездное // Казанские известия. 1818. 20 ноября. №93.

[75] Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива МНП. СПб., 1902. Т. 4, вып. 1. С.308; Казанские известия. 1818. №93. 20 ноября.

Перемены пореформенного времени. Классическое рассуждение типичного обывателя приведено в одной из публикаций известного публициста Сергея Приклонского:

«Грамоты не знаю, а на сшотах класть умею, – заявил один гласный в публичном заседании мензелинской городской думы». Столичный литератор писал свои заметки о жизни провинциальных городов во второй половине XIX в. По его словам, все гласные «в громадном большинстве, недалеко ушли вперед по части образованности. Все это – полуграмотные люди, которые с грехом пополам подписывают свою фамилию под векселем, и много – если могут написать трактирный счет»[76].

В основном, выпускниками уездного училища являлись дети дворян и чиновников. По оценке местного интеллигента, очевидно, хорошо знакомого с постановкой учебного дела в Мензелинске, В.Д. Курбатова, в середине XIX столетия идеи просвещения не пользовались особой популярностью в народе, а в училищах даже если обучались дети дворян и чиновников, то «кажется более для аттестата, необходимого для службы»[77].

Именно такие родители отправляли своих детей, после окончания ими приходских и уездных училищ, учиться дальше – в гимназии других городов. Например, в ходатайстве Мензелинской городской думы от 1873 г. указывалось, что до 20 учеников из Мензелинска проходят обучение в Казанской и Уфимской мужских гимназиях. Это было доступно не всем родителям, т.к. требовало дополнительных материальных затрат.

«В Мензелинском уезде имеется большое количество бедных дворян не имеющих средств посылать детей своих в соседние гимназии и потому обреченных на лишение всякой возможности к образованию», – писали гласные[78].

---

[76] Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С.296.

[77] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.74.

[78] ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.14390. Л.2.

Поэтому на открывшуюся в том же году Мензелинскую мужскую прогимназию возлагались большие надежды.

В целом, 1870–1880-е гг. – время перелома в сознании большинства людей, переосмысления привычных понятий, в том числе изменения отношения к образованию. Прежде всего, формируется другой образ учености, это была уже не совокупность абстрактных знаний, а набор профессиональных навыков. Вышеприведенное заявление неизвестного мензелинского гласного – «грамоты не знаю, а на сшотах класть умею» является яркой иллюстрацией практицизма в мышлении ученика нового поколения. Наверно, этим объясняется не популярность Мензелинской мужской прогимназии среди широких слоев городского населения. Мало кто стремился учить древние языки, большинству нужно было научиться быстро считать, и желательно на счетах.

В 1876 г. при Мензелинском уездном училище открылись дополнительные ремесленные классы. Городская управа ежегодно выделяла 600 руб. на их содержание и проверяла отчеты[79]. В ремесленных классах обучали, прежде всего, основам бухгалтерии[80]. Кроме того, выпускники училища становились учителями сельских школ Мензелинского уезда. Например, по данным 1880 г., учителем Простинского земского одноклассного училища работал Сергей Колодов. Как и его коллега из Пальчиковского земского училища Петр Евареcтов, он был выпускником Мензелинского уездного училища[81].

Но это учебное заведение не могло вместить всех желающих, поэтому в 1880-е гг. начался конкурсный отбор учеников. Современники отмечали, что Мензелинское уездное училище пользуется «лестною и вполне заслуженной репутацией». На таком фоне в мужскую прогимназию брали уже не только тех, кто хотел и был готов изучать латынь и другие иностранные языки, но и не сумевших поступить в уездное училище. Конечно, ученики, с самого начала настроенные на простую учебную программу, не стремились продолжить обучение где-то еще, да и разнообразие языковых дисциплин радовало не всех учащихся. Поэтому из выпускников Мен-

[79] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д. 43. Л.6 об.
[80] Уфимские губернские ведомости. 1876. 22 мая.
[81] ГА РТ. Ф.1286. Оп.1. Д.1. Л. 33–33 об.

зелинской мужской прогимназии очень немногие продолжали образование в Уфимской, или Казанской гимназии. Это породило дальнейшие городские слухи о том, что качество преподавания в прогимназии оставляет желать лучшего[82].

Тем не менее, кто действительно хотел учиться дальше, даже после окончания приходского училища продолжал обучение, в том числе в гимназии.

«Пролетели три года. С наградой и похвальным листом окончена школа, – вспоминал А.С. Сливко, выпускник Мензелинского приходского училища 1895 г. – В сумке лежала уже не разбитая грифельная доска, а книжки и тетради. Большинство окончивших три класса приходской школы на этом закончили свое образование; очень немногие поступили в городское училище и еще учились три года...»[83].

Выходец из семьи земских служащих Александр Сливко окончил Казанскую мужскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. В советские годы преподавал в Омском педагогическом институте, стал первым ректором этого высшего учебного заведения.

Еще более удивительным образом сложилась судьба других учеников Мензелинского приходского училища – братьев Тюриных: Александра, Петра и Ивана. Их отец Владимир Тюрин, 1832 г.р., был крепостным крестьянином из Елабужского уезда Вятской губернии, получив вольную, он приписался к мещанам г. Елабуги и занимался мелочной торговлей (коробейничеством). Сколотив небольшой капитал, коробейник обосновался в Мензелинском уезде соседней Уфимской губернии, недалеко от сельца Нижний Тимирган, арендовал землю и занялся хлебопашеством. В 1898 г. из-за возраста он оставил хозяйство и переехал в Мензелинск, купил там небольшой дом с приусадебным участком[84]. Примечательно, что, имея сыновей, отец семейства не стремился использовать их как рабочую силу в своем

[82] Казанский биржевой листок. 1887. 9 августа. № 180.
[83] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.9.
[84] От крестьянина до профессора. Петр Владимирович Тюрин. Автобиография [Электронный ресурс]. http://niorh.vniro.ru/ru/istoriya/history-uchenye/tyurin-p-v/k-120-letiyu-tyurina (дата обращения 27.11.2023).

хозяйстве. Сыновья бывшего крепостного крестьянина в это время получали образование. В результате, старший сын – Александр Тюрин стал доктором сельскохозяйственных наук, был ректором Воронежского сельскохозяйственного института. Средний сын – Иван Тюрин тоже пошел по стопам брата, стал известным почвоведом, академиком АН СССР. Младший брат – Петр Тюрин изучал рыбный промысел, стал доктором биологических наук.

«В 1900 г. отец умер, когда мне было 4 года, а старшему брату – 14 лет, который и продолжил вместе с матерью вести маленькое хозяйство», – вспоминал П.В.Тюрин.

Несмотря на трудности, все три сына сумели окончить школу. Петр Тюрин в 1906 г. окончил Мензелинское приходское училище, после этого он поступил в Мензелинское городское училище, затем заручившись финансовой поддержкой Мензелинского уездного земства, продолжил обучение в Самарском среднем сельскохозяйственном училище. В 1916 г. Тюрин П.В. получил звание «агронома». Уже в советские годы он окончил институт, начал заниматься научной деятельностью. Вероятно, это были исключительные случаи для учеников Мензелинской приходской школы.

Логичным выходом из сложной ситуации с Мензелинской мужской прогимназией в 1887 г. некоторым горожанам представлялась замена классической программы обучения на «какое-нибудь ремесленное или техническое училище». Считалась, что в городе ощущается «крайняя и самая насущная потребность» в ремесленном образовании[85]. Так мужская прогимназия в Мензелинске превратилась в 4-х классное городское училище. И оно, действительно, было гораздо популярнее предшественника. Ежегодно в городском училище обучались около 150 человек. Состав учеников был поликонфессиональным. Так, с 1897 г. вероучителем в Мензелинское городское 4-х классное училище был приглашен мензелинский имам Газетдин Мухаметвалиев[86].

[85] К вопросу о Мензелинской мужской прогимназии (от нашего корреспондента) // Казанский биржевой листок. 1887 год. 12 июля. № 157.
[86] ГА РТ. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 2. Л. 13 об.–16 об.

Ученики-татары, помимо городского училища и других учебных заведений уезда, получали образование и в открывшемся в начале XX века Мензелинском городском медресе. Оно тоже было организовано силами муллы Мухаметвалиева при мусульманском молитвенном доме. С 1908 г. Мензелинское уездное земство начало выделять пособие на содержание русского класса при медресе[87]. Для этого в медресе пригласили специального учителя (мугаллим). Им стал уроженец д. Старое Килимово Белебеевского уезда Уфимской губернии – 31-летний Исмагил Усманов. Он был выпускником одного из казанских медресе[88].

В начале XX в., как и в начале XIX столетия, мензелинские учебные заведения устраивали праздники. Но это уже были не показные мероприятия для ревизоров, а праздник для самих учащихся и учителей. Например, в 1909 г. в Мензелинском городском училище, на пожертвованные Педагогическим советом деньги, устроили рождественскую ёлку. На праздниках, кроме учеников, присутствовали все педагоги городских школ. Кроме того, традиционными стали торжественные собрания в честь окончания учебного года, где, наряду с учениками и учителями, присутствовали и родители[89]. Такие мероприятия свидетельствовали о другом отношении к учебе, как к чему-то важному и нужному. Обращает на себя внимание и активное участие родителей в жизни учеников.

Если раньше при учебных заведениях существовали лишь попечительские советы или же единичные попечители, то в начале XX в. возникают родительские комитеты. Таковой был организован в годы Первой мировой войны при Мензелинском реальном училище. Данный комитет стал самым активным в городе и, по сути, он выступал координирующим центром всех учебных заведений города. В условиях тотального роста цен, военной мобилизации многих отцов,

[87] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С. 42.

[88] Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов. Казань, 2012. С. 255.

[89] ГА РТ. Ф. 1286. Оп.1. Д.2. Л.10–10 об.

представители этого общественного объединения организовали специальный благотворительный фонд, деньги из которого в дальнейшем распределялись среди нуждавшихся учеников не только реального училища, но и всех остальных городских школ. Первым председателем родительского комитета был Иван Владимирович Харкевич, но вскоре объединение возглавил весьма деятельный доктор медицины Сергей Антипатрович Курбатов. Очень многие семьи в это время уже не могли оплачивать учебу своих детей, и тогда на помощь приходил родительский комитет. Ставились и благотворительные спектакли, однако сборы с них были небольшими. Родительский комитет собирал не только денежные средства, но и продукты питания, одежду и т.д. Для учащихся Мензелинского реального училища был организован чай с хлебом и сахаром. Кто-то из учеников питался в то время один раз в день и только в училище[90].

Таким образом, почти за сто лет отношение большинства населения к учебе и школьной системе серьезно видоизменилось. Самой первостепенной обязанностью ребенка было уже обучение в школе. Даже военные условия жизни не могли изменить данную жизненную установку. Это подтверждает и прогрессивный шаг муниципальных органов власти Мензелинского уезда, которые еще в 1913 г. постановили о необходимости введения всеобщего школьного обучения[91].

Профессиональное образование в Мензелинском уезде. Помимо начального образования, в уездных городах, в том числе и в Мензелинске, были заинтересованы в учебных заведениях с возможностью получения определенных ремесленных навыков. Самыми первыми шагами в этом направлении стали открывшиеся при городских училищах ремесленные классы. В Мензелинске такой класс начал работать при уездном училище с 1876 г. Еще одно направление профессиональной подготовки развивалось в Мензелинской женской прогимназии, где всегда старались давать ученицам прикладные знания,

[90] ГА РТ. Ф.483. Оп.1. Д.1. Л.3, 7, 12, 48, 50–58.

[91] Школьная сеть для введения всеобщего обучения в Мензелинском уезде Уфимской губернии. Сост. к 1 янв. 1914 г. Казань, 1913. 385 с.

основы «мастерства»: учили шитью и вязанью[92]. В том же 1876 г. там открылся педагогический класс. Показателем его успешности вскоре стали многочисленные выпускницы – учительницы начальных школ Мензелинского уезда и других районов Закамья.

Примечательным явлением для уезда стало открытие в 1891 г. Мензелинской низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда. Дело о необходимости открытия такого учебного заведения было инициировано земскими деятелями во главе с М.М.Останковым еще в 1881 г. Гласные Мензелинского уездного земского собрания считали, что в уезде необходимо развивать именно сельское хозяйство, т.к. не было «ни фабрик, ни больших заводов, ни кустарных и отхожих промыслов, могущих пропитывать население», отсутствовали, «за небольшим исключением необходимые ремесла»[93]. Для открытия сельскохозяйственной школы недалеко от Мензелинска земцы просили у казны выделить 2000 десятин земли. Но в итоге Министерство государственных имуществ согласилось в 1883 г. передать на нужды нового учебного заведения лишь 500 десятин земли. На деле же Мензелинская низшая сельскохозяйственная школа получила участок размером в 309 десятин.

Конечно же, училище с сельскохозяйственной спецификой не могло находиться в самом уездном городе. Поэтому школа располагалась в десяти верстах от Мензелинска, недалеко от деревни Старое Мазино. При школе был разбит фруктовый сад, велось так называемое «промышленное огородничество». Кроме того, разводили лошадей особых пород; школьное стадо состояло из крупного рогатого скота, овец романовской породы и йоркширских свиней. Работала учебная столярная мастерская, кузница и небольшая слесарная мастерская[94]. Содержание хозяйственной базы школы требовала больших усилий, но она давала еще и широкие возможности для практики.

---

[92] Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань, 1885. С.74.

[93] Там же. С.595–596.

[94] Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по департаменту земледелия и лесному департаменту. СПб., 1908. С.766.

Сельскохозяйственная школа готовила, главным образом, будущих управляющих помещичьими хозяйствами и другими аграрными производствами, агрономов, пчеловодов и т.д. В 1893 г. в качестве преподавателя Мензелинской низшей сельскохозяйственной школы был определен кандидат сельского хозяйства Александр Бурлуцкий[95], что является показателем серьезного подхода к кадровому подбору. По сведениям 1897 г., среди преподавателей были выпускники специализированных учебных заведений: Харьковского земледельческого училища, Московской земледельческой школы[96]. Расширялась и техническая база учебного заведения. В конце 1897 г. был поднят вопрос об устройстве склада земледельческих орудий и машин при Мензелинской низшей сельскохозяйственной школе[97].

В училище обучались, в основном, дети крестьян. Желающих было очень много. Ученикам предоставляли бесплатную одежду и питание. Вот как вспоминал о годах учебы выпускник 1918 г., крестьянский сын Гурьянов, уроженец д. Большая Ташлыярка Мензелинского уезда: «После окончания 4-классной земской школы в 1913 году поступил в Мензелинское сельскохозяйственное училище. Сдавать экзамены приехало 86 человек, а принято было только 13. Поступившие были преимущественно из крестьян-бедняков и середняков, т.е. из таких семей, которые не могли учить своих детей в гимназии, реальном училище и в других учебных заведениях. Занятия в училище проводились с 1 сентября по 1 мая. Так как уход за скотом лежал на учащихся круглый год, учебный процесс протекал так: часть учащихся с 7 часов утра выходила на работу на ферме, а другая часть в это время занималась в классах, а во второй половине дня – наоборот. После 6 часов вечера все занимались в классах по подготовке домашних заданий, чтением художественной литературы и т.д. С 1 мая занятия прекращались, и все учащиеся работали по хозяйству: пахота, сев, уборка хлебов и сена, пастьба скота, работа в саду и огороде, вывозка навоза и др. Словом, все хозяйство обслуживалось силами учащихся. Наемными были лишь заведующий хозяйством,

[95] РГИА. Ф. 398. Оп. 59. Разр. I. Д. 19147Л. Л.1.
[96] Кузница сельскохозяйственных кадров. К 125-летию Мензелинского сельскохозяйственного техникума. Казань, 2014. С.10.
[97] РГИА. Ф. 398. Оп. 64. Разр. II. Д. 126. Л.1.

конюхи, кладовщики, ночные сторожа, прачки, повара, пекари и др. Летних каникул не было, а зимние продолжались 12 дней с 25 декабря по 6 января». Гурьянов отмечал, что с училищем у него связаны самые приятные воспоминания. Кроме того, по его наблюдениям в первые годы после революции все заведующие совхозами, участковые агрономы и агрономы в аппарате кантземуправления» были выпускниками Мензелинского сельскохозяйственного училища. Он и сам в 1920 г. стал завсовхозом «Никольское»[98].

Вслед за сельскохозяйственной школой в Мензелинском уезде, в 1-м Мензелинском лесничестве, в 1893 г. была открыта Биклянская низшая лесная школа. Учебные заведения такого типа должны были подготовить «сведущих по лесной части лиц для замещения низших должностей (кондукторов) по лесному управлению»[99]. Таким образом, школа готовила помощников лесничих, они состояли в штате лесного ведомства.

Преобразование в 1887 г. Мензелинской мужской прогимназии в городское училище тоже было вызвано соображениями необходимости близкого к реалиям городской жизни, практичного образования. Но идея открытия специальных ремесленных классов при учебном заведении созрела только в начале XX в. В 1905 г. в четырехклассном Мензелинском городском училище было учреждено ремесленное отделение, где обучали слесарному, кузнечному, столярному делу. Для этого во дворе училища имелась специальная кузница. Надо отметить, что в городском училище преподавали довольно квалифицированные специалисты. Судя по всему, это было продолжением кадровых установок мужской прогимназии. Например, в начале XX в. половина педагогического состава имела высшее образование. Среди преподавателей были выпускники Оренбургского, Томского, Казанского учительского институтов, а учитель ремесленных классов Василий Врачев получал образование в Кунгурском техническом училище им. Губкина[100]. В это время учи-

[98] Кузница сельскохозяйственных кадров… С.13–14.

[99] Евдокимов И.В., Неволин Н.Н. К истории низших лесных школ в России // Наука – агропромышленному комплексу. Т. 3. Биологические науки. Вологда, 2009. С.78–81.

[100] ГА РТ. Ф.1286. Оп.1. Д.2. Л.3, 4, 12.

телями здесь работали еще В.М.Сухарьков, П.П. Озеров, Н.М.Зубов, Н.С. Ивыгин, А.М. Гаврилов, О.В. Комаров[101].

Однако в городе и уезде к тому времени, очевидно, был уже переизбыток кузнецов, слесарей и т.п. специалистов. Тем более аналогичный ремесленный класс давно уже работал в уездном училище. Поэтому новая задумка городского училища не имела особого успеха. Учащихся в ремесленном отделении собралось немного. Например, в 1908 г. в самом городском училище проходили обучение 156 чел., а число учеников в ремесленном отделении было всего 9 чел.[102] Отцы города объясняли это тем, что в Мензелинске не было фабрично-заводских предприятий, поэтому выпускники ремесленного отделения не могли найти работу в самом городе или где-то поблизости. Из-за этого многие слесари и кузнецы занимались кустарными промыслами, ремонтировали и изготавливали предметы домашнего обихода. В училище их начали учить делать кастрюли, тазы, ведра, умывальники, подшипники, трубы, и даже детские ванны и кровати. Заведовал ремесленным отделением сам инспектор – В.М.Сухарьков[103]. Интересно, что гораздо успешнее работал при городском училище класс ручного труда, который содержался за счет земства. В нем обучали столярному делу, токарной и резной работе. В 1908/1909 гг. в этом классе занимались 80 учеников. Преподавателем являлся Н.В. Халитов, выпускник учительского института[104].

Мензелинское уездное училище, еще в 1876 г. наметившее курс в сторону прикладного образования, в XX в. преобразилось в реальное училище. Учебные заведения такого типа стали особенно популярными к тому времени. В отличие от гимназистов гуманитарного склада, реалисты получали конкретные знания по естественным и точным наукам. Мензелинское реальное училище открылось в 1908 г.[105] Многих учеников заинтересовала новая возможность в

[101] Там же. Л.3.
[102] ГА РТ. Ф.1253. Оп.1.Д.3. Л.10 об.
[103] Там же. Л.3–5 об.
[104] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV-й очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С.241–242.
[105] ГА РТ. Ф.1286. Оп.1. Д.2. Л.4.

сфере народного образования. В реальном училище давали основательные знания по естествоведению, географии, физике, математике, истории; преподавали немецкий и французский языки[106]. Выпускники могли поступить в высшие учебные заведения. Неудивительно, что воспитанник Мензелинского реального училища – Б.П. Никольский позднее стал выдающимся ученым в области физики и химии.

Директором реального училища работал статский советник В.П. Хлебников[107]. При ученом заведении действовал даже родительский комитет, у учеников и преподавателей были большие надежды на будущее, в том числе планировался переезд в новое здание. Однако Первая мировая война изменила все намеченные цели. После Гражданской войны в здании Реального училища разместилось уже Педагогическое училище.

Из дореволюционных профессиональных школ самыми счастливыми оказались судьбы сельскохозяйственного училища и женской гимназии с педагогическими классами. Преемники этих очагов просвещения и сегодня продолжают готовить специалистов для аграрного сектора экономики и для сферы народного образования.

5.4. Социально-экономическое положение учительства пореформенного времени

Учительское жалованье.
Социокультурные особенности мензелинских учителей.

О мензелинских учителях было сказано в нескольких эпизодах чуть ранее. Мы познакомились с учителями дореформенного времени, с учительницами женской прогимназии и её выпускницами, не менее интересными были и учителя мужской прогимназии. Но остались некоторые вопросы, связанные с учителями обычных училищ. Кроме того, не получили должного освещения проблемы ма-

[106] ГА РТ. Ф.1255. Оп.1. Д.1. Л.1 об.
[107] Там же.

териального положения, социокультурной роли педагогов пореформенной поры.

Кстати, по правилам русского языка дореволюционного времени слово «учитель» во множественном числе обозначался как «учителИ».

Учителей и учительниц мензелинских школ конца XIX – начала XX в. условно можно разделить на две группы: в первую входили педагоги гимназий и прогимназий, вторую составляли лица, преподававшие в городских, сельских и приходских училищах.

Учительское жалованье. Доход учителей сильно зависел от статуса учебного заведения. Например, годовой доход инспектора Мензелинской мужской прогимназии в 1878 г. составлял 1860 руб. А учитель русского и латинского языков К.В. Шейковский, который помимо своих уроков давал дополнительные уроки, и выполнял ряд административных обязанностей, зарабатывал в мужской прогимназии 1560 руб. Таким же был доход в том году у его коллеги С.Я. Яковлева, выполнявшего, кроме преподавания, еще и обязанности библиотекаря Мензелинской мужской прогимназии. Годовое жалованье учителя математики К.Ю. Цвирко, который ограничился лишь дополнительными обязанностями классного наставника, составляло в 1878 г. 1150 руб.[108]. Эти суммы кардинально отличались от доходов сельских учителей, а также преподавателей училищ. Даже помощник классных наставников (руководителей) в мужской прогимназии получал больше жалованья, чем некоторые учителя училищ. Например, годовое жалованье 25-летнего Тихановского Михаила Андреевича, выпускника Мензелинского уездного училища, работавшего в 1878 г. помощником классного наставника в прогимназии, составляло 300 руб. в год[109]. В том же году, в Мензелинском приходском училище учитель Симонов Алексей Яковлевич (тоже являлся выпускником Мензелинского уездного училища) получал за свою педагогическую работу 360 руб. Кроме того, он был обеспечен служебным жильем. При этом у учителя имелся солид-

[108] Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878. С.42–43.
[109] Там же. С.44.

ный опыт работы: педагогической работой А.Я. Симонов занимался с 1852 г.[110]

Между тем, учителя Мензелинского уездного училища, где в свое время учились и А.Я. Симонов, и М.А. Тихановский, тоже получали, по сведениям 1878 г., скромное жалованье. Например, руководитель училища Хрусталев Константин Алексеевич довольствовался годовым доходом в 400 руб., пользовался служебной квартирой. Основная ставка всех остальных учителей Мензелинского уездного училища в 1878 г. составляла 330 руб. в год. Кроме того, учебное заведение предоставляло «квартиру в натуре» (служебное жилье) или же «квартирные деньги». Как и в прогимназиях, в училище доплачивали за дополнительные уроки. Например, за уроки бухгалтерии учитель арифметики и геометрии Илья Андреевичу Таланкин получал еще 120 руб.[111]

Существенный разрыв между доходами учителей гимназии и учителей уездного и приходского училищ можно объяснить не только разницей в статусе учебных заведений, но еще таким моментом как «квартирные деньги», «квартира в натуре». В Мензелинской мужской прогимназии, как, впрочем, и в женской прогимназии, не предусматривалась статья расходов на жилье учителям. Тогда как в уездном, приходском училище эти статьи расходов были. Если учесть, что в Мензелинске цены на аренду жилья считались достаточно высокими, особенно во время ярмарки, то учителю было даже выгоднее получение «квартиры в натуре». «Квартирных денег» или иными словами денежной компенсации часто не хватало на покрытие всех расходов по съему жилья. Например, в январе цены на аренду жилья в Мензелинске оставались стабильно высокими. Поэтому некоторые учителя платили за съемное жилье не только из «квартирных денег», но и доплачивали из собственного жалованья[112].

Еще меньше были доходы сельских учителей Мензелинского уезда. Например, в 1880 г. учительница Акташевского мужского училища Аграфена Дударь получала 240 руб. (она была выпускни-

[110] Там же. С.182.
[111] Там же. С.124–125.
[112] Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань, 1885. С.12.

цей Мензелинской женской прогимназии), еще меньше полагался за труд ее помощницы, такой же выпускницы прогимназии – Анне Миролюбовой – 180 руб. в год. Практически у всех земских учителей сельских школ Мензелинского уезда, по сведениям 1880 г. жалованье составляло 240 руб. Выделялись на этом фоне учителя Афанасьевского, Боровецкого и Останковского училищ – Алексей Саврасов, Александр Шулятиков и Павел Зверев. Педагогическую квалификацию выпускников Вятского земского технического училища в земстве оценили в 420 руб.[113]

Если продолжить сюжет о материальном положении учителей, то необходимо обозначить, что «министерские» (при Министерстве народного просвещения) учебные заведения не имели особых трудностей финансового характера, работа преподавателей гимназий и прогимназий всегда оплачивалась на порядок выше. Городские и прочие училища были предметом заботы муниципалитетов. В этой связи, Мензелинская мужская прогимназия являлась исключением, ее содержал городской муниципалитет. Но просуществовал этот амбициозный проект недолго.

Многие учебные заведения являлись земскими школами. Земские бюджеты формировались за счет налогов населения, поэтому оплата труда педагогов была сопряжена с определенными трудностями. В целом, учителя земских школ оставались людьми скромного материального достатка. К тому же, распространенной проблемой была задержка жалованья учителей. Земская касса большую часть года пустовала.

Таким образом, в экономическом отношении учителя зависели от муниципальных властей, что характеризуется и следующим эпизод из истории Мензелинска начала XX в. В 1911 г. было возбуждено уголовное дело о растрате земскими органами власти Мензелинского уезда заработной платы учителей министерских школ. Казенные денежные средства педагогам должны были разослать по земской почте, однако они не сразу дошли до адресатов. Фигурантами дела стали бывшие земские деятели Н.П. Товарищев, Н.В. Катанский, В.В. Колесников, В.П. Юрьев. Их обвиняли в пропаже 980

[113] ГА РТ. Ф.1286. Оп.1. Д.1. Л.3–5 об.

руб. Но в результате разбирательств, Казанской судебной палатой было вынесено решение о закрытии уголовного дела[114]. В данном случае, земства выступали связующим звеном между «министерскими» учителями и их казенным содержанием. Гораздо сложнее было, когда дело касалось собственно земского бюджета.

Например, аналогичные звоночки о нарушении трудового права земских учителей, с финансовыми издержками, появлялись еще в конце XIX в. Причем некоторые эпизоды получили всероссийскую огласку. Так Г.В. Плеханов в своем труде приводил выдержки из газеты «Новое время», где была перепечатана жалоба мензелинских учителей на земство, опубликованные ранее в казанской газете «Волжский вестник». В публикации отмечалось, что учительницы Мензелинской женской прогимназии, находившейся в ведении земства, не получали положенного жалованья больше полугода:

«Из Мензелинска пишут в «Волжский вестник» о крайне печальном положении местного земства и вместе с тем лиц, получающих жалованье от земства. Сентябрь там является поистине праздником для земских служащих, так как в этом месяце земство выплачивает долги. Обыкновенно их накопляется за полгода несколько десятков тысяч. Все, кто живет земством, не имея других источников существования, должны содержаться в кредит и через это волей-неволей приходить в некоторую зависимость от всесильных в этом случае кулаков-прасолов. Учительницы прогимназии, содержимой земством, жили в без жалованья ровно 6 ½ месяцев»[115].

При этом задержки заработной платы были связаны не столько с бездействием или корыстными интересами земских лидеров, проблема заключалась в несовершенстве самой системы функционирования земских бюджетов (формирования, распределения и т.д.). Поэтому в заметке есть пояснение о том, что «сельским учителям и учительницам председатель земской управы в безденежное время выдает жалованье из собственных средств».

[114] Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.). Дисс. … д.и.н. Екатеринбург, 2018. С.148.
[115] Плеханов Г.В. Сочинения. Т.3. М., 1923. С.303.

Заложниками этой системы становились не только земские учителя, но и инспекторы. Они тоже пытались отстаивать свои права, когда земств из года в год задерживало положенное жалованье. Например, бывшему инспектору народных училищ Мензелинского уезда В.А. Теласкову (занимал эту должнось в 1887 г. – прим.) местное земство задолжало 500 руб., он был вынужден обратиться с этим вопросом к попечителю Оренбургского учебного округа, а тот в свою очередь довел просьбу подчиненного до уфимского губернатора. Однако указание начальника Уфимской губернии о необходимости срочной выплаты жалованья всем учителям и учительницам Мензелинская земская управа встретила «с просьбою указать источники, из которых земство могло бы без задержки выдавать заслуженное жалованье своим служащим»[116]. Таким образом, решение этой муниципальной головоломки было возможно только при участии самого правительства.

Социокультурные особенности мензелинских учителей. Но не только разница в экономических условиях жизни определяла различия двух учительских групп. Имели место еще социокультурные особенности, обусловленное происхождением и профессиональной подготовкой учителей. Например, в Мензелинской женской прогимназии сначала преподавали представительницы привелигированных семей. Они являлись выпускницами различных институтов для благородных девиц. Данная кадровая традиция в основных чертах продолжалась и позднее, когда учебное заведение было преобразовано в гимназию. Кроме учительниц, в Мензелинской женской прогимназии (гимназии) преподавали еще учителя. Большинство из них являлись выпускниками духовных академий, т.е. детьми священнослужителей. Встречались и выпускники университетов. Все они состояли еще и в штате Мензелинской мужской прогимназии, т.е. работали в двух местах[117]. О солидном педагогическом составе этого учебного заведения мы уже писали выше.

[116] Там же.

[117] Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878. С.92–93.

Вряд ли можно ставить равенство между учителями гимназий и учителями уездного или сельских училищ того времени. Первые, как правило, имели высокую профессиональную квалификацию. Среди них встречались выпускники университетов, духовных академий. Некоторые из преподавателей гимназий серьезно занимались научной деятельностью. К профессиональной квалификации учителей городских училищ и учебных заведений статусом ниже требования были не такими высокими. В этих образовательных центрах педагогами работали люди разного социального происхождения. Например, кроме выходцев из семей духовенства, учителями в училищах трудились еще и дети разночинцев, мещан и крестьян. Некоторые из них получали право на преподавательскую деятельность после обучения только на педагогических курсах при начальных училищах. Вопрос подготовки педагогических кадров на рубеже XIX–XX вв. был очень актуальным, учителей не хватало, особенно для сельской местности. Поэтому, например, в 1870-е гг. при Мензелинской женской прогимназии открылись дополнительные педагогические классы[118]. А в 1877 г. Уфимским губернским земством были организованы десятимесячные педагогические курсы при Мысовочелнинском двухклассном училище Мензелинского уезда[119].

Как мы уже отмечали, основными местами подготовки педагогических кадров высокого класса для школ Мензелинского края долгое время были семинарии и духовные академии, гимназии, а также Санкт-Петербургский историко-филологический институт, Казанский университет. Позднее список этих учебных заведений пополнился учительскими институтами. Например, в 1876 г. открылся Казанский учительский институт с трехлетним курсом обучения, нацеленный на подготовку учителей городских училищ. В 1878 г. начал работать Оренбургский учительский институт. Но это учебное заведение проработало меньше двадцати лет и закрылось в 1896-м, вновь учительский институт в Оренбурге открылся лишь в 1915 г. В Уфе до начала XX в. учительского института вовсе не было, аналогичное учебное заведение открыло свои двери только

[118] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. М., 1994. С.119.
[119] Там же. С.104.

в 1909 г.[120] Единственный учительский институт в Сибири начал работать в Томске с 1902 г.

В начале XX в. в Мензелинском городском училище (преобразованном из бывшей мужской прогимназии) работали выпускники многих из вышеперечисленных Учительских институтов. С 1891 г. трудился на ниве просвещения выпускник Оренбургского учительского института – Вениамин Михайлович Сухарьков, в начале XX в. он являлся даже инспектором училища. С 1907 г. начал работать в городском училище выпускник Казанского учительского института – Петр Петрович Озеров. Примечательно, что среди мензелинских учителей был даже выпускник Томского учительского института – учитель Николай Михайлович Зубов[121].

Интересно взглянуть на профессиональную подготовку другого старейшего учебного заведения уездного города – Мензелинского уездного училища. Но сведения мы возьмем чуть ранние, еще до повсеместного открытия учительских институтов. Так, в 1878 г. штатным смотрителем училища служил, 42-летний Хрусталев Константин Алексеевич. Он учился в свое время в Казанском университете, но не окончил. Имел звание учителя уездного училища, и чин коллежского асессора. Учителем русского языка работал 33-летний Богданович Александр Васильевич. Учился когда-то в Вятской духовной семинарии, но тоже не окончил учебное заведение. Однако звание учителя уездного училища давало ему право работать в сфере просвещения. Выпускник Уфимской духовной семинарии – 31-летний Богданов Александр Петрович преподавал в Мензелинском уездном училище историю и географию. У учителя арифметики и геометрии 41-летнего Таланкина Ильи Андреевича имелось свидетельство об окончании Камско-Воткинского заводского училища[122]

В Мензелинском приходском училище в это время, т.е. в 1878 г., кроме законоучителя, священника Матвея Александровича Уварова (выпускник Уфимской духовной семинарии), учителем

[120] На базе Уфимского учительского института в советское время был создан Башкирский государственный университет.

[121] ГА РТ. Ф.1286. Оп.1. Д.2. Л.13 об.–16 об.

[122] Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878. С.124–125.

трудился Симонов Алексей Яковлевич. Он получал образование в Мензелинском уездном училище и работал на должности учителя приходского училища с 1852 г. Его жалованье составляло 360 рублей в год[123].

Для исследования социально-экономического положения учителей интересны отдельные биографии. Например, в 1880 г. в д. Старо-Михайловское Мензелинского уезда работал помощником учителя Дмитрий Николаевич Тяжельников, воспитанник Вятского уездного училища[124]. Любопытно, что в его биографии, составленной уже в советское время, упоминалось о том, что он учился в Казанском университете. Однако эта информация не получила документального подтверждения в архивных фондах Казанского университета. Возможно, советскими биографами воспринималось как само собой разумеющееся – наличие высшего образования у учителя. Однако среди сельских учителей, да и среди учителей приходских и городских учителей, практически не встречались преподаватели с таким образованием.

Д.Н. Тяжельников являлся выходцем из семьи вятских крестьян, а воспитал его уездный библиотекарь из Яранска. Очевидно, поэтому Тяжельников окончил уездное училище и смог заняться учительским трудом. По своим взглядам, сформировавшимся еще в ученическую пору в 1870-е гг., Дмитрий Тяжельников был близок к народовольцам. По сведениям советского времени, его отправили в административную ссылку под гласный надзор полиции в марийскую деревню Круглое поле Мензелинского уезда, где он продолжал работать учителем. После окончания срока ссылки Д.Н. Тяжельников оставил учительскую службу, а ему разрешили поселиться в пределах Мензелинского уезда.

Сначала он переехал с семьей в Мензелинск, где занимался переплетом книг. Позднее, в конце 1880-х гг., на свои скромные сбережения Дмитрий Николаевич приобрел клочок неудобной земли у разорившихся мензелинских шляхтичей, в четырех верстах от города. Там он начал заниматься садоводством, через некоторое время

[123] Там же. С.182.
[124] ГА РТ. Ф.1286. Оп.1. Д.1. Л.36–36 об.

эту овражистую местность превратил в цветущий фруктовый сад, получил известность в округе как ученый-агроном. Бывшего учителя Дмитрия Николаевича всегда отличали либеральные взгляды, простота в домашнем обиходе и вера в будущие перемены. Из своего сада Д.Н. Тяжельников хотел сделать «учительский санаторий» и завещать земству. Интересно, что дочь бывшего сельского учителя тоже нашла семейное счастье с человеком из этого социально-профессионального круга. Скромный сельский учитель А.Е. Барабанов стал зятем Тяжельникова. Поэтому о чаяниях и нуждах учителей в семье Тяжельникова знали хорошо. Но началась новая революция, в водоворот которой опять был вовлечен старый социал-демократ Дмитрий Николаевич. Ведь в годы первой русской революции Д.Н. Тяжельников был одним из организаторов городских митингов, а в мае 1917 г. возглавил Президиум Совета крестьянских и солдатских депутатов Мензелинского уезда. Однако летом 1918 г. этот неутомимый общественный деятель, садовод-новатор, свято веривший в социальное равенство, трагически погиб на 65-м году жизни: был убит эсерами[125]. Вместе с ним был убит и его зять, сельский учитель А.Е. Барабанов.

К тому времени в Мензелинске, действительно, складывались уже учительские семьи и династии. Например, учитель Мензелинского уездного училища В.Курбатов, в 1862 г. опубликовал большую статью о Мензелинске, тем самым он продолжал традиции учителей-исследователей дореформенной эпохи. В 1880-е годы работал преподавателем русского языка в Мензелинской прогимназии Курбатов Иван Иванович[126]. Судя по всему, мы можем говорить о формировании особой интеллектуальной среды в уездном городе с корпоративными, родственными и мировоззренческими связями. Так, в начале XX в. в общественной жизни Мензелинска была примечательна фигура доктора медицины С.А. Курбатова. В годы Первой мировой войны он являлся председателем Родительского комитета Мензелинского реального училища[127]. В свидетельствах участников революционного движения советского времени упоминается

[125] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2753. Л.2.
[126] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887. С.5.
[127] ГА РТ. Ф.483. Оп.1. Д.1. Л.12.

мензелинский социал-революционер Курбатов. Его называли «агентом Акташского земства». В 1906 г. Курбатов был посажен в тюрьму. Он даже объявлял голодовку, впоследствии был выслан из губернии[128]. Мы не можем утверждать с полной уверенностью, что все упоминаемые здесь Курбатовы были представителями одной семьи, но фамилия все же дает основание полагать об общем происхождении.

Несомненна роль учительства в общественной жизни Мензелинского края, а также в важных городских событиях. Даже межличностные конфликты учителя с кем-то могли привести к серьезным последствиям для обывателей. Например, обсуждая между собой закрытие Мензелинской мужской прогимназии в 1879 г., горожане указывали на «какую-то интригу и неудовольствия, возникшие будто бы между учителем прогимназии и некоторыми влиятельными общественными деятелями»[129]. Кроме того, городские слухи приписывали городскому голове написание доносов на учителей прогимназии, это прозвучало в печати анонимно. Основной герой этих слухов А.Г. Попков был в ярости от такой «наглой клеветы». Поэтому Александр Григорьевич в 1884 г. был вынужден даже инициировать судебное дело о диффамации (о распространении порочащих человека сведений в печати) в отношении редактора газеты «Волжский вестник».

Во многом против воли городского головы А.Г. Попкова в 1893 г. была открыта вторая библиотека в Мензелинске. Бесплатную публичную библиотеку организовал учитель Мензелинского городского училища Д.Е. Пушков. Он, кстати, был активным членом Мензелинского попечительства о трезвости. В 1890-е гг. трезвенническое движение получило популярность по всей Российской империи, и одним из способов отвлечения населения от алкоголя считались чайные, читальни и библиотеки. Д.Е. Пушков открыл библиотеку как силами своих коллег-учителей, так и остальных неравнодушных к делу просвещения мензелинцев.

[128] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.542. Л.10.
[129] Казанский биржевой листок. 1879. 18 апреля. №30.

По данным 1908 г., в Мензелинской городской бесплатной библиотеке, открытой Д.Е. Пушковым, из 848 читателей 77 чел. работали учителями[130]. Очевидно, что не все уездные педагоги были зарегистрированы в качестве читателей этой библиотеки. Но, даже по этим скромным показателям, можно понять, что учительство в целом составляло небольшую социально-профессиональную группу даже среди читающей публики. Но эта малочисленная корпорация представляла собой заметную интеллектуальную силу, имела собственное независимое мнение на многие явления, очень часто выступала основным голосом печати, тем самым влияла и на собственное социально-экономическое положение.

5.5. Культура чтения в Мензелинске

Первая мензелинская библиотека. Библиотекарь Д.Г. Пушков и его проекты. Издательское дело в Мензелинске.

Первая мензелинская библиотека. Публичные библиотеки – сравнительно поздние явления для жизни уездного города. Книги, безусловно, имелись, но только в частных собраниях. В Мензелинск, являвшийся крупнейшим ярмарочным центром, привозили на продажу и книжные новинки. Эта городская особенность, конечно же, способствовала росту культуры чтения в крае. Отдельные библиотеки существовали в местных учебных заведениях. Например, в штате Мензелинской женской прогимназии была предусмотрена должность библиотекаря.

В середине XIX в. некоторые деятели задумывлаись о необходимости открытия общественной библиотеки, учреждения для культурного досуга широких слоев населения. Например, в Мензелинске с 1866 г. муниципальными властями велась переписка об

[130] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С.246.

условиях открытия библиотеки при городском управлении[131]. Но задумка была претворена в жизнь лишь спустя почти двадцать лет – первая общественная библиотека в Мензелинске открылась в 1883 г.[132] Вероятно, проект был реализован с таким опозданием из-за начавшейся вскоре городской реформы. В этот период введена новая форма организации городских дум и управ. Самоуправления были заняты изысканием новых источников доходов, в первую очередь, их обязывали содержать пожарных, полицейских, следить за санитарным состоянием города. Вопросы просвещения, призрения и т.п. были на втором плане. При этом под просвещением, прежде всего, подразумевались учебные заведения, а не библиотеки. Так прошло несколько десятков лет. Тем не менее общественная инициатива была все же осуществлена. На содержание Мензелинской городской библиотеки из прибылей Мензелинского городского общественного банка ежегодно отчислялись 300 рублей.

Новое учреждение культуры вызывало разные эмоции у населения: кто-то был доволен его работой и активно пользовался фондом библиотеки, а некоторых наоборот не устраивал книжный репертуар. Но равнодушных к библиотеке, явно, не было: даже на страницах газет звучали упреки в адрес Мензелинской публичной читальни. Часть читающей публики города была уверена, что библиотечный каталог составляется исключительно с учетом интересов городского головы Александра Попкова. К слову, он же был инициатором открытия библиотеки при городском самоуправлении.

«К сожалению, невежество, пропорциональное самоуверенности, не осталось и тут без результата: для библиотеки выписаны "Петербургские трущобы", Ахматовские романы, и т.п., на просьбу же подписчиков выписать, например, сочинения Островского, получился такой ответ: "на что нам Островского – комедии только у него и есть какие-то"», – возмущался анонимный корреспондент из Мензелинска в 1885 году.

[131] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.200. Л.1.
[132] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.1249. Л.8.

Кроме того, читателей библиотеки не устраивало, что Попков, пользуясь служебным положением, забирал некоторые новые издания первым, к себе домой. Остальным читателям приходилось дожидаться своей очереди, хотя они не меньше Попкова ждали с каждой почтой очередной номер журнала[133]. Все эти газетные заметки являются яркой иллюстрацией важной роли чтения в жизни мензелинцев.

В 1893 г. в Мензелинске открылась частная библиотека Д.Г. Пушкова, которая стала основным конкурентом городской читальни. Городской голова Александр Григорьевич Попков воспринял эту новость не особенно радостно, он считал, что существующая городская библиотека удовлетворяет все читательские потребности. Но были люди, которые думали иначе.

Пользование книгами в Городской общественной библиотеке было организовано на платной основе, тогда как библиотека Пушкова давала книги читателям бесплатно. Городская дума пыталась сделать из своей библиотеки одну из доходных статей, очевидно, что бы таким образом покрывать расходы на ее содержание. Однако из-за этого читатели больше обращались в фонды частной библиотеки, а зал городской читальни чаще пустовал. «Изредко здесь можно увидать бесплатного подписчика, да столько же платных», – отмечал современник[134].

Вместе с тем, многие горожане, в особенности представители местной интеллигенции, очень гордились своими библиотеками. «В очень немногих уездных городках найдутся такие две прекрасно обставленные библиотеки, какими обладает наш далеко не могущий похвастаться общим благоустройством Мензелинск, – отмечали они. – Это две библиотеки – единственное светлое пятно среди всей нашей непроходимой грязи и непроницаемой тьмы городского неустройства»[135].

Действительно, в воспоминаниях известных персон из Мензелинска чаще всего, самые светлые моменты связаны с книгами, прочитанными ими в детстве в далеком уездном городке. Книги,

[133] Волжский вестник. 1885. 19 марта. №63.
[134] Волжский вестник. 1898. 23 мая. №125.
[135] Волжский вестник. 1894. 26 октября. №271.

случайно попавшие им в руки, в какой-то мере открыли дорогу к будущим профессиональным высотам.

Библиотекарь Д.Г. Пушков и его проекты. Очевидно, из-за своеобразного характера работы городской общественной библиотеки и из-за слишком «народной» направленности ее каталога, где отсутствовали серьезные издания и образцы высокой литературы, в 1890-е годы возникла идея о создании в Мензелинске новой библиотеки. Еще одной публичной, но уже частной.

В это время большую популярность на общеимперском уровне приобрело трезвенническое движение, основными альтернативами пьянству у обществ трезвости обычно были чайные и читальни. Наверно, поэтому у одного из членов Мензелинского попечительства о трезовости Д.Г. Пушкова в 1893 г., т.е. спустя десять лет после открытия первой читальни, возникла идея об открытии второй публичной библиотеки в Мензелинске.

Дмитрий Георгиевич в то время работал учителем Мензелинского городского училища (бывшей мужской прогимназии). В научной и краеведческой литературе встречается разное написание его инициалов: и Д.Е.Пушков, и Д.Г. Пушков. Разные вариации отчества связаны с тем, что имя Егор было разговорной формой официального имени Георгий.

Серьезную помощь в реализации идеи Д.Г. Пушкову оказала известная благотворительными делами (организовала до этого бесплатную столовую для бедных) Н.И. Мялославова. С ее помощью за две недели учителем было собрано 350 книг и денежных пожертвований около 50 рублей. Из них за 4 рубля арендовали комнату, а приглашенному библиотекарю собирались выплачивать жалованье в размере 3 рублей в месяц. В официальных публикациях об открытии читальни указывалось, что занять эту должность согласилась «одна бедная девушка», выпускница Мензелинской женской прогимназии. Между тем, библиотекарь Анна Павловна являлась супругой организатора библиотеки – Д.Г. Пушкова[136]. По другим сведениям, обязанности библиотекаря сначала исполнял сам Дмитрий

[136] Мензелинский край: история и современность. М., 2006. С.410.

Георгиевич. Так или иначе, публичная библиотека была семейным делом четы Пушковых.

Открытие библиотеки состоялось 7 февраля 1893 года. По этому случаю, в церкви был организован даже торжественный молебен. Там присутствовали местные учителя и некоторые предприниматели, не было только «отцов города» городского головы А.Г.Попкова, председателя земства М.М. Останкова и их последователей. Попков был вообще против организации библиотеки. А вот горожане восприняло открытие нового книжного центра с большим воодушевлением, в первый же день подписались 8 читателей, на следующий день пришли еще 10 человек.Через несколько месяцев число читателей выросло до 60 человек[137].

Странное отношение А.Г.Попкова к этому событию объяснялось тем, что в городе уже имелась библиотека, поэтому городской голова, как человек амбициозный, был расстроен тем, что слава содержателя столь нужного для Мензелинска культурного учреждения принадлежала теперь не только ему, но и простому учителю Д.Г.Пушкову.

Игнорирование председателем земства Останковым торжественного мероприятия, тоже, очевидно, имело вполне осязаемую причину. В 1883 г. в Мензелинске открылся земский книжный склад или книжный магазин, в современном понимании. Однако работал склад не особенно успешно, желающих воспользоваться книжным разнообразием было не так много. В этих условиях, открытие публичной библиотеки было своеобразным вызовом.

Но библиотека Д.Г.Пушкова оказалась успешным учреждением, читателей становилось все больше. За первые восемь месяцев работы новая библиотека привлекла более 800 читателей из простонародья[138]. Поэтому и глава земства М.М. Останков решил действовать иначе и сделать из библиотекаря своего союзника. Через некоторое время, убедившись в успешности затеи, уездное земство стало помогать народной библиотеке и выделило 200 рублей.

---

[137] Русская школа. Общепедагогический журнал для семьи и школы. 1893. №4. С.233.

[138] Русская школа. Общепедагогический журнал для семьи и школы. 1894. №.1. С.198.

К 1896 г. подписчиками библиотеки состояли крестьяне из ближайших деревень Сарсаз-Гора, Старая Мазина, Коноваловка, Александровка, Балтаево, Юшады, Новая Мазина, Каран, Ташлярка, Дыреевка, Маткауш, Мелькени, Можаровка, Ларионовка, Ружевка. По замечанию самого заведующего библиотекой Д.Пушкова, число подписчиков каждый год увеличивалось вплоть до начала великого поста, т.е. до весны, а ближе к лету (с мая по июль) читателей всегда было значительно меньше. В среднем каждый день в течение одного года заказывали около 50 книг. Интересно, что через несколько лет после появление читальни увеличилось число запросов, связанных с детской литературой. Детские книги для чтения занимали внушительный фонд библиотеки. В 1896 г. они составляли 479 томов и это только беллетристика[139].

Хотя обе библиотеки пользовались пособиями от местных органов самоуправления, этих средств было недостаточно. Например, деятельный Д.Г. Пушков для сбора средств, необходимых для пополнения фонда своей библиотеки, организовывал с помощью учителей и учительниц любительские спектакли. Постановки специально показывали в ярмарочное время. Например, с показа 22 января 1895 г. удалось собрать 170 рублей[140]. Если учесть, что в год библиотеке Д.Пушкова уездным земством выделялось всего 200 рублей, а библиотека при городском самоуправлении получала от общественного банка на годовое содержание 300 рублей, то успех проведенного городскими интеллигентами мероприятия становится еще более очевидным.

В 1895 г. земство предложило Д.Г.Пушкову взять под свой контроль земский книжный склад (т.е. магазин). Вероятно, учитель подошел к этой работе с большой ответственностью, и личностный фактор дал удивительные результаты. Книги из земского склада начали продаваться очень активно, продажи увеличивались с каждым годом. Например, если в первый год было продано 748 книг для чтения и 774 учебника, то уже через три года книг для чтения

[139] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXII очередной сессии с 5 по 16 октября 1896 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1897. С.197.
[140] Волжский вестник. 1895. 31 января. №29.

было продано в десять раз больше: 6 559 томов и 7 472 учебника[141]. Покупатели интересовались, в основном, беллетристикой. Важным моментом была и стоимость книги. «Покупают, преимущественно, книги стоимостью от 1,5 до 10 копеек», – отмечал в 1896 г. Д.Г.Пушков. Но если издание очень заинтересовало человека, то покупатель готов был заплатить и 25 копеек, и 60 копеек, и даже целый рубль. Так, из специальной литературы некоторых мензелинцев привлекали книги по сельскому хозяйству, особенно, по пчеловодству. Между тем, научные руководства по пчеловодству иногда стоили достаточно дорого. Так пособие Успенского как водить пчел стоила 1 рубль, а книга Бутлерова «Пчела и ее жизнь» продавалась за 60 копеек. Конечно же, в число покупателей сельскохозяйственной литературы входили и ученики Мензелинской сельскохозяйственной школы. Например, литературой по земледелию интересовались только они[142].

В октябре 1898 г. библиотека Д.Пушкова переведена в здание народной аудитории, где для читальни и книжного склада были выделены две просторные комнаты[143]. «Наш библиотекарь – человек интеллигентный и посвящающий библиотеке все силы и время», – писали о Пушкове мензелинцы. Он очень дотошно составлял ежегодный список выписываемых для библиотеки книг и журналов. Очевидно, учитывая опыт работы первой мензелинской библиотеки, Дмитрий Георгиевич избегал так называемой «бульварной прессы» и отдавал предпочтение более уважаемым авторам. Но ему не всегда удавалось следовать этой линии, так как всевозможные мошенники одолевали тогда доверчивых людей даже по почте:

«Не раз уже указывалось, что при помощи наложенного платежа, часто сбывают свои залежавшиеся произведения всевозможные авторы бульварной прессы. Получает обыватель повестку, приходит на

[141] Русская школа. Общепедагогический журнал для семьи и школы. 1898. №. 5–6. С.292.

[142] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXII очередной сессии ... С.200.

[143] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXV очередной сессии с 18 октября по 2 ноября 1899 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1900. С.231.

почту, уплачивает наложенный платеж, добывает посылку, но ужас его глазам представляется какой-нибудь Еруслан Лазаревич. Положение довольно скверное. Уплатить деньги за какую-нибудь дрянь – обидно, отказаться от посылки – рискуешь отказаться от чего-либо нужного» – отмечал автор газеты «Волжский вестник».

В такую же ловушку попал и заведующей Мензелинской бесплатной библиотеки Д.Г.Пушков в 1895 г. Открыв неизвестную посылку, он страшно огорчился – там оказался номер журнала «Артист» за 1890-й год. «Из бюджета нашей обладающей и без того скудными средствами библиотеки вырвано на ненужное библиотеке старье 4 руб. По истине – артист!», – так выражал свое сочувствие обманутому библиотекарю неизвестный мензелинец[144].

В 1908 г. Мензелинское уездное земство взяло бесплатную библиотеку Дмитрия Георгиевича Пушкова в свое ведомство. К этому времени фонд библиотеки состоял из 7122 книг. При этом по просьбе земства Дмитрий Георгиевич оставался заведующим как библиотекой, так и книжным складом[145].

В том же 1908 году библиотекарем сюда устроилась уроженка Мензелинска, оставившая работу земской учительницы в Старом Пьяном Боре, Наталья Дмитриева. Как она вспоминала позднее:

«работа в библиотеке оплачивалась весьма низко, а еще хуже оплачивалась работа, которую удавалось достать: репетиторство и переписка»[146].

Возможно, поэтому уже с сентября 1909 г. она перевелась на должность земской учительницы Старо-Пальчиковской школы Заинской волости Мензелинского уезда[147].

В абонементе Мензелинской земской библиотеки было зарегистрировано 848 чел. Среди читателей преобладали представители

[144] Волжский вестник. 1895. 24 марта. №76.

[145] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С.105–106.

[146] МИГНЧ. МИГ-1714.

[147] МИГНЧ. МИГ-1737.

крестьянского сословия (377 человек), за ними следовали мещане (284), в силу своей малочисленности меньшую группу составляли учительство (77), дворяне и чиновники (74), духовенство (16) и купцы (20). В 1908 г. ими было взято 20 169 книг, больше всего читатели обращались за детской литературой (7546) и беллетристикой, русской (6969) и иностранной (2288), лишь затем следовали периодические и научные издания[148]. Книжный склад-лавка действовала при уездном земстве и в 1917 г.[149]

Успешные примеры работы сразу двух мензелинских библиотек и книжного склада вдохновили на открытие аналогичных культурных учреждений и в сельских местностях Мензелинского уезда. В 1904 г. открылась земская библиотека в с. Бережные Челны. А в 1910 г. такие библиотеки работали уже в 11 населенных пунктах уезда. Больше половины читателей составляли дети[150]. Так к началу XX в. библиотеки стали важной составляющей повседневной жизни горожан и сельчан. За этими преобразованиями стояли люди, настоящие энтузиасты своего дела. Одним из них был простой учитель и библиотекарь по призванию Дмитрий Георгиевич Пушков.

Издательское дело в Мензелинске. Кроме библиотек и книжной торговли, в конце XIX в. в Мензелинске появились местные книгоиздатели и типографии. Маленький город не отставал от трендов пореформенной эпохи, когда по всей стране значительно увеличилось количество издаваемой научно-популярной, публицистической и художественной литературы. В Мензелинске работали целых две типографии. Интересно, что обе открылись летом 1887 г. Что же такого произошло в городе, что появилась резкая потребность в книгоиздателях? По крайней мере, мотивы одного издателя нам понятны. Это был Шейковский Каллиник Васильевич. До 1887 г. он работал инспектором Мензелинской мужской прогимназии, а после ее закрытия, очевидно, решил вплотную заняться книжным делом.

[148] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV очередной сессии... С.246.

[149] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917. С.42.

[150] Абулханова Р.Г. Библиотеки Мензелинского уезда в конце XIX – начале XX века // Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем: Сб. научных статей. Елабуга, 2015. С.30.

Тем более, К.В. Шейковский и до этого активно публиковал собственные сочинения. Правда, в других издательствах и типографиях. С 26 августа 1887 г. статский советник Шейковский являлся владельцем собственной типографии в Мензелинске.

А его конкурент, также имевший опыт педагогической работы, надворный советник И.Н. Кибардин открыл свою типографию 31 июля 1887 г.[151] Иван Никандрович Кибардин постоянно жил в Елабуге, работал учителем русского и церковнославянского языков в Елабужском духовном училище. Он был выпускником Вятской духовной академии, вырос в семье очень прогрессивного священнослужителя. Мензелинская типография на самом деле являлась филиалом елабужской типографии И.Н. Кибардина под названием «Русская печатня», работавшей в соседнем уездном городе с 1880 г. Кроме Мензелинска, предприимчивый издатель открыл аналогичный филиал типографии еще в Мамадыше[152].

Основными заказчиками уездных типографий были местные учреждения власти и образования. В мензелинских типографиях печатались материалы уездного земства (постановления, журналы, отчеты, сметы расходов и доходов), учебных заведений (например, отчеты Мензлинской низшей сельскохозяйственной школы). Были и учебные пособия, составленные для местных школ. Одно из таких пособий предназначалось для 4-го класса Мензелинской женской прогимназии[153]. Иногда встречались и специфичные издания. Например, в 1889 г. в типографии К.В. Шейковского была опубликована работа владельца типографии – «Толкование слова «Русь» и его разновидностей». Поскольку сочинение уже неоднократно издавалось в других местах, Каллиник Васильевич обозначил книгу как «юбилейное издание»[154].

---

[151] Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974. С.162

[152] Кондрашин Д.В. Иван Никандрович Кибардин: исторический опыт осмысления личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №30 (211). История. Вып. 42. С.116–117.

[153] Пшеничнов М.Ф. Беседы по естествоведению. Мензелинск, 1891. 84 с.

[154] Шейковский К.В. Толкование слова «Русь» и его разновидностей. Мензелинск, 1889. 14 с.

Помимо Мензелинской мужской прогимназии, К.В. Шейковский трудился учителем русского языка еще в женской прогимназии, являлся даже председателем педагогического совета этого учебного заведения[155]. Поэтому издательским делом, он, очевидно, занимался параллельно с педагогической работой. Хотя, конечно, должность инспектора закрывшейся в 1887 г. мужской прогимназии почти десять лет являлась его основным источником дохода. За свои служебные заслуги К.В. Шейковский был награжден орденами св. Владимира 4 ст., св. Анны 2 ст. и св. Станислава 2 ст.[156]

Новые времена открыли новое поле деятельности. Самой яркой страницей биографии учителя Шейковского являлись его многочисленные научно-публицистические труды. Неудивительно, что именно такой неординарный человек решил открыть в Мензелинске собственную типографию. Помимо издательского дела, К.В. Шейковский активно участвовал и в общественной жизни города. Так, в конце XIX столетия он являлся гласным Мензелинской городской думы[157]. Его издательское предприятие активно функционировало в 1890-х гг. Умер Каллиник Васильевич в 1903 г. в Мензелинске, в возрасте 68 лет.

Главный конкурент К.В. Шейковского – И.Н. Кибардин пережил его на 15 лет, но в начале XX в. и он оставил свою деловую активность в Мензелинске. Судя по всему, последнее издание «Русской печатни» – материалы земства были отпечатаны в Мензелинске в 1894 г.

В новом столетии в уездном городе действовали другие издатели. Одно из новых книгопечатных предприятий носило знакомое название «Русская печатня», но принадлежало оно местному мещанину Тихону Александровичу Губанову. Здание типографии Т.А. Губанова находилось на улице Театральной[158]. Возможно, технической базой издательства стал мензелинский филиал типогра-

[155] Журналы XI очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 22 по 28 октября 1885 г. Казань, 1886. С.76.
[156] Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань, 1887. С.11.
[157] Адрес-календарь и справочная книга Уфимской губернии за 1897 год. Уфа, 1896. С.198.
[158] ГА РТ. Ф.483. Оп.1. Д.1. Л.26.

фии И.Н. Кибардина под таким же названием. Либо торговое название успешного елабужского книгоиздательства так полюбилось мензелинцам, что не стали придумывать ничего нового. Примерно с 1897 г. большинство материалов мензелинского уездного земства печатались в типографии «Русская печатня»» Т.А.Губанова. Дело, начатое Тихоном Александровичем, продолжали его наследники, накануне Первой мировой войны книгопечатное предприятие носило уже наименование «типография наследников Губанова». Основное направление работы осталось прежним – публикация материалов земства.

При этом некоторое время наследники Губанова сдавали типографию в аренду. Так временным владельцем в 1913 г. являлся А.И. Вилесов. Судя по всему, это был Александр Иванович Вилесов, 22-летний уроженец Пермской губернии. Он вырос в крестьянской семье, учился в земской школе, работал несколько лет в канцелярии Пермского окружного суда писцом, канцелярским служителем. Но уже в 1910 г. был уволен по собственному желанию[159]. Благодаря речному сообщению между Мензелинском и Пермью в ту пору были налаженные социальные связи между двумя городами, мензелинские мужчины часто уходили на заработки в Перму (так они называли Пермь). Возможно, вследствие таких контактов, А.И. Вилесов и оказался в уездном городе Уфимской губернии. В 1913 г. сразу несколько изданий уездного земства вышло с пометкой «типография н-ков Губанова, арендов. А.И. Вилесовым». Среди которых и обзор о мектебах и медресе Мензелинского уезда[160]. Эта книга стала результатом масштабного земского обследования мектебов и медресе, проведенного в 1912 г. журналистом и педагогом

[159] Забытые имена Пермской губернии [Электронный ресурс]. http://www.fnperm.ru/вилесов-александр-иванович-.aspx (дата обращения 08.05.2020).

[160] Калашников В.В. Обзор состояния и деятельности земской медицинской организации Мензелинского уезда в 1912 году: прил. к сб. постановлений XXXIX очеред. Уезд. Зем. Собр. Мензелинск: Тип. Н-ков Губанова аренд. А.Я. Вилесовым, 1913. 167 с.; Кильдибяков Г.Н. Магометанские школы (мектебе и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии. Мензелинск: Тип. Н-в Губанова, аренд. А.И. Вилесовым, 1913. 78 с.

Г.Н. Кильдибяковым. Он лично осмотрел и описал 326 мектебов и 38 медресе[161].

Интересно, что некоторые авторы отмечали, что в то время у Мензелинского уездного земства была своя типография[162]. Очевидно, на это указали некоторые издания, где вместо типографии была пометка «Уездное земство». Например, в 1912 г. был издан атлас с картами Мензелинского уезда[163]. Однако мы склонны считать, что земские издания печатались в арендованных типографиях: либо у Губановых, либо у еще одного мензелинского издателя – Докукина. Данная практика продолжалась вплоть до революционной эпохи.

В 1916 г. в Мензелинске имелись только две типографии: наследников Губанова и Докукиной Лидии Андриановны[164]. В том же году типография Л.А. Докукиной была преобразована в типографию Кузьмы Иосифовича (Осиповича) Докукина[165]. В 1916 г. в ней был отпечатан любопытный труд местного публициста, бывшего нотариуса А.Н.Якимова «Н.А. Некрасов как крупнейший представитель русской сатиры и остроумия»[166]. Алексей Николаевич и сам был обладателем острого пера, всегда находился в гуще общественной жизни уездного города. С 1880-х гг. Якимов являлся самым активным критиком городской власти, его корреспонденции периодически появлялись на страницах «Волжского вестника», а в годы первой русской революции в Мензелинске даже имелись две неофициальные противостоящие партии – «захаровцы» (по имени городского головы) и «якимовцы». Издание типографии К.О. Докукина о Некрасове показало вечного критика градоначальников

[161] Азаматова Г.Б. Земские обследования мусульманских школ в начале XX в. // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. №2 (39). С.120.

[162] Габдельганеева Г.Г. Казанское книжное дело в контексте историко-культурного развития края: вторая половина XVIII в. – 1917 г.: дисс. … д.филол.н. Казань, 2006. С.139.

[163] Карта Мензелинского уезда Уфимской губернии [Карты] / сост землемер А. Сергеев. Мензелинск: Уезд. Земство, 1912. 1 л.

[164] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917. С.42.

[165] ГА РТ. Ф.483. Оп.1. Д.1. Л.41.

[166] Якимов А.Н. Н.А. Некрасов как крупнейший представитель русской сатиры и остроумия. Мензелинск, 1916. 30 с.

А.Н. Якимова с неожиданной стороны, как человека разносторонне образованного, тонкого знатока русской литературы.

В типографии наследников Губанова в начале XX в. продолжали печатать материалы Мензелинского уездного земства. Но после отмены цензуры, в феврале 1917 г. издательство могло себе позволить и публикации вольного содержания. Так в том же году было опубликовано публицистическое сочинение известного мензелинского общественного деятеля – Дмитрия Николаевича Тяжельникова. Его труд назывался «От чего зависит наша бедность и как от нее избавиться?»[167] Это было сочинение, написанное в духе социально-демократических установок. Тяжельников отличался народовольческими взглядами, его доклад на Мензелинском крестьянском съезде 1905 г. был даже издан в виде отдельной книжки в Москве[168], а в 1917 г. он стал первым председателем уездного Совета.

На фоне общероссийских социокультурных изменений происходили важные перемены и в татарском сообществе Мензелинского края. В сентябре 1909 г. в Мензелинске появилось книгоиздательское общество «Сагадат», название означало «счастье» в переводе с татарского языка. Основной целью общества было распространение дешевых книг и брошюр среди мусульманского населения. Возникло данное объединение на базе книжной торговли, имевшейся в деревне Тлянче-Тамак Мензелинского уезда. Отдельного книжного магазина в населенном пункте не было, распространяли издания книжные «агенты», местные приказчики Ф.Байруллин, М.Зубаиров, Х.Абдуллин. Подобная торговля книгами была весьма традиционным промыслом в татарской культуре. В д. Тлянче-Тамак работало медресе, поэтому именно шакирды являлись целевой аудиторией книготорговцев.

Инициаторами и организаторами общества «Сагадат» стали мензелинский купец Бахтигарей Салимгареевич Хасанов и крестьянин д. Шикмамаево Ахметовской волости Мензелинского уезда

[167] Тяжельников Д.Н. От чего зависит наша бедность и как от нее избавиться? Мензелинск, 1917. 30 с.

[168] Тяжельников Д.Н. Крестьянское слово о наших российских порядках: Доклад крестьянина Дмитрия Николаева Тяжельникова Мензелинскому крестьянскому съезду, состоявшемуся 25 сент. 1905 г. М., 1907. 104 с.

Гималетдин Насыров. Они решили немного изменить привычный формат работы по книготорговле, планировали еще издание книг на татарском языке как религиозного, так и светского содержания. К концу 1910 г. общество состояло из 14 членов[169].

Однако тучи мифического панисламизма коснулись и татарского издательства в уездном Мензелинске. Не успев открыться, общество «Сагадат» уже закрылось. Формальной причиной стало неверное оформление рода деятельности общества, у которого имелось только промысловое свидетельство от Мензелинской городской управы «на право производства мелочной торговли». Деятельность общества была расценена особым отделом департамента полиции вредной с идеологической точки зрения и поэтому в декабре 1910 г. общество ликвидировали. Панисламистские подозрения властей усугублялись еще географической отдаленностью Мензелинска от губернского центра, поэтому возможности для контроля татарской книгоиздательской деятельности считались ограниченными[170].

После февраля 1917 г., как уже было отмечено выше, цензурные и другие надзорные ограничения с издательской деятельности были сняты. Отразилось это и на книгопечатной продукции Мензелинского уезда, в том числе на татарской культуре. Так, с начала октября 1917 г. в Мензелинске был налажен выпуск газеты «Минзәлә иле» («Страна Мензеля») на татарском языке. По замечанию журналиста Исмагила Рами эта была одна из передовых газет своего времени и очень выделялась среди уездных изданий по своей технике и стилю изложения материала. Редакторами в разное время трудились Шакирджан Хамиди, Фатих Айдашев (см. *Приложение №20*), Ахат Хамиди. Выходила газета 1–2 раза в неделю[171].

---

[169] Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань, 2001. С.260; Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа, 2002. С.129, 280.

[170] Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974. С.169.

[171] Рәми И., Даутова Р. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). Казан, 2001. Б.176.

В русских типографиях уездного города в этот период чаще всего печатались различные протоколы съездов, известия Мензелинского совета крестьянских депутатов и т.д.[172]

Несмотря на то, что работа типографий в уездном городе, прежде всего, была настроена на получение прибыли, книгоиздательская деятельность решала попутно и многие другие задачи. Наличие типографий давало возможность мензелинцам прибегнуть к силе печатного слова на месте, для этого уже необязательно было отправляться в Елабугу, Уфу или Казань. Но самое главное, издатели, которые поначалу были исключительно учителями, несли в народные массы определенную духовную культуру, расширяли горизонты традиционного мировоззрения, ставили во главу угла важность образования и развития человека.

[172] Известия Мензелинского Совета крестьянских депутатов. Мензелинск, 1917; Съезд учащих Мензелинского уезда. 10–15 августа 1917 г. Мензелинск, 1918. 41 с.

ГЛАВА 6.
МЕНЗЕЛИНСК В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

6.1. Городское самоуправление в годы первой русской революции: «захаровцы» и «якимовцы»

«Вольнодумцы» и консерваторы местной власти. Городские выборы и агитация. Судебное разбирательство.

«Вольнодумцы» и консерваторы местной власти. Накануне революционных событий в России, в 1904 г. пост городского головы Мензелинска занял Алексей Иванович Захаров, служивший еще с 1890-х гг. городским секретарем[1]. Он придерживался консервативных взглядов и отличался этим от братьев Дубининых, которые занимали данную должность в конце 1890-х – в начале 1900-х гг.

Мензелинский городской голова Александр Федорович Дубинин с 1902 г. находился под негласным надзором полиции. Подозрения вызвали его связи с политссыльными, в 1903 г. в жандармских сводках его обозначали как члена социал-демократического сообщества. Даже его речь в заседании Мензелинской городской думы, где он говорил о недопустимости взимания платы за обучение детей в начальных и средних учебных заведениях, характеризовала его как социалиста[2]. Увлечение Дубинина в студенческие годы народовольческими идеями, и полученное за это наказание – ссылка – тоже составляли неотъемлему часть его биографии. Ко всему этому надо добавить, что братья Дубинины, они же купеческие сыновья, были потомками хоть и предприимчивого, но крепостного крестьянина.

[1] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной сессии… С.4; Адрес-календарь и справочная книга Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896. С.198.

[2] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С.96–97.

Показательно, что уже в 1904 г. мензелинского главу-социалиста сменил человек консервативного толка. Именно на время долженствования А.И. Захарова пришлись события 1905–1907 гг. «Городской голова Захаров, напуганный революционным настроением горожан, вывел полицейских и верных себе людей на улицу, которые набросились на гимназисток, стали избивать их», – писали о событиях января 1905 г. в Мензелинске советские исследователи. Они же сообщали, что тот самый митинг, прошедший в городском саду, организовали Д.Н. Тяжельников и П.А. Бурмистров.

Д.Н. Тяжельников был известным «вольнодумцем» еще с 1880-х гг., за это его – учителя, уроженца Вятской губернии, сослали в одну из деревень Мензелинского уезда Уфимской губернии. После окончания срока ссылки он купил землю и переключился на сельскохозяйственную деятельность, был агрономом-любителем. Возможно, «политссыльным», с которым общался мензелинский голова А.Ф. Дубинин (такой же представитель поколения «народовольцев») и был Дмитрий Николаевич Тяжельников. В сентябре 1905 г. он участвовал в Мензелинском крестьянском съезде. Его доклад, прочитанный на этом съезде, был издан позднее отдельной брошюрой[3].

В этот же период умер, якобы, от избиений страж порядка и некоторых горожан преподаватель женской гимназии П.Д.Ушаков. Местная интеллигенция обвиняла в его смерти градоначальника Захарова, как человека, негласно одобрившего агрессивные настроения в городе[4]. Здесь нужно добавить, что по сообщениям 1905 г. «некто У-ов» действительно был «жестоко избит», но ему «удалось вырваться от озверевшей толпы и спрятаться в земской лавке», а потом он уехал из Мензелинска[5]. Поэтому советские интерпретации могли несколько исказить революционные события 1905 года.

[3] Тяжельников Д.Н. Крестьянское слово о наших российских порядках: Доклад крестьянина Дмитрия Николаева Тяжельникова Мензелинскому крестьянскому съезду, состоявшемуся 25 сент. 1905 г. М., 1907. 104 с.

[4] Белокопытов В., Остроумов Я., Сафин М. Мензелинская быль. Казань, 1970. С.19–20.

[5] Волжский вестник. 1905. 11 декабря. №28.

Одно бесспорно, как ставленник губернской власти А.И. Захаров в это время вызывал мало доверия у части городской общественности. Поэтому среди муниципальных избранников Мензелинска в начале XX в. кипели почти политические страсти. Эту вражду между двумя разными группировками в народе называли борьбой «захаровцев» и «якимовцев». Нотариус А.Якимов был одним из гласных Мензелинской городской думы, прославившийся в 1880-е годы критикой головы А.Г. Попкова. При этом Якимова поддерживала и семья Дубининых. Представители муниципальной власти так яростно конкурировали между собой, что дело дошло до судебных разбирательств. Конфликт начался в революционном 1905 году и продолжался в течение нескольких последующих лет.

Часть гласных Мензелинской городской думы пыталась игнорировать А.И. Захарова и работу думы под его началом, не посещая заседания. Однако губернское начальство поддержало городского голову и предложило признать не посещавших заседания гласных, отказавшимися от звания народных избранников. А для случаев выбытия гласных в таких случаях были предусмотрены так называемые кандидаты (запасные гласные).

«И.д. губернатора Богданович и всех протестовавших гласных по телеграфу приказал считать отказавшимися от звания гласных и заменить их кандидатами (а кандидатов всего один, да и тот единомышленник с протестантами), – сообщал некий аноним под псевдонимом «Посторонний» в газете «Волжский листок» в июне 1905 г. – С З[ахаро]вым осталась полутемная, к труду не способная часть гласных, – среди протестантов члены всех комиссий, ревизионных и других. Виноват в этом А.Н. Якимов, уверявший, что никто не захочет иметь дело с З[ахаро]вым, как с доносчиком, не только ложным, но и неумным (его подлинные высказывания) и постановивший в основу протеста исключительно донос, тогда как следовало указать и на другие черты З-ва, как из прежней его деятельности, так и из современной».

Аноним обвинял в Захарова в коррупции («в бытность свою делопроизводителем воинского присутствия брал себе жалованье и правой, и левой рукой», «давая писцам и сторожам расписываться в одной сумме, выдавал другую – меньшую, разницу же прикармани-

вал себе»), а также в агрессивном поведении, вызванном его злоупотреблением спиртными напитками. Однако эти моменты обсуждались лишь в частных разговорах и не вошли в протокол, подготовленный «якимовцами»[6].

Пока часть гласных игнорировала заседания Мензелинской городской думы, очередным директором Мензелинского городского общественного банка при их отсутствии был избран приближенный к А.И. Захарову человек.

«При нормальном ходе выборы эти конечно не были бы утверждены, но г. З[ахаров] принят под особое покровительство и вероятно выборы будут утверждены. Вся Уфимская губерния вообще и Мензелинск, в особенности, с нетерпением ждут приезда нового губернатора, а с ним вместе и эры строгой законности. А пока новоизбранный директор и бухгалтер банка г. Р. вкупе и влюбе ходят ежедневно по трактирам и пивным...», – жаловались на эту ситуацию оппоненты Захарова на страницах газеты «Волжский листок» в августе 1905 г.[7].

Тем временем в маленьком Мензелинске витал дух революции. Носителями этих идей была, прежде всего, местная молодежь. Среди них были как столичные студенты, так и местные учащиеся, а также просто рабочие. Либеральные убеждения братьев Александра и Дмитрия Дубининых были известны властям, еще со времен их учебы в столице. К началу XX в. эти идеи стали несовместимы с муниципальной службой в Мензелинске. О взглядах этой семьи говорит и тот факт, что Ф.А.Дубинин, проходивший обучение в Петербурге, в 1905 г. являлся активным членом «Средне-Камской группы РСДРП»[8]. Группа студентов и гимназистов собиралась в доме на мельнице Дубинина в 3–4 километрах от города. Молодежь распространяла в городе и окрестностях свои прокламации, забрасывали их через ворота и заборы. В 1906–1907 гг. многих членов группы арестовали[9].

[6] Волжский листок. 1905. 29 июля. №241.
[7] Волжский листок. 1905. 21 августа. №259.
[8] Белокопытов В., Остроумов Я., Сафин М. Мензелинская быль. Казань, 1970. С.24.
[9] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.32–46.

21 мая 1908 г. в Мензелинске состоялось очередное судебное заседание, где столкнулись интересы «захаровцев» и «якимовцев».

«Дело в суде по обвинению Захаровым его политических противников в клевете несколько затянулось. Но еще ранее того, дело Захарова поступило на рассмотрение Мензелинской городской думы. В заседании 28 октября –1 ноября 1905 г. дума рассмотрев предложения и.д. губернатора И.И.Богдановича и изб. Д.О.Цехановецкого – первое об исключении из состава Думы – 9 гласных – политических противников Захарова и второе – о восстановлении их в правах гласных, а также доклад городской управы по обвинению Захарова в доносе на гласного Дубинина, – нашла, что гласный Дубинин, состоявший под надзором полиции, был давно уже на особом счету у жандармов полиции, которая неоднократно производила у него обыски и что 14 июня 1905 года в г. Мензелинске явился жандармский офицер для производства о Дубинине какого-то дознания и между прочим потребовал от Захарова, как от городского головы копию с представленного Дубининым проекта, «непатриотичного адреса» (донос на Захарова)», – сообщал корреспондент из Мензелинска в газете «Казанский биржевой листок».

В результате, в 1905 г. Мензелинская городская дума вынесла вердикт о том, что Захарову нужно остаться в должности городского головы, а его противников гласных Якимова и прочих, подписавших против него протокол, считать выбывшими из состава городского муниципального органа. При этом распоряжении первого лица губернии – уфимского губернатора Цехановецкого о восстановлении противников Захарова в правах обжаловать в Сенате.

Городские выборы и агитация. В Мензелинске городское общество разделилось на «захаровцев» и «якимовцев». Приближались новые городские выборы. Якимовцы первыми начали предвыборную агитационную кампанию. Летом 1907 г. выпустили брошюру «История одной думской забастовки», где описываются все деятели двух партий. В духе революционных настроений того периода, захаровцы в данной брошюре были представлены как люди консервативного толка, малообразованные, некультурные черносотенцы, преследующие свои личные интересы. Противникам действующего городского головы, именуемым в народе по имени одного из глас-

ных «якимовцами» соответственно приписывались либеральные передовые взгляды, самое главное, желание смело и честно бороться за общественные интересы. Если посмотреть на сторонников Якимова, который, кстати, работал мензелинским нотариусом, то в его команде были и весьма образованные служащие. Например, его поддерживал Д. Пушков – председатель Педагогического совета Мензелинской женской гимназии, организатор библиотечного дела в Мензелинске.

«Захаровцы», имея реальную власть, конечно, не провозглашали такие громкие лозунги о либеральных идеях, общественном благе и борьбе за них. Они вели себя относительно тихо и, как потом выяснилось, за этим внешним равнодушием разрабатывался ответный удар «якимовцам».

Выборы в городскую думу прошли 22 ноября 1907 г., избиратели получили несколько неожиданные результаты. Несмотря на то, что в местном обществе поддерживались в равной мере и консерваторы «захаровцы», и либералы «якимовцы», в гласные были выбраны все «захаровцы». Лишь одного избранника нельзя было назвать сторонником муниципального большинства, но и к действиям «якимовцев» он относился индифферентно. В городе все чаще звучали разговоры о том, что выборы незаконные, что результаты фальсифицированы. Жалобы об этом факте неоднократно отправлялись «якимовцами» в губернский город, в процедуре выборов они нашли более двадцати нарушений. Несколько корреспонденций об этом появилось в «Вестнике Уфы». Безусловно, многие горожане ожидали, что после таких активных действий, после публичной огласки нарушений результаты выборов будут отменены. Однако государственный орган, контролировавший действия муниципалов, Уфимское губернское по городским и земским делам присутствие в решении от 28 февраля 1908 г. признало выборы правильными. Конечно же, у городского головы Захарова имелась поддержка на самом высшем уровне. Ведь даже после избрания его на должность головы городским населением, его кандидатура утверждалась губернатором. Очевидно, что на этот пост ставили управляемых лиц пусть даже из числа нередко малообразованных купцов или мещан, но наиболее лояльных к действующей власти. В такой ситуации, в

поисках справедливости, ничего не оставалось, как обращаться в более высокие органы вертикали власти, и «якимовцы» решили обжаловать губернское решение в Сенате.

Это уездное событие давно уже вышло за рамки маленького города, слухи блуждали и в губернском центре Уфе. И в оправдание действий губернского по городским и земским делам присутствия все чаще звучала мысль о том, что при докладе о выборах в Мензелинске были скрыты отдельные факты. В результате, отсутствовавший при рассмотрении данного дела, член губернского присутствия Корнеев (он был в это время в отпуске), наслушавшись различных толков на эту тему, решил возобновить дело о мензелинских выборах и рассмотреть его на заседании еще раз. Члены данного присутствия на словах провозглашались независимыми лицами с правом голоса, но на деле все равно вся власть была в руках председателя. Корнеев своим действием пошел, по сути, против своего начальства. Но и его официальное заявление о пересмотре дела было отклонено присутствием 19 мая 1908 г.

Судебное разбирательство. Буквально через два дня в Мензелинске состоялся суд по обвинению А. Захаровым А. Якимова в клевете. В результате, обвинение было вынесено целому ряд лиц. К тюремному заключению на два месяца приговорили нотариуса Якимова, и его сторонников Товарищева, Пушкова, Бурмисторова, Кукаркина. Пушков, как известно, возглавлял педагогический совет Мензелинской женской гимназии, а Товарищев являлся членом Уфимской губернской земской управы, членом губернского по земским и городским делам присутствия. То есть был достаточно авторитетным земским деятелем, но желание установить справедливость в запутанном деле о мензелинских выборах отразилось и на его жизни и карьере. Еще два человека – Янов и Матвеев были приговорены к двухмесячному аресту при полиции.

Но на этом захаровско-якимовская борьба не завершалась, предстояло еще несколько судебных дел. Один из якимовцев – Никольский, занимавший несколько должностей по избранию губернского земского собрания, был привлечен к следствию по обвинению

в растрате опекунского имущества и подлоге документов[10]. В этой затяжной конкурентной борьбе между консерваторами и либералами, победа осталась за первыми. А все попытки либералов обычным путем добиться справедливости обернулись не только крахом передовых идей, но и арестом, увольнением с работы, т.е. отразились на их частной жизни, семье и т.д. Попытки либерализации общественной жизни 1905 года к 1908-му уже были окончательно свернуты и начались годы реакции, с чем и воспользовались «захаровцы». В их устоявшейся веками «картине мира» все было предельно просто: неразрывная цепочка «Бог – Царь – Губернатор (конечно же, и городской голова в этой связке)» не допускала никакой критики, ведь от этого зависело их личное благополучие.

Тем временем, в начале XX в. помимо сомнительных банковских операций мензелинские муниципальные власти были замечены и в махинации с городскими землями. Дело в том, что по существующим городским правилам мензелинским мещанам эти земли сдавались в аренду по льготной цене: 2–3 руб. за десятину, тогда как рыночная цена земли составляла 15 руб. Любопытно, что городской голова Захаров использовал эти льготы в своих интересах и стал арендатором крупного участка городской земли. Градоначальник вряд ли имел что-то общее с малоимущими мещанами Мензелинска. Но даже новые владения головы были огорожены городскими материалами. Незаконное отчуждение городской собственности критики деятельности главы города видели и на других примерах:

«Обширный мытный двор в центре города занят редко. Захаров и его приспешник Терентий заперли его и пасут в нем гурт своего скота. Заперли и колодец, чтобы иметь под руками водопой, а уход за скотом возложили на городского сторожа», – сообщал анонимный корреспондент газеты «Камско-Волжская речь» в 1908 г.

Этим нарушения не ограничивались. Заметно сократился и городской капитал Мензелинска, в основном, составлявший доходы с ярмарки: с 50 тысяч рублей до 12 тысяч. А городской банк продолжал выдавать кредиты «своим» людям. Более того, необходимо бы-

[10] Уфимский край. 1908. 11 июня. №125.

ло перед этим застраховать закладываемое в банке недвижимое имущество у частного страхового агента, супруги все того же головы Захарова[11]. Таким образом, материальная заинтересованность оставалась основным мотивирующим фактором для деятелей городского самоуправления и в начале XX в. Однако способы извлечения незаконной прибыли стали более изощренными.

Накануне Первой мировой войны должность городского головы в Мензелинске исполнял уже мещанин Порфирий Аристархович Винокуров[12]. По всей видимости, определенная клановость в городе сохранялась. Например, председателем Городской пожарной команды в Мензелинске был назначен Петр Аристархович Винокуров[13]. Любопытно, что вечный критик городской власти нотариус Алексей Николаевич Якимов в этот период стал служить в качестве городского секретаря. Опираясь на опыт работы гласного и в городской управе, он написал брошюру «Откуда берутся и на что расходуются городские средства в Мензелинске»[14]. Выходили у него публикации и на другие темы[15]. Человек этот был довольно разносторонним и искренно болел за городское дело. Но таких личностей в уездном центре встречалось не так много, большинство горожан жили своими частными заботами и общественные интересы волновали их в самую последнюю очередь. Активистам города мешала неорганизованность и аморфность населения. Поэтому самоуправление в Мензелинске было организовано в традициях общероссийской системы власти: имели место коррупционные схемы обогащения, административные рычаги управления и другие проблемы.

Но, несмотря на все это, накануне революционных событий 1917 г. мензелинским городским головой все же был избран

[11] Камско-Волжская речь. 1908. 5 сентября. №330.
[12] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С.143.
[13] Там же. С.155.
[14] Якимов А.Н. Откуда берутся и на что расходуются городские средства в Мензелинске. Уфа, 1916. 16 с.
[15] Якимов А.Н. Н.А. Некрасов как крупнейший представитель русской сатиры и остроумия. Мензелинск, 1916. 30 с.

А.Н. Якимов[16], но данный запоздалый шаг уже никак не мог спасти город и горожан от надвигавшихся социальных катаклизмов.

6.2. Татарская община города в начале XX в.

Организация официального мусульманского прихода. Конфликт в махалле. Татарская общественная жизнь в Мензелинском уезде.

Организация официального мусульманского прихода. В 1897 г. созрела мысль о необходимости регистрации официальной махалли и строительства мечети в Мензелинске. Молитвенный дом не вмещал всех желающих, особенно в праздничные дни[17]. В конце 1897 г. купец М. Сеитбатталов для этих целей пожертвовал под мечеть специальное дворовое место с находящимся на нем деревянным домом и другими надворными постройками. Именно тогда Газетдин Мухаметвалиев выяснил, что на самом деле по документациям Оренбургского магометанского духовного собрания он значится все так же имамом д. Чуриева Семиостровской волости Мензелинского уезда и лишь временно исполняющим должность имама г. Мензелинска. Этот факт крайне возмутил его[18].

Вместе с тем, решение мензелинских мусульман об избрании его местным муллой было подтверждено сразу несколькими приговорами общества: 1888 г. и 1893 г. Второй приговор был связан с тем, что уже тогда община задумывалась о необходимости мечети. Однако дело не удалось довести до желаемого результата. В 1897 г. Газетдин-хазрат и не подозревал, что таких приговоров в его жизни будет четыре. И лишь на четвертый раз удастся довести приговор

---

[16] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917. С.146.

[17]. Салихов Р., Хайрутдинов Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань, 1994. С. 236.

[18] НА РБ. Ф.И-295. Оп. 4. Д. 13713. Л. 57.

мензелинских мусульман до утверждения губернского начальства и получить разрешение на строительство мечети. Приговор 1903 г. по неизвестным причинам остался без дальнейшего рассмотрения, документы по строительству мечети и избранию указного муллы получили ход лишь в 1907 г.

Таким образом, вопрос о назначении приходского имама в Мензелинске, как и о возведении мечети в уездном городе, затянулся на долгие годы. Строительство мечети собирались начать в 1903 г., т.е. спустя шесть лет после получения собственного дворового места. Но красивая двухэтажная кирпичная мечеть была построена лишь к концу 1911 г. Большую роль в претворении этой задумки – регистрации прихода и строительстве мечети – сыграли мензелинские купцы Миннигарей Сеитбатталов, Шагимухамет Хасанов, купеческий сын Бахтигарей Хасанов (племянник Ш. Хасанова) и другие активные мусульмане города[19].

Основную нагрузку взял на себя предприниматель М. С. Сеитбатталов. Как уже было отмечено выше, именно он в 1897 г. пожертвовал местной мусульманской общине землю под строительство Мензелинской мечети[20]. Сам Сеитбатталов тоже жил в Мензелинске, торговал хлебом, чаем, сырьем. Это был крупный хлеботорговец, товар реализовывал в Петербурге, активно работал с заграничными партнерами. В Бережных Челнах у него имелась собственная пристань с постройками[21]. Участвовал он и в местном самоуправлении. Миннигарей Ситдикович был гласным Мензелинской городской думы и Мензелинского земского уездного собрания, в которых активно отстаивал интересы мусульманского населения.

Например, в Мензелинске при молитвенном доме усилиями муллы Г. Мухаметвалиева было организовано медресе. В 1908 г. Мензелинским уездным земством было выделено пособие на содержание данной школы. При этом гласные поинтересовались, почему комиссия назначила пособие мензелинскому медресе «в большем против других размере». «Магометане, проживающие в Мензелинске – выходцы из разных деревень, большею частью самая

[19] Салихов Р., Хайрутдинов Р. Указ. соч. С. 236–237.
[20] НА РБ. Ф.И-295. Оп. 6. Д. 761. Л. 3.
[21] ГА РТ. Ф.148. Оп. 1. Д. 15. Л. 89.

беднота, не могут уделять никаких средств на содержание своего медресе. Имея это в виду, комиссия и предлагает увеличить пособие на его содержание до 120 рублей», – заявил на это гласный М. Сеитбатталов[22]. В дальнейшем эта помощь стала ежегодной. В 1911 г. Мензелинскому медресе из средств земства выделено пособие в размере 300 руб.[23].

Здание Мензелинской мечети строилось под наблюдением архитектора Г. Кутьянова. Двухэтажное сооружение в эклектичном стиле, с национальными и классическими элементами, а также элементами псевдоготики, располагалось в центре города. Первым имамом мечети в 1911 г. стал уже служивший в молитвенном доме Газетдин Мухаметвалиев (Муслимов). Хотя это было уже лишь формальным назначением, т.к. к тому времени отношения мензелинского имама и попечителей новой мечети были безнадежно испорчены.

Конфликт в махалле. В начале 1909 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание поступила жалоба на поведение муллы Мухаметвалиева от мензелинских мусульман, среди которых значился и попечитель медресе, мензелинский купец Бахтигарей Салимгареевич Хасанов. Авторы документа обвиняли имама в нравственной распущенности и просили удалить его от занимаемой должности. При этом подписали данное прошение не все мензелинские мусульмане, а лишь небольшая часть. Просители объясняли это тем, что не хотят «распространения слуха между всеми прихожанами». Всего подписал 31 человек, из них половина не владела ни русским письмом, ни татарским и поставила лишь свои тамги[24]. Вместе с этим документом прилагался и другой, в котором прихожане просили назначить им другого имама.

Позднее другая группа местных мусульман выступила в защиту Газетдина Мухаметвалиева, назвав предыдущее прошение «гнусной

---

[22]. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С. 42.

[23]. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVIII очередной сессии с 1 по 13 октября 1911 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1912. С. 190.

[24]. НА РБ. Ф.И-295. Оп. 4. Д. 13713. Л. 59–60.

клеветой» и «ложным доносом». Это прошение было отправлено в Оренбургское магометанское духовное собрание 9 апреля 1909 г. Они просили оставить в должности Г. Мухаметвалиева, характеризовали его только с положительной стороны. Также просители отмечали, что на протяжении многих лет мулла очень строго блюдет за нравственным поведением верующих и из-за этого вызывает раздражение некоторых. Тем не менее, мусульмане настаивали на сохранении в должности именно Г. Мухаметвалиева[25]. Всего это прошение подписали 76 человек, тогда как прошение, направленное против муллы, было поддержано 36 прихожанинами.

Несмотря на доносы, которые начались в феврале 1909 г., мензелинский имам продолжал выполнять свои обязанности до августа месяца. Кроме попечителей, определенную роль в устранении старого имама сыграл и мугаллим медресе. Например, в своей телеграмме, направленной в ОМДС, Г. Мухаметвалиев указывал, что он «стал полным правителем, а меня близко не пускают в это медресе»[26]. Судя по всему, мугаллимом служил уроженец д. Старое Килимово Белебеевского уезда Уфимской губернии – 31-летний Исмагил Усманов. Он был выпускником одного из казанских медресе[27].

Любопытно, что обвинения в нравственной распущенности не помешали властям отправить мензелинского муллу исполнять те же религиозные обязанности в мечеть деревни Чуриева. Очевидно, что основной целью обвинителей было лишь изгнание муллы из конкретного городского прихода. 15 сентября 1909 г. устраненный имам Газитдин Мухаметвалиев (Муслимов) был вынужден направить в ОМДС прошение, в котором заявлял, что не желает возвращаться в Чуриевский приход. Объяснял он это тем, что за эти годы в Мензелинске он обзавелся собственным хозяйством и домом, а «в Чуреевой буквально ничего» не имел[28]. В итоге, несмотря на разногласия с прихожанами, Мухаметвалиев продолжал выполнять официальные религиозные требы по судебному, тюремному и другим

[25]. Там же. Л. 67.
[26]. Там же. Л. 70.
[27]. Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сб. док. и матер. Казань, 2012. С. 255.
[28]. НА РБ. Ф.И-295. Оп. 4. Д. 13713. Л. 73.

ведомствам. Тем более, в официальных учреждениях его служба оценивалась весьма положительно.

Именно из-за этих разбирательств затянулось и дело о строительстве мечети и открытии мусульманского прихода в Мензелинске. Дело о нравственной распущенности муллы Г. Мухаметвалиева рассматривалось в разных инстанциях, и он был оправдан. Назначение Газетдина-хазрата в качестве имама Мензелинской мечети в 1911 г., т. е. спустя два года после доносов, указывает на клеветнический характер всех предъявленных обвинений и невиновность муллы. Тем не менее, часть общины настаивала на другой кандидатуре на должность указного имама соборной мечети г. Мензелинска. Уже в том же 1911 г. ОМДС рекомендовало на эту должность Исмагила Усманова. В его назначении были заинтересованы попечители Мензелинской мечети – И. Хасанов и Курбангалин[29]. Как уже было отмечено выше, против Г. Мухаметвалиева выступал и другой попечитель – Б. Хасанов.

Дело об устранении муллы Газетдина Мухаметвалиева (Муслимова) продолжалось до 1912 г., после в архивных документах имя имама не встречается. К тому времени бывшему мензелинскому имаму было уже 56 лет. Очевидно, у него не хватило душевных сил и возможностей бороться против всесильных попечителей и молодых мулл. Так, указным муллой в Мензелинске был назначен крестьянин из д. Старое Килимово Белебеевского уезда – Исмагил Габдрахманович Усманов, а муэдзином мечети стал его земляк – 26-летний Абдулкутдус Ахтямов. Он был уроженцем другой деревни Белебеевского уезда – д. Ново-Амирово, но учился в Килимовском медресе. И Усманов, и Ахтямов преподавали также и в Мензелинском медресе[30].

По данным 1913 г. в мусульманском учебном заведении обучались 110 шакирдов, а процесс обучения обеспечивали 5 мугаллимов (из них 2 чел. – учителя русского языка). Мугаллимы для русского класса при медресе (обязательное условие для функционирования), судя по всему, были приглашены в 1912 г. В январе того года в

[29]. Там же. Л. 71–72.
[30] Медресе Казанской губернии… С. 255.

оренбургской газете «Вакыт» появилось объявление муллы Усманова об этом. В 1913 г. другая татарская газета – «Сибирия» – сообщала о том, что Исмагил-хазрат собирается открыть и официальную женскую школу[31].

В 1914 г. имамом в Мензелинской мечети также значился И.Г. Усманов[32]. В Мензелинском уезде к этому времени мусульмане составляли более половины жителей. В уезде насчитывалось 77 православных церквей и 389 мечетей[33]. Поэтому мечеть и медресе в уездном центре были жизненной необходимостью и для временно пребывающих в городе мусульман. Например, в одном из прошений в защиту Г. Мухаметвалиева из 76 его поддержавших и фактически проживавших в уездном городе татар-мусульман, юридически только 10 человек являлись мензелинскими обывателями.

При этом дети местных татар обучались не только в мектебе и медресе, но и других городских учебных заведениях. По данным 1913 г., 7 мальчиков обучались в реальном училище, 10 – в городском, 2 девочки – в женской прогимназии (обе были не из Мензелинска, а из уезда). Кроме того, встречались желающие учиться даже в приходском училище. В том же году туда поступили 10 чел.[34] Поэтому расширение мусульманской (татарской) школьной сети и улучшение качества образования было как никогда актуальным.

Безусловно, молодые имамы внедряли в Мензелинском уезде новый метод преподавания и являлись адептами джадидзма, это было началом другого этапа жизни мусульманской общины Мензелинска. Однако, как было показано выше, смена поколений религиозных служителей в мензелинском приходе проходила крайне болезненно не только для конкретного муллы, но и для всей общины.

Татарская общественная жизнь в Мензелинском уезде. Основным организующим фактором для татар Мензелинского уезда, а также ближайших уездов и в начале XX века оставалась Мензелин-

[31] XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре. Докум. җыентыгы. Казан, 2020. Б.115–116.

[32]. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С. 153.

[33]. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб., 1915. С. 276.

[34] XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре… Б.116.

ская ярмарка. Неслучайно это мероприятие, наряду с *Мәкәрҗә* (Макарьевской / Нижегородской ярмаркой), нашло отражение и в татарской художественной литературе начала XX в. Например, в романе Махмута Галяуа «Муть» упоминаются традиционные гостинцы, привозимые казанскими купцами из Мензелинской ярмарки, – «жирные индейки и пироги с калиной»[35].Ежегодно в Мензелинск съезжались видные татарские купцы из Казани и других городов. Так постоянным участником ярмарки был известный казанский купец, общественный деятель Ахметзян Сайдашев. Подобными ему активными татарскими торговцами инициировались общественно значимые дела. Например, как уже было отмечено выше, средства на строительство Мензелинской соборной мечети тоже собирали во время ярмарки. Были и другие примеры консолидации мусульман на фоне местного торгового мероприятия.

В 1905 г. известный татарский просветитель Габдулла Буби, руководитель медресе Иж-Буби в Сарапульском уезде Вятской губернии, во время ярмарки собрал подписи более 300 татар для прошения о необходимости расширения религиозных прав мусульман, в частности, всенародного избрания муфтия и казыев Духовного магометанского собрания. Копии этого документа потом были распространены и в Мензелинском уезде, и в других уездах[36]. Эти же вопросы позднее прозвучали в мусульманских съездах 1905–1906 гг. И в дальнейшем, некоторые общественные вопросы обсуждались и получали определенный выход в виде прошений или иных документов в период Мензелинской ярмарки.

Кроме того, ярмарка играла и культурную роль: например, здесь распространялись татарские книжные издания. В остальное время вопросы, связанные с развитием татарской культуры разворачивались в самом Мензелинском уезде, а не в городе. Например, татарская деревня Тлянче-Тамак была известна своей книжной торговлей, здесь проживали основные книжные «агенты», а также работало медресе. Возникшее в сентябре 1909 г. в Мензелинском уезде книгоиздательское общество «Сагадат» тоже размещалось в дан-

[35] Галяу М. Муть. Мухаджиры / Пер. с тат. Казань, 1982. С.172.

[36] Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсе. Тарихи-документаль җыентык. Казан, 1999. Б.39–40.

ном населенном пункте, однако просуществовало оно лишь около года: было закрыто из-за необоснованных обвинений в панисламизме.

Особенностями жизнедеятельности уездного города, который оживал лишь во время зимней Рождественской ярмарки, объяснялось поведение горожан после начала Первой мировой войны. В июле 1914 г. ни в Мензелинске, ни в уезде не было никаких громких патриотических манифестаций или других схожих публичных мероприятий. Лишь в январе 1915 г. от имени мензелинских мусульман в столицу была направлена телеграмма, собравшиеся на ярмарку купцы (М.Сеитбаталов, Г.Хальфин и др.) инициировали специальный молебен в городской мечети и патриотический адрес[37]. Сразу после совершения намаза в мечети мусульмане обычно делали пожертвования в пользу армии.

В годы войны особенно актуальным стал вопрос о благотворительной помощи. В 1915 г. и в уездном городе было образовано Мензелинское мусульманское благотворительное общество, основной целью которого было оказание материальной помощи бедным мусульманам. Общество охватывало своей деятельностью не только горожан, но и мусульман уезда. Учредителями являлись Ш.Курбангалин, А.Латыпов, А.Мухаррямов, Б.Хасанов[38].

Новый этап татарской общественной жизни начался после февраля 1917 г. В Мензелинском уезде устраивались различные общественные собрания, навеянные идеями революционной свободы и равноправия, и призванные многие острые вопросы мирным путем. 15–16 апреля 1917 г. в деревне Тлянчи-Тамак прошел съезд мусульман Мензелинского уезда, с участием 2500 делегатов. На съезде наряду с вопросами о правах российских мусульман, обсуждался земельный вопрос. Многие участники выступали за отмену частной собственности на землю. На этом съезде были выдвинуты делегаты на предстоящий Всероссийский съезд. Представителями от Мензелинского уезда были избраны бывший преподаватель медресе Иж-Буби Губайдулла Буби, Г.Халфин, Гаяз-хазрат Якупов, Исмаил-

[37] Уфимский вестник. 1915. 13 января. №9.
[38] Татарская энциклопедия. Т.4. Казань, 2008. С.139.

хазрат Усманов (мензелинский имам – прим. Л.Г.), Б.Шамбазов, мулла Х.Насибуллин[39].

Появление татарского печатного органа в Мензелинском уезде было еще одним достижением революционного периода. После февраля 1917 г., как уже было отмечено выше, цензурные и другие надзорные ограничения с издательской деятельности были сняты. С октября 1917 г. в Мензелинске был налажен выпуск газеты «Минзәлә иле» («Страна Мензеля») на татарском языке. Редакторами в разное время трудились Шакирджан Хамиди, Фатих Айдашев, Ахат Хамиди. Выходила газета 1–2 раза в неделю[40].

Наряду с действующими органами власти в 1917 г. возникли параллельные, самопровозглашенные организации: съезды и советы, комитеты и комиссии, продвигавшие различные идеи в широкие массы. Оказывали они влияние и на жизнь мусульман Мензелинского уезда. Тем более некоторые из них представляли собой мусульманские самоорганизации.

Одним из активно обсуждаемых вопросов этого времени была проблема обучения на родных языках в национальных школах, стандартизация их учебной программы. Под такими учебными заведениями подразумевались и «мусульманские школы», т.е. мектебе и медресе. Например, в документе Исполнительного комитета Уфимского губернского мусульманского совета от 24 сентября 1917 г., распространяемого по уездным школьным управам, можно прочитать, что «школа у мусульман должна быть вполне национальной, т.е. преподавание всех предметов должно вестись на материнском языке учащихся», а «национальная школа, как государственная, должна пользоваться всеми правами, предоставляемыми учебным заведениям государства, на общих основаниях». При этом планировалось, что учебный курс в «мусульманской школе» будет составлять 6 лет, а преподавание русского языка должно было вводиться с третьего года обучения[41].

---

[39] Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). М., 2004. С.155.

[40] Рәми И., Даутова Р. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). Казан, 2001. Б.176.

[41] ГА РТ. Ф.Р514. Оп.1. Д.49. Л.61.

В школьной жизни осенью 1917 г. тоже активно проявлялись революционные настроения, наблюдалось стремление (главным образом, со стороны учащихся) изменить традиционную школьную иерархию, сделать равноправными отношения учителей и учеников. В Мензелинском уезде действовала Мусульманская школьная комиссия. 23 октября 1917 г. туда обратился Комитет учащихся мусульман г. Мензелинска с просьбой обратить внимание на поведение вероучителя, имама Исмагила Усманова и снять его с должности. Заявители считали, что мулла Усманов пропускал уроки, а когда приходил на занятия, то «читал газеты и устраивал беседы не на тему урока»[42]. Очевидно, эти пропуски были связаны с общественной деятельностью муллы Усманова и его разъездами. Как уже было указано ранее, он был участником съезда мусульман Мензелинского уезда в д. Тлянчи-Тамак в апреле 1917 г. Его избрали там же делегатом на Всероссийский мусульманский съезд. Неудивительно, что мулла пропускал занятия. Кроме того, у учеников имелись претензии и к методу преподавания Исмагила-хазрата: «Предварительно не ознакомившись с положением учеников, т.е. с их знаниями начал преподавание с Корана (перевод его), а в то время как среди учеников были и такие, которые решительно не знали ни одной буквы татарского алфавита», – писали учащиеся в своем прошении. Интересно, что на место вероучителя Исмагила Усманова была найдена замена – Шакирьян Хамидов. Как подчеркивали ученики, им нужны не только религиозные предметы, но и светские. Например, они хотели изучать историю татар и татарский язык. Для этих дисциплин тоже имелась кандидатура учителя – Заки Алеев. Подписали данное прошение председатель комитета учащихся-мусульман г. Мензелинска Х.Мансуров и секретарь Ф. Султанов[43]. Таким образом почти через десять лет история повторилась: на этот раз мензелинские мусульмане решили убрать уже муллу Исмагила Усманова, как когда-то лишили должности ради него муллу Газетдина Мухаметвалиева.

[42] Там же. Л.63.
[43] Там же. Л.63–63 об.

6.3. Наступление эпохи модернизации

Развитие коммуникаций: от почты до телефона.
Технические новинки в повседневной жизни мензелинцев.

Развитие коммуникаций: от почты до телефона. Эпоха модерна и собственно процесс модернизации (переход от традиционного к современному) характеризуется большой ролью научно-технического прогресса в жизни людей. Незаметно, но ускорялись темпы жизни, внедрялись технические новинки и технологии. Мензелинцы тоже не стали исключением, они также были вовлечены в эти процессы. Не малую роль в жизни горожан играли различные коммуникации: почтово-телеграфная служба, телефон, пути сообщения и т.д.

В Мензелинске почтмейстер играл весьма значительную роль в жизни горожан, ведь именно через него проходила вся корреспонденция и другие почтовые отправления. Например, в 1880-е годы среди жителей уездного города циркулировал очень любопытный слух: мензелинцы обсуждали новость о том, что в течение многих лет почтмейстер, коллежский асессор Александр Васильевич Каташ передавал подозрительные письма (особенно адресованные в редакции газет) городскому голове Попкову. Многие из них, якобы, просто уничтожались. Поэтому анонимные корреспонденты газет начали даже указывать не адреса редакций, а менее подозрительные адреса жилых домов, естественно предварительно договорившись об этом с редакторами[44]. Хотя А.Г. Попков всячески отрицал этот факт, но, в итоге, почтмейстер А.В. Каташ был уволен по заявлению предводителя дворянства М. Останкова. Правда, официально обвинили его в незаконных поборах с местных крестьян[45].

---

[44] Н.Ш. Очерки русской жизни. Провинция и провинциальная печать // Русская мысль. 1886. №1. С.133; Справочная книжка Уфимской губернии на 1883 год. Уфа, 1883. С.11.

[45] ГА РТ. Ф.571. Оп.1. Д.1. Л.7 об.

Не только самодурство местных властей сказывалось на почтовой службе Мензелинска в конце XIX в. В это время общие темпы жизни уже ускорялись, и жителям города хотелось более оперативного сообщения с внешним миром. Ведь к тому времени через почту получали и отправляли не только письма, но и газеты, журналы. Это был основной канал получения новостей, но доступ к нему имели немногие.

«Сюда на окраину не приходили газеты; иногда лишь кто-нибудь приносил слух, что опять «англичанка гадит нашему царю», подбивает турку на войну или что скоро будет «затмением божьим» в наказание за грехи людей», – отмечал уроженец Мензелинска А.С. Сливко, вспоминая свое детство – конец XIX в.[46]

Поэтому в Мензелинске новости чаще узнавали не из газет, а благодаря различным разговорам и слухам, особенно это касалось далеких от присутственных мест жителей городской окраины.

Денежные переводы и другие товары тоже были связаны с почтовой службой. Но неразвитость транспортных сообщений, административные барьеры мешали эффективной работе мензелинской почты. Особенно тяжело было зимой: приходила почта только два раза в неделю, что устраивало не всех жителей города. При этом в соседней Елабуге почта была ежедневной. Вероятно, благодаря влиянию богатых купцов Стахеевых, в этом уездном городе был ежедневный обмен почтой с Казанью, Нижним Новгородом, Москвой, Петербургом, Пермью и Сарапулом. Однако из-за того, что Елабуга находилась в Вятской губернии, городу Уфимской губернии Мензелинску не так просто было присоединиться к этой почтовой службе. К слову, в 1904 г. начальник Мензелинской почтово-телеграфной конторы Лобанов ходатайствовал о таком варианте перед председателем Мензелинской уездной земской управы[47].

[46] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.6.

[47] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной сессии с 30 сентября по 13 октября 1904 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1905. С.554.

Как видно, к началу XX в. в Мензелинске работал уже и телеграф. На важность этого объекта связи указывает и то, что в городе даже имелась отдельная улица Телеграфная[48]. Штат Мензелинской почтово-телеграфной конторы V класса уже в 1889–1891 гг. был внушительным. Помимо начальника, надворного советника Ивана Григорьевича Дубницкого и его помощника, коллежского секретаря Алексея Васильевича Ильина, в этой службе трудились почтово-телеграфные чиновники разных разрядов: Василий Иванович Игачев, Лев Иванович Елисеев, Михаил Федорович Кассовский. Кроме того, имелась вакантная должность[49].

Параллельно с государственной почтовой службой в это время в Уфимской губернии существовала земская почта, через нее обычно шли различные денежные переводы (например, жалованья служащим и т.д.). Например, через Мензелинскую земскую почтовую службу только в первой половине 1904 г. было отправлено «денежных пакетов» – 114, простых пакетов – 98 штук, газет – 31, посылок – 2 371 и повесток – 3 611.[50] О масштабах работы этого канала связи в Мензелинском уезде можно судить и по количеству задействованных в перевозке лошадей: в 1911 г. их количество выросло до 366 голов[51]. Таким образом, альтернативная почтовая линия использовалась довольно активно. Однако помимо этого земские служащие отправляли через земскую почту и незаконные отправления. В их числе были запрещенные книги, антиправительственные прокламации и т.д.[52]

Нововведение рубежа XIX–XX вв. – телефон добрался до Мензелинского уезда с заметным опозданием. Так, историк земства Б.Веселовский отмечал, что повальное увлечение телефонами началось примерно в 1890-х гг. «Вопрос о пользе устройства в деревне телефона разработан в докладах управ весьма подробно; в них об-

[48] Уфимские губернские ведомости. 1900. 23 декабря. №277.
[49] Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год. Уфа, 1889. С.25–26; Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год. Уфа, 1891. С.17.
[50] Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т.2. СПб., 1909. С.687.
[51] Мензелинский край: история и современность. Мензелинск, 2006. С.359.
[52] Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе… С.290.

стоятельно перечисляются те случаи, в которых телефон может сослужить населению хорошую службу (в медицинском, ветеринарном, страховом деле и т.д.), а также быть очень полезным земству. (…) Одни земства доказывали, что телефоны нам нужны в деревне именно потому, что мы бедны, что у нас нет хороших путей сообщения, «почтовые и телеграфные сообщения в деревне затруднены». Другие наоборот указывали на то, что рано думать о телефонах там, где «ведется одна из примитивных форм денежного хозяйства и сохраняются еще пережитки натурального хозяйства, отсутствует промышленность и слабо развита торговля; поэтому устройство в уезде телефона, предоставив удобство учреждениям, администрации и очень немногим лицам, является теперь излишней роскошью для огромного большинства земских плательщиков…». В конце концов, модное увлечение многих земцев телефонами прошло уже к 1904–1905 гг. Большинство сошлось на том, что для деревни такая связь еще не подходит для всех[53]. Жители Мензелинского уезда тоже имели разные мнения на этот счет.

К вопросу о возможности проведения в уезде телефонной сети Мензелинское уездное земское собрание приступило только в 1908 г. Некоторые гласные считали, что для этого у земства недостаточно средств. Резко против выступил влиятельный дворянин М.М. Останков, многие годы возглавлявший и местное дворянство, и земство. Вообще между мензелинским дворянством и иногородними купцами в начале XX в. сохранялась определенная конфронтация. Бывший председатель уездного собрания М.М. Останков в этом обсуждении заявил, что

«главный плательщик земских сборов в телефоне не нуждается, и он ему не принесет никакой пользы, а лишь даст удобство исправнику, Халфину, Саитбатталову, Стахеевым и т.д. В виду всего вышеизложенного я полагал бы необходимым проведение телефонной сети отложить до более благоприятного для нас времени».

На что гласный М.С. Сеитбатталов выступил в защиту телефонной связи, он это обосновал не только коммерческой заинтере-

[53] Веселовский Б. Указ. соч. С.691–692.

сованностью ряда лиц, но и выгодностью для самого земства в качестве нового объекта налогообложения[54]. В итоге решили возбудить ходатайство о постройке телефонной сети за счет губернского земства.

Однако работы по устройству телефонной сети в Мензелинском уезде начались лишь в конце 1911 г. Было решено открыть кредит в сумме 32 тысяч рублей, велись переговоры с елабужским инженером-механиком Федором Васильевичем Стахеевым об условиях строительства в уезде телефонной сети. Собственно сама работа проводилась уже в 1913 г. Общая длина телефонной сети составила 378 верст (с участками: Мензелинск – Азякуль – Актаныш; Мензелинск – Кузембетево – Набережные Челны; Кузембетево – Останково – Нуркеева – Карамалы – Шуган; Нуркеева – Заинск – Акташ – Кузайкина; Заинск – Афонасово – Святой Ключ), а протяженность проводов – 710 верст. Запустили телефонную сеть в декабре 1913 г.[55] До 1916 г. городской ручной телефонной станцией руководил мещанин С.Д.Богатиков[56].

После начала Первой мировой войны необходимость оперативной связи с остальным миром стала еще более очевидной. Несмотря на рост цен, в том числе на телефонные переговоры, эта услуга набирала популярность у населения. Именно через телефонограммы узнавали последние новости. Например, земские почтовые службы были обязаны доставлять и телефонограммы[57].

Безусловно, кроме телефонограмм по земской почте продолжали доставляться и другие отправления. Значительно выросло количество денежных пакетов, что требовало особой внимательности и

[54] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV-й очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С.7–8.

[55] Ермаков В.В. «Челнинская история» [Электронный ресурс]. http://русскоеобщество.рф/biblioteka/chelninskaia%20istoriia7.html (дата обращения 27.11.2023).

[56] Мензелинский край: история и современность… С.354.

[57] Систематический свод постановлений Мензелинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 1 и 2 марта 1916 г. и 42-го очередной сессии с 30 сентября по 10 октября 1916 г. Мензелинск, 1917. С.51–52.

ответственности от почтовых работников. В 1915 г. из-за просчета был уволен почтовый служащий с 20-летним стажем работы[58]. Возможно, члены Мензелинской земской управы пошли на такой резкий шаг из-за скандального случая, тоже связанного с земской почтой. Несколькими годами ранее, в 1911 г. было открыто уголовное дело в отношении бывших членов Мензелинской земской управы (Н.П. Товарищев, Н.В. Катанский, В.В. Колесников, В.П. Юрьев). Они обвинялись в пропаже 980 руб. Эти деньги были отправлены по земской почте в качестве жалованья учителям государственных школ, но не сразу дошли до адресатов. После всех разбирательств, Казанская судебная палата вынесла решение о прекращении уголовного преследования[59].

К 1917 г. Мензелинская почтово-телеграфная служба включала в себя большой штат служащих. Сама контора в Мензелинске получила уже IV класс, там под началом управляющего Валентина Андреевича Антонова трудились 5 человек. Почтово-телеграфная контора V класса функционировала и в с. Бережные Челны, VI класса – в заштатном городе Заинск, в селениях Актаныш, Байсарово, Добромыш, Поисево и Кузлуковак имелись почтово-телеграфные отделения[60].

Таким образом, за два столетия – XVIII–XIX вв. – серьезно изменились городские коммуникации: к государственной почтовой службе добавились альтернативные способы доставки (например, земская почта) писем и посылок, денежных переводов, благодаря новым техническим возможностям в виде телеграфа увеличилась скорость передачи информации. Появление к началу XX в. телефонной сети в Мензелинском уезде стало своего рода завершающим этапом данных коммуникационных преобразований. Безусловно, все эти изменения в стране шли параллельно с развитием транспортных коммуникаций и другими преобразованиями.

Технические новинки в повседневной жизни мензелинцев. Новая эпоха модернизации вместе с достижениями научно-технического прогресса стремительно завоевывала повседневность мензелинцев.

[58] Уфимский вестник. 1915. 25 апреля. №90.
[59] Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России… С.148.
[60] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917. С.142–143.

Это касалось не только коммуникаций и транспорта, но и обычных развлечений. Например, еще в 1870-е гг. в некоторых губернских городах Российской империи получили распространение народные чтения с «туманными картинками». По другому аппараты для проекции картинок на экране называли тогда еще «волшебный фонарь», и это были первые подступы к будущему синематографу. В Мензелинске такое чудо техники появилось лишь в середине 1890-х гг.

«В скором времени у нас состоится открытие народных чтений; средства на покупку волшебного фонаря и картин были добыты устройством двух спектаклей, состоявшихся в начале этого года; всего было собрано 250 рублей, на каковую сумму и выписаны фонарь и картины, – радостно сообщал в 1894 г., судя по всему, организатор этих чтений. – Испытание фонаря в помещении земской управы дало очень удовлетворительные результаты: картины выходят отчетливо, а некоторые даже художественно. При отсутствии каких-либо развлечений в нашем, Богом забытом городке, народные чтения будут иметь громадное значение не только для народа в тесном смысле слова, но и для так называемых интеллигентных классов населения, съеденных нередко сплетней и картежной игрой от того только, что бывает "нечем убить время»"»[61].

Первые народные чтения были намечены на 6 ноября 1894 г., организаторы планировали сделать их еженедельными[62].

Правда, не сразу появилось помещение для проведения подобных мероприятий. Но уже в том же 1894 г. среди городской интеллигенции и чиновничества обсуждались проекты строительства специального здания, где размещались бы и народная библиотека с книжной лавкой, и воскресная школа, и народный театр, там же планировалось проведение воскресных народных чтений с «волшебными фонарями». Постановление об этом было принято в местном комитете народной трезвости в 1896 г. и на это планировалось собрать 8000 руб.[63] К идее строительства особого здания для народ-

[61] Волжский вестник. 1894. 1 ноября. №277.
[62] Волжский вестник. 1894. 10 ноября. №285.
[63] Русская школа. Общепедагогический журнал для семьи и школы. 1896. №.1. С.201.

ного театра (аудитории) Мензелинская городская дума отнеслась вполне благосклонно и выделила 3000 руб., еще 1 тысячу руб. предложило уездное земство. Остальную часть необходимой суммы планировалось собрать за счет частных пожертвований, благотворительных спектаклей и т.д.

К слову, любительские спектакли местные активисты собирались ставить не только ради сбора денег, но и с целью разузнать настроения и интересы городского населения, насколько им нужны такого рода театральные зрелища. Но в первый раз показать обывателям драматический спектакль у интеллигенции не получилось. Интересно, что местный исправник разрешил впоследствии показ театральной постановки с одним условием, только если билеты на спектакль не будут слишком дешевыми[64].

В октябре 1896 г. была произведена закладка здания народного театра в Мензелинске. Горожане обсуждали новость о том, что вскоре в нем разместятся и библиотека с читальней, планировалась и чайная.

«...в Мензелинске ... на соединенные средства городского управления, уездного земства, и местного комитета о народной трезвости строилось здание, которое будет служить для народного театра, городской библиотеки, читальни и воскресной школы»[65].

Кроме земских и городских денег, еще 1 тыс. руб. выделил местный комитет народной трезвости. Но этого все равно было недостаточно[66]. К концу столетия здание народного театра все же было выстроено. Финансовую помощь получили и от Губернского земства. Народная аудитория – одноэтажное краснокирпичное здание с белокаменными вставками, в конце концов, было выстроено.

Как и планировалось, в нем ставились любительские спектакли, проводились различные лекции, в том числе с «волшебными фона-

[64] Русская школа. Общепедагогический журнал для семьи и школы. 1896. №.5–6. С.285.

[65] Никольский Д.П. Образовательно-воспитательные учреждения в борьбе с алкоголизмом. СПб., 1900. С.15.

[66] Русская школа. Общепедагогический журнал для семьи и школы. 1897. №.1. С.203.

рями» и «туманными картинками». Выручка от мероприятий передавалась бесплатным библиотекам-читальням как в Мензелинске, так и в уезде[67]. Красивое сооружение рубежа XIX–XX вв. продолжает нести свою культурную миссию и сегодня. Здесь размещается Мензелинский татарский драматический театр.

Еще одним новшеством, связанным с визуальной культурой, стало распространение фотографии. Один из первых фотосалонов в Мензелинске в 1906 г. принадлежал А.И. Халитовой[68]. Судя по всему, фотограф Халитова могла быть родственницей фельдшера Халитова, а также учителя класса ручного труда Мензелинского уездного училища Н.В. Халитова. В уездном городе в начале XX в. фотоснимок можно было получить не только у А.И. Халитовой, предлагали свои услуги и другие фотографы, в том числе женщины. Например, научно-техническим новшествам были открыты и в Пророко-Ильинском женском монастыре. Там содержала фотоателье игуменья Ольга. Это был один из источников дохода монастырского хозяйства. Тем более в Мензелинске в это время в данной сфере не было особой конкуренции. Например, в 1917 г., кроме монастырского фотоателье, работала лишь одна «фотография», принадлежавшая Михаилу Александровичу Петрову[69]. Очевидно, некоторые фотосалоны открывались и закрывались по разным причинам. Так известно, что некоторое время в Мензелинске функционировало и фотоателье под началом фотографа Константина Ивановича Мошкова[70]. Фотографии мензелинцев начала XX в., сохранившиеся в музейных и семейных коллекциях, свидетельствуют о популярности данной услуги среди горожан. Во время Мензелинской ярмарки старались сделать снимок на память и сельские жители.

Важным событием в сфере городских развлечений стало открытие синематографа в Мензелинске. Это было еще одно коммерчески успешное предприятие. Первый в городе синематограф появился благодаря усилиям мензелинского купца Дмитрия Коныча Перминова и

[67] Уфимские губернские ведомости. 1900. 20 декабря. №274.
[68] Попов А.П. Российские фотографы (1839–1930): словарь-справочник. Т.2. Коломна, 2013. С.505.
[69] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917. С.42.
[70] Попов А.П. Российские фотографы (1839–1930)… С.51.

располагался рядом с его двухэтажным домом на улице Невской (совр. ул. Маркса) на Торговой площади[71]. Уже в наши дни в этом здании некоторое время размещался Мензелинский краеведческий музей. Киномехаником синематографа работал сын предпринимателя – Константин Перминов, выпускник местного Реального училища[72].

«Кинотеатр был построен в 1909 году и приносил хороший доход, особенно во время ярмарки, – вспоминала внучка Д.К. Перминова. – Был он под открытым небом и работал только летом»[73].

Конечно, на рубеже XIX–XX вв. были и другие новинки. Изменения коснулись личного транспорта. Особенно молодежь с большим интересом осваивала велосипеды, мотоциклы, автомобили. Богатых владельцев автомобилей в Мензелинском уезде в это время не было, но некоторые могли себе позволить покупку велосипедов и мотоциклов. Например, у жителя села Бережные Челны Мензелинского уезда, Г.Муллина имелся мотоциклет фирмы Гоган Пушъ. Он состоял в крестьянском сословии, но занимался торговой деятельностью. В 1910 г. предприниматель женился на дочери елабужского дьякона Л. Зубаревой, она даже приняла ислам. В 1914 г., когда началась Первая мировая война Г.Муллину пришлось сдать свой мотоциклет на нужды фронта[74]. Еще один мотолюбитель жил в Мензелинске. Это был сын богатого купца Миннигарея Сеитбатталова. Накануне революционных событий 1917 г. в уездном городе только у него имелся мотоцикл. В Мензелинске, где даже владельцев велосипедов тогда насчитывалось всего пять человек, это было заметным явлением[75].

Таким образом, вместе с «туманными картинками» в жизнь мензелинцев на рубеже XIX–XX вв. ворвались множество новых явлений, в какой-то мере изменивших городскую повседневность. Основными элементами этих перемен были изображение и ско-

[71] Сокурова Е. Паломничество в Мензелинск // Чудеса и приключения. 1997. №12. С.50.
[72] МКМ. КП-4212.
[73] Там же.
[74] НА РБ. Ф.И-9. Оп.1. Д.1017. Л.108, 203; РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.491. Л.144.
[75] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2773. Л.6.

рость. Люди с одной стороны, освоив новые виды транспорта и коммуникаций, «приручали» по-своему время и пространство, тратили меньше на передвижение, на передачу информации и т.д. С другой стороны появляется стремление остановить время и запечатлеть момент, а также расширить свой кругозор, узнать как можно больше благодаря новым научно-техническим возможностям.

6.4. Мензелинский уезд в годы Первой мировой войны

Мобилизация. Ситуация в тылу.
Солдаты и офицеры из Мензелинского уезда.

Мензелинский уезд был одним из самых густонаселенных уездов Уфимской губернии. К началу XX в. в нем насчитывалось 778 населенных пунктов[76]. По данным Всеобщей переписи населения 1897 г., в Мензелинском уезде проживало 379 981 человек, из них 7 552 приходилось на жителей уездного города[77].

Мобилизация. Ситуация в тылу. Мензелинский уезд, как и вся Уфимская губерния, входил в Казанский военный округ. Территория уезда была разделена на 8 призывных участков. Июльская мобилизация не коснулась Мензелинского уезда, основной призыв начался во время второй военной мобилизации.

Поэтому громких патриотических манифестаций или других схожих публичных мероприятий в городе и уезде в этот период не было. Но устраивались молебствия в честь русской армии в ходе войны. В январе 1915 г. была направлена в столицу телеграмма от имени мензелинских мусульман. Это объяснялось особенностями жизнедеятельности уездного города. Мензелинск оживал и в экономическом, и общественном смысле лишь во время Рождественской ярмарки в начале года. В 1915 г. собравшиеся на ярмарку куп-

[76] Населенные пункты Башкортостана. Ч. 1. Уфа, 2002. С.5, 82.
[77] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т.XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 1. СПб., 1901. С.11.

цы (М.Сеитбаталов, Г.Хальфин и др.) инициировали специальный молебен в городской мечети и патриотический адрес[78].

Массовая мобилизация мужского населения в Мензелинском уезде началась в сентябре 1914 г. Например, только 21 сентября 1914 г. в Казань прибыло 1900 призывников из Мензелинского уезда[79]. За сентябрь-ноябрь этого года на фронт проводили своих близких 9043 семьи. Здесь надо учитывать, что из некоторых семей уходили на фронт сразу несколько человек. Поэтому, как совершенно справедливо полагал историк В.В.Ермаков, фактическое количество отправленных на фронт в этот период запасных солдат и призывников могло достигать 10–11 тысяч человек.[80]

Муниципальные органы власти уже с первых месяцев войны были заняты организацией помощи солдатам и их семьям. Так, 16 августа 1914 г. состоялось экстренное заседание Мензелинского уездного земского собрания, где были пересмотрены годовые расходы. Сразу 10 тыс. руб. были направлены на помощь Всероссийскому земскому союзу помощи больным и раненым и их семьям. Еще 1000 руб. было выделено на организацию отделения союза в Мензелинском уезде. В этот же период Мензелинской городской думой выделено 500 руб. на аналогичные цели, была учреждена особая комиссия по сбору пожертвований и распределения социальных пособий.

Мензелинское городское попечительство Всероссийского земского союза помощи больным и раненым и их семьям начало свою работу с 1 декабря 1914 г. В это попечительство вошла и учрежденная ранее особая комиссия при Мензелинской городской управе. Всего в работе местного отделения Всероссийского земского союза принимали участие 180 чел., каждый из которых платил членские взносы. Должность председателя исполнительного комитета попечительства первое время исполнял Л.П. Марков. По его инициативе в народном клубе проводились благотворительные вечера[81].

---

[78] Уфимский вестник. 1915. 13 января. №9.
[79] ГА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.108, 110.
[80] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и регионов Восточного Закамья. Ч. 1. Казань, 2008. С.434.
[81] Уфимский вестник. 1915. 26 февраля. №45.

Война отразилась и на составе Мензелинского уездного земского собрания, 9 из 32 гласных (28%) были мобилизованы на фронт[82].

Больница в с. Бережные Челны была выбрана в качестве основного пункта приема раненых и больных солдат, поскольку она была близка к пристани. В октябре 1914 г. приняли первую партию раненых солдат. В остальных лечебницах уезда планировали разместить выздоравливающих военнослужащих. Например, в январе 1915 г. часть солдат из Челнинского лазарета направили в Мензелинскую больницу.

По неполным данным за 1914–1916 гг. из Мензелинского уезда было отправлено на фронт 54 990 человек[83]. Семьи военнослужащих получали социальные пособия от государства, их распределением занимались муниципальные органы власти. Губернская пресса сообщала о том, что отдел Мензелинской земской управы, ведающий «раздачей пособия семействам призванных на войну» работает по ненормированному графику, в невыносимых условиях, «день и ночь, будни и праздники». Анонимный корреспондент жаловался, что служащие отдела задерживаются на работе вечером до 11–12 часов, а иногда и до 1–2 часов ночи[84].

Впрочем, социальные пособия стали головной болью не только земских служащих, но и работников почты. «С назначений пособий семействам призванных на войну, земским почтарям приходится возить иногда довольно крупные суммы», – сообщали в газете «Уфимский вестник» 25 апреля 1915 г. В этой заметке сообщалось о том, как в том же году был уволен со службы за просчет почтовый служащий с двадцатилетним стажем работы.

«Он просчитал где-то 300 рублей, – говорилось о бедном почтовом работнике в корреспонденции из Мензелинска. – Злого умысла с его стороны не было, потому что у него есть залог в 200 рублей и пенсионные взносы за 20 лет службы, но управа предложила ему немед-

[82] Беседовская А.В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX – начало XX века). Оренбург, 2006. С. 187.
[83] Ермаков В.В. Указ. соч. С.432–436.
[84] Уфимский вестник. 1915. 17 апреля. №84.

ленно подать прошение об уходе, не дав возможности лишний раз проехать по тому же тракту (хотя бы без пересылаемых денег) и расспросить не окажется ли просчитанная сумма у кого-нибудь из волостных старшин, которым приходилось выдавать деньги»[85].

С началом войны в Мензелинский уезд прибывали беженцы, интернированные и военнопленные. В Мензелинске в некоторых ярмарочных корпусах были устроены временные помещения для беженцев, там они находились во время карантина сразу после прибытия[86]. В конце 1915 г. в Мензелинском уезде было зафиксировано 5123 беженца. Больше всего эвакуированных разместили в Такталучукской волости (совр. Актанышский район), где проживало 750 беженца[87]. Среди них были белорусы и эстонцы. Многие из них сумели уехать в свои родные края лишь в начале 1920-х гг.

Беженцам, как и семьям военнослужащих, оказывалась посильная материальная помощь. Были организованы рабочие места. Так, в 1916 г. в Мензелинске имелся специальный склад с одеждой и обувью для беженцев. Вещи под руководством мастериц изготавливали как сами беженки (они работали на дому), так и местные монахини Пророко-Ильинского монастыря. Наблюдатели отмечали, хорошую организацию работы склада в Мензелинске[88].

Кроме беженцев из западных окраин страны, во время войны в Мензелинском уезде проживали интернированные. В сентябре 1915 г. число интернированных подданных Германии и Австро-Венгрии в уезде составляло 2760 человек[89].

Еще одной новой социальной группой в уезде стали военнопленные. Местное население с любопытством наблюдало за бывшими солдатами иностранных армий. Так, 29 марта 1915 г. в Бережных Челнах во время конвоя группы пленных австро-венгерских солдат (1100 чел.) в Мензелинск собралась большая толпа из мест-

[85] Уфимский вестник. 1915. 25 апреля. №90.
[86] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С.174.
[87] Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: Сб. док. и матер. Уфа, 2014. С.303.
[88] Там же. С.305–306.
[89] Там же. С.316.

ных жителей. Военнопленных использовали, преимущественно, для сельскохозяйственных работ[90]. Часть из них, до 200 человек, участвовала в строительстве Челнинского элеватора. Предприятие заработало 4 сентября 1917 г., это был один из крупнейших элеваторов в России, с емкостью 2 млн. пудов зерна[91].

Несмотря на прибытие военнопленных, которые выступали в качестве дешевой рабочей силы, основная масса местных хозяйств в военный период испытывала большие трудности. Тем более мелкие хозяйства не спешили использовать труд военнопленных. В Мензелинском уезде неурожайным выдался 1915 год. Социальные пособия, в условиях постоянного роста цен и дефицита тоже служили лишь небольшой материальной помощью. Увеличилось количество безлошадных хозяйств, некоторые не сами засеивали свои поля. Около трети крестьянских семей остались без мужчин, что отразилось на материальном положении жителей Мензелинского уезда[92].

«Идет первая Отечественная война. Маленький, глухой городок Мензелинск встречает беженцев (эвакуированных из Белоруссии) и провожает, провожает людей на фронт. Молодые, сильные, здоровые уже давно ушли, а теперь мобилизуют стариков и юнцов, – вспоминала мензелинская гимназистка А.К. Подногина-Крутикова эти годы, – В каждой семье горе: приходят с фронта похоронки, письма из госпиталей от отцов, сыновей, мужей. Возвращаются калеки в разоренные семьи»[93].

В этих условиях некоторые солдатские вдовы повторно выходили замуж. Однако слухи или официальная информация о смерти супруга иногда оказывалась неверной. Поэтому в ноябре 1915 г. Оренбургское магометанское духовное собрание дало предписание имамам воздерживаться от совершения браков солдаткам, до пре-

[90] Ермаков В.В. Указ. соч. С.434.
[91] Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Нижнем Прикамье в условиях Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Казань, 2014. С.242.
[92] Ермаков В.В. История Набережных Челнов и регионов Восточного Закамья. Ч. 1. Казань, 2008. С.437.
[93] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2250. Л.1.

кращения военных действий. Однако отказ указных мулл совершить никах не останавливало солдаток и их женихов. Находились частные лица готовые провести для желающих мусульманский обряд бракосочетания. Так в феврале 1916 г. в Духовное собрание обратился имам мечети дер. Калмашево Мензелинского уезда Уфимской губернии – Ахмедлатиф Биккулов с жалобой на местного старика Гайфуллу Рахматуллина, совершившего «частный гакыд» солдатке Асылбаевой с ее новым избранником. «В настоящее время в деревне Калмашевой находятся до 200 солдатских жен о смерти мужей многих из них ходят в народе частные слухи», – писал мулла, опасавшийся, что эти женщины в итоге могут последовать примеру солдатки Асылбаевой. Мотивация большинства солдаток, вышедших замуж во второй раз, была вполне земной. В трудное военное время многие руководствовались материальными интересами[94].

После начала Первой мировой войны в стране действовал «сухой закон», однако многие пытались обойти его. Не были исключением и некоторые жители Мензелинска. Дефицитный спирт добывался населением самыми разными способами, получили распространение различные суррогаты алкоголя. Зимой 1917 г. жительница уездного города Ситдика Хабирова предложила старшему городовому местной полиции Панкову взятку в размере 3 руб. Взамен полицейский должен был прекратить дело по продаже денатурированного спирта, возбужденное в отношении Хабировой. Однако городовой предпочел сообщить об этом вопиющем факте уездному исправнику. В итоге, те самые 3 руб. сдали в мензелинское казначейство для зачисления в доход губернского земства на содержание богоугодных заведений[95].

В 1916 г. Мензелинская уездная полиция состояла из уездного исправника (Владимир Николаевич Сторожев) и его помощника (Федор Петрович Васильев), секретаря канцелярии исправника (Петр Гаврилович Тимохов), а вот должности столоначальника и регистратора были уже вакантными. Очевидно, с каждой военной мобилизацией сокращалось и количество служащих в полицейских

[94] Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны… С.278–279.

[95] Уфимский край. 1917. 21 февраля. №40.

органах. В это время в Мензелинском уезде оставалось 6 становых приставов, в уездном центре также за правопорядком следили два полицейских надзирателя (Улыбин и Кукаркин)[96]. Впрочем, они уже были не в состоянии справиться с наступающим хаосом революции 1917 г., после февраля их заменила народная милиция. Но и они не могли бороться с захватившими весь Мензелинский уезд с марта 1917 г. аграрными беспорядками, разгромами лавок и другими преступлениями.

Февральские события 1917 г., трудности военного и революционного времени, в том числе рост цен, дефицит товаров и продовольствия не обошли стороной и Мензелинский уезд. Крестьяне были дезинформированы не правильной интерпретацией революционной свободы, манифестами различных партий. Иногда вести о революционных событиях в городах привозили солдаты Первой мировой войны. Так, в деревне Чалманарат Семиостровской волости информацию об отречении царя и февральской революции распространил демобилизованный солдат Мухамметжан Латыпов[97].

Реакция населения на изменения в стране были разными. Только в марте 1917 г. был отмечен целым рядом беспорядков в Мензелинском уезде. В волостном селе Поисеево разъяренная толпа удалила врача и учительницу, закрыла больницу[98]. Руководил беспорядками местный агитатор Гисматов. Под его предводительством сельчане ворвались в волостное правление и больницу, главной целью агрессивной толпы было уничтожение портретов императора, которые висели в этих учреждениях. В этот же период толпа разграбила ближайшее имение[99]. В селе Актаныш также были отмечены агрессивные реакции на новости об отречении императора, толпа разграбила лавки. Аналогичные случаи произошли в селениях Матвеевке и Новое Мазино; в д. Арестовке Матвеевской волости, жителями соседнего села имения Шмидта увезен хлеб, уведен скот, разграблено имущество и сожжена часть построек, а также отобра-

[96] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917. С.140.
[97] Актаныш – ак илем: тарих, икътисад, мәдәният, шәхесләр / төз. И. Хәлиуллин. Казан, 2010. С.336.
[98] Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л., 1927. С.7.
[99] Актаныш – ак илем… С.242.

ны у землевладельца три воза муки; в д. Шарламы крестьянином Осиповым нанесены в присутствии толпы смертельные побои управляющему имением Костниково, в д. Гулькино крестьяне требовали удаления лесной стражи, далее наблюдались беспорядки в экономиях, находящихся в соседстве с селениями[100]. Обстановка оставалась накаленной и летом, и осенью того же года. В ходе открытых столкновений в июле 1917 г. был убит помещик Пыхтеев из с. Федотовка.

Вместе с тем, в этот период в Мензелинском уезде устраивались различные общественные собрания, навеянные идеями революционной свободы и равноправия. Например, 15–16 апреля 1917 г. в деревне Тлянчитамак прошел съезд мусульман Мензелинского уезда, с участием 2500 делегатов[101]. На этом собрании были избраны делегаты для Всероссийского мусульманского съезда.

В мае 1917 г. в Мензелинске был организован уездный совет крестьянских и солдатских депутатов. Председателем Президиума избрали Дмитрия Николаевича Тяжельникова – бывшего сельского учителя, высланного в Мензелинский край еще в 1880-е гг. под гласный надзор полиции за свое «вольнодумство». Он принимал активное участие и в митингах во время первой русской революции, и весной 1917 года.

Широкие массы населения волновали проблемы дефицита товаров, нехватки продовольствия. Факты спекуляции вызывали особое раздражение и даже вспышки агрессии. Например, в сентябре 1917 г. разъяренными крестьянами была разграблена бакалейная лавка в с. Сарманово[102]. Конечно, тогда никто не знал, что вскоре наступят еще более тяжелые времена нужды, недоедания и даже голода.

21 декабря 1917 г. Мензелинский совет крестьянских и солдатских депутатов телеграфировала Казанскому военно-окружному исполнительному комитету о переходе власти Советам[103]. Совсем

[100] Крестьянское движение... С.7.

[101] Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). М., 2004. С.155.

[102] Крестьянское движение в 1917 году. М., Л., 1927. С.314.

[103] Упрочение советской власти в Татарии (октябрь 1917 – июль 1918 гг.). Сб. док. и матер. Казань, 1964. С.103.

скоро Мензелинский уезд будет охвачен огнем Гражданской войны. Так, в июле 1918 г. трагически погиб председатель крестьянско-солдатского совета – Д.Н. Тяжельников[104].

Солдаты и офицеры из Мензелинского уезда. В свете событий Октября и Гражданской войны страницы Первой мировой войны оставалась в тени исторической памяти. В последние годы возрождается память об истории этой забытой войны. Сегодня идет активный сбор материалов о солдатах и офицерах Первой мировой войны. Многие документы Российского государственного военно-исторического архива доступны в электронном виде на сайте «Памяти героев Великой войны. 1914–1918» (https://gwar.mil.ru). На сегодняшний день на этом ресурсе представлены анкеты 54 092 уроженцев Мензелинского уезда – участников Первой мировой войны. В некоторых случаях имена повторяются, также могут быть ошибки связанные с неверным указанием места рождения солдата. Тем не менее, мы можем констатировать, что около 14,5% от общего населения Мензелинского уезда приняли участие в Первой мировой войне.

Анкеты показывают, что выходцы из Мензелинского края воевали в самых разных войсках. Конечно, больше всего они служили в пехотных полках. Иногда земляки оказывались в одном подразделении. В фондах Национального музея Республики Татарстан сохранился фотоснимок, где запечатлены шесть солдат-уроженцев дер.Сарсаз-Багряж Мензелинского уезда Уфимской губернии в 1916 г.[105] Есть еще один известный снимок, фотокопия которого хранится в фондах Мензелинского краеведческого музея. На этом снимке, сделанном в 1916 г. в Ярославле, тоже запечатлены уроженцы Мензелинского уезда: Ш.А.Асылгереев, Г.К.Калимуллин и П.В.Васильев[106].

Как мы указывали ранее, по неполным данным, из Мензелинского уезда было призвано намного больше военнослужащих – 54 990 чел. Но даже эти цифры из базы данных «Памяти героев Великой войны. 1914–1918» (54 092) дают определенное представление о роли уроженцев Мензелинского уезда в Первой мировой войне.

[104] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2753. Л.2.
[105] НМ РТ. В-24193/21.
[106] МКМ. КП-7181.

Как уроженцы именно города Мензелинска в базе данных указаны 265 человек. При этом, судя по названиям волостей, иногда солдаты в качестве своей родной деревни указывали просто название уездного центра. Таким образом, настоящих уроженцев Мензелинска должно быть меньше. Но даже с заявленным количеством солдат-мензелинцев получается, что лишь чуть более 3,3% городского населения уезда были призваны на фронт, а основную военную силу составляли выходцы из сельской местности.

При дальнейших подсчетах, мы будем опираться на цифру – общее количество документов по солдатам Мензелинского уезда – 54 092. С помощью этой цифры попытаемся выяснить среднее количество призывников от каждого населенного пункта (села, деревни). Как уже было отмечено выше, 265 чел. указаны как уроженцы Мензелинска, еще 91 солдат в качестве места рождения назвали пригород Заинск Мензелинского уезда. Значит, 356 призывников можно отнести к так называемому городскому населению. Таким образом, общее количество призывников из сельских местностей Мензелинского уезда – 53 736 человек. В Мензелинском уезде в начале XX в. было 33 волости, в каждой волости в среднем насчитывалось по 12 сел и деревень. Простейшая математическая операция 53 736 /33 / 12 показывает, что в среднем от каждого населенного пункта уезда на фронты Первой мировой войны могли быть отправлены 135 солдат. Безусловно, это внушительные цифры и настоящая катастрофа для тылового населения. Лишение крестьянских хозяйств основных рабочих сил привело к заметному ухудшению материального положения многих семей.

Из 54 092 военных-уроженцев Мензелинского уезда 2 144 чел. погибли в боях, еще 135 чел. умерли от ран и болезней после.

Трагично сложилась судьба солдат из 220-го пехотного Скопинского полка. В этом полку служили рядовыми сразу 6 уроженцев Актанышского края: Тимергалиев Мухаметхалим (Байсаровская волость), Хакимуллин Ялчугулла (Байсаровская вол.), Садретдинов Бадрутдин (Поисеевская вол.), Ахметжанов Мухаметдин (Поисеевская вол.), Сибгатуллин Камилир (Поисеевская вол.), Гизатулин Зинатулла (д. Н.Семистров). Все они умерли примерно в одно время – 24–25 июня 1915 г., в районе польского фольварка (хутора) Доло-

ватка. Причина смерти – отравление, они стали жертвами газовой атаки германской армии. Всего в ходе Первой мировой войны, от газового отравления умерли 26 уроженцев Мензелинского уезда[107].

Есть в карточках солдат и такие обозначения как «оставлен на поле боя», таких военнослужащих насчитывается 905 чел. Очевидно, что выжившие из «оставленных на поле боя» попадали в плен. Официально, из уроженцев Мензелинского уезда попавшими в плен в этой документальной подборке считаются 87 чел. Всего были ранены, контужены больше половины солдат – 28 285 чел., 12 586 солдат были списаны из-за различных болезней. 6 731 чел. пропали без вести, остается не выясненной судьба еще 2 818 чел.

Из 54 092 чел. 210 были представлены к различным наградам. Из них 131 чел. были удостоены Георгиевского креста IV-й степени, 48 чел. – Георгиевской медали IV-й степени, 17 чел. – Георгиевского креста III-й степени, 1 чел. – Георгиевской медали III-й степени, 4 чел. – Георгиевского креста II-й степени, 5 чел. – Георгиевского креста I-й степени. Некоторые награждались уже посмертно, георгиевские кресты и медали передавали родственникам героев.

6.5. Нереализованные проекты мензелинцев

Промышленные инициативы семьи Дубининых.
Планы по строительству железной дороги в Мензелинске.

Промышленные инициативы семьи Дубининых. История Мензелинска – это, прежде всего, истории жителей города, ярких личностей и энергичных деятелей, семей и династий. Идеи эпохи модерна олицетворяла собой мензелинская семья Дубининых, они пытались применить научно-технические открытия своего времени, новые инструментарии и в бизнесе, и в городском хозяйствовании.

[107] Памяти героев Великой войны. 1914–1918 [Электронный ресурс]. https://gwar.mil.ru (дата обращения 10.11.2023).

Глава 6. Мензелинск в начале XX века

В конце XIX – в начале XX века семья Дубининых занимала заметное место в общественной жизни города Мензелинска. Несколько представителей этой семьи избирались гласными уездного земства и городской думы, выполняли обязанности городского головы.

Семья Дубининых обосновалась в уездном городе в 1860-е гг., они происходили из бывших помещичьих крестьян. Глава семейства Федор Дубинин отличался деловой хваткой и предприимчивостью. Уже к 1865 г. он являлся хозяином паточного завода и водяной мельницы в двух верстах от Мензелинска. Эти производственные объекты Дубинин построил сам[108].

Сыновья купца Федора Дубинина – Александр (1860 г.р.) и Дмитрий (1862 г.р.) окончили Сарапульское реальное училище. Затем братья продолжили обучение в высших учебных заведениях. Вероятно, их отец надеялся, что сыновья, получив основательное образование, станут помощниками в его коммерческих делах. Александр Дубинин стал студентом Технологического института в Петербурге, Дмитрий Дубинин – Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. Однако в 1880-м году они попали под надзор жандармских органов как политически неблагонадежные лица. Александр состоял в студенческом кружке, где имелись в хождении «подозрительные книги». В его квартире несколько раз проводили обыск, первый раз безрезультатно, а во второй раз 14 марта 1880 г. нашли части нового типографского станка. Подозрения жандармов оказались не беспочвенными: детали предназначались для типографии Северно-русского союза рабочих («Рабочая заря»). Вскоре в Москве обыскали и жилье Д.Ф. Дубинина, где нашли письмо от А.Ф. Дубинина с замысловатыми фразами. Арестованный студент отказался объяснить смысл подозрительных фраз, за что был выслан из столицы на пять лет под гласный надзор полиции. То же самое произошло и со старшим братом Александром. В октябре 1880 г. уже бывшие студенты вернулись в родной Мензелинск. Им запрещалось в течение пяти лет покидать новое место жительство.

[108] Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.65.

Вскоре А.Ф. Дубинина призвали на военную службу, он отбывал воинскую повинность в Самаре до 1882 г., в том же году он был освобожден от гласного надзора. Его младший брат – Д.Ф. Дубинин после возвращения в Мензелинск устроился работать в контору своего родственника купца Бурмистрова[109].

С 1884 г. Александр Федорович Дубинин стал гласным Мензелинского уездного земского собрания. Он состоял в этом звании на протяжении долгих лет. А.Ф. Дубинин был земским гласным по доверенности матери, т.е. сам не являлся землевладельцем. В общем владении у них имелось около 300 десятин земли. Впоследствии, большая часть земель была продана. Кроме того, Александр Федорович избирался еще гласным Мензелинской городской думы.

В конце 1894 г. в этом муниципальном учреждении произошли серьезные изменения. Легендарного городского голову А.Г. Попкова, скончавшегося от долгой болезни, сменил 32-летний купеческий сын Д.Ф. Дубинин. Но занимал эту должность Дмитрий Федорович только один срок. В 1900 г. мензелинским городским головой был избран его старший брат Александр Федорович Дубинин, до этого он был просто гласным. При нем же Д.Ф. Дубинин остался гласным, а также состоял на весьма ответственном посту бухгалтера городской управы.

Братья Дубинины – и Александр Федорович, и Дмитрий Федорович заняты на муниципальной службе до 1904 года. Однако их приверженность к либеральным взглядам, известная еще со времен учебы в столице, очевидно, не совсем устраивала властей. О взглядах этой семьи говорит и тот факт, что Ф.А. Дубинин (судя по всему, сын А.Ф. Дубинина), проходящий обучение в Петербурге, в 1905 г. являлся активным членом «Средне-Камской группы РСДРП»[110]. Группа студентов и гимназистов собиралась в доме на мельнице Дубинина в километрах 3–4 от города.

Но помимо общественной работы большой интерес представляют и другие увлечения Дубининых. В конце XIX в. в губернской

[109] Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т.3. Вып.2. М., 1934. Стб. 1255, 1256.

[110] Белокопытов В., Остроумов Я., Сафин М. Мензелинская быль. Казань, 1970. С.24.

прессе появляются заметки о необходимости развития в Мензелинском уезде Уфимской губернии каменноугольных и торфяных месторождений. По мнению публициста Буренкова, это могло бы стать экономическим рычагом развития края.[111] Но данное предложение не привлекло особого внимания местных жителей. Однако весьма любопытно, что в 1897–1902 гг. похожей идеей загорелся мензелинский городской голова А.Ф. Дубинин. Он был инициатором поиска нефтяных месторождений в окрестностях уездного города Стерлитамака. Но инициированная им геологическая экспедиция оказалась неудачной[112]. Неизвестно каким образом Александр Федорович увлекся этой идеей, но не безынтересно и то, что их однофамильцы (а может и дальние родственники?) крепостные крестьяне графини С.В.Паниной Дубинины в районе г.Моздока (совр. Чечня) в 1823 г. построили нефтеперегонный завод[113]. Возможно, именно их пример вдохновил А.Ф. Дубинина.

Интересно, что в своем ходатайство на имя министра земледелия и государственных имуществ он писал о том, что им сделано несколько «пробных» буровых скважин в окрестностях деревни Нижняя Буранчино, результаты которых ему показались вполне «благоприятными»[114]. Александр Федорович поначалу занимался самостоятельным поиском возможных нефтяных месторождений. Выписал для этого даже из Грозного специального бурового мастера. Судя по всему, такие же поиски проводились им и в районе Мензелинска. Но лишь свой стерлитамакский опыт А.Ф.Дубинин посчитал успешным, хотя, пробурив скважину длиной в 29 верст, нефть он так и не нашел. Между тем его уверенность в успешном исходе дела все равно оставалась непоколебимой, и он вызвал уже казенную разведывательную экспедицию для дальнейших поисков. Руководствовался Александр Федорович особенностями рельефа местности, очевидно, не малую

[111] Уфимские губернские ведомости. 1892. 21 мая.

[112] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С.67.

[113] Джафаров К.И., Джафаров Ф.К. История Грозненских нефтяных промыслов. М., 2010. С.283.

[114] О нахождении нефти близ Стерлитамака // Известия Геологического комитета. 1902 год. Т. 21. СПб., 1903. С.23.

роль в этом сыграло и его неоконченное высшее технологическое образование. К слову, вместе с официальным ходатайством он направил в Петербург еще и корреспонденцию в газету «Неделя», которая была опубликована в 31-м номере 1900 года. Однако и казенная экспедиция нефть в этих краях так и не обнаружила. Но история показала, что уверенность А.Ф. Дубинина имела под собой вполне реальные основания. Почти через 40 лет на этом месте открылось Нижне-Буранчинское нефтяное месторождение, которое впоследствии стало частью города нефтяников – Ишимбай.

Экспедиция, организованная мензелинским городским головой еще долго обсуждалась на страницах научных журналов. Например, одна из статей вышла уже в 1907 г. в «Записках Уральского общества любителей естествознания». Потом, вероятно, из-за Первой мировой войны и революций, гражданской войны эта идея была забыта.

Вообще из-за Первой мировой войны многие идеи остались нереализованными. Так, аналогичные проекты по добыче нефти были в Казанской губернии. В частности, с 1907 г. велись поисковые работы в Тетюшском уезде, а после обнаружения залежей известняка с содержанием нефти в имении В.Г.Молоствовых, в 1914 г. открылась английская компания «Акционерное общество Казанских нефтяных промыслов». Но из-за забот военного времени предприятие просуществовала совсем недолго[115].

В 1929 г. геологом А.А. Блохиным была предпринята новая попытка по поиску нефтяных месторождений в районе Нижнего Буранчино, которая, как и дубининская экспедиция, не увенчалась успехом. И лишь в 1939 г. в д.Нижнее Буранчино появился первый нефтяной фонтан. Так мензелинкий городской голова А.Ф. Дубинин еще на рубеже XIX–XX вв. предвидел возникновение «второго Баку» в Башкирии.

Но среди своих современников, мензелинских обывателей А.Ф. Дубинин слыл «чудаком». Помимо авантюры с нефтью, до этого провалилась еще одна его идея. Как известно, семье Дубининых принадлежала водяная мельница на р.Мензеле, было хозяйство,

[115] Миронова Е.В. Уездный город Тетюши во второй половине XIX – начале XX века. Казань, 2015. С.72–73.

лошади, сельскохозяйственный инвентарь и около 100 десятин земли. Александр Федорович решил засеять земельный участок картошкой, он собирался потом засушить весь урожай и торговать сушеным картофелем.

«Однако дело не пошло, никто не хотел брать сушеную картошку не только в городе, но и на стороне», – вспоминал его современник[116].

По данным дальней родственницы Дубининых – Е.Н.Сокуровой Александр Федорович еще до революции 1917 г. эмигрировал в США, а другой брат Дмитрий Федорович остался в Мензелинске[117].

Пока неизвестно как сложилась жизнь Дубининых в эмиграции и на родине после установления советской власти. Эти страницы истории Мензелинска еще ждут своих исследователей.

Планы по строительству железной дороги в Мензелинске. Еще одним новшеством эпохи модерн было железнодорожное сообщение. Эта транспортная коммуникация изменила облик многих населенных пунктов, дала им новый импульс для развития. Во второй половине XIX столетия города Европейской части России стали развиваться неравномерно, многое зависело от наличия или отсутствия железной дороги. Имело значение даже то, как раньше город подключился к железной дороге[118].

Долгие годы вынашивали планы по проведению железной дороги и власти Мензелинска. Первые такие идеи появились еще в 60 гг. XIX в. 19 декабря 1868 г. в Уфимском губернском дворянском собрании был поднят вопрос о необходимости проведения железной дороги между Казанью и Сибирью через Мензелинский и Бирский уезды Уфимской губернии[119]. Однако ходатайство депутатов тогда не увенчалось успехом[120]. Из-за отсутствия железнодорожного сообще-

[116] ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2753. Л.18.

[117] Рукопись воспоминаний Е.Н.Сокуровой. С.19 // Личный архив В.Н.Макаровой.

[118] Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С.84.

[119] Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С.178.

[120] Дегтярев А. Кустарное производство и товарно-денежное обращение в Уфимской губернии. М., 2006. С.72; НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д. 56. Л.6-об, 7.

ния между торгово-промышленными центрами как Москва, Казань, Нижний Новгород страдала Мензелинская ярмарка. Городская дума Мензелинска в 1881 г. ходатайствовала о проведении железной дороги[121], но снова безуспешно. Остался Мензелинск и в стороне от проектируемой в то время Самаро-Уфимской железной дороги.

Вновь к этому вопросу вернулись тридцать лет спустя. В начале XX в., в связи со строительством Волго-Бугульминской железной дороги возникла идея и о включении Мензелинска в железнодорожную сеть.

В ноябре 1913 г. правление Общества Волго-Бугульминской железной дороги обратилось в Министерство финансов с ходатайством о предоставлении Обществу права сооружения и эксплуатации железнодорожной ветви от г. Мензелинска до магистрали Общества между станциями Зай и Ютаза, протяженностью в 138 верст. Стоимость проекта оценивалась примерно в 6 200 000 рублей. Строительство планировалось завершить за два года.

В аналитической записке, составленной в Министерстве финансов, в связи с обсуждаемым вопросом строительства Мензелинской железнодорожной ветки, отмечалось, что экономически богатый район не может воспользоваться всем своим потенциалом из-за неразвитости транспортного сообщения.

«Пользуясь в качестве экспортных путей сообщения реками, район не мог удовлетворить ими своих вывозных нужд, с одной стороны вследствие значительной удаленности центральных его частей от водных путей, а с другой – вследствие естественных особенностей, которыми отличаются реки Кама и Белая, обтекающие север и восток района, – говорилось в документе. – Заливаемый левый низовой берег Камы дал возможность устройства лишь небольшого числа удобных для судоходства пристаней, которые оказались совершенно недостаточными для экспорта и создали ненормальные условия гужевого подвоза на далекие расстояния, парализующего экономическую жизнь района. Другой естественный путь – река Белая – еще в меньшей степени может обслуживать нужды района вследствие своего мелководья, сильно сокращающего размеры вывоза как в смысле

[121] НА РБ. Ф.И-11. Оп.1. Д.56. Л.7.

кратковременности периода пользования рекой, так и в виду малых размеров (осадки) судов.

Кроме того, что, при указанной слабой вывозной способности Камы и Белой, ликвидация урожая до наступления замерзания этих рек невозможна. Вообще наличие одних лишь водных путей в крае делает реализацию хлебов затруднительной и ненормальной. Вследствие осенней порчи дорог преобладающая часть хлеба лежит всю зиму, в виде мертвого капитала, на месте, дожидаясь весенней навигации, и местные хлеботорговцы лишены возможности продать хлеб в тот момент, когда него хорошая цена. (…)

Такая стесненность сбыта и невозможность торговых сделок, связанных со срочной доставкой хлеба на рынки, монополизирует покупку на местах хлебов, которые по зимним путям свозятся в зимующие у пристаней караваны, играющие роль зимних складов.

Вместе с тем потребности края в привозных массовых продуктах, как например землеудобрительных, сельско-хозяйственных машинах и проч. при бездорожье могут быть в настоящее время удовлетворены лишь с большими затратами и затруднениями, что в свою очередь влияет на развитие интенсивного хозяйства.

Обслужить нужды вывоза и ввоза богатого хлебородного района, расположенного к северу от Волго-Бугульминской железной дороги и тяготеющего к последней, поднять заработок земледельца, непомерно понижаемый дальней гужевой перевозкой, освободить значительные партии лучшего от трудных условий водной доставки, словом, дать возможность краю развиваться в одинаковых с прочими частями среднего Заволжья нормальных условиях, а равно и приобщить к общей рельсовой сети город Мензелинск, – составляет цель сооружения Мензелинской ветви»[122].

1 марта 1914 г. под председательством вице-директора Департамента железнодорожных дел. Н.Ю. Старынкевича состоялось заседание Комиссии о новых железных дорогах по вопросу о представлении Обществу Волго-Бугульминской железной дороги сооружения Мензелинской железнодорожной ветви. Членами комиссии были представители Министерства путей сообщения, МВД, Министерства военных дел, Императорского двора и уделов, Мини-

[122] ГА РФ. Ф. 434. Оп.1. Д.281. Л.20 об.–24.

стерства торговли и промышленности, Главного управления землеустройства и земледелия, Государственного контроля, Министерства финансов. Кроме того, участвовали представители Уфимской губернии: член Государственного совета, граф А.П. Толстой, депутаты Государственной Думы Н.В. Катанский и А.П. Мельгунов, от Правления Общества Волго-Бугульминской железной дороги – В.Р. Блюменфельд, Я.А. Абрагамсон, Б.Н. Исаев, А.И. Чарковский, В.П. Харчевников[123].

Комиссия пришла к единому мнению о целесообразности сооружения Мензелинской железнодорожной ветви: «в целях поднятия благосостояния края», «для постоянного и удобного сбыта местных продуктов, в том числе, главным образом хлеба». Комиссией было дано разрешение на строительство Обществом Волго-Бугульминской железной дороги ветки Мензелинск-Бугульма общей стоимостью 6 201 229 рублей. Для реализации требуемого строительного капитала было разрешено Обществу выпускать «дополнительного гарантированного Правительством облигационного займа» на общую сумму 1 500 000 рублей. Кроме того, по указу Правительствующего Сената под строительство Мензелинской ветви (от 359-й версты главной линии до города Мензелинска) Волго-Бугульминской железной дороге должно было быть отведено до 1050 десятин земли[124].

Но еще накануне заседания Комиссии в Департаменте железнодорожных дел получили телеграмму от члена Государственного совета Ф. В. Стахеева, который считал, что целесообразнее будет провести железнодорожную ветку Челны–Бугульма. Очевидно, это обращение было инициировано, главным образом, его родственником, елабужским купцом И.И. Стахеевым. В телеграмме говорилось:

«Будучи жителем тех мест, где наша фирма ведет большие хлебные операции, также по просьбе почти всех хлеботорговцев того района, почтительнейше прошу направление дороги сделать не на Мензелинск, а на пристань Набережные Челны, отстоящую от Мензелинска на пятьдесят верст, принимая во внимание, что Челны – большая хлебная пристань, где уже приступлено к постройке элеватора Государственным

[123] Там же. Л.26.
[124] Там же. Л. 25, 30 об.

Банком, емкостью два миллиона пудов. Если линия пойдет на Мензелинск, то хлеботорговцы будут терять на провозе хлебов до Мензелинска от Челнов восемь копеек на пуд, Мензелинск – маленький умирающий город, его ярмарка почти уже уничтожилась сама собой»[125].

Это обращение не могли оставить без внимания. Оно было озвучено в ходе работы Комиссии, но большинство участников заседания были настроены в пользу Мензелинска. Среди депутатов Государственной думы от Уфимской губернии, принимавших участие в Комиссии, были и непосредственно уроженцы Мензелинского уезда, местные дворяне – Н.В. Катанский, А.П. Мельгунов. Неудивительно, что они поддержали мензелинский вариант и категорически отвергли идею с железнодорожной станцией в Бережных Челнах. Например, депутат Н.В. Катанский считал, что как железнодорожная станция Мензелинск является наиболее целесообразным из-за своего географического расположения.

«При таком направлении район будет пересечен примерно по середине, – рассуждал депутат. – Направление же на Береговые Челны, как более западное, не даст той равномерности обслуживания края и оставит слишком в отдалении его восточную половину».

Служивший некогда земским начальником в Мензелинском уезде, депутат А.П. Мельгунов тоже высказался за правильность трассировки Мензелинской ветви, т.к. при этом все население района будет равномерно пользоваться ее услугами. Их поддержал и другой депутат Государственной думы от Уфимской губернии А.П. Толстой, посчитавший заявление Стахеева «мало обоснованным и преимущество направления ветви на Береговые Челны требующим доказательств».

«Значение же Мензелинской ветви, – по его словам, – было вполне очевидно, принимая во внимание то бездорожье, которое наблюдается ныне в этом, обслуживаемом лишь Самаро-Златоустовской железной

[125] ГА РФ. Ф. 434. Оп.1. Д.281. Л.22.

дорогой и ныне еще Волго-Бугульминской магистралью, крае. Сам по себе район Мензелинской ветви очень богатый, но пока глухой»[126].

Однако даже после положительного решения в пользу Мензелинска, еще продолжалась деловая переписка по этому поводу. Интересы мензелинского проекта активно защищало местное дворянство. Например, как сообщалось в телеграмме мензелинского дворянства, отправленной 19 апреля 1914 г. в Петербург на адрес Объединенного дворянства:

«местный крупный хлеботорговец, член государственного совета Стахеев стал агитировать среди других хлеботорговцев за возбуждение ходатайства о проведении ветви, минуя Мензелинск, на Челны».

Очевидно, с подачи Стахеевых было инициировано ходатайство с аналогичной просьбой от Набережно-Челнинского сельского общества. При этом Волго-Бугульминское общество отказывалось менять планы и настаивало в утвержденном варианте железнодорожной ветки Мензелинск-Бугульма[127].

Любопытно обсуждение данного вопроса в Мензелинском уездном дворянском собрании, состоявшемся 17 апреля 1914 г. С одной стороны, дворяне пришли к единому мнению о том, что их оппонентам-хлеботорговцам (во главе со Стахеевыми) не выгодно строительство железной дороги из-за возможности регулирования цен на хлеб.

«По закрытии навигации они устанавливают по своему произволу цены на хлеб, это делает их монополистами в ущерб местному населению, исключительно земледельческому, голодные годы при отсутствии железнодорожного пути они продают хлеб правительству, земству населению не нормально высокой ценой почему все являются их данниками», – говорилось в итоговом документе собрания, подписанном предводителем мензелинского дворянства Б.В. Пальчиковым.

[126] Там же. Л.29–30.
[127] Там же. Л.2.

Там же отмечалось, что «Стахеев – крупный судовладелец», который «лично заинтересован» в вывозе и ввозе хлеба в уезд только водным путем[128]. С другой стороны, те же хлеботорговцы на самом деле не были противниками строительства железнодорожной ветки через Челны, и эта перспектива тоже не радовала мензелинских дворян. При таком раскладе, по их мнению, северная часть Мензелинского уезда окончательно потеряет экономическую привлекательность и останется лишь с водным транспортным сообщением, который доступен лишь в течение 5–6 месяцев в году. Дворяне-землевладельцы, как и крестьяне, являлись основными производителями хлеба и поэтому не желали оказываться в зависимости от перекупщиков-хлеботорговцев.

Эта деловая переписка с обсуждением перспектив Мензелинска и Челнов длилась вплоть до июля 1914 г. После начала Первой мировой войны вопрос строительства новых железнодорожных веток был отложен до лучших времен.

На серьезность этих транспортных планов указывает и сохранившийся на восточной окраине Мензелинска памятник промышленной архитектуры начала XX в. – однопролетный на двух каменных опорах металлический железнодорожный мост через реку Мензеля. Он был собран и установлен еще в 1912 г., а детали изготовлены в Сормово (Нижний Новгород). Готовые части моста перевозили на речных баржах. Кроме того, были частично уложены и шпалы для будущей железной дороги. Но данный мост так и не соединил уездный город с железной дорогой.

[128] Там же. Л.3.

ГЛАВА 7.
ВМЕСТО ЭПИЛОГА

7.1. Трансформации 1917–1919 гг.: рождение советских школ

В советское время Мензелинск продолжил дореволюционные традиции, оставаясь образовательным центром для всего края. В феврале 1917 г. в городе работало Мензелинское реальное училище (история школы началась в 1789 г.), Мензелинская женская гимназия (1860), Мензелинское городское училище (1873) и приходские конфессиональные училища, в том числе медресе при Мензелинской соборной мечети.

Революционное время, безусловно, оказало влияние и на школьное образование. В школьной жизни 1917 г. наблюдалось стремление (главным образом, со стороны учащихся) изменить традиционную школьную иерархию, сделать равноправными отношения учителей и учеников. Например, в Мензелинском уезде в это время действовала даже Мусульманская школьная комиссия.

В октябре 1918 г. были организованы советские школы Мензелинска. Все они создавались на базе имевшихся в городе различных учебных заведений царской поры: Мензелинская женская гимназия (1-я советская школа I ступени), Мензелинское реальное училище (2-я советская школа I ступени), Мензелинское высшее городское училище (3-я советская школа I ступени), Мензелинское 1-е мужское приходское училище (4-я советская школа I ступени), Мензелинская мужская церковно-приходская школа (5-я советская школа I ступени), Мензелинское медресе (1-я мусульманская советская школа I ступени).

Занятия в них начались с конца октября 1918 г., что объяснялось реалиями Гражданской войны – «фронтовым положением», школы открылись с вступлением «советских войск в г. Мензе-

линск»[1]. Пребывание различных военных отрядов отразилось на техническом оснащении местных школ. Например, как докладывало руководство бывшего Мензелинского городского училища (стало 3-й советской школой 1 ступени г. Мензелинска) оборудованием ремесленных классов (кузницей и слесарным отделением) пользовалась «оружейная мастерская Красной армии, после которой временно пользовалась Белая Армия, в результате все материалы и инструменты увезены»[2].

В этот период в школах наблюдалась постоянная нехватка кадров, учителя часто менялись. Например, в том же бывшем городском училище в 1918/1919 учебном году поступили и уволились 7 преподавателей. Эту кадровую нестабильность в официальных отчетах деликатно объясняли «личными интересами вступавших работников, а отчасти вообще условиями нынешней жизни». К весне 1919 г. заведывала новой 3-й советской школой М.Н. Соколова, она же вела и русский язык, и геометрию. Кроме нее, работали О.Н. Соколова, Т.В. Никольская, В.Г. Каташ (ручной труд, черчение, физика), В.П. Шадрина (алгебра, арифметика, рисование, чистописание, история), Е.В. Веселицкая (история, география, естествознание)[3]. Как видно, педагогический состав состоял в основном из женщин. Число учеников в том учебном году составляло 225 человек[4].

Из-за нехватки учителей некоторые занятия просто не проводились. Например, в бывшем реальном училище (2-я советская школа I ступени) в 1918–1919 учебному году не было учителей, а соответственно, и уроков пения и физкультуры. Кроме того, до революции при училище работал и врач, в новых условиях такой специалист тоже отсутствовал[5].

20 октября 1918 г. в здании бывшей Мензелинской женской гимназии открылась 1-я советская школа I ступени г. Мензелинска[6]. Как уже было отмечено выше, гимназия являлась одним из самых

[1] ГА РТ. Ф.Р514. Оп.1. Д.42. Л.14.
[2] Там же. Л.9.
[3] Там же. Л.10 об.
[4] Там же. Л. 9 об.
[5] Тамже. Л.6.
[6] Там же. Л.1.

успешных центров просвещения для всего уезда, где помимо обучения общеобразовательным предметам, готовили еще учительниц. При создании советской школы к бывшей гимназии были присоединены еще два класса приходского училища. Обучение отныне было совместным: в этот период в школе обучалось 356 чел. (326 мальчиков и 30 девочек).

Большое число учеников объяснялось отменой платы за обучение, принимались все желающие и без вступительных экзаменов. Из-за этого открылись даже параллельные классы, хотя они все равно были переполнены, перегружены «сверх комплекта» – по 35, 40, 44 учеников.

Был организован Союз учащихся, учеников в этот период призывали к самостоятельности, к самоорганизации. Появились старосты классов из числа учеников, они должны были следить за дежурством (учащиеся по очереди таскали дрова и т.п.). При этом упразднили даже классное руководство, т.к. было провозглашено всеобщее равенство. Поэтому и в школе не должно было быть ни иерархии, ни учительского «наставничества». Такие установки стали продолжением революционного стремления к равноправию и свободам, намеченного еще после февраля 1917 г. Между педагогами тоже были отменены категории, оценка труда в зависимости от профессиональной квалификации и т.п. особенности учительской деятельности.

Новые школы объявлялись трудовыми, во главу угла ставилось освоение учениками различных практических навыков. Были упразднены все религиозные предметы (Закон Божий и др.), отменялось обязательное участие учащихся в молебнах и т.д. При этом объявленное переформатирование и создание советских школ еще не было обосновано новыми учебными программами, соответствующими учебными пособиями и принадлежностями. Даже для реализации идей трудовой школы в них не было необходимой технической базы. Как было отмечено выше, иногда причиной тому были реалии военного времени. Если преподавание точных дисциплин (арифметики, геометрии, алгебры) не претерпело существенных изменений, то сложнее было с остальными предметами. Тем более было рекомендовано обучать без учебников. Так при прохождении истории вместо учебников пользовались хрестоматиями и другими

дополнительными средствами обучения; а исторические факты уже не считались основным объектом изучения[7]. А учителя бывшего реального училища отмечали, что им сложно проводить занятия по иностранным языкам без учебников[8].

Сложнее всего было перестраиваться бывшим приходским училищам. Все учебники этих школ были религиозного содержания, да и программа преподавания значительно отличалась от городских училищ и других школ. Например, многих предметов (природоведение, география, история и т.д.) в них не было, их преподавали в рамках так называемого объяснительного чтения.

В октябре 1918 г. Мензелинское приходское мужское училище было преобразовано в 5-ю советскую школу I ступени. Для совместного обучения сюда перевели 20 учениц из 3-й советской школы (бывшего городского училища). В новой школе обучалось 91 чел. (53 мальчика и 38 девочек), обучали 3 учителя. Подводя итог учебному году 1918–1919 гг. педагоги констатировали разные уровни учащихся, «малоуспешность» учеников бывшей приходской школы по сравнению с ученицами бывшего городского училища. Дело усугублялось и отсутствием необходимых учебных и наглядных пособий.

Как в бывшей приходской школе, так и в других, уделялось большое внимание трудовому воспитанию. Ученики вырезали из дерева и клеили из картона разные изделия[9], а также лепили, рисовали, и даже пытались делать игрушки под руководством учителей[10].

Нехватку наглядных пособий и учебников учителя старались компенсировать различными экскурсиями в городской сад и окрестности: таким образом их знакомили с рельефом местности, почвой, наблюдали за погодой, солнцем и т.д. Кроме того, везде уделялось внимание вокально-музыкальным, литературным вечерам, повсеместно ставились спектакли, т.к. «драматизация» стала одним из методов обучения.

В 1918–1919 учебном году в 1-й советской школе I ступени г. Мензелинска (бывшая женская гимназия) устраивалось даже чае-

[7] ГА РТ. Ф.Р514. Оп.1. Д.42. Л.3–3 об.
[8] Там же. Л.6.
[9] Там же. Л.17.
[10] Там же. Л.14.

питие «на коммунистических началах, одни приносили чай, другие хлеб, пироги, сушки». Вообще, обращает на себя внимание, что с первых лет советская школа начала вырабатывать свой праздничный календарь.

Например, в той же школе 12 марта 1919 г. торжественно отметили «праздник революции»: провели ученическое собрание, в котором участников ознакомили «со значением февральской и октябрьской революции и провозглашенными принципами».

Не осталось без внимания и день 1 мая. Учительница Н.Стилл повела детей в городской сад, где они играли и пели песни. Это, безусловно, было школьным вариантом дореволюционных рабочих «маевок».

Из прежней школьной жизни остался традиционным выходной день – воскресенье, хотя был установлен «полурабочий день – среда». В этот день учились до 12 часов и проводились дополнительные воспитательные мероприятия. В младших классах рассказывали сказки и рассказы, в том числе по картинкам; взрослые ученики делали доклады по истории и географии с «драматизацией», уже со своими рисунками[11]. Или же репетировали спектакли, декламации; также в этот день могли проводиться дополнительные занятия с отстающими учениками[12].

Мензелинское медресе тоже стало одной из советских школ I ступени с припиской «мусульманская». Это означало, что учеников в ней обучали на татарском языке, но религиозных предметов уже не было[13]. Обучение было совместным, по данным 1918 г. в учебном заведении получали образование 99 человек обоего пола[14].

К следующему 1919–1920 учебному году в Мензелинске число школ I ступени было увеличено до восьми. В городе в этот период проживало 9 580 человек, из них 2560 являлись детьми школьного возраста (от 6 до 17 лет)[15].

[11] Там же. Л. 3–3 об.
[12] Там же. Л.5 об.
[13] ГА РТ. Ф.Р514. Оп.1. Д.113. Л.2 об.
[14] ГА РТ. Ф.Р514. Оп.1. Д.49. Л.32–33.
[15] ГА РТ. Ф.Р514. Оп.1. Д.113. Л.2 об.

Таким образом, советская школьная система создавалась на базе учебных заведений царской эпохи. Помещения, техническая база, кадровый состав остался, в основном, прежним, ровно, как и многие ученики, продолжившие свое обучение. Создание новой системы школьного образования проходило в сложных условиях Гражданской войны, хозяйственной разрухи, отсутствия необходимых учебников, учебных программ, кадров. Основное внимание уделялось распространению начального образования среди широких слоев населения.

7.2. Мензелинские шляхтичи в первые десятилетия советской власти

Первые годы советской власти по-разному отразились на судьбах мензелинских шляхтичей. Кто-то в годы Гражданской войны ушел из города с войсками белых. Например, так случилось с Иваном Тиханом, бывшим писарем Мензелинской земской управы. Его семья жила то в Златоусте, то в Уфе. Он так и не вернулся в родные края, умер в 1927 г. Супруга Ивана Тихана – Ирина работала в разных городах продавцом. Очевидно, что пригодился дореволюционный навык работы в торговой сфере. До 1917 г. семья Тиханов содержала лавку в деревне Поисево[16].

Еще один потомок шляхтичей Алексей Каташ до революционных событий занимался сельским хозяйством в Мензелинском уезде. Во время Гражданской войны ушёл с белыми войсками, но потом, в 1920 г. вернулся обратно в родной город. Алексей Каташ работал в Мензелинске пожарником. В 1932 г. в семье Каташей родился сын, которого назвали Александром. В 1933 г. Алексея Каташа назначили заведующим пожарной частью в трудовой артели «Огнеупорник». В 1935 г. А. Каташ переехал в Челны, где тоже продолжал работать в пожарной команде.

По-другому сложилась судьба его родственника, тоже Каташа. Бывший технический работник Мензелинской уездной управы и

[16] МКМ. КП-6594/10.

содержатель бакалейной лавки – Иван Каташ в первые годы советской власти занимался сельским хозяйством. Как выражались в то время, «применял наемный труд». За что и был осужден в 1932 г. на 10 лет. У него остались две маленькие дочери Вера (1924 г.р.) и Мария (1927 г.р.). Впоследствии, Иван Каташ был освобожден из лагеря досрочно.

Так же был осужден и потомок шляхтичей мензелинец Илья Ляхович. Вместе с братом Алексеем Ляховичем он до 1917 г. содержал совместное аграрное хозяйство и конную станцию (12 лошадей). После революции два брата поделили хозяйство на две части. У Ильи Ляховича осталось 5 лошадей, несколько коров и мелкорогатый скот. В 1929 г. его хозяйство ликвидировали как кулацкое, а сам хозяин как кулак был лишен избирательных прав. Алексея Ляховича сослали на 5 лет, и он уже не вернулся в Мензелинск[17].

В конце 1920-х годов в Мензелинске был осужден и лишен свободы за растрату кооперативных средств потомок местных шляхтичей Николай Брудинский. В 1925–1927 гг. он работал в кооперативной артели в Мензелинске. Семья его выехала из Мензелинска в Сарапул, оттуда больше в Мензелинск не возвращалась. У Николая была маленькая дочь Евгения (1924 г.р.). После отбывания наказания, Николай Брудинский через некоторое время был освобожден, но уже в 1930 г. умер в Сарапуле[18].

Схожим образом сложилась судьба представителей шляхетского рода Дударей. Михаил и Георгий Дударь в начале XX в. своего хозяйства уже не имели, а служили управляющими у крупных мензелинских помещиков Останкова и Листовского. Один из братьев Георгий позднее оставил должность управляющего и жил в Мензелинске, поступил на службу в одном из городских учреждений власти.

После революции его брат, бывший мещанин Михаил Дударь решил заняться собственным аграрным производством. Безусловно, «применял наемный труд» в начале 1920-х годов. Две дочери его Мария и Вера ушли с белыми, но вернулись обратно в 1924 г. В семье еще рос сын Александр (1910 г.р.). Когда началась коллективи-

[17] МКМ. КП-6594/47.
[18] МКМ. КП-6594/12.

зация, Михаил Дударь добровольно вступил в колхоз, но его продолжали считать кулаком. Как указано в документах, он «был вычищен как кулак», «а хозяйство раскулачено». Но сам Михаил Григорьевич Дударь вместе с семьей все же успел выехать из Мензелинска еще до официального осуждения.

Так же уехал вместе с семьей из Мензелинска в Ленинград и Георгий Дударь. В первые годы советской власти он работал, как и до революции, служащим в местных учреждениях. У него было два дома, их он предусмотрительно (как записано в документах, «добровольно») передал в органы советской власти. Однако, очевидно, как и Михаила Дударя его причислили в категорию «бывших людей», т.е. тех, кто еще до революции имел какую-то собственность, состоял на службе и т.д. Поэтому семья Дударей предпочла уехать из Мензелинска.

Эти примеры отражают общую картину 1920–1930-х гг., когда представители многих социальных групп выживали в новых условиях. Но потомки шляхтичей, в большинстве своем крестьяне и мещане, определенными общественными силами признавались особенно подозрительными гражданами новой России. Впрочем, это не исключало их важной роли в хозяйственной и общественной жизни страны, а также в различных исторических событиях.

Например, для любого жителя Советского Союза, настоящим испытанием стала Великая Отечественная война. Среди участников этой главной трагедии XX века были, конечно же, и потомки шляхтичей. В этой связи необходимо отметить двух выходцев из села Старый Кувак (Кувацкая слобода) Лениногорского района Татарстана – Героев Советского Союза – летчиков Ивана Заварыкина и Василия Яницкого.

Иван Александрович Заварыкин родился в 1916 г. в крестьянской семье, окончил школу в Старом Куваке и некоторое время работал в колхозе. После службы в армии, в 1938 г. поступил в летное военное училище, поэтому на фронте оказался с первых дней войны. Звание Героя Советского союза помощнику командира 806-го штурмового авиационного полка по воздушно-стрелковой службе, капитану И.А. Заварыкину присвоено в апреле 1944 г. К сожалению, Иван Александрович, как и 255 его земляков из бывшей Ку-

вацкой слободы, пал смертью храбрых в бою в марте 1945 года. В родном селе Старый Кувак, а также в Лениногорске, в честь героя установлены обелиски.

Другой земляк И.А. Заварыкина – Василий Иванович Яницкий был его одногодкой и тоже родился в крестьянской семье. После окончания семилетней школы, также некоторое время работал в колхозе. Отправляясь в Казань для обучения в пушно-меховом техникуме, он и не думал, что через два года уедет по комсомольской путевке в Тамбов, для изучения летного дела. Так, два крестьянских сына из Старого Кувака, потомки царских отставных солдат, уже накануне Великой Отечественной войны стали летчиками. В.И.Яницкий начинал войну на Юго-Западном фронте младшим летчиком бомбардировочного полка, с 1942 г. он уже был заместителем командира авиационной эскадрильи. В том же году за образцовое выполнение боевых заданий, за проявленную отвагу и геройство лейтенанту Яницкому было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны Василий Иванович Яницкий продолжал службу в рядах ВВС СССР, преподавал в Борисоглебском военно-авиационном институте. В 40-летнем возрасте он заочно окончил исторический факультет, а выйдя в отставку, работал председателем экскурсионного бюро города Борисоглебска Воронежской области. Он являлся почетным гражданином этого города, умер в 1992 году.

В далекой Сибири долгие годы работал преподавателем другой потомок шляхтичей – Сипайлов Геннадий Антонович. Он был родом из села Афанасово (Набережночелнинский район ТАССР). Родился в 1920 г. Учился в Ленинградском электротехническом институте, во время войны служил в рядах народного ополчения Ленинграда. После войны уже окончил аспирантуру. Обосновался в городе Томске, стал доктором технических наук, был профессором кафедры электрических машин и аппаратов Томского политехнического университета. Г.А. Сипайлов – автор множества научных публикаций, монографий, учебников и 60 изобретений по проблемам мощной импульсной энергетики. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Однако ни общие исторические испытания, в том числе в XX веке, ни самое обыкновенное материальное положение, ни служебные или иные заслуги перед Отечеством, ни история шляхетских

родов в Закамье, насчитывавшая почти триста лет, не смогли перечеркнуть их иноземное происхождение.

Подтверждением этому служит коллекция документов о мензелинских шляхтичах из Мензелинского краеведческого музея. Эти материалы – сведения о каждом местном потомке шляхтичей, рожденных в 1910–1930-х гг. Сотрудниками Мензелинского горсовета скрупулезно собирались данные о происхождении, роде деятельности, местонахождении и другие сведения о шляхтичах вплоть до 1950-х гг. Примечательна небольшая приписка в конце почти каждой такой характеристики: «компрометирующих материалов не имеется».

7.3. Социокультурный потенциал уездного города: выдающиеся ученые из Мензелинска

Ярким результатом работы дореволюционных учебных заведений, а также книжной культуры города можно считать уроженцев Мензелинска – знаменитых ученых, многие из которых стали академиками уже в Советском Союзе. Но были профессора – выходцы из Мензелинска и до революции 1917 г.

В 1867 г. родился в Мензелинске Владимир Иванович Бауман, ставший известным ученым-маркшейдером. Здесь надо пояснить, что маркшейдерия – эта отрасль горной науки и техники, которая на основе различных внешних параметров полезных ископаемых, их расположения в недрах, с помощью геометрических построений, изучает процессы деформации пород и земной поверхности, динамику производственного процесса горного предприятия. Таким образом с помощью чертежей делаются определенные прогнозы.

Уроженец Мензелинска – В.И. Бауман сначала учился в Казанском реальном училище, а потом поступил в Петербургский горный институт, который успешно окончил в 1890 г. С 1899 г. Владимир Иванович являлся профессором родного Петербургского горного института, при созданной в те годы, первой в стране кафедре маркшейдерского дела. В 1905–1908 гг. он написал фундаментальный

труд «Курс маркшейдерского искусства», несколько десятилетий остававшийся основным руководством для маркшейдеров. В повседневной жизни Владимир Иванович Бауман разделял левые идеи и поэтому был одним из самых популярных революционно настроенных профессоров. Умер в Петрограде в 1923 г.

В 1882 г. родился в Мензелинске будущий знаменитый хирург, один из основоположников советской трансплантологии – Владимир Николаевич Шамов. В 1908 г. он окончил Военно-медицинскую академию. Во время Гражданской войны благодаря ему научились переливать кровь с учетом группы крови пациентов. В.Н.Шамов долгое время работал в Харькове, Москве, Ленинграде. Он автор многих научных трудов, академик Академии медицинских наук СССР. Умер прославленный ученый в 1962 г.

Выше уже было сказано о братьях Тюриных, ставших в советские годы выдающимися учеными. Старший из них Александр Владимирович Тюрин родился в 1882 г. в Мензелинском уезде, в хуторе недалеко от сельца Нижний Тимирган. Позднее семья переехала в Мензелинск. Несмотря на то, что в уезде уже работало Мензелинское низшее сельскохозяйственное училище на рубеже XIX–XX в. Александр выбрал для учебы Богородицкое сельскохозяйственное училище в Тульской губернии. Данное учебное заведение открылось в 1898 г. После окончания училища в 1904 г. А.В.Тюрин поступает в Петербургский Лесной институт, где через пять лет получил звание лесовода 1-го разряда. Способный ученик привлек внимание преподавателей и его оставили на кафедре лесоустройства и лесной таксации для подготовки к научно-педагогической деятельности. С 1912 по 1919 г. Александр Тюрин работал лесничим Брянского опытного лесничества. Смена власти в стране открыла новые возможности для его профессионального развития, молодому государству крестьян и пролетариев нужны были новые кадры из народа. Так в 1919 г. А.В. Тюрин был избран профессором Воронежского сельскохозяйственного института, а в 1930 г. стал его ректором. Александр Владимирович Тюрин стал настоящим профессионалом своего дела, известным среди отечественных и зарубежных лесоводов. Он является автором около 160 научных и учебно-методических работ. За его научные заслуги степень доктора сель-

скохозяйственных наук ему была присуждена без защиты диссертации[19]. Умер А.В. Тюрин в 1979 г.

В 1892 г. в той же семье родился будущий выдающийся почвовед, академик Академии наук СССР Тюрин Иван Владимирович. Начальное образование он получил в Мензелинске, т.к. родители к тому времени переехали из хутора обратно в город, Иван учился в Самарском сельскохозяйственном училище. В 1919 г. окончил Петровскую сельскохозяйственную академию (Московская сельскохозяйственная академия им.К.А.Тимирязева). После этого работал в Казанском университете, Казанском институте сельского хозяйства и лесоводства[20]. В 1930 г. И.В.Тюрин переехал в Ленинград, стал профессором Ленинградской лесотехнической академии, Ленинградского государственного университета. С 1949 по 1962 гг. занимал должность директора Почвенного института в Ленинграде. Его труды по проблеме повышения плодородия почвы и исследованию почвенного гумуса высоко были оценены и коллегами из стран Восточной Европы. Иван Владимирович Тюрин в 1956 г. был избран академиком Польской академии наук, а в следующем 1957 г. стал академиком АН ГДР. Кроме того, профессор И.В.Тюрин был награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Умер в 1962 г. в Москве.

Его брат Тюрин Петр Владимирович также нашел себя в науке, стал доктором биологических наук, профессором. А путь к науке у него начинался за партами Мензелинского приходского училища, а затем городского училища. По следам старшего брата он учился после школы в Самарском сельскохозяйственном училище. Годы Гражданской войны забросили его в далекую Сибирь, где Петр Тюрин, несмотря на все сложности, старался найти работу по специальности и продолжить учебу. Два года он учился на сельскохозяйственном факультете Красноярского высшего политехнического института. В те же 1920-е гг. попал в научно-исследовательскую экспедицию в низовьях реки Енисей, организованной Сибирской ихтиологической лабораторией. С тех пор главной сферой его деятельности стало изу-

[19] Энциклопедия лесного хозяйства. В 2 т. Т. 2. М., 2006. С. 323.
[20] ГА РТ. Ф.Р1337. Оп.31. Д.47. Л.1.

чение рыб и рыбного промысла. Почти десять лет П.В. Тюрин работал в Сибирской научной рыбнохозяйственной станции, с 1933 г. жил в Москве, Ленинграде, где также продолжал заниматься научной деятельностью. Участвовал в Великой Отечественной войне. Петр Владимирович Тюрин является видым отечественным ихтиологом и автором свыше 130 научных работ. Умер в 1975 г.[21]

Любопытным моментом является разные обозначения сословного статуса родителей в биографиях братьев Тюриных. Если в автобиографии младшего сына – Петра Тюрина отец упоминается как бывший крепостной, мещанин-коробейник, позднее ставший хлебопашцем-арендатором, то старший брат Александр Тюрин указывает себя как выходца из семьи служащих. Возможно, мать семейства – крестьянка Анастасия Васильевна была образованной женщиной и могла иметь в уездном городе какую-то службу. Например, для выбора профессионального пути маленькому Александру очень помогла книга «Беседы о русском лесе» профессора Лесного института Д.Кайгородова, прочитанная им в детстве[22]. Очевидно, что семья Тюриных всегда стремилась к просвещению и детей старались развивать с самого раннего возраста.

В 1900 г. родился в Мензелинске Борис Петрович Никольский, будущий советский физикохимик и радиохимик, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда (1970). В 1911 г. он поступил в Мензелинское реальное училище. Именно там началось его увлечение наукой.

«В маленькой школьной лаборатории, работая в выходные дни и во время каникул, освоил качественный анализ. Отец и учителя постоянно поддерживали стремление юноши к знаниям и желание продолжить образование».

[21] От крестьянина до профессора. Петр Владимирович Тюрин. Автобиография [Электронный ресурс]. http://niorh.vniro.ru/ru/istoriya/history-uchenye/tyurin-p-v/k-120-letiyu-tyurina (дата обращения 27.11.2023).

[22] Известные люди Мензелинска. Братья Тюрины // Мензеля. 3.02.2016 [Электронный ресурс]. http://menzela.ru/news/istoriya/izvestnyie-lyudi-menzelinska-bratya-tyurinyi (дата обращения 27.11.2023).

Как и П.В. Тюрин, из-за Гражданской войны Б.П. Никольский оказался в Сибири, учился сначала в Томском университете, затем – в Иркутском. Позднее переехал в Ленинград, где в 1925 г. окончил университет. Талантливый выпускник Б.П. Никольский остался работать в родном университете, и вся его научная жизнь была связана с ЛГУ[23]. К сожалению, репрессии 1930-х гг. не обошли стороной и молодого ученого. В 1935 г., после первого ареста, он уехал из Ленинграда в Саратов, где продолжал научно-педагогическую деятельность. Но за первым арестом последовал и второй. Но в 1939 г. Б.П. Никольский был досрочно освобожден за неимением улик[24]. После этого он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора наук, стал профессором Ленинградского университета, с 1946 г. он заведовал лабораторией Радиевого института им. В.Г.Хлопина. Борис Петрович занимался исследованием процессов обмена ионов между водными растворами и различными твёрдыми системами (почвами, ионитами и т.д.), разработал теорию этих процессов, которая применялась в ионообменной хроматографии; предложил также ионообменную теорию стеклянного электрода. За свои заслуги Б.П. Никольский был удостоен в 1961 г. Ленинской премии, Государственной премии СССР (1949 и 1973), награжден 2 орденами Ленина, а также медалями. Умер в Ленинграде в 1990 г.

Отцом известного советского ученого являлся титулярный советник, когда-то работавший учителем Мензелинской мужской прогимназии Петр Яковлевич Никольский. Он был уроженцем Пензы, происходил из мещан этого города. В Мензелинском уезде он приобрел небольшое поместье, от деревни Старая Матвеевка усадьбу Никольского отделял лишь овраг[25]. Поэтому и дети были крещены в сельской церкви и местом их рождения, в том числе в биографии Б.П. Никольского указывается село Матвеевка.

[23] Мясоедов Б.Ф. К 100-летию со дня рождения академика Б.П. Никольского // Вестник Российской академии наук. 2000. Т.70. №10. С.943.
[24] Там же. С.944.
[25] Мензелинский край: история и современность. Мензелинск, 2006. С.191.

В 1894–1897 гг. Петр Яковлевич являлся гласным Мензелинского уездного земского собрания[26]. Кроме того, П.Я. Никольский состоял почетным попечителем Матвеевской земской школы.

Как отмечали члены Мензелинской земской управы, он «относился весьма сочувственно к своему училищу, нередко сам лично доставлял из земской управы необходимые учебники и учебные пособия, бывал на уроках и иногда обменивался мнением с преподающими по поводу методов и приемов обучения, в чем он, как бывший преподаватель, обладает известною опытностью в преподавании и знанием».

П.Я. Никольский оказывал земской школе и материальную поддержку, выделил свой флигель под учебное заведение[27].

Очевидно, что на становление и личностное развитие этих выдающихся людей повлияла и социокультурная среда уездного города Мензелинска, где проживали их родители и предки, где образование и культура рассматривались уже как основные ценностные ориентиры человеческой цивилизации.

[26] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896. С.198.

[27] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXII очередной сессии с 5 по 16 октября 1896 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1897. С.104.

ИСТОЧНИКИ

А. Неопубликованные

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф.218 – Департамент искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Оп.4. Д.484.

Ф.383 – Первый департамент Министерства государственных имуществ. Оп.2. Д.1736.

Ф.398 – Департамент земледелия Министерства земледелия. Оп.59. Д.19147Л; Оп.64. Д.126; Оп.66. Д.20814.

Ф.560 – Общая канцелярия Министерства финансов (МФ). Оп.11. Д.921.

Ф.571 – Департамент разных податей и сборов МФ. Оп.4. Д.1151.

Ф.733 – Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения (МНП). Оп.40. ДД.197, 249; Оп.42. Д.156; Оп.45. ДД.149, 208; Оп.46. ДД.67, 124; Оп.47. ДД.71, 245; Оп.48. Д.80.

Ф.772 – Главное управление цензуры МНП. Оп.1. Д.2421.

Ф.821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (МВД). Оп.133. Д.491.

Ф.1286 – Департамент полиции исполнительной МВД. Оп.3. Д.111; Оп.4. ДД.81, 527; Оп.5. Д.295.

Ф.1287 – Хозяйственный департамент МВД. Оп.22. Д.623; Оп.31. ДД.2296, 2444; Оп.32. Д.1037; Оп.37. ДД. 858, 1798; Оп.38. Д.862; Оп.39. Д.2643.

Ф.1293 – Техническо-строительный комитет МВД. Оп.168. Д.21.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф.102 – Департамент полиции МВД. Оп.72. Д.145.

Ф.434 – Постоянный совет объединенных дворянских обществ. Оп.1. Д.281.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф.529 – Мензелинская воеводская канцелярия, г. Мензелинск Уфимской провинции Казанской губернии. Оп.1. ДД.45, 219.

Ф.1139 – Мензелинская приказная изба. Оп.1. ДД. 14, 16, 49.

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ)

Ф.И-1 – Оренбургское губернское правление. Оп.1. ДД.135, 152.

Ф.И-2 – Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. Оп.1. ДД.15239, 15241, 15242.

Ф.И-6 – Канцелярии Оренбургского гражданского губернатора. Оп.1. ДД. 115, 359.

Ф.И-9 – Уфимское губернское правление. Оп.1. ДД.508, 1017.

Ф.И-11 – Канцелярия Уфимского гражданского губернатора. Оп.1. ДД. 22, 43, 53, 54, 56, 63, 102, 119, 200, 596, 1249.

Ф.И-138 – Оренбургская казенная палата. Оп.1. Д.1196.

Ф.И-148 – Уфимский губернский статистический комитет. Оп.1. Д.8.

Ф.И-295 –Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп.4. ДД. 761, 8420, 9006, 13713.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

Ф.6 – Канцелярия Оренбургского военного губернатора. Оп.4. Д.9155; Оп.5. ДД.10983, 11068, 11328; Оп.6. Д.14269.

Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ)

Ф.1 – Канцелярия Казанского губернатора. Оп.1. Д.3193.

Ф.148 – Казанское отделение Волжско-Камского коммерческого банка. Оп.1. Д.15.

Ф.299 – Казанская купеческая управа. Оп.1. Д.221.

Ф.324 – Казанская губернская чертежная. Оп.726. Д.106; Оп.729. ДД. 567, 585, 694, 697, 1103.

Ф.483 – Родительский комитет при Мензелинском реальном училище. Оп.1. Д.1.

Ф.571 – Мензелинская городская управа Уфимской губернии. Оп.1. Д.1, Д.3.

Ф.977 – Казанский университет. Оп.1ЛД. ДД. 29686, 29869.

Ф.1243 – Мензелинский нижний земский суд. Оп.1. Д.5.

Ф.1244 – Мензелинское уездное полицейское управление. Оп.1. Д.2.

Ф.1248 – Мензелинская городовая ратуша Уфимской губернии.

Ф.1253 – Мензелинское городское 4-х классное училище. Оп.1.Д.3.

Ф.1255 – Мензелинское реальное училище. Оп.1. Д.1.

Ф.1286 – Инспектор народных училищ Мензелинского уезда Уфимской губернии. Оп.1. Д.2.

Ф.П30 – Партийный архив обкома КПСС, г. Казань. Оп.3. ДД.542, 2250, 2519, 2753, 2773.

Ф.Р514 – Отдел народного образования Исполнительного комитета Мензелинского кантонного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Татарской АССР. Оп.1. ДД. 42, 49, 113.

Ф.Р1337 – Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. Оп.31. Д.47.

Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова АН РТ (ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ)

Ф.35 – Личный фонд Васильева. Оп.1. Д.23.

Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ)

Коллекция «Письменные источники»

КППи-100298, КППи-100302, КППи-100304, КППи-100305, КППи-100306, КППи-100307, КППи-100320, КППи-100343, КППи-100350.

Мензелинский краеведческий музей (МКМ)

Коллекция «Документы и фото»

Из набора документов на шляхтичей (КП-6594/10, КП-6594/12, КП-6594/47).

КП-5991.

Мирхайдарова И.В. Научная работа по истории города Мензелинска «Дореволюционное прошлое».

Музей истории города Набережные Челны (МИГНЧ)

Фонд документальных источников

МИГ-1658, МИГ-1660. П–760, МИГ-1662/1, МИГ-1714, МИГ-1721, МИГ-1737.

Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ)

Рукописный фонд

Записка члена государственного совета сенатора Ковалевского заключающие материалы, касающиеся учреждений по данным, обнаруженным при ревизии губерний Казанской и Уфимской.

Личный архив Веры Николаевны Макаровой

Воспоминания Евгении Николаевны Сокуровой.

Б. Опубликованные

Законодательные и нормативно-правовые акты

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т.4. СПб., 1856.
2. Законы о состояниях (Св. зак. Т. IX, изд. 1899, по прод.1906, 1908 и 1909 гг.) / Сост. Я.А.Кантрович. СПб.: Право, 1911.
3. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., М., 1888. Т.27. Кн. 5.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т.23. СПб., 1905.
5. Полное собрание законов Российской империи. Т.9. СПб., 1830.
6. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.32. СПб., 1881.
7. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.115. СПб., 1903.

Делопроизводственные документы

8. Вестник Уфимского земства 1882 г. Т.XXIII. Уфа: Печатня Н.Блохина, 1882.
9. Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по департаменту земледелия и лесному департаменту. СПб., 1908.
10. Журнал Министерства народного просвещения. 1860. №10. Т.108. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1861.
11. Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань: Типография А.А.Родионова, 1885.
12. Журналы XI очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 22 по 28 октября 1885 г. Казань: Типография А.А.Родионова, 1886.
13. Журналы XIV очередного Мензелинского уездного земского собрания с 11 по 18 октября 1888 г. и доклады управы с приложениями к ним. Казань: Типография и литография А.А.Родионова, 1889.

14. Журналы чрезвычайного Мензелинского уездного земского собрания созыва 27 апреля 1885 года с докладами управы и приложениями. Казань: Типография А.А.Родионова, 1885.

15. Калашников В.В. Обзор состояния и деятельности земской медицинской организации Мензелинского уезда в 1912 году: прил. к сб. постановлений XXXIX очеред. Уезд. Зем. Собр. Мензелинск: Тип. Н-ков Губанова аренд. А.Я. Вилесовым, 1913.

16. Обзор Уфимской губернии за 1881 год. Уфа, 1883.

17. Отчет Мензелинской прогимназии за 1885/6 учебный год. Казань: Типография Императорского университета, 1887.

18. Очерк деятельности Уфимского губернского земства (к 50-летию введения земских учреждений). Уфа, 1914.

19. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXV очередной сессии с 18 октября по 2 ноября 1899 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск: "Русская скоропечатня" Т.А.Губанова, 1900.

20. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXII очередной сессии с 5 по 16 октября 1896 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск: "Русская печатня" Т.А.Губанова, 1897.

21. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXX очередной сессии с 30 сентября по 13 октября 1904 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск: "Русская скоропечатня" Т.А.Губанова, 1905.

22. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 года и доклаы Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа: Паровая типо-лит. Тор. Дома Л.Е.Милюков и И.А.Медведев, 1909.

23. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVIII очередной сессии с 1 по 13 октября 1911 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа: Электрическая типография Т-ва «Печать», 1912.

24. Систематический свод постановлений Мензелинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 1 и 2 марта 1916 г. и 42 очередной сессии с 30 сентября по 10 октября 1916 г. Мензелинск: Типография н-ков Г.А. Губанова, 1917.

Материалы периодической печати

Волжский вестник. 1885, 1886, 1887, 1894, 1895, 1896 гг.

Казанские известия. 1816, 1818 гг.

Казанский биржевой листок. 1869, 1879, 1887, 1890, 1891 гг.

Камско-Волжская речь. 1908 г.

Русская школа. Общепедагогический журнал для семьи и школы. 1893, 1894, 1896, 1897, 1898 гг.

Русская старина. Т.28. 1880. №5.

Трудовая помощь. СПб., 1901.

Уфимские губернские ведомости. 1876, 1884, 1892, 1900 гг.

Уфимский край. 1908, 1917 гг.

Справочные и статистические материалы

1. Адрес-календарь и справочная книга Уфимской губернии за 1897 год. Уфа, 1896.
2. Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. Уфа: Губернская типография, 1873.
3. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914.
4. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904): В 2 ч. / Под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904.
6. Гомеопатический домашний и дорожный альманах / сост. доктор Альтштуль. М., 1866.
7. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001.
8. Городские поселения Российской империи. Т.3. СПб.: Типография К.Вульфа, 1863.
9. Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896.
10. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1839 год. Часть 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1839.
11. Музыкальный словарь Римана. СПб., 1901.
12. Населенные пункты Башкортостана. Ч.1. [Уфимская губерния, 1877]. Уфа, 2002.
13. Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865.

14. Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. Оренбург, 1878.

15. Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, 1877.

16. Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год / сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1889.

17. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1815 год. СПб., 1815.

18. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1825 год. СПб., 1825.

19. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1876 год. СПб., 1876.

20. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1879 год. СПб., 1879.

21. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1880 год. СПб., 1880.

22. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1882 год. СПб., 1882.

23. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1886 год. СПб., 1886.

24. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1888 год. СПб., 1888.

25. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1889 год. СПб., 1889.

26. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1890 год. СПб., 1890.

27. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1892 год. СПб., 1892.

28. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1894 год. СПб., 1894.

29. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению на 1897 год. СПб., 1897.

30. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного Врачебного Инспектора МВД на 1900 год. СПб., 1900.

31. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного Врачебного Инспектора МВД на 1905 год. СПб., 1905.

32. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного Врачебного Инспектора МВД на 1908 год. СПб., 1908.

33. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного Врачебного Инспектора МВД на 1916 год. СПб.,1916.

34. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П.Семенова. Т.5. Урал и Приуралье. СПб.: Издание А.Ф.Девриена, 1914.

35. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Том 1. Города. Казань, 1887.

36. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства в XVII столетии / сост. А.Барсуков. СПб., 1902.

37. Справочная книжка Уфимской губернии / сост. Н.А. Гурвич. Уфа: издание Н.К.Блохина, 1883. завер

38. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 6: Губернии приуральской группы и крайнего севера. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1884.

39. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. Т.2. СПб., 1863.

40. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб., 1915.

Сборники документов и материалов

41. Деятели революционного движения в России: био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: [В 5 т.]. М., 1927–1934. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3872-deyateli-revolyutsionnogo-dvizheniya-v-rossii-bio-bibliogr-slovar-ot-predshestvennikov-dekabristov-do-padeniya-tsarizma-m-1927-1934

42. Из истории почтовой связи (к 125-летию образования Казанского почтово-телеграфного округа): сборник документов и материалов / под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. Казань, 2010.

43. Крестьянское движение в 1917 году [Текст] / Центрархив; подготовили к печати К.Г. Котельников и В.Л. Меллер; с предисловием Я.А. Яковлева. М.; Л., 1927.

44. Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879.

45. Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. Документы и материалы / под ред. Х.Х.Хасанова и С.И.Мухамедова. Казань, 1957.

46. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2020.

47. Экономическое положение сельского населения Заказанья (XIX – начало XX века). Сборник документов и материалов / сост. Х.З. Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2022.

48. XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре. Документлар җыентыгы / төз. Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш.Мәрҗани исем. Тарих институты, 2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.

2. Абулханова Р.Г. Библиотеки Мензелинского уезда в конце XIX – начале XX века // Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем: Сб. научных статей. Елабуга, 2015. С.30–31.

3. Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.). Дисс. … д.и.н. Екатеринбург, 2018.

4. Азаматова Г.Б. Земские обследования мусульманских школ в начале XX в. // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. №2 (39).

5. Актаныш – ак илем: тарих, икътисад, мәдәният, шәхесләр / төз. И. Хәлиуллин. Казан: Идел-пресс, 2010.

6. Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании Казань, 1973.

7. Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017.

8. Арсеньев К.Е. Статистические очерки России. СПб., 1848.

9. Балашов Е.А. Первая флейта Поволжья // Из истории Саратовской консерватории. Сборник статей и воспоминаний. Саратов: Изд-во СГК, 2004. С. 23–27.

10. Белокопытов В., Остроумов Я., Сафин М. Мензелинская быль. Казань: Татарское книжное издательство, 1970.

11. Белявский М.Т. Наказы оренбургских однодворцев 1767 г. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1982. № 6. С. 69–79.

12. Беседовская А.В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX – начало XX века). Оренбург, 2006.

13. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010.

14. Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. 1805–1819. Рассказы по архивным документам. Т.1. СПб., 1904.

15. Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т.2. СПб., 1909.

16. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1. Казань, 1897.

17. Габдрафикова Л.Р. Города и горожане Уфимской губернии: по материалам органов местного самоуправления. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013.

18. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

19. Габдрафикова Л.Р. Социально-экономическое положение Мензелинска в пореформенное время // История и культура народов Поволжья: региональные аспекты исследования: сборник статей. Казань, 2011. С.140–148.

20. Габдрафикова Л.Р. Мензелинская ярмарка (вторая половина XIX – начало XX века) // Малые и средние города России: прошлое, настоящее, будущее: материалы конф. Елабуга, 2013. С.63–66.

21. Габдрафикова Л.Р. Роль личности в городском самоуправлении: на примере Мензелинского головы А.Г.Попкова (1874–1894) // Власть в российской провинции в XIX в. (на материалах Южного Урала): историко-антропологический подход: сб. науч. трудов / научн. ред. Н.Л.Семенова. Стерлитамак, 2015. С. 27–39.

22. Габдрафикова Л.Р. Лица и настроения уездного города (на примере Мензелинска XIX – нач. XX в.) // Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем: Сб. научных статей. Елабуга, 2015. С.66–69.

23. Габдрафикова Л.Р. «Жизнь текла тихо и медленно, и время измерялось не датами календаря…» (Новые штрихи к истории уездного города Мензелинска) // Эхо веков. 2016. №1/2. С.178–184.

24. Габдрафикова Л.Р. Народное образование в Мензелинске (XVIII – начало XX вв.) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: сб. науч. ст. / сост. И.В. Маслова и др. Елабуга, 2017. С.44–47.

25. Габдрафикова Л.Р. Уездный город Мензелинск в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Историческая этнология. 2018. №1. С.126–136.

26. Габдрафикова Л.Р. Промышленные инициативы мензелинской семьи Дубининых на рубеже XIX–XX вв. // Российская провинция как отражение исторических, социокультурных изменений в обществе. X Ушковские чтения. Сб. научн. статей. Менделеевск, 2018. С.13–17.

27. Габдрафикова Л.Р. Культура чтения в Мензелинске во второй половине XIX – начале XX вв. // Научный Татарстан. 2018. №1. С.54–62.

28. Габдрафикова Л.Р. Мензелинский уезд в годы Первой мировой войны // Гуманитарные науки в XXI веке. 2019. №12. С.36–42.

29. Габдрафикова Л.Р. О «свободе слова» в эпоху Николая I (на примере Мензелинского уезда) // Историческая этнология. 2020. Т.5, №3. С.450–459.

30. Габдрафикова Л.Р. Мусульманская община уездного города Мензелинска (вторая половина XIX – начало XX в.) // Эхо веков. 2020. №1. С.66–77.

31. Габдрафикова Л.Р. «Преподавание всех предметов должно вестись на материнском языке» (трансформация школьного образования в Мензелинске в эпоху революции (1917–1919) // Эхо веков. 2021. №2. С.70–80.

32. Габдрафикова Л.Р. Мензелинские шляхтичи в конце XVIII – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. №3 (43). С.86–97.

33. Габдрафикова Л.Р. Купцы Стахеевы в истории уездного города Мензелинска // Научный Татарстан. 2022. №2. С.11–16.

34. Габдрафикова Л.Р. Провинциальные учителя дореформенной эпохи (на примере г. Мензелинск Оренбургской губернии) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.41–51.

35. Габдельганеева Г.Г. Казанское книжное дело в контексте историко-культурного развития края: вторая половина XVIII в. – 1917 г.: дисс. … д.филол.н. Казань, 2006.

36. Гаврилина Т.Л., Оболонкова М.А. Судьба одной немецкой семьи в зеркале истории (XIX–XX вв.) // Вестник научной ассоциации

студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь, 2012. С.36–40.

37. Галлямов Р.Р. Причины и последствия строительства Закамской засечной линии в 1652–1656 годах // Из истории Альметьевского региона. Альметьевск: Татполиграф, 1999. С.59–78.

38. Дегтярев А. Кустарное производство и товарно-денежное обращение в Уфимской губернии. М., 2006.

39. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т.2, часть 2. М.: Университетская типография, 1902.

40. Денисов В.И. Ярмарки. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1911.

41. Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. М., 1900.

42. Елдашев А. Мензелинский Пророко-Ильинский женский монастырь // Эхо веков. 2011. №1/2. С.226–227.

43. Емалтдинова Г. Городское самоуправление на Южном Урале: вторая половина XIX – начало XX века. Уфа, 2003.

44. Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Казань: Казанский государственный университет, 2008.

45. Ермаков В.В. Крестьянство Восточного Закамья (с древнейших времен до 1917 года). Набережные Челны, 2000.

46. Ермакова О.К. Иностранные мастера – основатели оружейного дела в Златоусте (первая половина XIX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2012. №4–5. С.40–44.

47. Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т.3. Казань, 1903.

48. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX вв. Казань, 2001.

49. Иванов Н.С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Январь. Ч. 29. С. 37–38.

50. Игнатьев Р.Г. Мензелинская ярмарка / публ. М.И. Роднова // Научный Татарстан. 2012. №.2. С.106–114.

51. Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Том I: 1859–1866 годы. Оренбург, 2011.

52. Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). М., 2004.

53. Казакова О.М. Проблемы развития профессиональной структуры и ментальности провинциального учительства в XIX в. (на примере Вятской губернии) // Вестник Чувашского университета. 2008. №4. С.41–49.

54. Калинкина Е.А. Ф.Т. Розенгауз – врач и общественный деятель // Magistra vitae: электронный журнал по истории и археологии. 2000. №1 (11). С.125–131.

55. Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. Казань: Татар. книжн. изд-во, 1974.

56. Кильдибяков Г.Н. Магометанские школы (мектебе и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии. Мензелинск: Тип. Н-в Губанова, аренд. А.И. Вилесовым, 1913.

57. Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1. СПб.: Сенатская типография, 1911.

58. Кореева Н.А. Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Казань, 2019.

59. Краткие исторические сведения о городах Уфимской губернии / Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896.

60. Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.56–74.

61. Липаков Е.В. и др. Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). Казань: Изд-во «Фест», 1998.

62. Лоссиевский-Уфимский В.М. Основание г. Мензелинска // Уфимские губернские ведомости. 1884. 28 апреля. №17.

63. Марджани Ш. Мустафадел-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар (на тат. яз.). Казань, 1989.

64. Масалимов А.С. Организационно-правовая структура городской полиции Уфимской губернии // Вестник ВЭГУ. 2012. №1. С.53–56.

65. Маслова И.В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в. М.: Флинта-Наука, 2010.

66. Мельников-Печерский П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности. СПб., 2002. С.5–66.

67. Мензелинский край: история и современность / Сост. Ю.Ю.Юсупов, М.Н.Сафиуллин. Мензелинск, 2006.

68. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демография, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

69. Миронова Е.В. Уездный город Тетюши во второй половине XIX – начале XX века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

70. Миронова Е.В. Лаишевский уезд в середине XIX – начале XX века: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022.

71. Мясоедов Б.Ф. К 100-летию со дня рождения академика Б.П. Никольского // Вестник Российской академии наук. 2000. Т.70. №10. С.943–945.

72. Некрылова А. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб., 2004.

73. Никитина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – нач. XX вв. Дисс. … к.и.н. Уфа, 2009.

74. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Очерк из истории колонизации края. Одесса, 1882.

75. Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа: Изд-во БГУ, 2006.

76. Полянов Д. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Т.1. СПб., 1869.

77. Попов А.П. Российские фотографы (1839–1930): словарь-справочник. Т.2. Коломна, 2013.

78. Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886.

79. Рагозин В.И. Волга. От Оки до Камы. Т.2. СПб., 1890.

80. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988.

81. Рәми И., Даутова Р. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). Казан, 2001.

82. Роднов М.И. История Татарстана в трудах Руфа Игнатьева // Научный Татарстан. 2012. №.2. С.101–116.

83. Роднов М.И. Материалы по истории Мензелинского уезда Уфимской губернии на страницах «Уфимских губернских ведомостей» во второй половине XIX века // Эхо веков. 2009. №1. С. 170–172.

84. Роднов М.И. Новые материалы о помещичьем хозяйстве в Мензелинском уезде накануне отмены крепостного права // Вестник СамГУ. 2012. №2/2. С.72–82.

85. Роднов М.И. Роль Мензелинска в хлебной торговле и транспортных коммуникациях на рубеже XIX–XX веков // Роднов М.И. Различные статьи последних лет [Электронный ресурс]. https://geum.ru/next/art-217583.leaf-17.php (дата обращения 26.11.2023)

86. Ружевский В.П. Эпидемия тифа в деревне Нижние Юшады Мензелинского уезда. СПб.: тип. Э. Аргольда, 1891.

87. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

88. Савелов Л.М. Родословные записки. Т.1. М., 1906.

89. Салихов Р., Хайрутдинов Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань: Фест, 1994.

90. Самородов Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии: вторая половина XIX – начало XX вв. Стерлитамак, 1999.

91. Саначин С.П. Городские укрепления на территории Татарстана в описании XVIII века подполковника А.И.Свечина и гипотезы их местоположения // Первые Кремлевские чтения. Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России. Материалы конференции 20–21 ноября 2008 г. Казань: Изд-во «Фэн», 2010.

92. Саначин С.П. Экспедиция Сенатской комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань, 2018.

93. Семенова Н.Л. Ревизия судебных учреждений Оренбургской губернии в 1844 г. // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Оренбург, 2020. С.10–15.

94. Скальковский К.А. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб., 1889.

95. Сокурова Е. Паломничество в Мензелинск // Чудеса и приключения. 1997. №12. С.50–51.

96. Субботина Н. История Мензелинской женской прогимназии // Фән һәм мәктәп = Наука и школа. 2006. №11. С.23–24.

97. Татарская энциклопедия / под ред. М.Х.Хасанова. Т.4. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2008.

98. Татарские селения Восточного Закамья: коллективная монография / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021.

99. Уразова А.И. Города Южного Урала во второй половине XIX в. Автореферат дисс. … к.и.н. Уфа, 2002.

100. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань, 2001.

101. Хафизова Р.И. Управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начало XX вв. Уфа, 1999.

102. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

103. Шишкин Н.И. История города Елабуги с древнейших времен. Изд-е 3-е, адап. и доп. СПб., 2014.

104. Шляпников И. Статистическое и топографическое описание Мензелинска // Казанские известия. 1816. 9 сентября. №73.

105. Юдин Л. К истории пугачевщины // Русский архив. Т.5. М., 1896.

106. Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа: Гилем, 2002.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

Смоленская шляхта пригородка Мензелинска

Уфа, 26 марта 1668 г.

поручик [Ян] Одинец, Христофор Шаутицкий, Иван Ляхович, Стефан Зяблицкой, Козьма Петров, Юрий Самойлов, Петр Харкевич, Максим Харкевич, Лукьян Бык, Алексей Филиппович, Иван Стасев, Алексей Привлоцкой, Яков Пилецкий, Иван Бороздна, Яков Лазовский, Мина Каташ, Демьян Каменский, Михайло Микулин, Андрей Витковский, Иван Ермаковский, Филипп Савицкий, Парфен Тимохов, Леонтий Зубрин, Федр Занеков, Никита Ляхов, Самойла Еньков, Марк Тихановский, Самойло Милькеев, Напар Космач, Михайло Жданов, Семен Половой, Кондратий Гаевский, Юрий Жук, Роман Пироговский, Федор Пироговский, Иван Моисеенок, Василий Сипайло, Кузьма Суворов, Данила Тетеревников, Максимо Пузин, Лукьян Островский, Григорий Тихан, Конон Дударь, Самойло Воронко, Еким Валюженин, Ануфрий Пьянкович, Емельян Медвецкий, Степан Булатник, Дмитрий Страхов, Леонтий Голенищев, Леонтий Брудинский, Трофим Комлев, Андрей Голой, Андрей Богданов, Кондратий Бакун, Гаврила Тюков, Григорий Янчевский.

Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С.222–223.

Приложение №2

Населенные пункты шляхтичей в Закамье в XVIII веке

Среди современных населенных пунктов Закамья встречаются деревни и села с необычными названиями. Например, Архангельская слобода, Волчья слобода, Черемухова слобода. В старых названиях некоторых деревень тоже встречается слово «слобода». Старый Кувак (Кувацкая слобода), Старая Письмянка (Письмянская слобода), Солдатская Письмянка (Панская слобода). Последнее название уже указывает, что жителями данных населенных пунктов были не обычные крестьяне, а служилые люди.

Эти слободы имели отношение к пригородам Казанская края. Все они возникли в XVIII в. и были связаны с Закамской засечной чертой.

Например, служившие в Новошешминской крепости военные основали Архангельскую слободу (архистратиг Михаил считается покровителем военных) и Кувацкую слободу. Название последнему селению на холме дала местная речка Кувак, приток реки Шешма. Если с татарского языка «кувак» (куак) переводится как «кустарник», то на мордовском (эрзянском) это слово означает «длинное», «расселение вдоль речки». К слову, современный Старый Кувак действительно вытянулся вдоль реки Шешма.

Если Архангельская слобода это не так далеко от Новошешминска (совр. Новошешминский район), то новоявленным владельцам поместий в Кувацкой слободе пришлось преодолеть огромное расстояние для переселения (совр. с. Старый Кувак, Лениногорский район РТ). В качестве даты возникновения Кувацкой слободы чаще всего фигурирует 1739 г., основателями были отставные солдаты[1].

В 1730-е гг. шляхтичи из Заинской крепости тоже прошли более 100 км, чтобы добраться до нового места жительства вблизи Бугульмы. Они основали Панскую слободу, которая позднее получила название Солдатская Письмянка. Основной обязанностью служилых людей из этой слободы было обслуживание почтового тракта Казань–Оренбург.

В 1742 г. другая часть шляхтичей из Заинской крепости основала еще один населенный пункт в этих краях – Письмянскую слободу (совр. Лениногорский район РТ). Переселенцы были не особо рады своим новым владениям. Они называли эти территории «ковыльной землей». Очень тяжело им дался процесс переезда и обустройство на новом месте. Им пришлось заново обустраивать хозяйства, строить дома. Эти траты сильно били по карману переселенцев. Служилые люди возмущались тем, что никто им не помог с переселением, власти не оказали ни финансовой, ни какой-то другой помощи. Как указывали сами шляхтичи, переселившиеся в Кувацкую и Письмянскую слободы, они шли под конвоем на «ковыльную землю» по Новой Московской дороге. Там им отвели солдатские дачи, совместные владения с другими отставными солдатами (из рекрутов)[2].

---

[1] Татарская энциклопедия. Т.5. Казань, 2010. С.435.

[2] Белявский М.Т. Наказы оренбургских однодворцев 1767 г. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1982. № 6. С. 69–79.

К тому времени власти собирались уже ликвидировать недавно созданную систему ландмилицейской службы. Поэтому проблемы переселенцев-шляхтичей тогда мало кого волновали. Ландмилицию в Закамье ликвидировали в 1747 г. После этого все местные бывшие военные получили статус крестьян-однодворцев. Многим из них до этого предлагалось перейти на службу в крепости Оренбургской укрепленной линии, были обещаны льготы, однако добровольцев практически не нашлось, никто не хотел менять место жительства[3].

В административном отношении Кувацкая, Письмянская, Панская слободы подчинялись Бугульминской земской конторе[4]. Во второй половине XVIII в. жителей этих слобод беспокоило, что не были определены точные размеры земельных дач каждому человеку, а было выделено лишь общее земельное угодье. Эти земли уступали первоначальным владениям у крепостей. Кроме того, к сокращению земельных владений приводил и постоянный рост общины, что категорически не устраивало бывших военных. А слободы тем временем росли не только за счет естественного прироста, но и из-за прибытия новых жителей со стороны. Например, в Письмянскую слободу кроме шляхтичей, направляли и остальных отставных солдат, прошедших рекрутскую службу. Такое положение дел совсем не нравилось шляхтичам[5].

В 1767 г. жителей Кувацкой и Письмянской слобод продолжал волновать вопрос о том, что до сих пор не было указа о правах собственности, с пояснениями их статуса землевладения.

«...Поныне не имеем и на сколько человек в оной слободе отвести велено не значится. И еще к нам же в прибавок, кроме наших, содержащих ландмилицию, из других полков для поселения отставные, набираемые из рекрут, присылаются. И те давольствуются тою же солдацкой дачий в равенстве с нами. А мы как в пахотной земле, так и в сенных покосах, имеем недостаток»,

[3] Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С.58.
[4] Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. С.496.
[5] Белявский М.Т. Указ. соч.

– писал от имени трех отставных каптенармусов, семи подпрапорщиков, четырех капралов, одного сержанта, семнадцати рядовых и всех остальных обывателей-слобожан отставной драгун Михайла Динагольцев.

Кроме того, шляхтичи Кувацкой слободы жаловались на то, что «пришли в самое крайнее разорение и скудость», а распашка «ковыльной земли» и построение новых домов без единой помощи со стороны властей еще больше ухудшило их состояние. Они хотели донести до Уложенной комиссии Екатерины II о своих *«самых крайних и разорительных нуждах и великих недостатках»*. Решением проблемы им представлялось получение указа о земельных владениях, где было бы четко прописано, кто является владельцем и на каком основании в слободу можно пускать новых жителей[6].

Вероятно, недовольство своим положением послужило причиной того, что во время Пугачевского восстания часть населения слобод выступила на стороне бунтовщиков, против защитников царской власти. Именно в окрестностях Кувацкой слободы был собран отряд из 500 человек, присоединившийся к бунтовщикам. Названия местных природных объектов напоминают о соратниках Пугачева. Так здесь есть гора Пугачиха, местные названия Щепачиха, Биянка тоже связывают с теми далекими событиями.

В 1790-е годы наблюдается процесс выделения новых населенных пунктов шляхтичей. Судя по всему, это было связано и с недостатком земельных угодий и непростыми взаимоотношениями между разными группами жителей. Например, в 1795 г. недалеко от Письмянской слободы образовалось селение Новая Письмянка (совр. г. Лениногорск), поэтому первый населенный пункт стали называть Старой Письмянкой[7]. Такая же ситуация сложилась и в Кувацкой слободе, часть жителей которой тоже в 1790-е гг. уехала и основала другой населенный пункт – Новый Кувак (совр. Шенталинский район Самарской области). Поэтому слободу стали называть Старый Кувак.

Анонимный автор газеты «Самарские губернские ведомости» в 1857 г. отмечал о том, что бугульминские шляхтичи по своему экономическому положению и семейному укладу ничем не отличаются от окружавших их русских крестьян. В своей публикации он рассматри-

[6] Там же.
[7] Рәхимев Җ. Сайланма әсәрләр: 4 томда. Т.1. Казан, 2008. Б.188.

вал шляхтичей из населенных пунктов Старый и Новый Кувак, Солдатская Письмянка. Шляхтичи этих селений также занимались трехпольным земледелием, сеяли рожь, овес, гречу и немного пшеницы и полбы. Земледельцы из Старого Кувака считались более зажиточными, по сравнению с жителями Солдатской Письмянки. Объяснялось это тем, что у кувацких шляхтичей земли было значительно больше. По замечанию автора, бугульминские шляхтичи до этого времени не облагались налогами и были освобождены от рекрутской службы[8].

Судя по всему, либо автор располагал не самыми точными сведениями, либо ситуация уже через десять лет сильно изменилась. Так, в 1869 г. из-за тяжести налогового бремени сельская община Старой Письмянки и Старого Кувака пополнилась новыми членами, в эти населенных пунктах поселилось около сотни эрзянских и русских крестьян[9]. Таким способом старожилы слобод пытались облегчить государственные платежи. В дальнейшем, кувацкие крестьяне сдавали свои земли в аренду жителям соседних татарских деревень, земельные наделы которых существенно уступали владениям бывших военных.

В XIX в. особенно активно развивались два сельских населенных пункта шляхтичей – это Архангельская слобода и Старый Кувак. Здесь работали земские учреждения (больницы, школы), имелись торговые лавки, проводились ярмарки. В Архангельской слободе вели торговую деятельность купцы Стахеевы, они же помогали развивать инфраструктуру населенного пункта (построили церковь). В слободе было очень много каменных домов, которые сохранились и по сей день. В развитых селах, население которых насчитывало несколько тысяч жителей, появлялись и общественные объединения. В Старом Куваке было организовано Общество трезвости, а в Архангельской слободе – потребительское общество.

Габдрафикова Л.Р.

[8] О смоленских шляхтичах, проживающих в Бугульминском уезде // Самарские губернские ведомости. 1857. №5. С.14–17 [Электронный ресурс]. http://rodoslovnaya.org/ru/content/index/article/item_id/164 (дата обращения 27.11.2023).

[9] Фортунатов А. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т.1. М., 1892. С.30.

Приложение №3

Список жителей города Мензелинска, лишившихся во время пожара домов и имущества

Мензелинск, 1825 г.

№	*Сословное звание или чин, имя и фамилия*	*Сумма убытка*
1.	Титулярный советник Тимофей Дударь	2500
2.	Вдова, юнкерша Марья Каташева	1000
3.	Подканцелярист Иван Смышляев	250
4.	Коллежский секретарь Ларион Бакун	900
5.	Коллежский секретарь Алексей Космач	3800
6.	Прапорщик Федор Петров	1500
7.	Вдова, прапорщица Марфа Черепанова	300
8.	Из дворян, вдова унтер-офицерша Марфа Тетеревникова	2000
9.	Вдова, коллежская регистраторша Прасковья Филиповичева	500
10.	Вдова, губернская секретарша Авдотья Пироговская	600
11.	Вдова, подпоручица Степанида Тетеревникова	8000
12	Подканцелярист Андреян Тихановский	1500
13	Подканцелярист Яков Пилецкий	400
14	Коллежский регистратор Ларион Тетеревников	350
15	Прапорщик Тихон Ковалевский	5000
16	Титулярный советник Илья Филипович	27 000
17	Коллежский регистратор Александр Пироговский	3050
18	Коллежский регистратор Петр Тимохов	200
19	Из дворян, девица Екатерина Пироговская	200
20	Коллежский регистратор Максим Филипович	1565
21	Юнкер Андрей Алевский	800
22	Канцелярист Яков Сенкеев	1300
23	Коллежский секретарь Григорий Красавцев	900
24	Урядник Александр Вамофенник	700
25	Прапорщица Евгения Космачева	2000
26	Урядник Григорий Каташ	1000
27	Канцелярист Михайла Борозна	1500
28	Канцелярист Александр Пьянкович	3000
29	Прапорщичья дочь, девица Василиса Бознина	1500

30	Юнкер Ефим Каташ	650
31	Юнкер Петр Каташ	700
32	Подпоручица Авдотья Шестакова	400
33	Юнкер Борис Тихан	140
34	Поручик Михайла Казанцев, в том числе принадлежавших наследникам помещика Мусина-Пушкина денег 300 рублей	1400
35	Губернии регистратор Прокопий Медвецкий	800
36	Губернии секретарь Павел Енвнов	2000
37	Прапорщик Михайло Бакун	1000
38	Юнкер Александр Каташ	300
39	Подпоручик Василий Ляхович	700
40	Недоросль Василий Медвецкий	600
41	Коллежский регистратор Федор Каташ	5500
42	Коллежский советник Шелудно-Тектанов	10 000
43	Купец Трофим Шапошников	8000
44	Стряпчий, купеческий брат Никифор Шапошников	7000
45	Уволенный от услуг Григорий Попков	1500
46	Недоросль Ермолай Ваможекин	300
47	Малолеток Семион Сапожников	760
48	Солдатская дочь, девица Екатерина Мартынова	700
49	Вдова, солдатка Василиса Тиханова	1000
50	Вдова, солдатка Варвара Облогина	100
51	Мещанка Авдотья Емельянова	400
52	Вдова, солдатка Марфа Гаврилова	350
53	Солдатка Пелагия Меховникова	200
54	Мещанка Настасья Денисова	8000
55	Недоросль Михайло Петров	1000
56	Недоросль Никифор Брудинский	1200
57	Недоросль Семион Уржумцев	400
58	Мещанин Михайло Лебедев	600
59	Мещанин Спиридон Рылов	800
60	Малолетская жена Марья Гурьева	900
61	Малолеток Наум Меншиков	700
62	Отставной солдат Самойло Танаевцов	150
63	Малолеток Семион Пермяков	1500
64	Канонир Федор Петров	2500
65	Мещанин Иван Аникин	1000

66	Мещанин Кузьма Рубцов	500
67	Малолеток Михайло Овчинников	700
68	Малолеток Андрей Медведев	2000
69	Малолеток Гаврила Мельников	1500
70	Мещанин Фрол Загородников	3000
71	Отставной солдат Савелий Казанцев	300
72	Мещанин Андрей Рубцов	700
73	Малолеток Илья Лузик	1200
74	Мещанин Иван Реутов	500
75	Недоросль Терентий Голенищев	800
76	Рейтар Андрей Алевский	1000
77	Малолеток Герасим Танаевцев	1500
78	Мещанин Иван Колесников	2000
79	Унтер-офицер Константин Мельников	300
80	Мещанин Григорий Реутов	700
81	Унтер-офицер Филип Котков	1000
82	Мещанин Фадей петров	300
83	Из дворян, девица Настасья Пироговская	400
84	Мещанин Кирил Николаев	350
85	Малолеток Кузьма Пушкарев	600
86	Малолеток Федор Горбунов	1200
87	Отставной солдат Степан Бадьин	700
88	Мещанин Фотей Реутов	500
89	Отставной солдат Григорий Краснобаев	200
90.	Мещанка Степанида Полякова	600
91.	Каптенармус Федор Шикин	700
92.	Мещанин Давыд Пакнов	400
93.	Мещанин Никита Грибов	800
94.	Подпрапорщица Прасковья Ляхова	400
95.	Солдатка Апулина Павлова	700
96.	Малолеток Савелий Устюженин	400
97.	Малолеток Федор Семенов	500
98.	Отставной солдат Данила Худяков	610
99.	Вдова, солдатка Палагея Танаевцева	350
100.	Урядник Филип Медвецкой	300
101	Малолеток Яков Макаров	2225
102	Отставной унтер-офицер Яков Юнзель	1400
103	Малолеток Иван Мельников	1800

104	Малолеток Семен Дюков	2000
105	Отставной солдат Григорий Запольский	350
106	Мещанка Марья Реутова	400
107	Мещанин Сидор Колесников	1500
108	Мещанин Савелий Бабин	500
109	Малолеток Семен Макаров	2250
110	Малолеток Афанасий Мельников	608
111	Мещанин Василий Пономарев	900
112	Мещанин Егор Пивоваров	1000
113	Малолеток Андрей Ситников	400
114	Малолеток Матвей Попов	200
115	Мещанин Никита Рылов	700
116	Малолеток Абрам Худяков	300
117	Солдатка Степанида Четвертина	500
118	Мещанин Степан бабин	100
119	Мещанин Иван Панков	400
120	Солдатка Наталья Семенова	400
121	Шляхтич Петр Тихан	100
122	Отставной солдат Иван Андреев	200
123	Солдатка Дарья Филатова	650
124	Недоросль Евграф Тихановский	500
125	Солдатка Афросинья Гурьянова	500
126	Мещанка Авдотья Реутова	200
127	Унтер-офицерша Анисья Иванова	400
128	Отставной унтер-офицер Мокей Арзамасцов	250
129	Отставной унтер-офицер Никифор Тихановский	350
130	Мещанин Матвей Колесников	1500
131	Малолеток Григорий Сапожников	600
132	Солдатка Наталья Кузьмина	150
133	Отставной солдат Тимофей Перминов	1000
134	Отставной унтер-офицер Кузьма Каташ	170
135	Мещанин Дмитрий Лебедев	500
136	Унтер-офицерша Наталья Каташева	300
137	Малолеток Федор Дулелов	400
138	Мещанин Федор Грибков	2000
139	Отставной солдат Иван Шестаков	1500
140	Мещанин Иван Красков	800
141	Кузнецкой мещанин Евсей Цыпляев	500

142	Ясашной крестьянин Петр Смирнов	740
143	Мещанин Захар Колесников	1500
144	Прапорщица Марфа Одинцова	200
145	Малолетская жена Аксинья Тябердина	300
146	Мещанка Февронья Пакнова	400
147	Мещанин Елисей Реутов	1000
148	Солдатка Палагея Никитан	50
149	Мещанин Степан Санатов	400
150	Мещанин Семион Реутов	20
151	Мещанин Трофим Марин	500
152	Мещанин Архип Реутов	500
153	Малолеток Афонасий Черепанов	500
154	Солдатка Агафья Красильникова	400
155	Солдатка Марья Смородинова	2000
156	Своекоштной Михайло Угланов	300
157	Мещанин Иван Казацов	600
158	Мещанин Никифор Рылов	500
159	Мещанин Степан Колесников	400
160	Канцеляристша Анисья Будрина	610
161	Мещанка Варвара Полякова	150
162	Канонерша Афимья Сенькеева	300
163	Фурьир Иван Дубов	200
164	Малолеток Акикей Попов	1050
165	Отставной почтальон Гаврила Дударь	450
166	Малолеток Яков Суханов	600
167	Рядовой инвалидной команды Исай Ананьин	200
168	Рядовой инвалидной команды Никита Кудрин	215
169	Рядовой инвалидной команды Иван Шишков	100
170	Рядовой инвалидной команды Осип Реутов	250
	Отлучившиеся из Мензелинска и объявившие убытки прежде Городническому правлению	
171	Солдат Филип Докшин	200
172	Мещанин Осип Докунин	900
173	Мещанин Матвей Мошин	4000
174	Малолетка Иван Симонов	1000
175	Малолеток Илья Кукаркин	2120
176	Оставной вахмистр Алексей Попов	500
177	Канцелярист Петр Козин	810

178	Прапорщик Степан Пироговский	995
179	Солдатский сын Исай Попов	650
180	Саранский мещанин Федор Пичугин	400
181	Титулярный советник Любимов	1000
182	Титулярный советник Капитонов	5000
183	Вдова, губернская регистраторша Анисья Богданова	350
184	Оставшиеся без спросу безязычные две сестры, девицы Казанцевы, живущие вместе, сами объяснить убытка не могли, а Городническое правление по известности дому их и состояния полагает на	200
185	Канцелярист Василий Космач	3700
186	Мещанин Дмитрий Никитин	

РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.111. Л. 12–14.

Приложение №4

Записка Оренбургского дворянского депутатского собрания о жительствующих в Мензелинском уезде шляхтичах

Уфа, 1835 г.

Шляхтичи вышли из города Смоленска в 1654 г. (…). Поселены в Мензелинске и Заинске. (…). В 1673 г. выдана им отказная книга (…).

В 1794 г. мензелинские шляхты представя документы в доказательство дворянского их происхождения, именно данную из московского архива иностранной коллегии выписку из крестоприводной книги, где поименованы фамилии предков их и названы шляхтами.

Отказную книгу на отведенную в Мензелинске землю, родословные с происхождением их от шляхт, поступивших в подданство России, привилегию от польского короля, данную на владение в отечество их местностями (но без поименования фамилии), и другие документы о шляхетстве некоторых их родов, – просили о признании их в дворянство.

Депутатское собрание рассмотрев дело, постановлением 1799 г. 12 июля заключило внесть их в дворян [скую] род [ословную] книгу, в числе 42 фамилий кои суть:

Бакуны, Богдановы, Борозны, Брудински, Быковы, Булатники, Витковски, Ваможенины, Вышински, Голенищевы, Головы, Дудари, Еньковы, Ждановы, Каменски, Каташи, Космачи, Ляховы, Ляховичи, Медвецки, Микуновы, Моисеенки, Одинцы, Островски, Петровы, Пилецки, Пироговски, Пушки, Пьянковичи, Превлоцки, Сенкъевы, Си-

пайловы, Стасевы, Суворовы, Тетеревники, Тимоховы, Тихановски, Тиханы, Усовичи, Филлиповичи, Харкевичи, Янчевски; в коих заключалось мужс[кого] пола 359 человек.

(…). После сего в 1800 г. живущие в пригороде Заинске шляхты представил о происхождении своем документы и просили о дворянстве Депутатское собрание находя, что оные имеют одинаовые права с мензелинскими, постановлением 20 июня 1801 года заключило, внесть и иих в дворянскую родосоловную книгу в числе 28 фамилий:

Абрашевы, Алевски, Ботьинкины Букары, Буткевичи, Белановски, Головачи, Дыньковы, Ермаковски, Есимантовы, Зубовы, Ильины, Зубовы, Ильковы, Кармановы, Колотински, Кустовски, Лопатины, Савинычи, Савины, Саривровы, Скирмантовы, Сукорки, Тиханы, Шевели, Шемановски, Шестаковски, Ярчевски, в коих мужского пола 294 человека.

На основании сих постанволений шляхтичи мензелинские и заинские получили депутатского собрания грамоты и свидетельства на дворянство пользовались дворянскими правами и участвовали в выборах.

Но как герольдия обратив дело о Мензелинских шляхтах, при указе от 20 января 1828 г. дала знать, что доказатлеьство их на дворянство находит недостаточным и представила шляхтам пополнить оные, то Депутатское собр[ание] объявило о сем шляхтичам, исключило из дворянской родословной книги как мензелинских, так и заинских шляхтичей.

Вследствие сего мензелинские шляхтичи вновь вошли прошением в депутат[ское] собр[ание], с приложением в дополнение прежних доказательств, копий взятых из архива Оренбургской гражданской палаты, с высочайшей грамоты царей Иоанна и петра Алексеевичей 9 сентября 1682 г., коего подверждены права на землю отведенную им вместо хлебного и денежного жалованья, с тем, что они могут ее продать, заложить и во приданство отдать и с именного списка уфимским дворянам и детям боярским в окем значатся смоленской шляхты приогорода Мензелинска.

Депутатское осбрание сообразив прежние доказательства и вновь представленные, постановлением 20 сентября 1830 г. определило, что шляхты сие подежат к внесению в дворян родослов книгу. Каковые постановление представлено с подлинным делом в герольдию при рапорте от 26 февраля 1831 года, к разрешнию на сие еще не последовало.

Заинские шляхты так же подали в 1833 г. в депутатское собрание прошение с приложением дополнительных доказательств, но дело их еще не рассмотрено, потому что требует некоторые нужные сведения.

НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.4–6.

Приложение №5

Количество шляхтичей в Оренбургской губернии

Уфа, 1835 г.

В городах	Чиновных	Бесчиновных
Уфа	5	1
Оренбург	3	19
Бугуруслан	4	7
Бирск	6	7
Мензелинск	39	147
Бугульма	1	4
Белебей	12	12
Челябинск	1	1
Бузулук	–	–
Стерлитамак	–	–
Троицк	–	–
Верхнеуральск	–	–
Итого	71	198
В уездах	Чиновных	Бесчиновных
Уфимский	–	–
Оренбургский	–	–
Бугурусланский	–	22
Бирский	1	–
Мензелинский	2	91
Бугульминский	17	561
Белебеевский	3	1
Челябинский	–	–
Бузулукский	–	6
Стерлитамакский	–	–
Троицкий	–	7
Верхнеуральский	–	6
Итого	23	694
Всего	94	862

НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.115. Л.82–82 об.

Приложение №6

Переписка с епископом Оренбургским и Уфимским об иконе, найденной у ключа, вытекающего из горы около деревни Бережных Челнов Мензелинского уезда

Уфа, 28 мая 1852 г.

Управляющий Оренбургской Удельною конторою отношением от 21 апреля 1852 г. (…) с донесения Мысовочелниского приказа уведомил меня, что 30 марта сего года голова приказа Мазин, проходя по улице заметил народ, толпами стремившийся к реке, желая узнать причину, он последовал за другими и увидел, что за рекою у ключа вытекающего из под горы стоит на земле привязанная к бревну икона. С киот за стеклом Святителя Николая Чудотворца, которую прибыв туда священник села Бережных Челнов Фенелонов, взял и куда-то увез.

Вследствие сего я 25 апреля предписал Благочинному протоиерею Шильнову сделать не гласно, но обстоятельно дознание чья икона, почему оказалась на реке и поставлена наземь, привязанная к бревну. Кто покрыл оную белым полотенцем и по каким причинам. Почему около ней толпится народ, куда оную взял священник Фенелонов и где оная теперь находится (…).

Благочинный протоиерей Шильнов донес ему: (…) Икона на липовой доске, недавно покрыта лаком, киот столярной работы со стеклянной затворкой (…), найдена 30 марта близ мукомольной мельницы елабужского купца Котикова, мельником села Мысовые Челны, удельным крестьянином Захаром Максимовым Заикиным, на пригорке в саженях 15-ти от кузницы, при небольшом ключе, стоящего на земле у соснового отрубка, прикрепленного тонкой пеньковой веревочкой в киот, под который был постлан лист бумаги, закрытый белым бумажным полотном.

Заикин увидав это, тотчас рассказал на мельнице (…) а за тем вскоре разнеслась по обочине Челнам. В тот же день по полудни народ начал к иконе приходить и класть деньги, почитая оную явлением. Священник Фенелонов, ходя по домам с пением пасхального молебна, узнав об этой иконе, отправился за ней и заметив, что икона эта неявленная, а принесенная кем-нибудь на тот предмет, чтоб она тут существовала на столбике как это водится во многих христианских селениях и чтоб народ не мог прославлять ее как явление и чудотворную, или не вымыслил бы чудное явление, тотчас сосчитал на кладенные к иконе деньги 1 руб. 8,5 коп[еек] сер[ебром]. И отдал их старосте церковному

для внесения в церковь, а икону закрыл полотном, отнес в церковь и поставил в алтаре на такое место, на котором предстоящему народу в церкви не видно и тем прекратить всякий говор о явлении, Но кому икона принадлежит при спросе никто не объяснил.

Епископ оренбургский и уфимский подтвердил.

НА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д.408. Л.2.

Приложение №7

Частная жизнь татарской женщины дореформенной эпохи (на примере Мензелинского уезда)

История частной жизни – наименее изученная область для татарской историографии, что объясняется и ориентированностью большинства исследований на общественно-политическую проблематику, и явной ограниченностью источниковой базы. Вместе с тем, частная жизнь обладает не меньшим познавательным потенциалом. В этой связи, крайне актуальна реконструкция частной жизни татарской женщины дореформенного времени, т.е. до 1860-х гг., что поможет восполнить отдельные пробелы общей истории татарского народа.

Ценной документальной базой в этом вопросе является архивный фонд Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), учреждения регулировавшего в имперский период частную жизнь мусульман Волго-Уральского региона, Сибири и Центральной России. ОМДС было создано в 1788 г., находилось в Уфе. Этот орган выступал гарантом норм шариата в Российской империи, поэтому казыями (судьями) собрания рассматривались самые разные спорные дела, касавшиеся семейно-брачных взаимоотношений. В более поздний период – на рубеже XIX–XX вв. – мусульмане с этими вопросами обращались не только в ОМДС, иногда они выбирали уже и гражданские суды в зависимости от ситуации.

Мензелинский уезд был одним из самых густонаселенных уездов Волго-Уральского региона (например, более 480 тыс. жителей на 1911 г.), где татары-мусульмане составляли солидное большинство[10].

[10] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVIII-й очередной сессии с 30 октября по 12 ноября 1912 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск, 1913. С.586.

Спецификой уезда являлся высокий процент крестьян-вотчинников, состоявших в сословии башкир, а также тептярей – крестьян, обладавших меньшими земельными правами. Помимо них, конечно, в уезде проживали служилые и ясачные татары. Безусловно, земельная собственность играла важную роль в функционировании семьи, а вопросы имущества были одним из главных камней преткновения при судебных разбирательствах. Кроме того, Мензелинский уезд как часть территории Оренбургской губернии до середины 1860-х гг. входил в систему военного (кантонного) управления, что тоже отражалось на повседневном укладе местного населения, в том числе женского.

Семейная жизнь татарской женщины в зеркале нормативно-правовых актов и делопроизводственных материалов. В первой половине XIX в. сложились уже определенные правовые нормы, регулирующие жизнь татарской женщины. Введение в начале XIX в. метрических книг, где помимо рождения и смертности, стали фиксировать еще браки и разводы, сделало частную жизнь мусульман открытой для определенного круга должностных лиц. Факты частной жизни субъектов мусульманского права становились предметом деловых переписок, порой играли роль в решение вопросов общественного характера. Например, в «Правилах семейно-брачных отношений», представленных муфтием ОМДС Габдулвахидом Сулеймановым в 1841 г., оговаривался брачный возраст: для мужчин – от 18 лет, для женщин – от 16 лет[11]. Позднее, некоторые имамы были вынуждены оставить свои должности из-за несоблюдения этого указа (например, по ошибке в 1858 г. на некоторое время был отстранен от службы казанский муллы, известный ученый-мулла Ш.Марджани).

На местах за регулирование семейно-брачных отношений отвечали не только имамы и ахуны, но и старшины (в случае Башкиро-мещеряцкого войска). В 1842 г. у командования Башкиро-мещеряцкого войска были попытки перевести семейно-брачные дела к ведению гражданских властей, но оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский отклонил это ходатайство, оставив все под началом ОМДС[12].

Еще одним источником для изучения частной жизни служат материалы государственных переписей («ревизских сказок»). По данным ис-

[11] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания, 1841–1901 гг. Уфа, 1902. С.3.

[12] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1999. С.125.

следователя Р.Р. Аминова, татарские девушки из Мензелинского уезда заключали браки не только в пределах своего уезда, но и выходили замуж за татар из Заказанья, что, безусловно, указывает и на устоявшиеся родственные связи между жителями этих регионов. Также по этим документам можно увидеть, что в конце XVIII в. среди татар Мензелинского уезда было много межсословных браков: семьи ясачных татар чаще всего роднились и с тептярями, и с «башкирцами»[13].

Это очень важный момент, т.к. в ходе тюркских восстаний на территории Уфимской провинции (куда входил и Мензелинский край) еще в первой половине XVIII в. были введены некоторые брачные ограничения в отношении представителей сословия «башкирцев». В частности, в 1736 г. утверждены правила, согласно которым браки между «казанскими татарами» и «башкирцами» допускались лишь в особых случаях, после челобитной и личного разрешения казанского губернатора, а также уплаты брачующимися пошлины – 1 драгунской лошади. При не соблюдении этих условиях предусматривался штраф (3 драгунские лошади) или ссылка[14]. На практике это могли быть и телесные наказания, если никах был прочитан не указным муллой. Например, Роберт Круз приводит один случай «сожительства башкира Габдрахима Мендиярова и татарки Маргавафы Хабибуллиной», которые в 1833 г. получили 200 ударов плетью за это[15]. Возможно, американский исследователь немного не разобрался в сословных и этнических особенностях населения Волго-Уральского края и сделал поспешные выводы. Здесь речь, судя по всему, все же идет о межсословном союзе татарской пары, а не межэтническом «прелюбодеянии».

Тем не менее, как мы увидели выше, межсословные браки в татарских деревнях Мензелинского уезда не были редкостью. Очевидно, такая же ситуация наблюдалась и в других местностях Приуралья, где проживали татары. Поэтому в 1840-е гг. в ОМДС признали, что мулла-

[13] Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. С. 64.

[14] Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Уфа, 1999. С.147.

[15] Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: НЛО, 2020. С.178.

ми это указание фактически не соблюдается и ограничения на такие браки утратили свою юридическую силу[16].

Опровергают ревизские сказки первой половины XIX в. и гипотезы о том, что для сословных общин «башкирцев», в силу их владения большими земельными угодьями, была характерна полигамия. Анализ данных по некоторым татарским деревням Мензелинского уезда (Такталачук, Байсарово, Актаныш, Новое Алимово, Поисево – входят в состав совр. Актанышского района РТ), где имелись сословные группы «башкирцев», тептярей и «мещеряков», показал, что многоженство встречалось у всех сословий, и нет четкой корреляции между количеством жен и материальным состоянием мужа. Например, в 1859 г. среди жителей татарской деревни Мастеево, где проживали в том числе представители дворянского сословия, лишь у 52-летнего Абдулвали Султанова имелись две жены[17].

Поверхностный взгляд на документы ОМДС может оставить ложное впечатление о большом числе разводов в мусульманских семьях, в том числе среди татар Мензелинского уезда. Но данные еще одного любопытного источника – метрических книг – указывают, что разводы случались, но не были массовым явлением. Так проведенный исследовательницей Э.К. Салаховой анализ семейно-брачных отношений большого волостного села Байсарова показал, что на 30–35 заключенных браков в среднем приходилось 2–3 развода[18].

Практиковался и талак (инициатором выступал мужчина), и хлюг/хулла (развод инициировала сама женщина). Основания для развода могли быть самыми разными. Например, в 1861 г. житель д. Мушуги (совр. Мензелинский район РТ) Мухаметшакир Сайфуллин развелся со своей 17-летней супругой Бибимафтухой из-за того, что она играла на улице с посторонними мужчинами, муж в это время отсутствовал[19]. Очевидно, инфантильное поведение молодой жены воспринималось обществом как позор для супруга и он решился на крайнюю меру.

---

[16] Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1999. С.133.

[17] Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. С.68.

[18] Там же. С.109.

[19] Асфандияров А.З. Брак и развод у башкир в XVIII – первой половине XIX в. // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С.143.

Для мужчины с материальной точки зрения был выгоден не талак, а второй вариант развода. Возможно, поэтому они могли довести семейную жизнь до такого состояния, когда отчаявшаяся женщина сама просила о разводе. Например, в 1827 г. вышла замуж за муэдзина Фатхуллу Таймасова Фарсибану Абдулвахитова из д. Старое Алимово (совр. Актанышский район РТ). Супруги прожили вместе три года. Однако семейная жизнь была осложнена агрессивным поведением мужа. В результате, в 1830 г. Фарсибану пожаловалась в Оренбургское магометанское духовное собрание на грубое обращение мужа с ней и просила разрешения на повторное замужество. Детей у супругов не было. Разбирательства по данному делу продолжались до 1838 г.[20].

Довольно часто интересы женщин в ОМДС представляли их отцы, именно они подавали прошения о необходимости развода. Например, в 1833 г. просил о разводном листе для своей дочери отставной есаул А.Арсланов из д. Старое Алимово[21]. В следующем 1834 г. о таком же документе запрашивал С.Сажитов из д. Исянгулово Бишинды-Останковской волости[22]. С аналогичной просьбой обратился в ОМДС в 1835 г. житель д. Куяново – И.Максютов[23]. Развод (в некоторых случаях – заочный) был необходим при вторичном замужестве татарки-мусульманки. Например, в 1831 г. Г.Бикташева просила ей разрешить замужество, в связи со ссылкой, осужденного за преступление, мужа в Сибирь[24]. Разрешения такого же характера были получены жительницами Мензелинского уезда – Бикмухаметовой (1835 г.)[25], Тухфатуллиной Ф. из д. Чатово (1836 г.)[26].

Повторное замужество, в некоторых случаях, происходило в пределах одной семьи. Например, в 1816 г. у жителя д. Суксы 26-летнего Абдулнасыра Юлдашева были две жены: 40-летняя Вафара и 16-летняя Сагида. Исследователь А.З. Асфандияров предположил, что А.Юлдашев мог взять в жены вдову своего старшего брата (Асфандияров, 1990: 140). С учетом недавней Отечественной войны и Заграничного

[20] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.604. Л.1–6.
[21] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.762.
[22] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.822.
[23] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.886.
[24] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.665.
[25] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.889.
[26] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.999.

похода, в которых принимали участие и татары-мусульмане Мензелинского уезда в составе Башкиро-мещеряцкого войска (до 1855 г.), такое предположение о практике левиратов выглядит вполне убедительным.

Вопросы наследования тоже были в ведении ОМДС, поэтому женщины обращались в учреждение после смерти мужей или же отцов с просьбой о разделе имущества. Например, в 1831 г. в собрание обратилась татарка из д. Кадырово – Н.Имеева[27], а в 1832 г. Ф.Абдулнасырова из д. Черный Ключ (совр. Черемшанский район РТ) просила о разделе имущества, оставшегося после смерти её отца[28]. Интересно, что такого рода прошения в некоторых случаях уже подписывались самими женщинами. Это были неординарные факты, т.к. большинство татарских девочек тогда еще не обучали письму. В ходе обучения у абыстай (супруги муллы) они учились только чтению.

Таким образом, материалы переписей (ревизий), нормативно-правовые акты, метрические книги и делопроизводственные источники позволяют в общих чертах обозначить частную жизнь татарских женщин Мензелинского уезда на рубеже XVIII–XIX вв. Заинтересованность вышестоящих властей в большем контроле мусульман империи и создание ОМДС способствовали переменам и в частной жизни.

Образы татарской женщины из Закамья в публицистической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Вплоть до середины XIX в. татарские женщины, впрочем, как и представительницы других народностей России, были практически невидимыми персонажами общественной жизни. Женское просвещение в империи получает развитие лишь во второй половине столетия, экономическая активность женщин тоже была скорее номинальной (коммерческие дела осуществлялись через доверенных-мужчин). Если учесть замкнутый характер жизни мусульманок, то представление их внешнего образа почти невозможно. Тем не менее, есть несколько источников, где приводится подробное описание внешнего вида татарских женщин, в том числе жительниц Мензелинского уезда.

Например, сохранился любопытный источник личного происхождения, связанный с деревней Мастеево Мензелинского уезда. Сегодня уже этого населенного пункта не существует, деревня находилась недалеко от волостного центра Байсарово (совр. Актанышский район). Рукопись на

[27] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.666.
[28] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.711.

русском языке, оставленная, судя по всему, кем-то из приезжих людей (этот населенный пункт был известен своим кумысным промыслом, поэтому многие приезжали туда на кумысолечение), предположительно относится ко второй половине XIX в. «Одежда женщин состоит из рубашки, шаровар (обязательно) и блузы; головное украшение или платок или колпак обще-татарского типа. Волосы обыкновенно заплетают в косу и на конце косы привешивают, если есть, серебряные деньги. На груди носят ожерелье из денег», – отмечал этот автор[29]. Еще он подчеркивал любовь татарских женщин, особенно молодых девушек, к макияжу: чернили брови, румянили щеки, а также красили ногти. Недостаточно был изжит в это время и обычай чернить зубы. Вместе с тем, замужние женщины постепенно отвыкали от этой страсти к «живописи»[30].

Примерно такие же сведения приводил и И.М. Казанцев – ученый-этнограф и незаурядная личность, а по совместительству чиновник канцелярии Оренбургского военного генерал-губернатора. По итогам пребывания И.М. Казанцева в Оренбургской губернии, в том числе в Мензелинском уезде, был подготовлен труд «Описание башкирцев», изданный в Санкт-Петербурге[31]. Кстати, не только книга стала итогом работы Ильи Михайловича, а еще и открытие в Мензелинске женского училища. Он стал членом Попечительного совета нового учебного заведения[32].

И.М. Казанцев отмечал, что женщины из сословия «башкирцев» носят простые платья («холщевые или бязинные»), «вышитые вокруг воротника и на груди алого цвета нитками, бумагой или шелком», а также шаровары, сверху платья что-то вроде кафтана («зюлен»), летом этот предмет одежды был без рукавов. Так же, как и в примере из Мастеево, он отмечал, что женщины украшали себя «вокруг груди и воротника» «мелкими серебряными монетами». Обувью служили узорные цветные ичиги и туфли из сафьяна.

---

[29] Багаутдинова Х.З. Историко-этнографический очерк «Описание села Мастеева Мензелинского уезда Уфимской губернии» (1870–1880-е гг.) // Исчезнувшие и исторические села: изучение, сохранение и возрождение. Казань-Азнакаево, 2017. С.176.

[30] Там же. С.177.

[31] Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб., 1866.

[32] Журналы чрезвычайного Мензелинского уездного земского собрания созыва 27 апреля 1885 года с докладами управы и приложениями. Казань, 1885. С.42–43.

Конечно, И.М. Казанцев приводил и описание традиционных женских головных уборов: «кожбов», украшенный «красным бисером, корольками и другими вещицами», и «шлемообразная чешуйчатая шапка с длинным широким хвостом» – «калябаш». Последний головной убор («самый щегольский наряд башкирок») тоже украшался серебряными монетами и, как отмечал этнограф, стоил «иногда до 1000 р. и более». Но уже в 1860-е гг. такой дорогой головной убор носили довольно редко, этот предмет одежды переходил из поколения в поколение, пока владелица не продавала его из-за нужды[33].

В этом замечании привлекает внимание и название «калябаш», напоминающее наименование татарского мужского головного убора «каляпуш», и выделение двух видов женских чепцов, тогда как в более позднем времени шлемообразная шапка с длинным широким хвостом, украшенная и бисером, и монетами называли уже «кашбау/кашмау».

Как и автор из Мастеево, И.М. Казанцев писал о чрезмерном увлечении женщин «башкирцев» белилами и румянами, о том, что они чернили не только брови, но и зубы, а также красили ногти охрой или «известным соком растений». Но это касалось в большей степени «аристократок», тогда как остальные ухаживали за собой без особых «претензий»[34].

Если сторонние наблюдатели акцентировали внимание обычно на внешнем виде татарских женщин, то совсем другие образы представлены в материалах татарских авторов. В этой связи любопытен труд «Знаменитые женщины» Ризаэтдина Фахреддина. Первая печатная версия этой книги датируется 1904 г., позднее он значительно дополнил рукопись. Во второй неопубликованной версии имеется несколько очерков и о татарских женщинах Закамья. В описании женских биографий для автора приоритетна информация о её образованности и религиозности, но не менее важны и сведения о её семье (замужество, дети и т.д.). В этом смысле, он дублирует традиционные сведения из метрических книг, где тоже фиксировались все эти моменты (дата рождения самой женщины, дата замужества, даты рождения и смерти ее детей, дата смерти героини).

Например, о своей матери Мавгубе, 1821 г.р., дочери имама деревни Старый Иштиряк (Бугульминский уезд) он сообщает следующее: «Достигнув школьного возраста, она училась у своего отца Рамкула, у

[33] Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб., 1866. С.25–26.
[34] Там же.

матери Фархиджамал и у деда со стороны матери Гисматуллы, сына Габдуррахмана ат-Тайсугани, имама, мухтасиба и ахунда, превосходного ученого, и получила от них очень хорошие знания. Но она так и не научилась писать, потому что ее воспитатели и учителя не захотели учить ее этому». В 1839 г. Мавгуба вышла замуж за Фахреддина – имама деревни Кичучат того же Бугульминского уезда. В браке родилось 6 детей. По сообщению Р.Фахреддина, они «прожили разное количество лет», т.е. некоторые её дети умерли слишком рано. Помимо семейных и хозяйственных дел, у супруги имама были и другие обязанности общественного характера. «Она собирала у себя девочек и учила их по тюркским, арабским и персидским книгам, теоретически и практически обучала их вероучению и основам ислама, – пишет о своей матери автор. – В специально назначенное время она читала проповеди женщинам и старалась с лучшей стороны воздействовать на их благонравие. И для меня моя мама была самой авторитетной наставницей благонравия. Я испытываю к своей маме огромное чувство благодарности и признательности за то, что она была моей мамой и наставницей». Умерла Мавгуба в возрасте 54 лет[35].

Другая женщина – Магьданульджамал, 1828 г.р., дочь уважаемого религиозного деятеля Закамья, знаменитого шейха из Такталачука Фазлуллы бин Файзуллы. Она была супругой Якуба Нигматуллина (Мансурова), имама д. Новое Алимово. Магьданельджамал умела не только читать, но и писать. Этим она сильно отличалась от других татарских женщин того времени. «Получив образование у своего отца, Магданульджамал обладала обширными познаниями в арабском и персидском языках и писала красивым почерком. Своею рукою она переписала книги «Религиозное учение Пророка Мухаммада» и «Ниша для светильников» и позже откорректировала эти списки, – писал про нее Р.Фахреддин. – Свою жизнь она посвятила обучению и религиозному воспитанию девочек и женщин». В семье Магданульджамал-абыстай и Якуб-хазрата было 7 детей. Лутфулла продолжил дело отца. Со слов другого человека, Р.Фахреддин дает и некоторую личностную характеристику: «Магданульджамал-абыстай была немногословна, сообразительна и остроумна. Она в совершенстве знала мусульманское право,

[35] Фахреддин Р. Знаменитые женщины // Бельские просторы. 2008. №2 [Электронный ресурс]. http://www.hrono.info/text/2008/fah02_08.html (дата обращения 20.08.2023).

очень правильно читала Коран, и ее чтение было приятно слушать». Благочестивая мусульманка умерла в возрасте 78 лет на молитвенном коврике, в ожидании предвечерней молитвы[36].

Кроме того, Р.Фахреддин посвятил очерки и другим уроженкам Мензелинского уезда. Среди них – мать знаменитых просветителей Буби – Бадрульбанат, которая родилась в семье имама д. Тойгузино (совр. Менделеевский район РТ) и слыла не только религиозной и образованной, но и хозяйственной женщиной; Гайша-абыстай (дочь известного муллы Шагиахмеда бин Рафика из д. Симек (совр. Тукаевский район РТ), супруга Шамсимухамед-хазрата из д. Сафар (Актанышский район РТ).

Несмотря на любопытные детали, все эти описания внешнего вида, уровня образования и семейного состояния татарских женщин, все же не дают полноценной картины, а могут быть рассмотрены лишь как их образы. В первом случае, видение *других (*наблюдателей со стороны) и отсюда выводы о том, что *их* женщины не особенно красивы. Во втором, это представления самих татар об идеальной женщине – образованной (в религиозном смысле) и благочестивой матери семейства.

Три женские биографии. Попытаемся реконструировать биографии нескольких татарских женщин, живших в первой половине XIX в. в Мензелинском уезде. Их можно было бы отнести к категории «маленьких людей», т.е. тех акторов истории, жизнь которых не интересна «большой истории» с «выдающимися личностями». Вместе с тем, такие биографии и составляют ткань повседневности дореформенной эпохи.

1) Курыплы Иманаева родилась в 1790-х гг. Жительница деревни Мансур Сакловой Мензелинского уезда (совр. д. Новое Саклово Сармановского района РТ). В 1815 г. ее мужа Гарифуллу Амирова отдали в рекруты. Перед этим он при свидетелях дал супруге «увольнение», т.е. развод. Процедура сопровождалась материальными отступными: Иманаева отдала бывшему мужу две белые рубашки, двое портков холста «ценой 12 руб.». Лишь через 17 лет после развода, Курыплы Иманаева решилась на второе замужество. 9 февраля 1832 г. она просила Оренбургское магометанское духовное собрание дать ей разрешение на вторичное замужество, в связи с призывом ее первого мужа на военную службу[37].

2) Гульбадар Ахтямова. Год рождения неизвестен (около 1809 г.). Уроженка деревни Чуганеево Мензелинского уезда (совр. д. Чуганак

[36] Там же.
[37] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.707. Л.1–1 об.

Актанышского района РТ). Воспитывалась матерью и отчимом, рядовым Мензелинской инвалидной команды Салихом Сейфуллиным. Проживала в г. Мензелинске.

На момент описываемых событий ей было не больше 20 лет. 1 января 1829 г. ее сосватали за рядового Мензелинской инвалидной команды Хасея Абдрахимова. По ее словам, «с её согласия». Родители её после сватовства условились получить с жениха калым – 250 рублей. Из них невесте досталось «серебряной монетой 4 рублевика», а остальные деньги он обещал заплатить позднее: в марте – 100 руб., а 134 руб. – после переезда к нему. Супруги проживали в Мензелинске, и в том же марте 1829 г. Гульбадар переехала в квартиру Хасея. Но семейная жизнь не сложилась. Через некоторое время молодая жена пожаловалась на мужа, что она «никакого плотского действия с ним не имела», а супруг «отзывается больным». В мае 1829 г. Г.Ахтямова просила ахуна д. Поисеевой М. Ягудина, выполнявшего также религиозные требы мензелинцев, развести ее с Х. Абдрахимовым.

В ходе разбирательств ахуна, супруг Гульбадар признался, что у него имеется «тайная болезнь» и обещал вылечиться в течение шести месяцев. Однако так быстро исправить недуг Хасею не удалось, супруги постоянно ссорились. Однажды разъяренный муж выгнал её из квартиры, Гульбадар была вынуждена вернуться в дом отчима. Она отмечает, что супруг отправил ее на улицу, «отобрав от меня собственную мою одежду», что по меркам начала XIX в. можно расценивать как хищение ценного имущества.

Пока супруги проживали по отдельности, муж времени зря не терял. Он обратился в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбой вернуть супругу. В итоге, Гульбадар Ахтямова получила документ из Мензелинского земского суда, который сообщал ей о необходимости воссоединения с Х. Абдрахимовым. Но семейная жизнь оказалась такой же несчастливой, как и раньше: супруг проявлял агрессию, Гульбадар оказалась жертвой домашнего насилия. Тем не менее, она продолжала жить с ним. Одна из ссор привела к тому, что муж при посторонних людях выгнал ее из квартиры с побоями и с криками «талак». Отношения супругов были очень болезненными, они долго не могли окончательно разорвать семейные узы. Хасей с одной стороны постоянно проявлял жестокость по отношению к супруге, с другой стороны не давал ей развода. Сам он продолжал страдать от своей «тайной болезни». Но после очередного скандала, 24 марта 1830 г. Ха-

сей Абдрахимов дал подписку отчиму Гульбадар – Салиху Сейфуллину о том, что «он не будет совершать противозаконных действий против» супруги, а также обещал «в течение двух месяцев излечиться от своей болезни», а в случае невыполнения условий – дать жене развод.

Супругам удалось договориться лишь к сентябрю 1830 г. Как сообщал ахун деревни Чуганеевой Кадряч Муртазин, Абдрахимо дал Гульбадар Ахтямовой разводное письмо[38].

3) Хасиба Ардуанова. 1825 г.р. Выросла в д.Новые Бугады Мензелинского уезда (совр. Актанышский район РТ). Воспитывалась матерью и отчимом Биктимиром Губеевым (1801 г.р.). Примерно в 20-летнем возрасте была выдана замуж за жителя деревни Бексентеево Мензелинского уезда – Абдулхабира Габдулгафарова. Мать и отчим подготовили следующее приданое для дочери: сундук с кованым железом, перина перовая, занавеска простая, белый льяной большой полог и одинадцать куриц. Также из хозяйства отчима молодая жена взяла «на подержание» чугунный котел. Кроме того, на свадьбу в качестве махра родители мужа подарили невесте сундук с кованым железом, корову с теленком, козу, овечку, рубашки и другую одежду[39]. Это недвижимое имущество, по обычаю, считалось личной собственностью жены.

После замужества Хасиба переехала к мужу, в деревню Бексентеево (совр. Мензелинский район РТ). Неизвестно, сразу или позднее, но уже к 1848 г. у молодой семьи был собственный дом и небольшое хозяйство, которое они вели отдельно от отца Абдулхабира – Габдулгафара Габдулнасырова (1799 г.р.). Муж Хасибы был примерно ее возраста. Занимался крестьянским трудом, в основном, хлебопашеством. В 1846 г. семье Хасибы и Абдулхабира случилось радостное событие – родилась дочь Шаммияхаят. Однако семейная жизнь Хасибы продолжалась недолго. Уже через два года, в сентябре 1848 г. ее муж Абдулхабир умер от холеры. В этот период в Мензелинском уезде как раз бушевала эпидемия этого заболевания. В 23 года Хасиба осталась вдовой, ее дочери Шаммияхаят исполнился на тот момент только один год.

Самостоятельно содержать нажитое с мужем хозяйство она уже не могла. Очевидно, и вариант проживания в семье свекра и свекрови тоже не рассматривался. Поэтому вскоре молодая вдова перебралась снова в дом отчима, в д. Новая Будага. По ее словам, по приказу свекра

[38] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д. 603. Л.1–8.
[39] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.2150. Л.8–8 об.

брат мужа Абдулнафик помогал ей с переездом. С собой забрала свое приданое и махр, а также часть урожая льна (половину телеги), и «порты перетканные бумагой» (т.е. штаны). Как отмечала сама Хасиба, свёкор провожал её до самой околицы. При этом малолетнюю дочь Шаммияхаят она оставила у родителей мужа.

Вскоре молодая вдова снова вышла замуж. Уже в июне 1849 г. она состояла в браке с жителем д. Казкино Шагимарданом Фувартовым. Дочь Хасибы Шаммияхаят осталась в семье родителей ее первого мужа.

С 1849 по 1852 гг., т.е. в течение четырех лет Хасиба Ардуанова судилась с бывшим свёкром Габдулгафаром Габдулнасыровым из-за имущества. Судебные разбирательства инициировал свёкор, который обвинил бывшую сноху в незаконном присвоении имущества после смерти его сына Абдулхабира. В качестве украденого имущества он перечислял приданое Хасибы и махр, подаренный ей на свадьбу. Кроме того, он считал, что сноха забрала не причитавшийся ей урожай (три пуда ржи, телегу льна), семь стогов сена), три фунта овечьей шерсти, две подушки с наволочками и т.д. Надо отметить, что бывший свёкор Хасибы был человеком своеобразным. Он был 1799 г.р., грамоты не знал. При этом имел судимость, в 1845 г. был осужден за «ябедничанье» наказан розгами[40]. Таким образом, Габдулгафар был «опытным» клеветником.

Спорное дело между родственниками вел имам д. Ильчибаевой Махмут Мансуров, ахун д. Поисеевой Муллахмет-Латиф Ягудин, рассматривался вопрос и в Оренбургском магометанском духовном собрании и в управлении Башкиро-мещеряцким войском. Долгие разбирательства и дознаниня разрешились в пользу Хасибы Ардуановой. Было постановлено «подаренное снохе имущество оставить в собственности той Ардуановой, ибо по правилам магометанского закона отданные из доброй воли подарки назад не возвращаются». В 1852 г. бывшие свёкор и невестка заключили мирное соглашение[41].

Привлечение дополнительных источников (ревизских сказок, метрических книг) может дать еще более развернутую картину частной жизни обозначенных выше женщин: сведения об их вторичном замужестве и супругах, родившихся детях, о состоянии доровья и т.д.

Выводы. Изучение частной жизни татарских женщин Мензелинского уезда дореформенной эпохи показывает, что в этот период они занимали двойственное положение как в семье, так и в обществе. С

[40] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.2150. Л.15.
[41] НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.2150. Л.1–66.

одной стороны, при ревизиях они рассматривались только в составе семьи, женщины находились под опекой родственников-мужчин. В этом смысле они ассоциировались с материальной собственностью. Неслучайно, таким же «материальным» был образ татарской женщины и в публицистике того времени.

С другой, с начала XIX в. они уже являлись не только объектом, но и субъектом гражданского и мусульманского права. Женщин фиксировали в метрических книгах, они фигурируют как самостоятельная единица в различных судебных разбирательствах. В 1840-е гг. появился ряд нормативно-правовых актов, касающихся непосредственно положения татарских женщин Мензелинского уезда: брачный возраст мусульманок был увеличен до 16 лет, утратил силу закон 1736 г. на запрет браков между «казанскими татарами» и «башкирцами». К слову, в середине XIX в. в Восточном Закамье были сильны брачные связи даже с Заказаньем, соответственно много было и межсословных браков внутри татарского сообщества (между тептярями, «башкирцами», ясашными и служилыми татарами).

В ОМДС татарские женщины ходатайствовали о разводе, о разрешении вторичного замужества, о вступлении в наследственные права и т.д. Анализ конкретных женских биографий первой половины XIX в. раскрывает различные аспекты вопроса о смене семейного статуса. Такие перемены были связаны и с рекрутской службой супруга, и со ссылкой в Сибирь, и последствиями холерной эпидемии, а также с социально-психологическими факторами («тайные болезни», домашняя агрессия и т.д.). Вместе с тем даже в самых частных вопросах действовоовали женщины только при поддержке родственников. Именно семья определяла степень свободы (давала или не давала право выбора). В образованных татарских семьях (например, мулл) уже в этот период появлялись женщины, умеющие не только читать, но и писать. Это подтверждается и их подписями под различными прошениями. Но в целом, вопросы женского просвещения, а также изменения роли женщины в семье и обществе начнут волновать широкие слои татарского населения только в конце XIX в.

Габдрафикова Л.Р. Частная жизнь татарской женщины дореформенной эпохи (на примере Мензелинского уезда) // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 407–421. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.407-421

Приложение №8

Народные начальные (земские), миссионерские и церковно-приходские училища Мензелинского уезда

Мензелинск, 1880 г.

Земские одноклассные				
	Название училища	Попечитель	Преподаватель	Количество учеников
1.	Ахметьевское (инородческое)	–	1) Сергей Васильев, выпускник земского 2-х классного училища, был так же на курсах Казанской крещено-татарской школы. 2) Федор Соколов, священник села Федотово, преподает Закон Божий	44 человека (37 мальчиков и 7 девочек).
2	Акташевское мужское	–	1) Аграфена Дударь, воспитанница Мензелинской женской прогимназии. 2) Анна Миролюбова, помощница учителя, воспитанница Мензел. жен. прогимназии. 3) Федор Родосский, священник церкви с. Акташ.	100 мальчиков.
3.	Акташевское женское	–	1) Александра Тимохова, воспитанница Мензел. жен. прогимн.; 2) Лавров, священник церкви с. Акташ.	28 учениц
4.	Афанасьевское (ремесленное)	–	1) Алексей Саврасов, воспитанник Вятского земского технического училища.	35 человек (31 мальчик и 4 девочки)

			2) Лавров, священник села Афанасово.	
5.	Багряш Никольское	–	1) Антонина Тихановская, воспитанница Мензел. женской прогимназии. 2) Никольский, священник церкви с.Багряш Никольское .	32 человека (29 мальчиков и 3 девочки).
4.	Бетькинское	–	1) Екатерина Петровна Жданова, выпускница Уфимской женской гимназии. 2) Беляев, священник с.Бетьки.	113 человек (87 мальчиков и 26 девочек)
5.	Боровецкое (ремесленное)	–	1) Александр Шулятиков, выпускник Вятского земского технического училища. 2) Смирнов, священник с. Боровецкого	40 учеников (36 мальчиков и 4 девочки)
6.	Бутинское	–	1) Таисия Кравцова, выпускница Мензел. женской прогимназии; 2) Александра Филимонова, помощница учителя, имеет свидетельство домашней учительницы. 3) Фелицын, священник церкви с.Буты.	75 учеников (50 мальчиков и 25 девочек)
7.	Заинское женское	–	1) Анастасия Евлампиева, воспитанница Уфимского епархиального женского училища. 2) Федор Евлампиев, священник церкви Заинска.	40 учениц

8.	Ильбухтинское	–	1) Фиола Павловская, выпускница Уфимского епарх. жен. училища. 2) Любовь Тихан, помощница учительницы, воспитанница Мензел. женской прогимназии. 3) Люнфсольский, священник с.Ильбухтина	50 учеников (40 мальчиков и 10 девочек)
9.	Ильтеньбутинское (инородческое)	–	Степан Егоров, выпускник Казанской учительской семинарии	32 ученика
10.	Кадряковское (инородческое)		К. Будиков, воспитанник Казанской крещено-татарской школы.	39 учеников (33 мальчика и 6 девочек)
11.	Калейкинское (инородческое)	–	Андрей Егоров, воспитанник Казанской крещено-татарской школы	34 ученика
12.	Кара-Елгинское	–	1) Устинья Яковлева, воспитанница Мензел. женской прогимназии. 2) Желвицкий, священник церкви с.Кара-Елга.	35 учеников (30 мальчиков и 5 девочек)
13.	Караманаевское	–	Егор Гребнев, воспитанник Казанской учительской семинарии	19 учеников
14.	Ляки-Петропавловское (инородческое)	–	1) Николай Егоров, воспитанник Казанской крещено-татарской школы. 2) Стефан Никитин, священник с. Ляки.	31 ученик (29 мальчиков и 2 девочки)

15.	Матвеевское	–	1) Варвара Касаткина, воспитанница Мензел. женской прогимназии. 2) Евгений Черемшанский, священник с. Матвеево	33 ученика (32 мальчика и 1 девочка)
16.	Мастеевское женское (русско-татарское)	–	Урманова, воспитанница Уфимской женской гимназии	4 ученицы
17.	Маткаушинское	Николай Петрович Ружевский	1) Евгения Мадафеева, воспитанница Мензел. женской прогимназии. 2) Никита Тиловидов, священник церкви с. Маткоуш.	63 ученика (52 мальчика и 11 девочек)
18.	Мысово-Челнинское женское	–	1) Анна Ардашева, воспитанница Мензел. жен. прогимназии. 2) Павел Аргентовский, священник с. Мысовые Челны.	40 учениц
19.	Налимское (инородческое)	–	1) Марк Иванов, выпускник Казанской крещено-татарской школы. 2) Иван Смирнов, священник Налимской церкви	30 учеников (25 мальчиков и 5 девочек)
20.	Николаевское	Пальчиков Николай Евграфович.	1) Варвара Федорова, выпускница Мензел. женской прогимназии; 2) Кириллов, священник с. Николаевского	46 учеников
21.	Новомазинское	Катанский Петр Николаевич	1) Лидия Борецкая, воспитанница Казанской Мариинской женской гимназии;	81 ученик

			2) Филицын, священник с. Ново-Мазино	
22.	Новоникольское	Пасмуров Александр Николаевич	1) Раиса Симонова, воспитанница Мензел. жен. прогимназии; 2) Уноицкий (?), священник с. Ново-Николаевского	93 ученика (71 мальчик и 22 девочки)
23.	Новоспасское	–	1) Елизавета Харламова, воспитанница Мензел. жен. прогимназии; 2) Суздальский, священник с.Новоспасского	29 учеников
24.	Новотроицкое	–	1) Мария Целярицкая, воспитанница Уфимского епарх. женского училища; 2) Александр Целярицкий, священник с. Новотроицкого.	53 ученика (41 мальчик и 12 девочек)
25.	Орловское	–	1) Вера Барминская (?), воспитанница Уфимского епарх. училища. 2) Виноградов, священник Орловской церкви	53 ученика (49 мальчиков и 4 девочки)
26.	Останковское (ремесленное)	Останков М.М.	1) Павел Зверев, воспитанник Вятского земского технического училища; 2) Ираида Увицкая, помощник учителя, воспитанница Вятского епарх. училища.	49 учеников (43 мальчика и 6 девочек)

			3) Александр Преображенский, священник с. Останково.	
27.	Пальчиковское	Пальчиков Владислав Владимирович	1) Петр Еварестов, воспитанник Мензелинского уездного училища; 2) Василий Виноградов, священник церкви с. Пальчиково.	34 ученика
28.	Поручиковское	–	1) Александр Лукин, воспитанник Вятского духовного училища; 2) Евлампиев, священник церкви с. Поручикова	37 учеников
29.	Простинское	–	1) Сергей Колодов, воспитанник Мензелинского уездного училища. 2) Михаил Малышев, священник с. Прости.	33 ученика (27 мальчиков и 6 девочек)
30.	Слободо-Александровское	–	1) Мария Фелицина, воспитанница Уфимского епарх. женского училища; 2) Евдоким Фелицын, священник с. Слободо-Александровского.	54 ученика (44 мальчика и 10 девочек)
31.	Старомазинское	–	Степан Красноперов, воспитанник Елабужского духовного училища	28 учеников (24 мальчика и 4 девочки).
32.	Старомихайловское (ремесленное)	Мазуревский Иосиф Иосифович	1) Николай Шамов, воспитанник Вятского земского технического училища; 2) Дмитрий Тяжельников, помощник	44 ученика (40 мальчиков и 4 девочки)

			учителя, воспитанник Вятского уездного училища.	
33.	Старопьяноборское	–	1) Александра Дударь, воспитанница Мензел. жен. прогимназии; 2) Екатерина Рылова, помощница учительницы, воспит. Мензел. жен. прогимн.; 3) о. Александр, священник с. Пьяный Бор.	57 человек (42 мальчика и 15 девочек)
34.	Сухаревское (ремесленное)	Рязанцев Василий Иванович	1) Егор Филимонов, воспитанник Вятского земского технического училища; 2) Сперанский, священник с. Сухарево	53 ученика
35.	Токмакское	–	1) Ольга Светоносцева; 2) Иоан Аринтевский, священник с. Токмак.	35 человек (33 мальчика и 2 девочки)
36.	Шарламинское	–	Аделаида Пасмурова, воспитанница Казанского Родионовского института.	63 ученика (55 мальчиков и 8 девочек)
37.	Шильнинское	–	1) Александр Попов, студент 3-го курса Медико-хирургической Академии; 2) священник церкви села Большая Шильна.	61 ученик (53 мальчика и 8 девочек)
38.	Уратьминское	–	1) Александра Филимонова, воспитанница Нолинской жен. гимназии;	64 ученика (50 мальчиков и 14 девочек)

			2) Смирнов, священник с. Уратьма	
39.	Языковское	Языков Григорий Петрович	1) Вера Петрова, воспитанница Мензел. жен. гимназии; 2) Стефан Никитин, священник с. Ляки	34 ученика
Миссионерские училища Мензелинского уезда				
40.	Больше Атинское	–	Егор Макаров, воспитанник Казанской крещено-татарской школы	35 учеников (33 мальчика и 2 девочки)
41.	Верхне Багряжское	–	Марк Иванов, воспитанник Крещено-татарской школы	23 ученика
42.	Новоусовское	–	Борис Васильев, воспитанник Казанской крещено-татарской школы	24 ученика
Церковно-приходские училища Мензелинского уезда				
43.	Сидоровское	–	1) Евдокия Архангельская, воспитанница Уфим. епарх. жен. училища; 2) Павел Аргентовский (?), священник с. Набережные Челны	59 учеников (46 мальчиков и 13 девочек)
44.	Собонековское	–	1) Александра Богомодова, воспитанница Уфим. епарх. жен. училища; 2) Богомолов, священник с. Соболевка	38 учеников (32 мальчиков и 6 девочек)

ГА РТ. Ф.1286. Оп.1. Д.1. Л.1–51.

Приложение №9

Анонимное сообщение из газеты «Волжский листок» о противостоянии гласных Мензелинской городской думы и городского головы А.И. Захарова

Июль, 1905 г.

Мензелинские делишки. Читателям «В.Л.» уже известно, что большая часть гласных Мензелинской думы решила не посещать думы до тех пор, пока головой останется А.И. Захаров. И.д. губернатора Богданович и всех протестовавших гласных по телеграфу приказал считать отказавшимися от звания гласных и заменить их кандидатами (а кандидатов всего один, да и тот единомышленник с протестантами). С З[ахаро]вым осталась полутемная, к труду не способная часть гласных, – среди протестантов члены всех комиссий, ревизионных и других. Виноват в этом А.Н. Якимов, уверявший, что никто не захочет иметь дело с З[ахаро]вым, как с доносчиком, не только ложным, но и неумным (его подлинные высказывания) и постановивший в основу протеста исключительно донос, тогда как следовало указать и на другие черты З[ахаро]ва, как из прежней его деятельности, так и из современной. На частном совещании гласных уже известно было, что З[ахаро]ов в бытность свою делопроизводителем воинского присутствия брал себе жалованье и правой, и левой рукой; одной расписывался: столько то рублей получил делопроизводитель А.И. Захаров, другой: – столько то рублей получил писец А. Захаров. Известно также было, что он давая писцам и сторожам расписываться в одной сумме, выдавал другую – меньшую, разницу же прикарманивал себе. Известно также, что поведение его во многом было совместимо с достоинством городского головы. Характерен в этом отношении следующий эпизод. Забрался он в пьяном виде в городской сад, перепачкался не то в своих, не то в чужих экскрементах и в таком изукрашенном виде, явился в помещение соединенного клуба и потребовал от буфетчика, чтобы тот его обчистил (очистил – прим.), буфетчик, конечно, отказался, рекомендуя обратиться за этим к городскому садовому сторожу, тогда З[ахаро]ов берет жалобную книгу и пишет в ней жалобу. Представьте себе картину: пьяный, перепачканный нечистотами, голова сидит в клубе (какова около него атмосфера) и пишет пьяным почерком в книгу пьяные слова, а когда ему на другой день указывают гадость его поступка, то он не нашел ничего лучше как идти в клуб, попросить у буфетчика эту книгу,

якобы посмотреть, что он там написал, и получивши ее выдрать написанные им листы! Сперва набезобразничал, а потом самоуправство с чужой имуществом учинил. Под первым впечатлением старшины соединенного собрания хотели собрать общее собрание и потребовать исключения Захарова из числа членов, но по лености и благодушию не привели этого намерения в исполнение. Вот, если бы все это протестанты внесли в свой протокол, то и администрация не приняла бы постройку Захарова, а то все донос да донос». Посторонний.

Волжский листок. 1905. 29 июля. №241.

Приложение №10

Анонимное сообщение из газеты «Волжский листок» об особенностях работы Мензелинского городского общественного банка

Август, 1905 г.

«В Мензелинске существует общественный городской банк, каких больше нет в России. В нем почти совсем нет частных вкладов и все свои операции он ведет исключительно на свои деньги и ссужает кредитом под векселя и залог, как городское, так и уездное население суммами от 4 рублей и выше, это для города полукредитное полублаготворительное учреждение и понятно поэтому насколько им дорожат население Мензелинска и насколько оно было возмущено, когда дума 24 июня выбрала в директоры банка г. N., человека, по общему мнению, совершенно для такого серьезного дела неподходящего. Произошло это избрание потому, что большая часть не явилась в думу. При чем отсутствовали наиболее сознательные гласные – председатель земства, секретарь и бухгалтер земской управы, секретарь съезда, учитель, нотариус и несколько человек коммерсантов. Отсутствие их объясняется тем, что они уличили голову, г-на З., в том, что он занимается политическими доносами, эти же гласные подобное занятие не считали совместимым с званием городского головы и требовали от г. З., чтобы он отказался от должности, а до его отказа прекратили посещение думы.

Явилась только к добру и злу равнодушная часть гласных и притом в незаконном числе. Всех гласных по избранию в Мензелинской думе 20, для законного состава думы нужно не менее 10, а их было всего 9, да и 9 собрались только при необычайных усилиях г.-на З., за гласным Т. посылали три раза, столько же раз за гласным Г. При нор-

мальном ходе выборы эти конечно не были бы утверждены, но г.З. принят под особое покровительство и вероятно выборы будут утверждены. Вся Уфимская губерния вообще и Мензелинск, в особенности, с нетерпением ждут приезда нового губернатора, а с ним вместе и эры строгой законности. А пока новоизбранный директор и бухгалтер банка г.Р. вкупе и влюбе ходят ежедневно по трактирам и пивным, напиваются вдрызг и, потрясая яростно кулаками, кричат по адресу протестантов «сицилисты!». «МЫ им всем народом зададим!». Но «сицилисты» только смеются над угрозами бессильной ярости мензелинских хулиганов и друзей г.З-ва., памятуя пословицу: «если Бог не выдаст, то свинья не съест».

Волжский листок. 1905. 21 августа. №259.

Приложение №11

Доверенные из волостей Мензелинского уезда, выбранные для обсуждения магометанской религии и нужд башкирского[42] *населения*

Уфа, 1905 г.

Старо-Мелькенской – крестьянин Фарухша Яхъин
Мензелинской – крестьянин Камалетдин Нигматуллин
Кузкеевской – башкир Ризаэтдин Мухаметдинов Галеев
Макарьевской – крестьянин Иматкул Исламкулов
Останковской – тептяр Шайхильислам Мухаметгалиев
Нуркеевской – ахун Мухаметзян Кадырмухаметов
Языковской – мулла Мухаметгарей Шакирзянов
Бетькинской – имам-хатып Саубан Гильманов
Токмаковской – крестьянин Саитгарей Ибрагимов
Сухаревской – крестьянин Мурсалим Халимов
Афонасьевской – азанчей Нуретдин Багаутдинов
Заинской – крестьянин – Шайдулла Саликов
Ахметевской – крестьянин Зиганша Галеев Усманов
Старо-Кашировской – крестьянин Муртаза Мусин
Ново-Спасской – мулла Сахибзада Фатахутдинов Арасланов

[42] Под «башкирским» следует понимать сословное звание, распространенное как в целом в Уфимской губернии, так и в Мензелинском уезде в частности.

Альметь-муллинской – мулла Дахия Габдулъ-Япаров Насыров
Ирехтинской – волостной судья Мухаметхафиз Мухаметсадыков
Александро-Карамалинской – волостной судья Идрис Зималетдинов
Амикеевской – мулла Низамутдин Хисамутдинов
Байсаровской – азанчей Биктимир Абдулнасыров
Поисеевской – башкир Шайхадар Ахметов
Актанышевской – имам-хатып Губейдулла Ахметзянов
Шарыповской – имам-хатып Лутфулла Тазитдинов
Семистровской – ахун Абдрахман Кутлин.

Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. Министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. Уфа: Губернская типография, 1906. С.20.

Приложение №12

Список выборщиков Мензелинского уезда, избранных для участия в Уфимском губернском избирательном собрании (выборы в Государственную думу)

Уфа, 1906 г.

От съезда уполномоченных от волостей:

1. Ахметзянов Ахтям (башкир[43])
2. Миронов Григорий (крестьянин)
3. Галеев Ахмадей (крестьянин)
4. Нигматуллин Гизетулла (башкир)
5. Хайритдинов Кашафутдин (башкир)
6. Иванцев Евгений Николаев (крестьянин)
7. Мансуров Лутфулла Якупов (мулла)
8. Сагдитдинов Зиатдин (башкир)
9. Бикмухаметов Габдулманнан (башкир)
10. Бычков Иван Дмитриевич (крестьянин)
11. Ратников Дмитрий Дмитриевич (крестьянин)

[43] В скобках указаны сословное звание или род занятия выборщика.

12. Суханаев Шарифулла Абдуллин (башкир)
13. Гизетуллин Исламхузя (башкир)
14. Мрясов Шангарей Нугманов (мулла)
15. Колесников Владимир Васильев (крестьянин)
16. Галеев Ризаитдин Мухаметдинов (башкир)
17. Токтаров Мирзамукарим (указной мулла)
18. Зотов Иван Григорьевич (крестьянин)
19. Мухаметнасыпов Амирхан (мулла)
20. Абдулбашар Абдулмалик (башкир)

От съезда уездных земледельцев:
21. Мельгунов Алексей Павлович
22. Катанский Николай Васильевич
23. Товарищев Николай Павлович
24. Мазуревский Иосиф Иосифович
25. Молоствов Владимир Вадимович

От съезда городских избирателей:
26. Сейтбаталов Миннигарей Ситдикович (купец)
27. Халфин Шакир Садыкович (купец)
28. Хоткевич Петр Иванович (врач)
29. Захаров Алексей Иванович (городской голова).

Уфимская земская газета. 1906. 29 марта. №5.

Приложение №13

Рапорт Мензелинского уездного исправника об устранении от должности имама Поисевской соборной мечети Мензелинского уезда Сахабутдина Гумерова

Мензелинск, 4–5 декабря 1907 г.

Протокол

1907 года декабря 4 дня, пристав 1 стана Мензелинского уезда вследствии предписания г. Мензелинского уездного исправника от 3 декабря того же года, в присутствии понятых прибыл для производства обыска в доме указного муллы д. Поисевой С.Гумерова и (…) причем в одной из комнат, в сундуке найден гектограф с 4-мя оттисками на татар-

ском языке, которые лежали в сундуке на самом гектографе. В другом сундуке найден указ Губернского правления от 12 июля 1883 г. за №2160 об утверждении Сахабутдина Гумерова имамом к Поисевской соборной мечети, пять гектографических писем на татарском языке, брошюра на татарском языке, «Крестьяне, к вам наше слово» – с оттиском печати – Казанский комитет Рос[сийского] соц[иал] –демократ[ической] рабочей партии. 2 брошюры на русском языке – «Что дает демократическая республика» – книгоизд[ательства] «Искра» А.М. и – «К свету» – Ю.Музаферова, 11 печатных экземпляров на татарском языке с оттисками на русском языке – «дозволено цензурою. Казань, 2 декабря 1905 г.» – одна фотографическая карточка, а кроме того в этом же сундуке и под нарами найдено 30 писем на татарском языке, 2 адреса и 23 книги на татарском языке без указания к печати цензурой. В то время когда был открыт сундук с гектографом Гумеров оттолкнув меня бросился к сундуку и схватив оттуда гектограф с оттистком быстро выбежал во двори и бросил его на крышу амбара, откуда гектограф был взят полицейским урядником Егоровым, бывшим при обыске. (…)

[Объяснение Сахабутдина Гумерова]

(…) Нынешней осенью, когда выпал уже снег, через деревню Поисево проезжал неизвестный мне человек из города Казани по имени Абдулла Рамеев средних лет и среднего роста. Толстый, с небольшой русой бородой, растущей от ушей и такими же усами, с чистым красным лицом, с бритой головой в тюбетейке, судя по костюму среднего достатка, на одной своей лошади, карей или бурой (была потная не рассмотрел), этот человек дал мне гектограф и посил хранить до обратного его проезда. Ехал он из города Мензелинска по тракту в Байсарово. Он же (дал) оставил у меня и найденные при обыске листки и брошюры. Я сложил все это в сундук, ничего не смотрел и не читал, а равно и не печатала никаких бумаг. Зачем я забросил гектограф на крышу во время обыска, и сам понять не могу: у меня закружилась голова, я действовал бессознательно. Распространением революционной литературы среди магометанского населения я не занимался. Более показать ничего не могу. В городе Уфе не был более 20 лет. Сын мой Кашафутдин 23 лет учится в Уфе во вновь выстроенной татарской школе при второй мечети в Нижегородске[44] в самой школе.

НА РБ. Ф.И-9. Оп.1. Д.768. Л.1–4.

[44] Имелась в виду Нижегородская слобода в Уфе и медресе «Галия».

Приложение №14

Анонимная газетная публикация о деятельности мензелинского городского головы А.И. Захарова

Казань, 5 сентября 1908 г.

Мензелинск. «Здесь, в этом некогда знаменитом ярмарочном пункте, бесконтрольно и бесцеремонно до нахальства орудует некий г[осподин] Захаров со своей конкой, получившей нарицательное имя "захаровцев". Захаровцы только и смотрят, лишь бы им "польза была". И даже благие меры превращаются в их руках в прибыльные для них одних.

У города несколько сотен превосходного чернозема-пашни. Был запасной капитал в 50 000 рублей, нажитый от доходов с ярмарки. Это – таких два фонда, которые могли бы обеспечить маленький городок на многие годы.

Но от капитала осталось не более 12 тысяч рублей неизвестно, как и куда, на какие потребы он растаял. С пашней же производится занятная операция.

Город задумал землей благотворить беднякам-мещанам, сдавая им по 2–3 р[уб]. за десятину, вместо 15 р[уб]. обычной арендной платы.

Голова Захаров сопричислил себя к лику нищих горожан и захватил себе самый лучший и крупный кусок. Во избежание потрав, огородил его, как свое крепостное владение. И чтобы не тратиться на изгородь, свез с городской площади коновязь. Рабочих для этой цели не потребовалось: близкий ему некий Пилецкий снял с площади коновязь, огородил участок Захарова и в благодарность за это получил даром 1 десятинку из участка.

Обширный мытный двор в центре города занят редко. Захаров и его приспешник Терентий заперли его и пасут в нем гурт своего скота. Заперли и колодец, чтобы иметь под руками водопой, а уход за скотом возложили на городского сторожа.

Оба эти лица в прямое нарушение закона, поставляют городу дрова по "необидной" для себя цене. А городской смотритель садов никогда в них не бывает, – некогда, ибо все свое время посещает саду Захарова.

Но Захаров промышляет и другими способами; в городском банке, например, дают деньги только тем домовладельцам, которые страхуют свое имущество у жены Захарова, числящейся агентом частного страхового общества (№171, "Вестник Уфы")».

Камско-Волжская речь. 1908. 5 сентября. №330.

Приложение №15

Прошение прихожан Мензелинской соборной мечети в Оренбургское магометанское духовное собрание

Мензелинск
9 апреля 1909 г.

До сведения нашего дошли, что из среды нас некоторые прихожане возвели на нашего имама Газетдина Мухаметвалиева гнусную клевету и сделали ложный донос гражданскому начальству. Нам так же известно, что они одновременно с этим сообщили о том же и Вашему Высокостепенству, положив это сообщение в основание ходатайство своего, о назначении имамом другого лица. В виду сего, в целях ограждения достоинства и чести уважаемого нами Газитдина Мухаметвалиева, а также из-за боязни лишиться его, мы позволили себе обратиться к Вашему Высокостепенству с покорнейшей просьбой не придавать вероятия изветам тех лиц и не дать возможность восторжествовать злу над добром.

Газитдина Мухаметвалиева мы знаем с 1888 года и знаем его за примерного блюстителя нравственной чистоты своего прихода и ревностного почитателя Закона Божия, каковое почитание он всеми силами своей души и своей примерной жизнью всегда старался развить и в нас. Он являлся строгим нелицеприятным судьей всех нас и в особенности тех, в коих замечен упадок нравственности и уважения законам религии. Строгим, может быть, более, чем следовало по нашей немощности, и думаем, что эта – то строгость его и возбудила к нему среди некоторых из нас чувство неприязни. Это – то чувство неприязни к нему, мы полагаем, и руководило теми, кто возвел на него омерзительную клевету.

Другого побуждения быть не могло. Безпристрастность суждения нашего о Мухаметвалиеве подтверждается тем, что он был первый раз избран нами в духовники по единогласному приговору прихода в 1888 году, затем избрание это было подтверждено приговором в 1894 году; 1903 г. и наконец в последний раз в 1907 г. Все это говорит за то, что он является желанным духовником для многих из нас.

Изложив вышесказанное, мы нижеподписавшиеся, еще раз убедительно просим Ваше Высокостепенство не придавать значения изветам тех клеветников, кои обратились к Вам с ходатайством о замене уважаемого нами имама Газитдина Мухаметвалиева другим лицом.

1. Мензелинский мещанин Ибрагим Сайфуллин
2. Мещанин Смагил Газиев
3. Мещанин Муса Газиев
4. Мещанин Гали Газиев
5. Хасан Газиев
6. Мещанин Ахметзян Муратхузин
7. Шагихайдар Зиганшин
8. Шагимухамет Зиганшин
9. Шагигардан Зиганшин
10. Шагидулла Калимуллин

Проживающие

11. Галиулла Гайнуллин
12. Габдурахман Габудул-Латыпов
13. Бадритдин Габдул-Кагиров
14. Хабибурахман Габдул-Латыпов
15. Хисамутдин Габдул-Башаров
16. Муфаррах Мусифуллин
17. Габдуль-Малик Габдурахманов
18. Шагидулла Губайдуллин
19. Шагимардан Хузи-Ахметов
20. Багаутдин Мурадхузин
21. Мухамедсабир Мухамедшакиров
22. Хурматулла Зинзиатуллин
23. Файруша Хурамшин
24. Бадритдин Динмухаметов
25. Мухаметхафиз Гайфуллин
26. Мухаметсафа Мухаметзянов
27. Салахитдин Хабибуллин
28. Тимербай Габдул-Нафиков
29. Нурутдин Хуснутдинов
30. Гарафанатдин Залимухаметов
31. Шамсутдин Шагиахметов
32. Фархитдин Назиров
33. Габдуль-Манниф Габдул-Хакимов
34. Кашафетдин Сиразетдинов
35. Мухамедсалих Мухамедсалимов
36. Мухамедзакир Мухаметшин

37. Мухаметзариф Закиров
38. Хайрулла Гайнуллин
39. Мухамсиддик Батыршин
40. Сибгатулла Зайнуллин
41. Талибутдин Нигматуллин
42. Шамсумухамет Хабибуллин
43. Гильмутдин Нигматуллин
44. Биктимер Мухамет-Каримов
45. Мавляутдин Сиразутдинов
46. Салахитдин Габдурахманов
47. Шагигардан Минлигулов
48. Фахрислам Мухаметрахимов
49. Хасанша Сайфуллин
50. Зиннитулла Нигматуллин
51. Тазитдин Фаткуллин
52. Фахрисултан Фазлимухаметов
53. Фазлимухамет Нурмухаметов
54. Фахразий Сайфутдинов
55. Шамсутдин Мухамадияров
56. Шайхитдин Гимадитдинов
57. Хасамутдин Назмутдинов
58. Габдулгани Габдулхалимов
59. Сагдиутдин Ермухаметов
60. Мухаметша Абдулгафаров
61. Хуснутдин Мурсалимов
62. Фардитдин Сиразитдинов
63. Габурахман Мухаметкаримов Аблаков
64. Сафаргали Ягкупов
65. Фахритдин Шигабутдинов
66. Мухитдин Шагимарданов
67. Аюп Габуллатыпов
68. Габдулла Гиматуллин
69. Ахметгарай Хайруллин
70. Мухаметзакир Мухаметсадыков
71. Г. Миннафов
72. Миргаязутдин Гайфуллин
73. Гарифулла
74. Зайнулла Хабибрахманов

75. Галимардан Нуримухаметов
76. Габулмусавир Габдуллатыпов

НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.13713. Л.67–68.

Приложение №16
Ярмарки в Мензелинском уезде

1910 г.

13–20 февраля – д. Актаныш
15–22 февраля – с. Шуган
15–18 марта – д. Старый-Багряш
9–14 мая – с. Набережные Челны
2–10 июня – г. Мензелинск
7–10 июня – д. Кузкеево
29 июня – с. Ново-Мазино
8 июля – с. Акташ
20 июля – 4 августа – г. Мензелинск
14 сентября – зав. Шильвинский (Боровецкий)
27–30 сентября – с. Набережные Челны
24 сентября – 2 октября – д. Актаныш
1 октября – с. Ново-Мазино
10–17 октября – с. Шуган
22 октября – с. Акташ
1–8 ноября – Поисеево
8 ноября – Останково
5–13 ноября – Нуркеево
14–21 ноября – Амикеево
24–29 ноября – пригород Заинск
29 ноября – 6 декабря – с. Акташ.
6–9 декабря – с. Набережные Челны
14–17 декабря – с. Кузайкино.

Уфимский Земский календарь на 1910 год. Уфа: Электрич. Тип. «Печать», 1910. С.7–17.

Приложение №17

Уроженцы Актанышского края
на фронтах Первой мировой войны

В совр. Актанышский район РТ вошли населенные пункты бывшей Актанышевской, Байсаровской, Поисеевской, Семиостровской, Такталачукской волостей Мензелинского уезда.

В краеведческой литературе по Актанышскому району встречаются лишь фрагментарные сведения о местных уроженцах – участниках Первой мировой войны. Например, в очерке по истории деревни Барсуково (Бурсык) говорится, что около 50 призывников из этого населенного пункта погибли на фронтах Первой мировой войны[45]. В истории деревни Чуракаево приводится цифра о 87 участниках войны. Из селения Татарские Суксы (Суыксу), по сведениям, краеведов, было призвано 33 солдата, а также в ходе мобилизации у крестьян забрали 18 лошадей[46]. Исследователи истории села Чалманарат указывают конкретные имена участников войны: Бакиров Шайхельмардан, Госманов Харис, Латыпов Васыйк, Латыпов Мухамметджан, Фатхетдинов Латып, Хамзин Лукман, Ханнанов Сальман, Шарафетдинов Хужабагаветдин. Последние два солдата погибли на войне[47]. Эти сведения ценны тем,что в базе данных солдат Первой мировой войны, основанной на документах Российского государственного военно-исторического архива, многие имена, особенно татарские, представлены в искаженном виде и не всегда привязаны к конкретным населенным пунктам[48].

Так по деревне Чалманарат Семиостровской волости Мензелинского уезда в этой базе данных можно найти имена лишь 4 солдат: Гаптулхананов Симнархарси, Хуснутдинов Мадригин, Милашенов Даулет-Гирей, Ямалтдинов Вазетдин. Имена, как и названия населенных пунктов, записывали на слух, поэтому они порой очень приблизительные. Судя по всему, Гаптулхананов Симнархарси – это, может быть, указанный краеведами Ханнанов Сальман. Он был рядовым 199-пехотного Кронштадского полка. Участвовал в Брусиловском прорыве,

[45] Актаныш – ак илем: тарих, икътисад, мәдәният, шәхесләр / төз. И. Хәлиуллин. Казан: Идел-пресс, 2010. С.237.
[46] Там же. С.269.
[47] Там же. С.336–337.
[48] Памяти героев Великой войны. 1914–1918 [Электронный ресурс]. https://gwar.mil.ru (дата обращения 10.11.2023).

20 августа 1916 г. в ходе боев около польской деревни Хута-Нова получил сильное ранение и выбыл на перевязочном пункте. Дальнейшая его судьба по архивным документам не известна, но если свериться с краеведческими данными, то мы видим, что Сальман Ханнанов погиб на фронте.

По деревне Чуракаево в краеведческой литературе также есть имена некоторых участников Первой мировой войны. Это Гайсин Хиражетдин, Галиев Акрам, Гиззатуллин Шарифулла, Насыров Гафур, Рахимджанов Габдулла, Фардиев Мирзасалих, Хайдаров Мустафа, Хафизов Нурлыгаян. Последние два солдата попали в плен и вернулись в родную деревню уже после войны. В базе данных по солдатам Первой мировой войны можно найти имена еще 10 солдат из деревни Чуракаево Семиостровской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии. Их имена тоже фиксировались с ошибками. Это Ахметвалиев Мендал, Абдуллин Абдураз Исланович, Акмалетдинов Маулетдин, Галимов Абдул Хакимович, Гизатуллин Юнус, Мухамедьянов Мухамацидек, Кадаргулов Нургалей, Казаргулов Галиян-Махамет, Хусаинов Насаттин, Шагимарданов Анас. Таким образом, по совокупным сведениям из краеведческой литературы и архивных баз на сегодняшний день известны имена 18 содат – уроженцев села Чуракаево.

К сожалению, база данных по солдатам, не дает возможности для сформирования списков солдат по всем волостям Мензелинского уезда. Например, по Байсаровской волости было найдено 2288 солдатских документов, по Семиостровской – 2074, Поисеевской – 1554, а по Такталачукской – только 925, а по Актанышевской – лишь 72. В совокупности – это 6913 солдат. Однако даже по приблизительным подсчетам, из пяти волостей Мензелинского уезда могли быть призваны на фронт более 8,1 тыс. человек. Ошибка поисковой системы объясняется схожестью некоторых административно-территориальных обозначений. Например, Актанышевская и Акташская волости объединяются в одну группу. Поэтому по результатам системы поиска мы получаем меньшее количество солдат из Актанышского края, чем должно быть на самом деле. Для выявления всех солдат и их идентификации с отдельными населенными пунктами Мензелинского уезда небходима трудоемкая работа с базой данных.

Приведем здесь список солдат, уроженцев Актанышского края, удостоенных Георгиевских медалей и крестов IV-й степени:

1. Сиразитдинов Гариф Фахрутдинов. Георгиевская медаль IV-й степени (За храбрость). Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Токталачукская вол., Место службы: 2-й Сибирский стрелковый полк, рядовой.

2. Муллашинеянов Фатхетдин. Георгиевская медаль IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Токталачукская вол., д. Бульсак, Место службы: 407-й пехотный Сарайский полк, рядовой.

3. Авсянетинов Довкатча Минивсиевич. Георгиевская медаль IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Семиостровская вол., д. Семиостров, Место службы: 210-й пехотный Бронницкий полк, рядовой.

4. Султанов Шагигардан Мухаметович. Георгиевская медаль IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Байсаровская вол., д. Байсар, Место службы: 404-й пехотный Камышинский полк, рядовой.

5. Джамалтдинов Мигнохази. Георгиевский крест IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Байсаровская вол., Место службы: 170-й пехотный Молодечненский полк, рядовой.

6. Баймахаметов Харис. Георгиевский крест IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Поисевская вол., Место службы: 294-й пехотный Березинский полк, ефрейтор.

7. Валиахметов Шаймухамет Валиахметович. Георгиевский крест IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Поисевская вол., Место службы: 330-й пехотный Златоустовский полк, мл. унтер-офицер.

8. Ямалетдинов Батретдин Ямалетдинович. Георгиевский крест IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Поисевская вол., Место службы: 330-й пехотный Златоустовский полк, рядовой.

9. Харматуллин Хайрулла Загайзуллин. Георгиевский крест IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Байсаровская вол., Место службы: 60-я пехотная дивизия, рядовой.

10. Сулбанов Худья Исламович. Георгиевский крест IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Семиостровская вол., Атасева, Место службы: 93-й пехотный Иркутский полк, рядовой.

11. Галишин Гильмутдин. Георгиевский крест IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Семиостровская вол.,

д. Нижняя-Уржада, Место службы: 63-й пехотный Углицкий полк, рядовой.

12. Маликов Ханан Хабирович. Георгиевский крест IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Семиостровская вол., д. Татарская, Место службы: 26-й Сибирский стрелковый полк, рядовой.

13. Хайбатдинов Богаутдин. Георгиевский крест IV-й степени, Место рождения: Уфимская губ., Мензелинский уезд, Семиостровская вол., с. Бабкулово, Место службы: 241-й пехотный Седлецкий полк, рядовой.

Габдрафикова Л.Р. Уроженцы Актанышского края на фронтах Первой мировой войны и положение Мензелинского уезда в 1914–1917 гг. // Восточное Закамье как один из очагов этногенеза и культуры татарского народа: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Актанышского района и 310-летия основания Актаныша. Казань, 2021. С.29–41.

Приложение №18

Список учащихся Мусульманской школы г. Мензелинска на выдачу продовольственных карточек

Мензелинск, 1918 г.

1. Ишалина Манкурур
2. Ямалетдинов Мухаметкалим
3. Фаррухзянов Миргаяс
4. Фазлуллина Закия
5. Мусина Хасбизамал
6. Ахметгарела Галлимматулбалд.
7. Вильданова Таскира
8. Вильданова Назия
9. Ишмухамедова Илисурур
10. Саттарова Нуриасма
11. Муслимова Разия
12. Муслимова Магсума
13. Юлдашева Мухлиса
14. Нуритдинова Мархаба

15. Закирова Анвар
16. Фаррухшина Ханира
17. Арсланова Сайдилзин
18. Ахметзянова Сурикамал
19. Ахметзянова Шамсикамар
20. Минлибаева Фархазамаль
21. Бикмухамирова Гилзин
22. Абзаева Рахима
23. Гадиршина Тазкира
24. Хамидуллина Ганша
25. Шайхилзисламова Магибад
26. Шайхильисламова Магфура
27. Мухтарова Бибирауза
28. Латыпова Марьям
29. Латыпова Ганша
30. Латыпова Якутулзиман
31. Зайтуллина Мабрура
32. Минниханова Сафа
33. Закеев Галимзян
34. Абдулхаликов Гумар
35. Набиуллин Нурмухамет
36. Камалетдинов Абдулла
37. Хабибуллин Нурмухамет
38. Мухаметзянов Миргалим
39. Шагидуллин Абубакир
40. Сайфутдинова Уммугульсум
41. Камалетдинов Абдулла
42. Богаутдинов Ризаитдин
43. Валидов Лутфулла
44. Исрафилов Абдузалил
45. Мустафин Гаяситдин
46. Фаизов Абдулхак
47. Хуснитдинов Шарифутдин
48. Шагигареев Ахметгарей
49. Хакимов Абдулфатих
50. Апаков Абдулхан
51. Шагиахметов Абдулдауд
52. Зигангиров Мух. Шакир

53. Валиуллин Минлигусман
54. Ахметзянов Мингазитдин
55. Якупов Мубаракзян
56. Латыпова Сания
57. Нуритдинов Ризаитдин
58. Фазлуллин Ярулла
59. Бикбатырова Фатима
60. Батырова Галима
61. Хасанова Газиза
62. Байгузина Зайтуна
63. Абдураудгова Мух.-Вагиза
64. Хабибуллин Абдулла
65. Римкулов Ахмет
66. Шамбатов Абдулхад
67. Бикбатыров Сабирзян
68. Низамутдинов Мирза
69. Габидов Фатих
70. Байгузин Галимзян
71. Таишев Мух.-Хафиз
72. Шамсимухамитов Абдулхан
73. Муслимов Раббан
74. Мадьяров Исмагил
75. Сахибутдинов Мирсаит
76. Гильметдинов Хикматулган
77. Жданов Фатих
78. Ардуганов Ахметзакир
79. Абдулманнанов Абдулхаанан
80. Шайданов Киуам
81. Фаттахитдинов Мух.Вагиз
82. Ардуганов Абдулбарей
83. Исмамкулов Муртаза
84. Айдашев Мирза
85. Фаррухшин Бадритдин
86. Хасанов Сафа
87. Фаттахитдинов Мух.Фатих
88. Камалов Мухаметфазил Мух.
89. Якупов Мухамедмук.

ГА РТ. Ф.Р514. Оп.1. Д.49. Л.32–33.

Приложение №19

Воспоминания А.С. Сливко[49] *о дореволюционном Мензелинске*

Омск, 1961 г.

Вот небольшой деревянный домик на окраине, на одной из «Безымянных» улиц Мензелинска, каких было сотни на Руси.

В таких уездных городах в те «сумеречные» 80–90-е годы, по образному выражению А.П.Чехова, «царила сонная одурь» и патриархальщина, но наряду с этим рушилось старое и медленно вторгалось новое от проникновения в гущу народную капитала. «Власть темы» сопровождалась «плодами просвещения». Тихие домики и безымянные улицы иногда оглашались голосами страданий, криков и картинами «нравов Растеряевой улицы» Глеба Успенского.

До города и особенно до его окраин не долетали голоса большой жизни и борьбы; желания жителей не перелетали за частокол, за плетни и заборы их дворов.

Жизнь текла тихо и медленно, и время измерялось не датами календаря, а когда что-нибудь вспоминали, то говорили: «Это было до пожара, или после пожара» (в городе был большой пожар в середине 70-х годов), или «до ярмарки» или после «ярмарки» (имелась в виду большая Мензелинская ежегодная декабрьская ярмарка).

Сюда на окраину не приходили газеты; иногда лишь кто-нибудь приносил слух, что опять «англичанка гадит нашему царю», подбивает турку на войну или что скоро будет «затмением божьим» в наказание за грехи людей: не видели ли и не представляли будущего, какой либо другой жизни; пахали и сеяли на небольших недельных полях, надеясь иногда на бога, на урожай, чтобы как-нибудь прожить год «своим хлебушком». Этого обычно не было, приходилось поэтому искать, поденной работы где-нибудь у купца или помещика да каждый базарный день нести на базар сметану, творог и маслица от своей коровы или десяток, два яичек, чтобы купить кирпичного чая и сахару на неделю и гостинец ребятам – фунт баранок. Новое, все же вторгалось в тишину улиц: из по-

[49] Сливко Александр Сергеевич (1884–1972) родился и вырос в Мензелинске, кандидат философских наук, первый ректор Омского государственного педагогического института. Подробнее о нем см.: Габдрафикова Л.Р. «Жизнь текла тихо и медленно, и время измерялось не датами календаря...» (Новые штрихи к истории уездного города Мензелинска) // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2016. №1/2. С.178–184.

гребка Садыкова, который торговал яблоками, лимонами и другими фруктами, все чаще на улице появлялись татары-мальчики, которые в корзинах носили и продавали по 3–5 к. лимоны. Их покупали для чая, они напоминали, что есть на свете такие места, где растут такие душистые лимоны, только где они и как их собирают не знали. Новое вторгалось и заботой о том, как прожить до нового урожая, надо было думать о заработках. Летом обычно собирались мужики и ехали артелью «в Перму» (Пермь), но осенью возвращались со считанными рублями, и с горя, с досады напивались, били, «учили» своих жен; слышались стоны и крики избиваемых… и площадная брань избивающих. Дети – ребята бежали к соседям, чтобы не видеть и не слышать как «тятька бьет мамку».

По вечерам собирались отдельно мужики и бабы на завалинке и дотемна шли тихие разговоры: у мужиков про хозяйственные дела и старые чудесные случаи в жизни, про клады, про загадочное убийство купца во время ярмарки, труп которого нашли в Мензеле около моста подо льдом, у баб – про свою бабью долю.

Мы ребятишки сидели тут же на коленях у отца и матерей, тихие, умолкшие, и что-то тревожило сердца.

В небе светились крупные звезды, звонко трещали кузнечики, а на Мензеле, озерах и болотцах на «выгоне» громко квакали лягушки.

Летними днями, босиком и в одних домотканых штанах и рубашках без пояса, играли в бабки, мяч и сорочку, по нескольку раз бегали купаться, ловить штанами рыбу для кошки или раков, которых было тогда много в нашей Мензеле. Кусок ржаного хлеба, особенно если удавалось посыпать его немного сахарным песком, был для нас самым вкусным печеньем. А на небе светило яркое солнце и плыли кудрявые облака.

Иногда, запуская бумажного змея, заберемся на конек крыши, и вдали за Иком и лугами виден станет высокий правый берег Камы, по которой «бегут» пароходы из Перми в Казань, в такие большие города, где все не так, как у нас.

Отец, который умел немного сапожничать, сшил мне первые сапоги и вместе с дружками с нашей улицы, пошел я в школу с холщевой сумкой на плече, с грифелем и грифельной доской на ней. Началась новая страничка жизни. Три года начальной приходской школы. Шумная ватага озорных мальчишек, собиравшихся на крыльце школы до открытия ее дверей; строгий сторож – дядя Михей с длинной тонкой калиновой палкой, которой он доставал до головы озорников, наводя порядок в классе, строгий Иван Павлович – заведующий школой, которого все боялись,

как огня, и нежная милая наша учительница – Мария Ефимовна, которая казалась нам самой красивой и самой доброй барышней. Она не только научила нас «читать и писать», но внушила нам любовь и интерес к книжкам, в которых написано так много интересного. Затаив дыхание мы слушали, когда она читала нам про «Муму», про «Антона Горемыку», про «Добрыню богатыря», про «Змея Горыныча». Пролетели три года. С наградой и похвальным листом окончена школа. В сумке лежала уже не разбитая грифельная доска, а книжки и тетради.

Большинство окончивших три класса приходской школы на этом закончили свое образование; очень немногие поступили в городское училище и еще учились три года; в городе не было больше и выше школы.

Моя третья страничка жизни оказалась несколько иной. Одна из старших моих сестер училась на земскую стипендию в Казанской фельдшерско-акушерской школе, другая жила с ней. Старшие братья – один работал делопроизводителем в Земской управе, другой – земским страховым агентом, – решили меня отправить в Казань к сестрам для поступления в гимназию.

ГА РТ. Ф.П30. Оп.3. Д.2519. Л.5–9.

Приложение №20

Воспоминания Ф.Айдашева[50] *о газете «Минзәлә иле»*

(на татарском языке)

1962 г.

Минем Минзәләгә кайтып эшли башлаган чак. Минзәлә Уфа губернасының ярты миллионга якын халыклы өязе. Халыкның якынча сиксән проценты татарлар. Аңлату эшләрен көчәйтергә кирәк. Уфада безнең делегатлар Галимҗан ага белән очрашалар. Минзәләдә газета чыгару турында уйлашканнар. Ниһаять, 1917 елның яңача 23 октябрендә Минзәләдә «Минзәлә иле» исемле газета чыга башлый. Типо-

[50] Фатих Айдашев был уроженцем Мензелинского уезда, в 1918–1928 гг. работал в Мензелинске, в редакции этой газеты. Судя по всему, он был связан и с д. Сарманово (тоже входила в Мензелинский уезд), т.к. его имя указывается также в числе организаторов советской школы в данном населенном пункте в 1917 г. После 1928 г. переехал в Казань, дальнейшая его профессиональная судьба неизвестна. В 1962 г. опубликовал свои воспоминания о Галимджане Ибрагимове, где упоминалась и газета «Минзәлә иле».

графиядә махсус хәрефләр юк. Газетаның башын ничек кирәк алай агачтан ясап куйдык. Ул бик ямьсез булып чыга башлады. Нишләмәк кирәк, ямьсез булса да яраган инде.

1918 ел башында Мәскәү Үзәк мөселман комиссариаты төзелде. Аның «Чулпан» исемле газетасы чыга башлады. Галимҗан ага комиссариатның әгъзасы, «Чулпан»ның мөхәррире. «Минзәлә иле» белән «Чулпан» арасында бәйләнеш башланды. Озак та үтмәде, «Чулпан»нан «Минзәлә иле» газетасына бүләк итеп металлга эшләнгән бик матур клишен ясатып җибәрәләр. Шулай итеп, бу газета матур баш белән чыга башлый. Шуның белән Галимҗан ага ике арада эш буенча бәйләнешне үстерергә сәбәпче булды.

1922 елның июнь башлары. Мин Минзәләдә эшләүне дәвам итәм. «Минзәлә иле» газетасы «Игенче»гә әйләнеп чыга башлаган…

Галимҗан Ибраһимов: мәкаләләр, истәлек-хатирәләр / төз. *Р.Акъегет*. Казан, 2007. С.221–222.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан

ГА ОО – Государственный архив Оренбургской области

ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека России

МВД – Министерство внутренних дел

МИГНЧ – Музей истории города Набережные Челны (Республика Татарстан)

МНП – Министерство народного просвещения

МКМ – Мензелинский краеведческий музей (Республика Татарстан)

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив

ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ – Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Габдрафикова Лилия Рамилевна

Уездный город Мензелинск
(конец XVIII – начало XX века)

Монография

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*
Подписано в печать 28.12.2023 г. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. л. 27,5 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У
Тел.: (8452) 24 86 33; e-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: http://amirit.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

Троицкая площадь во время Мензелинской ярмарки. Начало XX в. *МКМ*.

Троицкая церковь. Начало XX в. *МКМ, КП-5555*.

Никольский собор в Мензелинске. Фото автора. 2018 г.

Вид на Мензелинск со стороны женской гимназии.
Первая половина XX в. *МКМ, КП-4665.*

Доходный дом Горбушина («Гостиница для купцов»
на период Мензелинской ярмарки, в остальное время здесь
работала женская гимназия). Фото автора. 2018 г.

Дом купца
Федорова.
Фото автора.
2018 г.

Ученики и учителя Мензелинского мужского приходского училища. 1893–1894 гг. *МКМ, КП-2943*.

Выпускницы Мензелинской женской гимназии. 1906 г. *МИГНЧ, КП-3781/9*.

1) М.М. Останков – предводитель Мензелинского уездного дворянства, председатель Мензелинской земской управы. Конец XIX в. *МКМ, КП-5283*.
2) В.П. Ружевский – земский врач. Конец XIX в. *МКМ*.
3) Д.Г. Пушков – учитель городского училища, основатель Мензелинской публичной библиотеки. Начало XX в. *МКМ, КП-3883*.

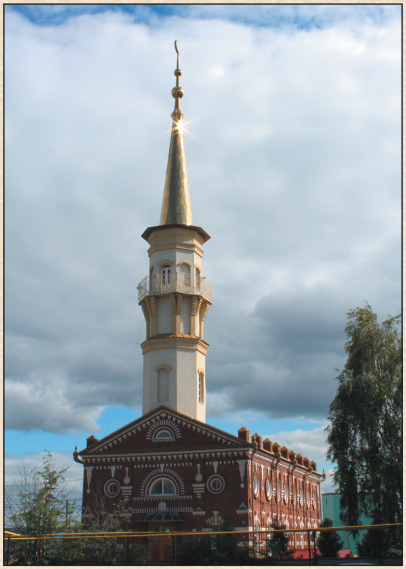
Обложка книги дворянина Н.Е. Пальчикова с нотами песен крестьян Мензелинского уезда. СПб., 1888. *Российский-национальный музей музыки, КП-23014*.

4) Д.Н. Тяжельников – учитель, ученый-агроном. Начало XX в. *МКМ, КП-5269*.
5) П.И. Ходкевич – земский врач. Начало XX в. *МКМ*.

Купчиха Е.З. Перминова (в центре) с родственницами.
1899 г. *МКМ, КП-5943*.

Доходный дом
А.Е. Орехова
(в 1910-е годы
здесь размещался
Мензелинский
городской банк).
Фото автора.
2018 г.

Пивоваренный
завод наследников
В.И. Видинеева.
Контора и дом
управляющего.
Фото автора.
2018 г.



Мечеть в Мензелинске.
Фото автора. 2018 г.

МЕНЗЕЛИНСКІЙ КРАЙ

Общественно-политическая газета издав.
ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ
Мусульманской издательско-редакционной комиссіи Мензелинскаго Совѣта Крестьянск. Депутатовъ.

г. Мензелинскъ, Уфимской губ.
Мусульманская издательско-редакционная Комиссія Совѣта Крест Депутатовъ телефонъ 12.

ТАКСА НА ОБЪЯВЛЕНІЯ
ЗА СТРОКУ

На 1-й страницѣ		На 4 страницѣ	
1 разъ	20 к.	1 разъ	10 к.
3 „	40 „	3 „	20 „
5 „	60 „	5 „	30 „
10 „	1 р.	10 „	50 „

Полписная цѣна
на 1 мѣс. 45 к.
до нов. года 1 р. 20 к.
отдѣл. № 12 к.

Г. Мензелинскъ Т-ип. Н-ковъ Т. А. Губайдул.

Татарская газета
«Минзәлә иле».
Издавалась с 1917 г.

Здание мечети.
Середина XX в.
МКМ, КП-4744.

Мензелинская интеллигенция. Начало XX в. *МКМ*.

Народная аудитория. Начало XX в. *Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 363186/483.*

Народная аудитория. Фото автора. 2018 г.

Жители Мензелинска. 1914 г. *МКМ, КП-4357/9*.

Ш.А. Асылгереев, Г.К. Калимуллин и П.В. Васильев – уроженцы Мензелинского уезда, участники Первой мировой войны. 1916 г. *МКМ, КП-7181*.

Реальное училище. Фото автора. 2018 г.